947
Т 690

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

6.22 до 22/III 64.

Колич. пред. выдач

Зак. 32

44

Е. П. Трифильевъ.

Переселенческое упр. Библиотека № 11 Г. У. З. и З.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРІИ

КРѢПОСТНОГО ПРАВА

ВЪ РОССІИ.

Царствованіе Императора Павла Перваго.

947
Т690

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Печатное Дѣло“ кн. К. Н. Гагарина, Клочковская ул., № 5.
1904.

На основаніи ст. 41, § 1 п. 4 и ст. 138 Унив. Уст. выпустить въ свѣтъ разрѣшается. 13 октября 1904 года.

Ректоръ Университета *Н. Куплеваскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе I

Глава I. Законодательство Императрицы Екатерины II о крѣпостномъ правѣ 1

Глава II. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ и народъ . . . 7

Глава III. Волненія крѣпостныхъ крестьянъ 18

Орловская губ.—21, Калужская—56, Новгородсѣверская—78, Пермская—80, Новгородская—91, Олонецкая—94, Псковская—96, Костромская—104, Московская—110, Вологодская—119, С.-Петербургская—136, Пензенская—144, Ярославская—148, Владимірская—155, Бѣлорусская—198, Тверская — 209, Нижегородская — 214, Рязанская — 225, Оренбургская—231, Выборгская—238, Саратовская—239, Смоленская—244, Кіевская—255, Казанская—256, Воронежская—258, Симбирская—266, Тамбовская—269, Тульская—270, Лифляндская—276, Ревельская—279, Новороссійская—281, Волынская—282.

Глава IV. Выводы изъ очерка волненій крѣпостныхъ крестьянъ 284

Глава V. Участіе духовенства въ крестьянскихъ волненіяхъ 319

Глава VI. Императоръ Павелъ I и крѣпостные крестьяне . 337

Указатель именъ и предметовъ 343

Замѣченныя опечатки 361

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Несмотря на огромную важность и глубокое значеніе для общей исторіи Россіи одного изъ ея отдѣловъ—исторіи крестьянъ, послѣдняя весьма далека еще отъ всесторонняго изученія даже за періоды наиболѣе близкіе къ нашему времени. Извѣстному изслѣдователю въ этой области, В. И. Семевскому, при второмъ изданіи своего труда: Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II [1]), выпущенномъ черезъ 22 года послѣ перваго изданія, пришлось констатировать тотъ фактъ, что хотя за это время «изученіе исторіи крестьянъ сдѣлало большой шагъ впередъ», «тѣмъ не менѣе важнѣйшіе вопросы остаются еще спорными, огромное количество матеріала (особенно для исторіи крестьянъ въ XVII в.) еще не разработано. Въ меньшей степени подвергалась изслѣдованію за послѣднее двадцатилѣтіе общая исторія крестьянъ въ Россіи въ XVIII вѣкѣ». «Исторія крестьянъ въ XIX в. еще весьма мало разработана». «Вслѣдствіе недостаточной разработки исторіи крестьянъ по отдѣльнымъ эпохамъ и въ различныхъ мѣстностяхъ мы не имѣемъ до сихъ поръ и общей исторіи крестьянъ въ Россіи» [2]).

Пополнить недостатокъ изслѣдованій по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи крестьянъ въ Россіи посильнымъ разрѣшеніемъ одного изъ этихъ вопросовъ—о крестьянскомъ движеніи въ цар-

---

[1]) СПБ. 1903 г.

[2]) Назв. трудъ, Введеніе, стр. XXXI—XXXIII.

ствованіе Императора Павла I—и является задачей настоящаго труда.

Значеніе этого вопроса опредѣляется двумя точками зрѣнія на него.

Съ одной стороны онъ важенъ для исторіи крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи, такъ какъ содержаніемъ его служитъ одинъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ этой исторіи, когда все то, что отлагалось въ теченіе долгихъ лѣтъ въ душѣ народа и оставалось скрытымъ отъ посторонняго наблюденія, вышло наружу.

Съ другой стороны изслѣдованіе этого вопроса важно для исторіи царствованія Императора Павла. Этой исторіи у насъ еще нѣтъ да и не можетъ быть до тѣхъ поръ, пока не будутъ разработаны отдѣльныя ея стороны. При этомъ важно, чтобы въ основаніе этой разработки были положены не только записки современниковъ, но и архивныя данныя, до сихъ поръ привлекаемыя для этой цѣли далеко не въ той степени, въ какой они этого заслуживаютъ. На сколько они важны, видно изъ тѣхъ архивныхъ документовъ, которые легли въ основаніе настоящаго изслѣдованія.

Въ нашей исторической наукѣ литература по вопросу о крестьянскомъ движеніи въ царствованіе Императора Павла не велика. Среди нѣсколькихъ небольшихъ замѣтокъ объ отдѣльныхъ случаяхъ волненій крестьянъ [1]) выдѣляется сравнительно обширная статья М. Де-Пуле: Крестьянское движеніе при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ [2]). Авторъ, какъ онъ самъ говоритъ въ примѣчаніи, «имѣлъ возможность просмотрѣть нѣкоторыя изъ дѣлъ виленскаго генералъ-губернаторскаго архива, откуда извлечены документы, послужившіе матеріаломъ для

---

[1]) *И. Дубасовъ*, Крестьянскіе безпорядки въ Тамбовской губерніи въ царствованіе Императора Павла I. *(Древн. и Новая Россія, 1877, I, 307—309). Пупаревъ*, Крестьянскія волненія въ Орловской губерніи при вступленіи на престолъ Императора Павла. *(Орл. Справ. Листокъ, 1867, № 7).*

[2]) *Рус. Архивъ*, 1869, 525—577.

предлагаемой статьи»[1]). Немногочисленность дѣлъ съ одной стороны, ихъ односторонность съ другой не дали возможности автору сдѣлать вѣрные выводы, отвѣтить на рядъ интересныхъ вопросовъ. Авторъ впрочемъ и самъ сознаетъ эти недостатки. Въ заключительной части своей статьи онъ говоритъ: «По характеру подлинныхъ бумагъ, которыми мы пользовались, выходитъ, что въ статьѣ нашей говорится больше объ усмиреніи крестьянскаго движенія при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ, чѣмъ о самомъ движеніи»[2]).

Между тѣмъ невѣрные выводы, къ которымъ приходитъ М. Де-Пуле, повторяются въ трудахъ, касающихся этого вопроса: В. И. Семевскаго [3]), Н. К. Шильдера [4]), Е. С. Шумигорскаго [5]).

Въ основу нашего труда положены преимущественно неизданные источники. Въ Сенатскомъ и особенно въ Государственномъ архивахъ мы нашли драгоцѣнные подлинные документы, относящіеся къ изслѣдуемому періоду. На первомъ мѣстѣ средп нихъ нужно поставить прошенія крѣпостныхъ крестьянъ Императору Павлу, не менѣе важными являются резолюціи государя, донесенія губернаторовъ генералъ-прокурору, переписка послѣдняго съ помѣщиками волновавшихся крестьянъ и другіе.

Однородный характеръ имѣютъ дѣла, хранящіяся въ архивѣ Владимірскаго губернскаго правленія, подробнѣйшая опись которыхъ печатается въ Трудахъ Владимірской ученой архивной комиссіи А. В. Селивановымъ [6]).

---

[1]) Ibid., 525, примѣчаніе.

[2]) Ibid., 575.

[3]) Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка, СПБ, 1888, I, 231. *Его-же*, Крестьяне въ царствованіе Имп. Екатерины II, СПБ., 1903, I², 456.

[4]) Императоръ Павелъ Первый, СПБ., 1901, 327—330.

[5]) Павелъ I., Русскій Біографич. Словарь, СПБ, 1902, 35 (2).

[6]) Труды Владимірской ученой архивной комиссіи кн. I, IV и V.

Остальные печатные источники и пособія указаны въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ.

Считаю своимъ долгомъ выразить искреннюю и глубокую благодарность проф. П. Н. Буцинскому за совѣты и указанія, которые мнѣ много помогли при исполненіи мною настоящаго труда.

Пользуюсь случаемъ выразить глубокую признательность Н. П. Павлову-Сильванскому и А. В. Альфонскому за помощь при работѣ по извлеченію матеріаловъ въ Государственномъ архивѣ и Н. А. Мурзанову за такую же помощь въ Сенатскомъ архивѣ. Приношу глубокую благодарность Историко-Филологическому Факультету Императорскаго Харьковскаго Университета за предоставленіе въ мое распоряженіе денежныхъ средствъ для напечатанія настоящей работы.

ГЛАВА I.

Законодательство Императрицы Екатерины II о крѣпостномъ правѣ.

Самымъ мрачнымъ періодомъ въ исторіи крѣпостного права является безъ сомнѣнія царствованіе Имп. Екатерины II.

Имп. Екатерина II не только ничего не сдѣлала для облегченія положенія крѣпостныхъ крестьянъ, но еще болѣе его ухудшила. Законодательство этого царствованія о взаимныхъ отношеніяхъ крестьянъ и помѣщиковъ, отличаясь тою же неопредѣленностью, что и законодательство предшествующихъ царствованій, имѣетъ въ виду исключительно интересы землевладѣльцевъ.

Своими указами, изданными вскорѣ послѣ воцаренія, Имп. Екатерина II только дополняетъ законодательство Имп. Елизаветы Петровны о крѣпостномъ правѣ и способствуетъ его окончательному развитію.

Такъ, Имп. Елизавета Петровна, имѣя въ виду, что «въ Сибирской губерніи и Иркутской провинціи, въ Нерчинскомъ уѣздѣ, состоятъ къ населенію и хлѣбопашеству весьма удобныя мѣста, которыхъ къ заселенію государственный интересъ требуетъ», закономъ 13 декабря 1760 г. предоставила помѣщикамъ право своихъ крѣпостныхъ, которые «воровствомъ, пьянствомъ и прочими непристойными продерзостными поступками многіе вредъ, разореніе, убытки и безпокойства приключаютъ», «за оныя непотребства» ссылать въ Сибирь на поселеніе, но при непремѣнномъ условіи, чтобы ссылаемые были годны къ крестьянской и всякой другой работѣ и были не старѣе 45 лѣтъ. Способность къ работѣ, конечно, являлась необходимымъ условіемъ успѣшности колонизаціи такимъ пу-

темъ Сибири, и потому въ указѣ нѣсколькими строками ниже снова подтверждается это условіе пользованія правомъ ссылки: «токмо.... дабы тѣ отдаваемые люди и крестьяне были здоровые и неувѣчные», но послѣднее обстоятельство даже не представляется существеннымъ, могутъ быть ссылаемы и увѣчные, лишь бы увѣчье не мѣшало способности къ работѣ: «а хотя бы нѣкоторые члены и повреждены были, точію бъ къ работамъ не были помѣшательными» [1]).

Имп. Екатерина II закономъ 17 января 1765 г. подтверждаетъ право ссылки крестьянъ помѣщиками, при чемъ ссылаемые отправляются не на поселеніе въ Сибирь, а въ каторжную работу, и остаются въ ней столько времени, сколько владѣльцы пожелаютъ, «когда жъ помѣщики ихъ пожелаютъ обратно взять, то отдавать имъ безпрекословно» [2]). Государственный интересъ, который легъ въ основаніе закона 1760 г., здѣсь совершенно исчезъ: ни о какихъ ограниченіяхъ въ видѣ требованія предѣльнаго возраста, способности къ работѣ поэтому въ приведенномъ законѣ нѣтъ и рѣчи. Власть помѣщика надъ ссылаемымъ крѣпостнымъ оставалась во всемъ ея объемѣ.

Черезъ годъ указомъ 28 января 1766 г. было предписано Сибирскому губернатору «присылаемыхъ на поселеніе въ Сибирскую губернію за продерзости помѣщичьихъ въ зачетъ въ рекруты людей и крестьянъ... опредѣлять въ драгуны» [3]), а указомъ 30 января того же года подтверждено право помѣщиковъ отдавать своихъ крѣпостныхъ въ зачетъ въ рекруты, которыхъ предписано было отсылать въ адмиралтейство [4]).

Право продажи крестьянъ безъ земли возмущало Имп. Екатерину, но возмущало только со стороны употребленія при продажѣ молотка. Вотъ относящійся сюда текстъ закона: «отнюдь отъ сего числа (5 августа 1771 г.) однихъ людей безъ земли, съ молотка не продавать, подъ опасеніемъ взы-

---

[1]) П. С. З. XV, 11166.
[2]) Ibid. XVII, 12311.
[3]) Ibid. 12556.
[4]) Ibid. 12557.

сканія за неисполненіе закона» [1]). Нѣсколько неясный смыслъ этихъ словъ вполнѣ становится понятнымъ, если ихъ сопоставить съ закономъ 7 октября 1792 г., по которому «предписанное запрещеніе (только что приведенный законъ) состоитъ только въ томъ, чтобы людей безъ земли не продавать безъ молотка, а чтобъ вовсе ихъ не продавать, того не изображено» и далѣе «... не употребляя только при той продажѣ молотка», а взамѣнъ молотка предписывается такая форма продажи крестьянъ безъ земли: сначала дѣлаются, какія требуются закономъ, публикаціи для вызова желающихъ купить продаваемыхъ, когда же явятся желающіе, допускать ихъ къ торгу, принимая отъ нихъ цѣны, обозначенныя письменно, и чья цѣна будетъ выше, такъ что другіе передъ такой цѣной отступятъ, тому и будутъ принадлежать крестьяне [2]).

Помѣщикъ имѣлъ право суда надъ своими крестьянами, но предѣлы этого суда остались и при Имп. Екатеринѣ II безъ строгаго опредѣленія, именно, въ указѣ сказано: «побѣги, воровство и подобное не подлежитъ домашнему слѣдствію и наказанію» [3]). О размѣрѣ же наказаній, которымъ могъ подвергать крѣпостного владѣлецъ и совсѣмъ не упоминается, и это обстоятельство давало возможность помѣщику, оставаясь на вполнѣ законной почвѣ, подвергать своихъ крѣпостныхъ самымъ тяжкимъ наказаніямъ за пустые проступки.

До Имп. Екатерины II крестьяне пользовались правомъ жалобы на притѣсненія владѣльцевъ. Въ XVII вѣкѣ по такимъ жалобамъ производились слѣдствія, и виновные наказывались. Въ царствованіе Петра Великаго и его преемниковъ рядомъ указовъ предписано было жаловаться въ правительственныхъ учрежденіяхъ и было строго запрещено обращаться на Высочайшее имя. Но 22 августа 1767 г. Имп. Екатерина II издаетъ указъ и въ немъ говоритъ: «которые люди и крестьяне въ должномъ у помѣщиковъ своихъ послушаніи не останутся и въ противность выше изображеннаго 2-й Уложенной главы

[1]) Ibid. XXIII, 17076.
[2]) Ibid. XIX, 13516.
[3]) Ibid. XIX, 13634.

13 пункта недозволенныя на помѣщиковъ своихъ челобитныя, а наипаче Ея Императорскому Величеству въ Собственныя руки подавать отважится: то какъ челобитчики, такъ и сочинители сихъ челобитень наказаны будутъ кнутомъ и прямо сошлются въ вѣчную работу въ Нерчинскъ съ зачетомъ ихъ помѣщикамъ въ рекруты». Указъ этотъ предписано было со времени полученія въ продолженіе цѣлаго мѣсяца въ каждомъ мѣстѣ въ праздничные дни, а по прошествіи мѣсяца ежегодно по одному разу во время храмовыхъ праздниковъ читать по всѣмъ церквамъ, чтобы никто невѣдѣніемъ его не могъ отговариваться [1]). Во всей исторіи крѣпостного права нельзя отыскать болѣе грознаго и тяжелаго по своимъ послѣдствіямъ для крѣпостныхъ крестьянъ указа! Настоящимъ указомъ крѣпостные отдавались въ полную власть помѣщиковъ, у нихъ отнимались всѣ законные способы протеста противъ злоупотребленій помѣщичьей власти.

Наконецъ, Жалованная грамота дворянству (21 апрѣля 1785 г.), подтвердивъ «благороднымъ, находящимся на службѣ, дозволеніе службу продолжать и отъ службы просить увольненія по сдѣланнымъ на то правиламъ» [2]) и утвердивъ въ то же время за ними всѣ права на населенныя имѣнія и крѣпостныхъ людей [3]), обратила тѣмъ самымъ все крѣпостное крестьянство въ полную частную собственность дворянства.

Этотъ же взглядъ на крѣпостныхъ, только въ еще болѣе рѣзкой формѣ, проведенъ и въ указѣ 7 октября 1792 г., въ которомъ крѣпостные причислены къ недвижимымъ имѣніямъ своихъ помѣщиковъ наравнѣ съ хозяйственнымъ инвентаремъ. Вотъ, что говорится въ указѣ: «...крѣпостные владѣльческіе люди и крестьяне заключаются и долженствуютъ заключаться въ числѣ имѣнія, на которыхъ по продажамъ отъ одного другому купчія пишутся и совершаются у крѣпостныхъ дѣлъ со

---

[1]) Ibid. XVIII, 12966.

[2]) Ibid. XXII, 16187, § 18.

[3]) Ibid., § 26: «Благороднымъ подтверждается право покупать деревни».

взятьемъ въ казну пошлинъ такъ, какъ на прочее недвижимое имѣніе» [1]).

Если мы къ этому присоединимъ еще и то широкое территоріальное распространеніе крѣпостного права, котораго оно достигло въ это время вслѣдствіе прикрѣпленія къ землѣ Имп. Екатериной II крестьянъ въ Малороссіи [2]) и Слободской Украйнѣ [3]) и раздачи крестьянъ приближеннымъ [4]), то передъ этимъ самымъ крайнимъ развитіемъ крѣпостного права совершенно блѣднѣютъ тѣ въ высшей степени слабыя попытки его ограниченія, которыя мы видимъ въ это царствованіе.

Къ этимъ попыткамъ нужно отнести запрещеніе обращать въ своихъ крѣпостныхъ незаконнорожденныхъ ихъ воспитателями, если послѣдніе не имѣли права владѣть крѣпостными, питомцы воспитательнаго дома дѣлались свободными, отмѣнено закрѣпощеніе свободнаго лица въ случаѣ вступленія его въ бракъ съ крѣпостною, наконецъ, Учрежденіемъ о губерніяхъ было вмѣнено въ обязанность намѣстникамъ «пресѣкать всякаго рода злоупотребленія.... обуздывать излишества, безпутство, мотовство, тиранство и жестокости» [5]), но на практикѣ это предписаніе вслѣдствіе своей неопредѣленности не имѣло никакого значенія.

Вотъ и все, что было сдѣлано за все царстованіе Имп. Екатерины II въ смыслѣ ослабленія крѣпостного права; одно сопоставленіе этого съ приведенными выше законоположеніями даетъ яркую картину страшнаго перевѣса въ сторону именно развитія крѣпостного права въ смыслѣ полнаго порабощенія крѣпостного крестьянства помѣщиками. Только на почвѣ такого порабощенія и возможны были тѣ страшныя злоупотребленія своей властью помѣщиковъ, какія мы видимъ, напр., въ дѣлѣ Салтычихи, фонъ-Эттингеръ, Шепшина и другихъ.

---

[1]) Ibib. XXIII, 17076.

[2]) Ibid. XXI, 15724.

[3]) Ibid. XVII, 12430.

[4]) *В. И. Семевскій,* Раздача населенныхъ имѣній при Екатеринѣ II. (*Отеч. Зап.* 1877 г., VIII).

[5]) СПБ. 1786 г., гл. IV., п. 84.

На всемъ громадномъ протяженіи своего царствованія, среди тысячи своихъ указовъ Имп. Екатерина II не издала ни одного закона, который бы способствовалъ хотя бы немного облегченію для крѣпостныхъ тяжести ихъ положенія.

Напротивъ, съ теченіемъ времени законы Имп. Екатерины II по отношенію къ крѣпостнымъ дѣлаются все болѣе жестокими, пока не завершаются, наконецъ, Жалованной грамотой дворянству въ 1785 г. и смѣшеніемъ крѣпостныхъ съ сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ въ законѣ 1792 г. Законъ не опредѣлялъ ни обязанности крѣпостныхъ по отношенію къ ихъ владѣльцамъ, ни обязанности помѣщиковъ по отношенію къ ихъ крѣпостнымъ. И это умолчаніе было страшнѣе всякаго опредѣленія законодательнымъ путемъ, какъ бы это опредѣленіе ни было жестоко.

Опираясь на это умолчаніе, помѣщики доводятъ положеніе крѣпостныхъ до полнаго ихъ порабощенія. Разъ законъ давалъ право помѣщикамъ ссылать своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь, продавать безъ земли въ розницу, повышать свои требованія на трудъ крестьянъ до лишенія ихъ собственнаго хозяйства и до выдачи имъ мѣсячины, естественно, онъ признавалъ крѣпостныхъ частной собственностью ихъ владѣльцевъ.

Такимъ образомъ для крѣпостныхъ, лишенныхъ всякой защиты закона, утратившихъ даже право жалобы на злоупотребленія властью со стороны помѣщиковъ, были закрыты всѣ законные способы протеста противъ помѣщичьей власти, и протесты ихъ стали выражаться въ двухъ формахъ: пассивной и активной. Когда положеніе крестьянъ становилось невыносимо тяжело, они или бѣжали отъ своихъ помѣщиковъ, или возставали противъ нихъ, пытаясь вооруженной рукой добыть себѣ свободу. Изъ попытокъ послѣдняго рода по своей обширности и глубинѣ выдѣляется Пугачевщина.

ГЛАВА II.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ и народъ.

Пугачевщина была подавлена, и народъ снова затихъ, но не затихло въ немъ то стремленіе къ свободѣ, которое не могло убить и вѣковое рабство. Теперь только оно связывается съ личностью Наслѣдника, съ нимъ у народа соединяются всѣ его пылкія надежды, если не на освобожденіе, то, по крайней мѣрѣ, на облегченіе своей участи: такое отношеніе народа къ Цесаревичу выяснилось очень рѣзко еще въ эпоху Пугачевщины.

Пугачевъ, самъ вышедшій изъ народа, конечно, отлично понималъ положеніе и настроеніе народа. И упоминаніе о Наслѣдникѣ, Павлѣ Петровичѣ, всегда, съ первыхъ же шаговъ, поддерживало его авторитетъ и притязанія.

Вотъ, напр., при какихъ обстоятельствахъ упоминаетъ Пугачевъ въ первый разъ о Наслѣдникѣ. Когда онъ набиралъ своихъ первыхъ приверженцевъ на р. Усихѣ, то однажды во время обѣда, когда выпили за здоровье государя, хотѣли пить за здоровье императрицы. «Нѣтъ, закричалъ Пугачевъ, за здоровье ея не пейте, я не велю, а извольте кушать за здоровье Павла Петровича». И Пугачевъ провозгласилъ: «здравствуй наслѣдникъ и государь Павелъ Петровичъ!» «Охъ! жаль мнѣ Павла Петровича», прибавилъ онъ, утирая какъ бы навернувшіяся на глазахъ слезы [1]).

Народъ глубоко вѣрилъ, что Наслѣдникъ на его сторонѣ, и Пугачевъ пользовался этой вѣрой. Одинъ изъ его приверженцевъ пишетъ другому, склоняя послѣдняго на сторону Пугачева: «Желаемое нами отъ Бога далъ Богъ намъ. Отъ земли потерянный царь и великій государь Петръ Ѳедо-

[1]) *Н. Дубровинъ*, Пугачевъ и его сообщники. СПБ., 1884, I, 223.

ровичъ подлинный самъ, клянусь тебѣ Богомъ, и сынъ его Павелъ Петровичъ съ 72,000 донскихъ казаковъ къ намъ приближается»[1]). «Во дворцѣ» самозванца въ Бердѣ на видномъ мѣстѣ висѣлъ портретъ Павла Петровича, при чемъ Пугачевъ во время парадныхъ обѣдовъ, провозгласивъ тостъ за свое здоровье, обращался затѣмъ къ портрету и пилъ за здоровье наслѣдника.

«Здравствуй, всероссійскій наслѣдникъ, Павелъ Петровичъ», произносилъ самозванецъ и при этомъ всегда высказывалъ опасеніе за будущую судьбу Цесаревича. «Жаль мнѣ Павла Петровича, какъ бы-де его окаянные злодѣи не извели»[2]). 29 іюня Пугачевъ праздновалъ именины Павла Петровича[3]). Приверженцы Пугачева разглашали въ народѣ, что «государь цесаревичъ съ войсками слѣдуетъ къ Казани на помощь: что Казань ему не противясь покорится» [4]). Когда въ станъ Пугачева въ Бердѣ явился Перфильевъ съ извѣстнымъ порученіемъ отъ гр. А. Г. Орлова уговорить казаковъ отстать отъ самозванца, а послѣдняго выдать, то одинъ изъ вопросовъ Пугачева къ Перфильеву былъ: «каковъ Павелъ Петровичъ?».

— Хорошъ и великъ; онъ уже обрученъ, отвѣчалъ Перфильевъ.

— «На комъ?».

— На какой-то изъ нѣмецкой земли принцессѣ и зовутъ ее Наталья Алексѣевна.

Пугачевъ сдѣлалъ видъ, будто крайне обрадованъ этимъ извѣстіемъ. Воспользовавшись прибытіемъ Перфильева, самозванецъ и его сообщники стали распускать слухъ, что въ Берду пріѣхалъ изъ Петербурга посланный съ извѣстіемъ, что цесаревичъ Павелъ Петровичъ идетъ на встрѣчу къ своему отцу съ большимъ войскомъ и тремя генералами. Извѣстіемъ объ этомъ Пугачевъ думалъ склонить на свою сторону тѣхъ изъ Яицкихъ казаковъ, которые были въ Оренбургѣ.

---

[1]) Ibid., II, 87.

[2]) Ibid., 143.

[3]) Ibid., III, 87.

[4]) *Чтенія въ Общ. Ист. и Древ.* 1858 г, II, *Допросы Пугачеву*, 43.

«Я Перфильевъ, говорилъ послѣдній казакамъ, столпившимся на валу, былъ въ Петербургѣ и присланъ оттуда къ вамъ отъ Павла Петровича съ тѣмъ, чтобы вы шли и служили его величеству Петру Ѳедоровичу».

«Коли ты подлинно присланъ съ этимъ отъ Павла Петровича, такъ покажи намъ руки его хотя одну строчку, и тогда мы тотчасъ всѣ пойдемъ» [1]).

Вѣру народа въ участіе въ этомъ движеніи Наслѣдника упорно поддерживали и сообщники Пугачева, напр., одинъ изъ нихъ, походный атаманъ Прохоръ Нестеревъ въ бумагѣ или «извѣстіи о благополучіи», переслашной въ Долматовъ монастырь, убѣждая братію покориться безъ кровопролитія, писалъ между прочимъ: «сверхъ же того вамъ объявляю, что уже и Казанская губернія, царствующій градъ Москва, также Нижній и другіе города склонены наслѣдникомъ его императорскаго величества, государемъ цесаревичемъ и великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, такъ и государемъ нашимъ Петромъ Ѳеодоровичемъ» [2]).

Какъ доносилъ священникъ Яицкаго Гурьева-городка, Михаилъ Яковлевъ, преосвященному Меѳодію, при разграбленіи городка 26 января 1774 г. атаманъ пугачевской шайки, Андрей Овчинниковъ, приказалъ священнику «на эктеніяхъ упоминать бывшаго третьяго императора, Петра Ѳеодоровича, и Наслѣдника его Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича, и супругу его Благовѣрную Государыню и Великую Княгиню, Наталію Алексѣевну, а Ея Императорское Величество благочестивѣйшую Великую Государыню, Екатерину Алексѣевну, на тѣхъ эктеніяхъ возносить невѣдомо для чего запретилъ» [3]).

При неудачахъ Пугачевъ снова вспоминаетъ Павла Петровича, ободряя этимъ своихъ приближенныхъ:

---

[1]) *Н. Дубровинъ*, о. с., II, 149—150.

[2]) Ibid., 364.

[3]) *Труды Саратовской ученой архивной комиссіи*, Саратовъ, 1890, т. II, вып. 2, 364—365.

«Когда намъ въ здѣшнемъ краю не удастся, говорилъ онъ, то мы пойдемъ прямо въ Петербургъ, и я надѣюсь, что Павелъ Петровичъ насъ встрѣтитъ»[1]).

Среди крестьянъ ходилъ упорный слухъ объ участіи въ возстаніи Наслѣдника. Крестьянинъ села Троицкаго разсказывалъ своимъ односельчанамъ, что «Его Высочество Цесаревичъ Павелъ Петровичъ съ Великой Княгиней Натальей Алексѣевной и графъ З. Г. Чернышовъ пріѣхали въ Оренбургъ» (къ Пугачеву)[2]).

Пугачевъ широко пользовался именемъ Наслѣдника, зная, какъ онъ популяренъ, и когда можно было, разыгрывалъ передъ своими приверженцами цѣлыя сцены.

Однажды Пугачевъ получилъ извѣстіе, что ѣдетъ къ нему посланный отъ Павла Петровича. Какъ только тотъ пріѣхалъ, Пугачевъ приказалъ его привести къ себѣ. Это былъ разорившійся ржевскій купецъ Долгополовъ, который думалъ во время смуты поправить свои дѣла. Представившись Пугачеву, Долгополовъ передалъ ему черную шляпу, обшитую золотымъ позументомъ, желтые сафьяновые сапоги и шитыя золотомъ перчатки, говоря:

«Павелъ Петровичъ приказалъ клаияться Вашему Величеству».

Зная, что «множество людей собралось къ ставкѣ, любобытствуя о причинѣ пріѣзда новаго лица, самозванецъ приказалъ поднять у ставки полы и увидя, что ближе всего стоятъ Овчинниковъ, Перфильевъ, Твороговъ и другіе старшины, пригласилъ ихъ къ себѣ и просилъ сѣсть.

— Ты зачѣмъ ко мнѣ присланъ? продолжалъ спрашивать Пугачевъ Долгополова.

— Меня, Ваше Величество, прислалъ Павелъ Петровичъ посмотрѣть, подлинно ли вы родитель его и приказалъ возвратиться къ себѣ съ отповѣдью.

Пугачевъ приказалъ подать вина, и первая чарка была выпита за здоровье «великаго государя», вторая за государыню Устинью Петровну, а третья—за цесаревича Павла Петровича.

---

[1]) *Н. Дубровинъ*, о. с., II, 381.

[2]) Ibid., III, 56.

— Благополученъ ли онъ? спрашивалъ Пугачевъ, допивая послѣднюю чарку.

— Слава Богу, благополученъ, отвѣчалъ Долгополовъ. Его Высочество молодецъ и уже обрученъ.

— Съ кѣмъ?

— Съ Натальей Алексѣевной. У меня и отъ нея есть Вашему Величеству подарокъ—два камня, я послѣ принесу вамъ; они у меня спрятаны въ возу далеко.

— Вотъ, дѣтушки, сказалъ самозванецъ, обращаясь къ собравшимся, этотъ человѣкъ присланъ отъ Павла Петровича посмотрѣть, подлинно ли я отецъ его, и велѣно ему, посмотря, возвратиться назадъ.

Слова самозванца и вѣсть о пріѣзжемъ разнеслась по всей толпѣ, и большинство вѣрило, что Долгополовъ былъ уполномоченный цесаревича. Почему, показывали Чумаковъ и Твороговъ, яицкіе казаки хотя и прежде звали его (Пугачева) въ Москву, а тутъ еще больше стали склонять, чтобъ онъ въ Москву свой путь направилъ» [1]).

Въ такомъ же родѣ розыграна была сцена при отъѣздѣ Долгополова. Послѣдній задумалъ выдать Пугачева правительству; для этого ему нужно было прежде всего уѣхать изъ стана Пугачева. Съ этой цѣлью Долгополовъ предложилъ самозванцу отпустить его, обѣщая привезти оставленный въ Нижнемъ порохъ, который онъ везъ ему отъ Павла Петровича.

Пугачевъ согласился отпустить его.

— Что, батюшка, прикажешь сказать Павлу Петровичу? спросилъ Долгополовъ, прощась съ Пугачевымъ въ присутствіи старшинъ и многочисленной толпы.

— Поклонись ему отъ меня, отвѣчалъ Пугачевъ, и скажи, ежели можно ему, чтобы меня встрѣтилъ.

— Одному ли ему тебя встрѣтить или съ великой княгиней?

— Хорошо бы было, чтобы и она была тамъ, гдѣ и онъ [2])

---

[1]) Ibid., 64—66.

[2]) Ibid., 156—157.

Рунічъ въ своихъ запискахъ передаетъ, что во время Пугачевщины бродила мысль, что «будто народъ желаетъ, дабы императорская власть состояла въ мужскомъ родѣ[1]).

Увѣренность народа въ участіи въ Пугачевскомъ движеніи Великаго Князя была такъ велика, что народъ ожидалъ его появленія со дня на день, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Рунічъ.

«Выѣхавъ изъ селенія въ лѣсъ и проѣхавъ опымъ версты двѣ, вдругъ подводчикъ остановился и обратясь ко мнѣ, спросилъ меня: («не къ батюшкѣ ли государю ты ѣдешь изъ Москвы), и не слышно ли въ пей, скороль наслѣдникъ, государь Павелъ Петровичъ, изволитъ (къ нему) здѣсь проѣхать? Мы его то и дѣло, что всякій день сюда ожидаемъ»[2]).

Отзвуки Пугачевщины долго еще послѣ усмиренія этого движенія жили среди народа въ видѣ многочисленныхъ слуховъ. Въ числѣ послѣднихъ слухъ объ участіи Великаго Князя былъ однимъ изъ наиболѣе упорныхъ: «Его Высочество, Великій Князь, Павелъ Петровичъ, немалое время пропадалъ, но послѣ въ Петербургѣ явился, а въ Москвѣ дѣйствительно повѣсили того злодѣя Пугачева, и нынѣ-де туда проѣзду и проходу нѣтъ»[3]).

Воспоминаніе о подавленіи Пугачевскаго движенія въ народѣ было еще слишкомъ свѣжо, когда Екатерина прибыла въ 1775 г. въ Москву праздновать К.-Кайнарджійскій миръ. Естественно, что Екатерина и безъ того не популярная встрѣтила со стороны народа очень холодный пріемъ, который не могла разогрѣть даже отмѣна палога на соль, на эффектъ отъ которой Екатерина очень расчитывала. За то Великій Князь былъ настоящимъ идоломъ Москвы. Одно появленіе его на улицахъ Москвы возбуждало энтузіазмъ толпы [4]). Когда Великій Князь ѣхалъ по городу во главѣ своего кирасирскаго полка, народъ такъ тѣснился вокругъ него, что отдѣ-

---

[1]) *Рус. Стар.*, 1870, II, 122.

[2]) Ibid., 229—230.

[3]) *П. Л. Юдинъ*, Къ исторіи Пугачевщины (*Рус. Арх.*, 1896, VI, 176).

[4]) La Cour de la Russie il y a cent ans. Berlin, 1858, 292.

лилъ его отъ полка. При этомъ онъ разговаривалъ съ народомъ, чѣмъ возбудилъ еще большій энтузіазмъ послѣдняго. Екатеринѣ подобное сближеніе, конечно, не могло понравиться «и потому, передаетъ Гуннингъ, будутъ приняты мѣры къ тому, чтобы Великій Князь не имѣлъ болѣе подобнаго случая показаться народу» [1]).

Объ этомъ же выраженіи со стороны народа Великому Князю своей любви передаетъ и прусскій посланникъ, баронъ Келлеръ; самъ Великій Князь въ бесѣдѣ съ тѣмъ же Келлеромъ свидѣтельствуетъ о томъ энтузіазмѣ, который проявлялъ народъ каждый разъ, какъ Великій Князь появлялся среди него [2]).

Но подобный случай произошелъ, правда, много лѣтъ спустя, въ 1781 году, при отправленіи Павла Петровича въ заграничное путешествіе. Отъ Царскаго Села до первой станціи Великій Князь съ супругой видѣли доказательство самой горячей любви и преданности народа къ нимъ. Народъ толпами выбѣгалъ навстрѣчу, привѣтствовалъ ихъ и чуть не бросался подъ колеса ихъ кареты. Императрица была чрезвычайно недовольна впечатлѣніемъ, произведеннымъ отъѣздомъ Великаго Князя. Она не разсчитывала на столь энергичные и столь всеобщіе знаки вниманія со стороны народа къ Павлу Петровичу и его супругѣ. Какъ бы то ни было, въ маршрутъ Москву включить не пожелали: такія же сцены могли повториться въ Москвѣ тѣмъ съ большей силой, что ничто не стѣсняло бы въ этомъ отношеніи свободы. [3])

Въ исторіи крѣпостныхъ крестьянъ мы постоянно слышимъ звуки цѣпей, которыми народъ былъ скованъ, но эти звуки въ иные моменты бывали особенно сильными. Такими моментами бывали случаи воцаренія новаго государя, когда народъ разсчитывалъ, что съ перемѣной государя измѣнится и его положеніе. Въ царствованіи Екатерины II народу стало особенно тяжело, отдѣльныя волненія слѣдовали одни за другими

---

[1]) *Сбор. Р. И. Об.*, XIX, 451.

[2]) *Н. К. Шильдеръ*, Императоръ Павелъ I, СПБ. 1901. Приложеніе XIX, 560.

[3]) La Cour de la Russie il y a cent ans, 362.

и, наконецъ, завершились Пугачевщиной, послѣ которой народъ, казалось, былъ усмиренъ: за все остальное время царствованія Екатерины II извѣстно только до 20 отдѣльныхъ случаевъ волненій крѣпостныхъ крестьянъ [1]). Воцареніе новаго государя и именно Павла Петровича, столь популярнаго еще тогда, когда онъ былъ Наслѣдникомъ, да послѣ такого тяжелаго для крѣпостныхъ крестьянъ царствованія, какимъ было царствованіе Екатерины II, возродило надежды народа на перемѣну его положенія.

Имѣли ли эти надежды какіе нибудь шансы на осуществленіе? Для отвѣта на этотъ вопросъ намъ нужно познакомиться со взглядами новаго императора на положеніе крѣпостныхъ крестьянъ.

Павелъ Петровичъ вступилъ на престолъ уже далеко не молодымъ человѣкомъ, ему было 42 года, такой возрастъ, когда человѣкъ является окончательно сформированнымъ. До этого момента онъ не принималъ никакого активнаго участія въ управленіи государствомъ, но при своихъ выдающихся природныхъ способностяхъ, получивъ прекрасное образованіе, Павелъ Петровичъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ явленіямъ политической и общественной жизни и найти удовлетвореніе своимъ духовнымъ потребностямъ въ томъ узкомъ кругѣ интересовъ, который такъ скупо былъ очерченъ для него его матерью.

Многочисленныя и разнообразныя свѣдѣнія, вынесенныя Великимъ Княземъ изъ періода молодости, образовательное путешествіе по Западной Европѣ, общеніе съ выдающимися государственными людьми своего времени, каковы напр., графы Н. и П. Панины, графъ Румянцевъ, кн. Репнинъ и другіе—все это въ соединеніи съ природной живостью возбуждало потребность въ умственныхъ интересахъ, а характеръ и направленіе послѣднихъ естественно опредѣлился его вынужденнымъ удаленіемъ отъ участія въ управленіи государствомъ. Именно, это управленіе и сосредоточило на себѣ главное вниманіе Павла. На-

---

[1]) *В. И. Семевскій*, Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. СПБ. 1903, I², 456.

блюдая государственную жизнь въ сторонѣ отъ нея, Павелъ видѣлъ въ ней много недостатковъ, устранить которые онъ искалъ средствъ.

Преобразовательные планы и проекты, собственные взгляды на различныя стороны политической и общественной жизни были результатомъ этой критики. Полнѣе всего освѣщаетъ намъ эту сторону Великаго Князя его извѣстный наказъ—завѣщаніе объ управленіи государствомъ [1]).

Этотъ наказъ—документъ высокой важности не только для характеристики Павла Петровича, какъ Великаго Князя, но и для исторіи царствованія этого государя. Онъ представляетъ въ чрезвычайно сжатой формѣ полную программу дѣйствій по управленію государствомъ какъ во внутренней, такъ и во внѣшней его жизни. Каждый пунктъ этого наказа, отвѣчая на тотъ или другой вопросъ по управленію государствомъ, даетъ для него руководящую идею; эти идеи впослѣдствіи, на сколько было это возможно въ кратковременное царствованіе императора Павла, были осуществлены.

Въ числѣ 33 пунктовъ, изъ которыхъ состоитъ наказъ, есть три пункта для насъ особенно интересныхъ, такъ какъ они характеризуютъ взглядъ Павла I на положеніе крестьянъ въ государствѣ вообще и крѣпостныхъ крестьянъ въ частности.

Высказавъ свой взглядъ на роль и значеніе въ государствѣ дворянства, духовенства, людей средняго состоянія, Павелъ переходитъ къ крестьянству. «Крестьянство, пишетъ онъ, содержитъ собою всѣ прочія части и своими трудами, слѣдственно особаго уваженія достойно и утвержденія состоянія не подверженнаго нынѣшнимъ перемѣнамъ его, изъ благодарности Отечества и для того, чтобъ тѣмъ лутче трудились и государство имѣло тѣмъ вѣрнѣе снабженіе» (§ 11).

Въ частности, по мнѣнію Павла, «надлежитъ уважить состояніе приписныхъ къ нимъ (заводамъ) крестьянъ, ихъ судьбу перемѣнить и разрѣшить» (§ 17).

---

[1]) *М. Семевскій*, Матеріалы къ русской исторіи XVIII вѣка. (*Вѣст. Европы*, 1867 г., I, 316—322).

Не меньшаго частнаго уваженія заслуживаютъ государственные крестьяне, одноdворцы, черносошные и пахотные, которыхъ свято, по ихъ назначеніямъ, оставлять, облегчая ихъ судьбу (§ 18).

Переписка съ граф. П. И. Панинымъ Великаго Князя въ 1774—1778 г.г. является въ высшей степени интересной и важной какъ со стороны характеристики общихъ политическихъ его взглядовъ, такъ и со стороны отношенія Великаго Князя къ народу. Въ «разсужденіи», приложенномъ къ письму къ графу П. И. Панину въ 1772 г., Цесаревичъ пишетъ: «Когда будутъ сняты налоги, пресѣчены наряды съ земли, то каждый, не лишаясь имѣнія своего, отцы—дѣтей, а господа—тѣхъ, коихъ трудами живутъ, не будетъ имѣть причинъ къ негодованію; и тогда то пресѣкутся всѣ народныя неудовольствія. Нашъ же народъ таковъ, что малѣйшее удовлетвореніе заставитъ его забыть цѣлые годы неудовольствія и бѣдствія самыя. По сіе время мы, пользуясь слѣпымъ повиновеніемъ народа и естественнымъ его, счастливымъ сложеніемъ физическимъ и моральнымъ, все изъ цѣлаго кроили, не сберегая ничего. Но время помышлять о сохраненіи столь драгоцѣннаго, пред(ан)наго его расположенія, дабы употребить оное тамъ, гдѣ уже, по крайности случая, ни пріуготовленіями, ни пріятіемъ всѣхъ благоразумныхъ мѣръ, учинить ничего невозможно» [1]).

Добрыя чувства, которыя, какъ мы видимъ изъ приведенныхъ свидѣтельствъ, питалъ Павелъ Петровичъ къ народу, находили себѣ и практическое осуществленіе, правда, въ очень скромныхъ размѣрахъ, но какіе только и были возможны для Великаго Князя.

Вотъ, что говоритъ объ этомъ одинъ иностранецъ, жившій въ Россіи въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ.

«Жалобы крестьянъ нѣкоторыхъ имѣній Великаго Князя, пишетъ онъ, дошли до Его Высочества. Онъ приказалъ привести ихъ въ такое же положеніе, въ какомъ находятся англійскіе фермеры со взносомъ ничтожной арендной платы, снаб-

[1]) *Рус. Стар.*, 1882, XXXIII, 741.

дивъ ихъ всѣмъ нужнымъ для хозяйства и давъ имъ наставниковъ для обученія земледѣлію» [1]).

«Павелъ Петровичъ, говоритъ Д. Кобеко, всегда старался облегчить крестьянину бремя его повинностей. Онъ помогалъ ссудами тѣмъ, у которыхъ не по ихъ винѣ хозяйство приходило въ разстройство и старался разверстаніемъ и прирѣзкой достаточнаго количества земли обезпечить труженику безбѣдное существованіе» [2]).

132812

---

[1]) *Swinton* Travels into Norway, Denmark and Russia in the years 1788, 1789, 1790 and 1791. L. 1792., 447—448 (*В. И. Семевскій*, Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II, СПБ. 1901, II, 146—147).

[2]) Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, СПБ, 1887, изд. 3-е 294—295. Авторъ, очевидно, имѣетъ въ виду вышеприведенное свидѣтельство иностранца.

ГЛАВА III.

Волненія крѣпостныхъ крестьянъ.

Едва только разнеслась вѣсть о смерти Имп. Екатерины II и о вступленіи на престолъ Имп. Павла, какъ народъ заволновался. Къ естественному поводу для волненій—перемѣна государя—присоединились еще особые поводы—первые шаги Имп. Павла, которые для народа были первыми ударами благовѣста, возвѣщавшаго ему облегченіе его положенія. Первымъ такимъ ударомъ благовѣста является приведеніе къ вѣрноподданической присягѣ наравнѣ съ другими сословіями и крѣпостныхъ крестьянъ, чего не было со времени воцаренія Имп. Елизаветы Петровны [1]).

На 5-й день царствованія Имп. Павелъ издаетъ указъ [2]) объ отмѣнѣ рекрутскаго набора по 5 съ 500 душъ, объявленнаго не задолго до кончины Имп. Екатерины II [3]).

Какое впечатлѣніе произвела на народъ отмѣна набора, можно судить по слѣдующему отзыву современника: «Нельзя изобразить, какое пріятное дѣйствіе произвелъ сей благодѣтельный указъ во всемъ государствѣ, говоритъ Болотовъ, и сколько слезъ и вздоховъ благодарности испущено изъ очей и сердецъ многихъ милліоновъ обитателей Россіи. Все государство и всѣ концы и предѣлы онаго были имъ обрадованы, и повсюду слышны были единыя только пожеланія всѣхъ благъ новому государю» [4]).

---

[1]) П. С. З. XXIV, 17530.
[2]) Ibid. XXIV, 17538.
[3]) 13 сентября 1796 г.
[4]) *Рус. Арх.*, 1864 г., 70.

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ этого указа, 10 декабря того же года, было объявлено объ отмѣнѣ хлѣбной подати съ крестьянъ, чрезвычайно разорительной и тягостной какъ по отдаленности магазиновъ, куда нужно было доставлять хлѣбъ, такъ и вслѣдствіе притѣсненій и злоупотребленій со стороны администраціи при пріемѣ свозимаго крестьянами хлѣба. Хлѣбная подать была замѣнена денежной въ размѣрѣ 15 коп. за каждый четверикъ прежде собираемаго хлѣба [1]). Указъ этотъ начинается слѣдующими словами: «Слѣдуя склонности благотворить ввѣренному Намъ народу, отмѣнили Мы начатый уже въ нынѣшнемъ 1796 г. сборъ рекрутскій; а нынѣ восхотѣвъ оказать новый опытъ нашего попеченія о его пользѣ уничтоженіемъ хлѣбнаго сбора, толико отяготительнаго въ практическомъ исполненіи сего налога, повелѣваемъ Сенату» (принять соотвѣтствующія мѣры для исполненія указа) [2]).

Большое значеніе для крестьянъ этой замѣны видно изъ того, что одни только слухи объ отмѣнѣ хлѣбной подати произвели среди нихъ цѣлый рядъ волненій въ декабрѣ 1796 г., такъ какъ крестьяне думали, что эта замѣна будетъ произведена уже въ концѣ 1796 г., а мѣстныя власти изъ за собственныхъ выгодъ скрываютъ это [3]).

О значеніи этихъ указовъ—объ отмѣнѣ рекрутскаго набора и хлѣбной подати—сохранился отзывъ графа П. В. Завадовскаго въ письмѣ къ графу А. Р. Воронцову о новомъ царствованіи: «Рекрутскій наборъ остановленъ, пишетъ Заводовскій, надѣюсь, и хлѣбную дачу отмѣнятъ. Обѣ милости обязательны народу, наипаче при началѣ» [4]). На слѣдующій день, 11 декабря, былъ изданъ новый указъ о перераздѣленіи пятисотныхъ рекрутскихъ участковъ на десятки, такъ какъ практиковавшееся до сихъ поръ такое раздѣленіе влекло за собою несправедливое распредѣленіе рекрутской повинности между семьями: «малосемей-

---

[1]) *Рус. Арх.*, 1864 г., 202.
[2]) П. С. З. XXIV, 17628.
[3]) См. ниже.
[4]) *Арх. Воронц.*, XII, 180.

ные, говорится въ указѣ, несутъ равную участь съ большими семьями» [1]).

Какъ отнесся народъ къ этимъ первымъ попыткамъ облегченія его положенія?

Едва только Имп. Павелъ вступилъ на престолъ, какъ среди крѣпостныхъ стали распространяться слухи о перемѣнѣ ихъ положенія, породившіе случаи сначала незначительныхъ волненій; но когда рядъ указовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, показалъ, что новый государь дѣйствительно озабоченъ положеніемъ крестьянъ и серьезно стремится къ его облегченію, тогда крестьяне увидѣли въ новомъ царствованіи то, о чемъ такъ страстно мечтали, увидѣли ту зарю свободы, которая, казалось, погасла для нихъ навсегда.

Крестьяне не хотѣли вѣрить, что нѣтъ указа о свободѣ, они были убѣждены, что этотъ указъ изданъ новымъ государемъ да его скрываютъ помѣщики и власти, ими подкупленныя. Въ результатѣ—рядъ волненій, въ короткое время охватившихъ почти всю Европейскую Россію, при чемъ были губерніи, гдѣ крѣпостное населеніе сплошь все находилось въ волненіи, и приходилось силой усмирять волнующихся.

---

[1]) П. С. З. XXIV, 17633.

1. Орловская губернія.

Первое по времени волненіе крѣпостныхъ крестьянъ началось 27 ноября 1796 г. въ имѣніи помѣщика Андреева Орловской губерніи Дмитровскаго уѣзда.

Андреевъ, прокуроръ Курскаго намѣстничества, до 1796 г. владѣлъ въ Орловской губерніи небольшимъ сельцомъ Хлыпинымъ. Въ этомъ году онъ купилъ у сосѣднихъ помѣщиковъ Даниловыхъ село Андросово съ 381 душой въ одной верстѣ отъ Хлыпина.

28 ноября Андреевъ подалъ жалобу въ нижній земскій судъ на своихъ крестьянъ села Андросова, обвиняя ихъ въ отказѣ отъ повиновенія и въ намѣреніи его убить. Дворянскій засѣдатель, отправившійся за болѣзнью исправника на мѣсто происшествія, арестовалъ 101 человѣка изъ андросовскихъ крестьянъ. Когда объ этомъ волненіи было донесено генералъ-губернатору, послѣдній распорядился послать въ Андросово совѣтника намѣстническаго правленія Яковлева «узнать всѣ обстоятельства того происшествія и что нижнимъ земскимъ судомъ учинено и усмирены ль ослушные крестьяне, въ противномъ же случаѣ постараться съ нижнимъ земскимъ судомъ кроткимъ образомъ съ надлежащимъ внушеніемъ имъ законнаго повиновенія и вредныхъ отъ противнаго тому слѣдствій привести ихъ въ должный порядокъ и покорность».

Совѣтникъ, явившись въ Дмитровскъ, подвергнулъ допросу арестованныхъ. О причинѣ волненія крестьяне на допросѣ показали, что когда они собрались для принесенія присяги государю, староста, принуждая ихъ итти на работу, не допускалъ до присяги и говорилъ, что «у нихъ свой царь-помѣщикъ Андреевъ, и онъ за нихъ присягнетъ».

Къ этому крестьяне прибавили, что у прежнихъ помѣщиковъ, Даниловыхъ, они состояли на оброкѣ, что и Андреевъ, покупая ихъ у Даниловыхъ, обѣщалъ имѣть ихъ также на оброкѣ, но вмѣсто этого сталъ «употреблять ихъ въ несносныя работы», запрещалъ рубить лѣсъ на дрова и наказывалъ ихъ какъ при работахъ, такъ и за рубку лѣса. Крестьяне боялись «впредь еще неспоснѣйшихъ къ нимъ его поступковъ».

Напрасно совѣтникъ очень долго старался убѣдить крестьянъ, что они должны быть въ повиновеніи у помѣщика, что опасаться его имъ нечего, такъ какъ никакой помѣщикъ не можетъ имѣть выгоды въ томъ, чтобы разорять своихъ крестьянъ. Доводы совѣтника подѣйствовали на крестьянъ очень мало: изъ всѣхъ арестованныхъ только 6 человѣкъ раскаялись и сейчасъ же были выпущены на свободу.

Когда Яковлевъ возвратился въ Орелъ и донесъ о результатахъ своей поѣздки, губернаторъ снова отправилъ его въ Дмитровскъ уговаривать и склонять «къ обращенію на безмолвную покорность» своему помѣщику крестьянъ, въ случаѣ же безуспѣшности онъ долженъ былъ до 20 человѣкъ «изъ наиболѣе упорствующихъ» прислать въ намѣстническое правленіе, гдѣ уже самъ губернаторъ намѣренъ былъ внушить имъ «всю дерзость ихъ самоволія и буйства, подвергающаго ихъ всей строгости законнаго наказанія». Остальные крестьяне должны были остаться въ Дмитровскѣ до повелѣнія намѣстническаго правленія.

Во второй разъ краснорѣчіе Яковлева подѣйствовало на крестьянъ еще меньше, чѣмъ въ первый. Они упорно стояли на своемъ нежеланіи повиноваться помѣщику. Согласно инструкціи Яковлевъ, замѣтивъ 18 человѣкъ «упорнѣйшихъ», назначилъ Дмитровскому нижнему земскому суду отправить ихъ въ Орелъ, а остальныхъ 77 человѣкъ приказалъ содержать въ Дмитровскѣ «въ храненіи тамошняго городничаго».

Донесеніе объ этомъ волненіи губернаторомъ было отправлено генералъ-прокурору графу А. Н. Самойлову и замѣнившимъ его новымъ генералъ-прокуроромъ княземъ А. Б. Куракинымъ было доложено государю.

Резолюція государя была генералъ-прокуроромъ прислана губернатору:

«Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ предписать губернатору, чтобы онъ старался узнать зачинщиковъ такового дѣла и предалъ бы ихъ суду для должнаго по законамъ наказанія, прочихъ, доколѣ не раскаятся, держать подъ стражей, употребя всю дѣятельность къ предохраненію отъ зловредныхъ внутреннему спокойствію происшествій и обратя примѣрное наказаніе начинщиковъ въ способъ удержанія въ обузданности другихъ, ежели подобные окажутся. А какъ по Высочайшей волѣ прибудетъ въ Орловскую губернію гусарскій полкъ, то въ нужномъ случаѣ и можетъ быть оный употребленъ къ обузданію неспокойныхъ».

Между тѣмъ какъ велась эта переписка, самъ Андреевъ, узнавъ о донесеніи генералъ-прокурору о волненіи его крестьянъ и боясь обвиненій, взведенныхъ на него крестьянами, написалъ въ свою очередь князю Куракину объ этомъ волненіи, при чемъ, не упоминая о его причинахъ, передаетъ самый фактъ непослушанія съ угрозой со стороны крестьянъ убить его, если онъ переѣдетъ на жительство въ Андросово.

«27 ноября, пишетъ Андреевъ, я расположился переѣхать въ пріуготовленный домъ въ селѣ Андросовѣ, въ коемъ крестьяне мои, собравшись толпою, прислали ко мнѣ старосту объявить, чтобы я туда не переѣзжалъ, а ежели переѣду, тогда они убьютъ меня! до смерти. По утру послѣдующаго дня изъ села Андросова одинъ крестьянинъ, прибѣжавъ ко мнѣ, объявилъ, что того селенія всѣ крестьяне собираются съ разнымъ дреколіемъ и для ободренія своей дерзости пьютъ вино, отъ каковыхъ опасныхъ преднамѣреній я съ моимъ семействомъ, сохраняя собственную нашу жизнь, въ крайнемъ безпорядкѣ принужденъ былъ уѣхать въ городъ Курскъ. А какъ не безызвѣстно мнѣ, что о семъ происшествіи отъ Орловскаго господина губернатора А. И. Квашнина-Самарина донесено главному правительству со изъясненіемъ вымышленныхъ крестьянами моими въ свое оправданіе на отрицательство отъ послушанія ложныхъ ихъ общихъ показаній, въ такомъ моемъ крайнемъ

бѣдствіи и разореніи прибѣгая къ покровительству Вашего Сіятельства всенижайше осмѣливаюсь просить защищенія и покровительства».

Боязнь за то, какъ посмотритъ генералъ-прокуроръ на это волненіе и на показанія, которыя дали крестьяне, заставляетъ Андреева умышленно искажать факты, преувеличивать ихъ значеніе и обвинять крестьянъ въ томъ, чего на самомъ дѣлѣ не было. Мы видѣли оффиціальное донесеніе, въ которомъ ни о чемъ подобномъ нѣтъ и рѣчи. Самый фактъ, засвидѣтельствованный этимъ же донесеніемъ, взятіе подъ стражу дворянскимъ засѣдателемъ 101 чел. въ тотъ день, о которомъ и Андреевъ пишетъ, при чемъ «при забраніи ихъ, доноситъ совѣтникъ Яковлевъ, сопротивленія засѣдателю чинено ими не было», доказываетъ, что такого характера, какой придаетъ волненію крестьянъ Андреевъ, послѣднее и не могло имѣть.

Послѣ того какъ въ Орелъ были доставлены тѣ 18 чел., которыхъ Яковлевъ выбралъ, какъ упорнѣйшихъ, губернаторъ, какъ онъ доноситъ генералъ-прокурору, лично всячески старался вразумить ихъ, «что ослушностью, упорствомъ и неповиновеніемъ помѣщику своему, а совокупно власти, закономъ установленной, и дѣлая симъ развратъ въ общемъ порядкѣ и устройствѣ и прочее, ничего для себя иного ожидать не могутъ, какъ единаго токмо суда и строжайшаго по законамъ наказанія», однако всѣ старанія губернатора остались безъ результата; всѣ крестьяне единогласно отвѣчали, что они не желаютъ болѣе имѣть своимъ помѣщикомъ Андреева, что имъ и прежде жилось у него тяжело, а теперь, послѣ волненія, они ожидаютъ еще большихъ притѣсненій и разоренія, въ виду чего они предпочитаютъ перенесеніе всякаго наказанія, какое законъ на нихъ наложитъ, возвращенію подъ власть Андреева. Несмотря на увѣренія губернатора, что помѣщикъ не только не поступитъ съ ними жестоко, но напротивъ будетъ съ ними человѣколюбивъ и снисходителенъ, что интересы самого помѣщика будутъ страдать отъ ихъ разоренія, вслѣдствіе чего онъ готовъ предать забвенію все происшедшее, «отнеся оное къ единственному невѣжеству и глупости ихъ», кресть-

яне остались непреклонны и ни повиновенія, ни раскаянія не изъявляли.

Послѣ того какъ всѣ кроткія мѣры были истощены, оставалось предать ослушныхъ «законному сужденію». 3 января 1797 года Дмитровскій уѣздный судъ послѣ разбора дѣла вынесъ резолюцію, по которой 5 человѣкъ, оказавшихся «начинщиками», приговорены были каждый къ 60 ударамъ кнутомъ, а остальные должны были быть наказаны «пещадно плетьми». Но послѣдніе, видя, что дальнѣйшее упорство ни къ чему не приведетъ, «признавъ вину свою, пришли въ раскаяніе», вслѣдствіе чего губернаторъ приказалъ освободить всѣхъ этихъ крестьянъ и отдать Андрееву.

Это было 19 февраля 1797 г. Но этимъ раскаяніемъ крестьянъ и ихъ отдачей помѣщику дѣло не кончилось. Теперь выступаетъ въ роли судьи или вѣрнѣе мстителя самъ помѣщикъ, и положеніе крестьянъ сдѣлалось на столько тяжелымъ, что они рѣшили подать жалобу самому государю. Для поѣздки въ Петербургъ и подачи прошенія они выбрали своего односельчанина, Вавилу Трофимова.

Въ прошеніи крестьяне пишутъ, что бунтовать они и не думали, все произошло оттого, что когда они собрались для принесенія по указу Его Императорскаго Величества вѣрноподданической присяги, староста не хотѣлъ допустить ихъ до присяги, и когда они все таки стали присягать, а не отправились по его требованію на господскую работу, онъ поѣхалъ къ помѣщику и разсказалъ «много облыжнаго, яко бы мы забунтовали». «Насъ забрали въ городъ, разсказываютъ далѣе крестьяне, и посадили въ тюрьму, а другихъ сажали въ холодныя избы и брили головы и бороды на ругательство и до нынѣ (прошеніе составлено въ мартѣ, послѣ, слѣдовательно, возвращенія крестьянъ изъ тюрьмы домой) вышеписанный господинъ (Андреевъ) всячески безъ милосердія насъ разоряетъ, отчего уже мы безъ покровительства и домовъ своихъ лишились, и всѣ претерпѣваемъ великія нападки. Чего ради не утерпѣвъ принуждены утруждать Ваше Императорское Величество оною просьбою и написать отъ всего села Андросова о защи-

щеніи насъ, бѣдныхъ, отъ того разоренія и при томъ, прибавляютъ крестьяне, желая повидимому авторитетомъ священника подкрѣпить свое прошеніе, по согласію и приказамъ отца нашего духовнаго того же села Андросова церкви Рождества Пресвятыя Богородицы священника Бориса Акинтьева. Того ради всепокорнѣйше и слезно просимъ Ваше Императорское Величество сіе наше прошеніе принять и милостивое разсмотрѣніе учинить, чего ожидаемъ отъ Вашего Императорскаго Величества о защищеніи отъ такого нашего разоренія».

Эта жалоба была доложена генералъ-прокуроромъ государю и на основаніи Высочайшей резолюціи генералъ-прокуроръ прислалъ Андрееву письмо слѣдующаго содержанія: «Государь мой, Матвѣй Михайловичъ! Хотя по случаю принесенной Его Императорскому Величеству жалобы Дмитровскаго уѣзда села Андросова крестьянъ вашихъ отъ повѣреннаго Вавилы Трофимова въ разореніи ихъ работами и неумѣренными оброками, а также и въ недопущеніи ихъ къ присягѣ сдѣлано ему внушеніе о дерзости поступка его, почему онъ, раскаясь въ своемъ заблужденіи, успокоился и отпущенъ въ свое жилище, но при всемъ томъ по Высочайшему Государя Императора повелѣнію нужно мнѣ имѣть отъ Васъ увѣдомленіе о доносимомъ на Васъ, а сверхъ того не могу я оставить Вамъ безъ замѣчанія и того, что или собственная неумѣренность въ образѣ вашего домоправленія или слабый присмотръ за прикащиками суть слѣдствіями какъ для Васъ, такъ и для правительства къ заботѣ и безпокойствамъ, отъ коихъ единая умѣренность въ поступкахъ противу вашихъ крестьянъ собственную Вамъ пользу и успокоеніе правительству доставить можетъ, о чемъ всемѣрно стараться вы должны. Въ протчемъ ожидая по сему исполненія пребываю съ почтеніемъ князь Алексѣй Куракинъ. Въ Москвѣ, апрѣля 9 дня 1797 года».

Какъ видно изъ этого письма, прошеніе достигло своей цѣли. Отъ Андреева было потребовано объясненіе, при чемъ указано было и на его долю вины въ этомъ происшествіи.

Мало того, одновременно съ посылкой этого письма Андрееву кн. Куракинымъ были посланы слѣдующія предписа-

нія Орловскому губернатору и предводителю дворянства. Къ губернатору Куракинъ пишетъ, что такъ какъ подававшій прошеніе государю отъ андросовскихъ крестьянъ, Вавила Трофимовъ, раскаялся и принесъ повинную, то «Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ его простить и отпустить въ его жилище, куда и приказалъ ему явиться. А какъ можетъ случиться, что за отлучку его будетъ съ него взысканіе отъ правительства, помѣщика или и самихъ крестьянъ, пославшихъ его, то Ваше Превосходительство благоволите приказать означеннаго Трофимова принять въ начальственное покровительство и отъ наказанія или какого либо притѣсненія конечно защитить». Такого же содержанія предписаніе было послано кн. Куракинымъ и Орловскому предводителю дворянства. Какое значеніе имѣло это предписаніе, видно вполнѣ изъ отвѣта на него генералъ-прокурору предводителя дворянства.

«На оное Вашему Сіятельству доношу, какъ означенный помѣщикъ Андреевъ жительство имѣетъ въ Курскѣ, и извѣстно мнѣ, что отъ здѣшняго господина губернатора къ нему писано, чтобы пріѣхалъ немедленно въ Орелъ, и какъ онъ будетъ, то не оставлю ему лично приличнымъ образомъ внушить, чтобы лишенія никакого оному Трофимову не дѣлалъ; а между тѣмъ испрашиваю Вашего Сіятельства повелѣнія, какъ сіе селеніе отстоитъ около 100 верстъ отъ губерискаго города, въ коемъ я жительство имѣю, то могу ли я секретно препоручить уѣздному дворянскому предводителю особливое надзираніе или земскому комиссару той округи, въ которую помянутое селеніе по послѣднему раздѣленію, по уничтоженіи города Дмитріевска, отойдетъ. Теперь же я послалъ развѣдать отъ себя партикулярно, явился ли оный Трофимовъ въ селеніе или еще нѣтъ, и что узнаю, Вашему Сіятельству донесу. Съ высокопочитаніемъ имѣю честь быть Егоръ Всуриковъ. Апрѣля 18 дня 1797 года Орелъ.

Андреевъ, получивъ отъ кн. Куракина письмо съ требованіемъ объясненія да такого же рода замѣчанія отъ губернатора и предводителя дворянства, увидѣлъ всю серьезность своего положенія. Немедленно онъ пишетъ генералъ—прокурору свое «объясненіе».

Въ этомъ объясненіи Андреевъ снова разсказываетъ исторію возмущенія своихъ крестьянъ, намъ уже извѣстную, и отвѣчаетъ на обвиненіе, предъявленное ему генералъ-прокуроромъ изъ прошенія его крестьянъ. Экономическое положеніе крестьянъ по мнѣнію Андреева является очень хорошимъ, онъ самъ заботится объ ихъ благосостояніи, прирѣзавъ имъ, напр., 50 дес. отъ стараго имѣнія, такъ какъ замѣтилъ, что земли имъ недостаетъ. Что же касается недопущенія крестьянъ къ присягѣ, въ чемъ они его обвиняютъ, то это совершенно невѣрно. 26 ноября прошлаго (1796) года Андреевъ узналъ отъ пятидесятскаго изъ андросовскихъ крестьянъ, что по случаю изданнаго Высочайшаго манифеста о восшествіи Его Императорскаго Величества на престолъ повелѣно въ селѣ Андросово всѣхъ привести къ присягѣ. Для скорѣйшаго исполненія этого Андреевъ приказалъ позвать къ себѣ сотскихъ и съ своей стороны поручилъ имъ извѣстить въ селѣ Андросовѣ и сельцѣ Хлыпинѣ всѣмъ безъ изъятія крестьянамъ, чтобы непремѣнно 27 ноября собрались въ церковь исполнить «въ самой точности повелѣнное». И самъ Андреевъ предполагалъ пріѣхать въ этотъ день въ Андросово, но въ этотъ же день утромъ явился къ нему староста с. Андросова, Моисей Чухринъ. и объявилъ, что крестьне рѣшили отложиться отъ него, а если онъ пріѣдетъ къ нимъ, убить его. При этомъ староста добавилъ, что крестьяне называютъ себя казенными. Послѣ этого Андрееву ничего не оставалось, какъ уѣхать съ семьей въ Курскъ.

«Всѣ обстоятельства, пишетъ далѣе Андреевъ, Вашему Сіятельству представляю съ чистосердечнымъ нижайшимъ моимъ удостовѣреніемъ, что крестьяне мои возмутились отъ дерзости и своевольства ихъ, возмечтавъ быть казенными съ подобными другихъ помѣщичьихъ крестьянъ мнѣніями. И хотя я съ женой и восемью моими малолѣтними дѣтьми крестьянами изгнаны были изъ моихъ деревень и домовъ, не имѣю я и понынѣ своего пристанища, обременень долгами, истощилъ все мое имущество па покупку сей бѣдственной для меня деревни, лишился всѣхъ выгодъ, и состояніе мое разстроено безъ надежды на поправленіе; сверхъ сего страдаю

душой моей отъ воображаемой опасности, дабы тѣ же крестьяне при малѣйшемъ въ чемъ либо имъ неугожденіи не произвели новой клеветы, доведенъ съ семьей мой до совершеннаго сокрушенія», но все это Андреевъ согласенъ перенести, лишь бы «удостоенъ былъ Вашего Сіятельства милостивымъ покровительствомъ. Не учинилъ я крестьянамъ моимъ мщенія и по свойству моему удаленъ отъ того, старался объ ихъ успокоеніи и получа подтвержденіе отъ Вашего Сіятельства, что мною должно (быть) выполнено, употреблю всякое снисхожденіе имъ и возможность имъ безъ исключенія и повѣреннаго, не явившагося еще и по нынѣ въ жилище свое.

Сіятельнѣйшій князь! заканчиваетъ объясненіе Андреевъ, окажите, милостивый государь, высокое представительство Ваше, защитите неповинно страждущаго, не имѣющаго иной помощи и до нынѣ покровительствуемаго, и повелите мнѣ съ моимъ семействомъ вѣчно прославлять великодушіе Вашего Сіятельства, отвратите скорбь невинно отъ оклеветаній чувствуемую! Вы есть единственное мое упованіе, къ коему съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Матвѣй Андреевъ. Апрѣля 28-го дня 1797 года».

Въ этомъ объясненіи наиболѣе интересными являются указаніе Андреевымъ причины волненія его крестьянъ и отношеніе его къ этому волненію. Причина волненія указана Андреевымъ совершенно вѣрная: желаніе его крестьянъ сдѣлаться казенными крестьянами. Это былъ тотъ выходъ для крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, о которомъ они мечтали, тотъ идеалъ, къ осуществленію котораго они такъ страстно стремились подъ разными предлогами. Въ данномъ случаѣ такимъ предлогомъ послужило экономическое угнетеніе крестьянъ Андреевымъ. По свидѣтельству крестьянъ ихъ экономическое положеніе при новомъ владѣльцѣ ухудшилось, по мнѣнію Андреева улучшилось, и каждая сторона съ своей точки зрѣнія права, если допустить даже, что обѣ говорятъ искренно.

Заботами Андреева, о которыхъ онъ говоритъ въ письмѣ къ генералъ-прокурору, матеріальное положеніе его крестьянъ

могло улучшиться сравнительно съ ихъ такимъ же положеніемъ при прежнихъ владѣльцахъ, но это улучшеніе теперь, когда съ восшествіемъ на престолъ новаго государя ожили надежды на освобожденіе отъ крѣпостной зависимости, въ глазахъ крестьянъ не только могло не имѣть никакого значенія, но ихъ положеніе могло сдѣлаться для нихъ совершенно невыносимымъ. И вотъ они воспользовались первымъ же поводомъ, принесеніемъ присяги, для того, чтобы отказаться отъ повиновенія своему помѣщику.

Что касается отношенія Андреева къ волненію его крестьянъ, то этотъ вопросъ нужно разсмотрѣть въ связи съ отношеніемъ новаго правительства къ такого рода волненіямъ. Практика предшествующаго царствованія заключалось въ томъ, что помѣщикъ въ случаѣ отказа отъ повиновенія его крестьянъ сообщалъ объ этомъ нижнему земскому суду, и послѣдній, усмиривъ волнующихся, передавалъ ихъ помѣщику. То же произошло и въ данномъ случаѣ, но съ очень важнымъ продолженіемъ. Крестьяне рѣшили обратиться къ государю, ища у него себѣ защиты, путь, который былъ для нихъ уничтоженъ указомъ 22 авг. 1767 года [1]). Прошеніе, поданное въ Петербургѣ выборнымъ крестьянъ, не осталось безрезультатнымъ: отъ Андреева на основаніи резолюціи государя генералъ-прокуроръ потребовалъ объясненія по поводу этого прошенія. Фактъ въ высшей степени важный и знаменательный! Онъ указываетъ на рѣзкую разницу во взглядахъ на крестьянскій вопросъ Имп. Екатерины II и Имп. Павла I.

Это вмѣшательство правительства въ область взаимныхъ отношеній помѣщиковъ и ихъ крестьянъ, область, въ которой до сихъ поръ все было предоставлено помѣщикамъ и ничего крестьянамъ, представляетъ первую и пока отдѣльную попытку урегулированія этихъ отношеній.

На сколько дѣйствительной оказалась такого рода попытка, видно изъ приведенныхъ выше письма Андреева генералъ-прокурору и отвѣта предводителя дворянства на пред-

---

[1]) П. С. З. XVIII, 12966.

ложеніе ген.-прокурора взять на себя заботу о безопасности крестьянъ Андреева вообще и выборнаго ихъ, Вавилы Трофимова, въ частности [1]).

Не окончились еще волненія среди крестьянъ Андреева, какъ начались въ Орловской губерніи новыя волненія, мало по малу охватившія собою почти всю губернію и угрожавшія даже губернскому городу. Распространившись по деревнямъ нѣсколькихъ десятковъ владѣльцевъ, они сосредоточились главнымъ образомъ въ имѣніяхъ двухъ главныхъ помѣщиковъ этой губерніи, ген.-лейт. Степана Степановича Апраксина и бригадирши княгини Наталіи Петровны Голицыной.

Къ обзору этихъ волненій мы теперь и перейдемъ.

Начались они по самому ничтожному поводу: управитель Апраксина Мусоринъ 5 января 1797 года послалъ въ дер. Иванову Сѣвскаго уѣзда дворового человѣка Сергѣева съ требованіемъ къ крестьянамъ этой деревни выслать на господскую работу 10 человѣкъ. Но крестьяне отказались исполнить требованіе управляющаго, а посланнаго вмѣстѣ съ бывшими съ нимъ 4 другими дворовыми людьми выгнали изъ деревни, «устращивая кольями».

Вслѣдъ за этимъ Мусоринъ получилъ извѣстіе, что въ деревню Иванову собрались изъ сосѣднихъ селъ и деревень Апраксина—Аркипя, Лубашева, Зеновкиной, Тростной и Загряцкой—крестьяне человѣкъ 800 съ дубовыми кольями и дубьемъ, которые, называя себя государственными крестьянами, отправились въ село Брасово для разграбленія господскаго дома. Тогдашній Орловскій губернаторъ Квашнинъ-Самаринъ, узнавъ объ этомъ, немедленно отправилъ на мѣсто происшествія земскаго исправника съ инструкціей, по которой послѣдній долженъ былъ тихимъ и кроткимъ образомъ всѣхъ отложившихся отъ повиновенія крестьянъ привести въ должный порядокъ и послушаніе, вразумивъ ихъ и внушa имъ, что отложеніе ихъ отъ повиновенія господину ни мало терпимо быть не можетъ и что они такимъ противозаконнымъ и свое-

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 2/1 и № 2985, ч. II.

вольнымъ поступкомъ своимъ навлекаютъ строжайшее на себя по закону наказаніе; крестьяне теперь же должны обратиться къ законному послушанію и покориться своему господину, ибо въ противномъ случаѣ судъ и строгость законнаго наказанія имѣютъ совершиться надъ всѣми ослушниками безъ малѣйшей пощады.

Пока дошла вѣсть о крестьянскихъ волненіяхъ до губернатора, пока составлялась имъ эта инструкція, пока наконецъ исправникъ прибылъ въ волнующіяся селенія, прошла цѣлая недѣля, и не мудрено, что исправникъ вмѣсто 800 чел. засталъ въ волненіи уже до 2000 крестьянъ. Всѣ призывы исправника къ спокойствію и повиновенію не привели ни къ чему. Крестьяне рѣшительно объявили ему, что они узнали отъ крестьянъ деревни Ивановой, Миронова и Чернова, что «крѣпостные крестьяне отъ господъ своихъ отказываются». На этомъ основаніи они снарядили и отправили къ государю въ Петербургъ этихъ двухъ крестьянъ съ прошеніемъ о принятіи ихъ въ казну и до возвращенія посланныхъ рѣшили всѣ господскія работы и винокуренные заводы остановить и отъ повиновенія господину своему отказаться. Исправнику удалось только взять съ собою одного изъ возставшихъ крестьянъ, Ефима Потапова, допросъ котораго въ Сѣвскѣ только подтвердилъ слова крестьянъ.

Видя, что исправникъ ничего не успѣлъ достигнуть въ дѣлѣ успокоенія крестьянъ, а волненіе все болѣе разгорается, губернаторъ командировалъ въ Брасово предсѣдателя верхняго земскаго суда Козачковскаго, который вмѣстѣ съ исправникомъ долженъ былъ успокоить крестьянъ и заставить ихъ повиноваться своему владѣльцу. Въ Брасово Козачковскій засталъ волненіе въ полномъ разгарѣ: масса крестьянъ толпилась на улицахъ села, многіе были вооружены дубовыми кольями, были видны пьяные, чему способствовали большіе запасы выкуреннаго вина экономіи. Когда Козачковскій съ исправникомъ подъѣхали къ помѣщичьему дому, крестьяне наполнили господскій дворъ. По требованію Козачковскаго къ нему въ домъ вошли староста села и человѣкъ 30 крестьянъ, которыхъ онъ и сталъ

увѣщевать. Мы уже знакомы съ характеромъ и матеріаломъ этихъ увѣщаній изъ инструкціи губернатора исправнику; интереснымъ въ этихъ убѣжденіяхъ Козачковскаго была ссылка на присягу, которую недавно только крестьяне приносили новому государю. Въ отчетѣ губернатору о своей командировкѣ Козачковскій пишетъ между прочимъ: «для лучшаго жъ ихъ понятія толкована имъ была ихъ присяга, по которой считаютъ они себя государственными, а не помѣщичьими крестьянами; ибо по опой клялись они вѣрными, добрыми и послушными подданными быть».

Козачковскому не удалось убѣдить крестьянъ въ беззаконности ихъ поступковъ: они ему не вѣрили и объявили то же, что говорили уже исправнику, что будутъ ожидать своихъ посланныхъ въ Петербургъ къ государю съ жалобой на помѣщика. Съ этими словами они вышли изъ дому, а Козачковскій съ исправникомъ очутились подъ настоящимъ арестомъ: вокругъ всего дома были разставлены караулы изъ крестьянъ съ дубовыми кольями, а когда Козачковскій, изложивъ въ рапортѣ губернатору свои переговоры съ крестьянами, вздумалъ рапортъ послать по назначенію съ солдатомъ, бывшимъ при немъ, то этого солдата крестьяне не пропустили.

На слѣдующій день утромъ толпа крестьянъ еще болѣе увеличилась: ихъ было болѣе 1000 чел. Козачковскій послалъ къ нимъ за выборными къ себѣ въ домъ, но они потребовали его самого къ себѣ, на что Козачковскій согласился, и выйдя къ нимъ, сталъ ихъ снова увѣщевать и читать имъ указы, запрещающіе волненія—указъ изъ Орловскаго губернскаго правленія и манифестъ 3 іюля 1762 г.[1]). Но крестьяне на рѣчи

---

[1]) «По возшествіи Нашемъ на Всероссійскій Императорскій Престолъ увѣдомились Мы къ большому Нашему неудовольствію, что нѣкоторыхъ помѣщиковъ крестьяне, будучи прельщены и ослѣплены разсѣянными отъ непотребныхъ людей ложными слухами, отложились отъ должнаго помѣщикамъ своимъ повиновенія, а потому и далѣе поступили на многія своевольства и продерзости.

Мы твердо увѣрены, что такіе ложные слухи скоро сами собой истребятся, и ослѣпленные оными крестьяне, увидя, что отъ

Козачковскаго отвѣчали, что они повиноваться этимъ указамъ не станутъ, такъ какъ послѣдніе старые, а самъ Козачковскій пріѣхалъ изъ Сѣвска подкупленный ихъ управляющимъ Мусорнымъ, и для того, чтобы убѣдиться въ послѣднемъ предположеніи, крестьяне угрожали даже разуть и раздѣть его, чтобы найти деньги, которыми онъ былъ подкупленъ. Козачковскій принужденъ былъ удалиться въ домъ, а крестьяне, окруживъ домъ, били въ стѣны, окна, кричали, что посадятъ на цѣпь исправника, обривши или вырвавъ ему волосы, какъ обритъ содержащійся въ Сѣвскѣ подъ стражей ихъ товарищъ, Ефимъ Потаповъ; наконецъ, ворвались въ комнаты и вытащили оттуда пріѣхавшаго съ Козачковскимъ надзирателя вин-

---

легкомыслія впали въ тяжкое преступленіе, тотчасъ о томъ раскаются и стараться будутъ безмолвнымъ отнынѣ повиновеніемъ своимъ помѣщикамъ заслужить себѣ прощеніе; однакожъ, дабы сіе зло далѣе не попустить и предупредить, чтобъ и вновь какихъ ложныхъ слуховъ разсѣваемо быть не могло и легковѣрные крестьяне оными развращаемы не были, то за потребное разсудили мы черезъ сіе объявить:

1) Что понеже благосостояніе государства согласно Божескимъ и всенароднымъ узаконеніямъ, требуетъ, чтобъ всѣ и каждый при своихъ благонажитыхъ имѣніяхъ и правостяхъ сохраняемъ былъ, такъ какъ и напротивъ того, чтобъ никто не выступалъ изъ предѣловъ своего званія и должности: то и намѣрены Мы помѣщиковъ при ихъ имѣніяхъ и владѣніяхъ ненарушимо сохранять, а крестьянъ въ должномъ имъ повиновеніи содержать.

2) Кто изъ ослушниковъ скорѣе раскается и скорѣе возвратится къ своей должности и въ томъ отъ помѣщика своего засвидѣтельствованъ будетъ, тѣхъ преступленіе, хотя и тяжкое, на сей разъ однако изъ милосердія Нашего отпущаемъ.

3) Буде же напротиву того кто либо, несмотря на Нашу милость, останется далѣе въ своевольствѣ и непослушаніи, съ таковыми повелѣваемъ поступать по всей строгости законовъ; и въ заключеніе

4) Кто въ разсѣваніи ложныхъ и ко вреду клонящихся слуховъ дѣйствительно изобличенъ будетъ, таковыхъ, яко возмутителей государственнаго покоя, безъ малѣйшаго упущенія времени такъ наказывать, какъ точные о таковыхъ указы повелѣваютъ». П. С. З. XVI, 11593.

ныхъ магазиновъ Матвѣева, котораго отвели въ экономическую домовую контору, гдѣ приковали за шею къ стѣнѣ.

Только черезъ 2 дня послѣ пріѣзда, 19 января, удалось Козачковскому, да и то тайно, переслать свой рапортъ губернатору. Крестьяне не только днемъ, но и ночью не давали покоя заключеннымъ, требуя отъ исправника возвращенія Ефима Потапова. Нѣсколько еще разъ Козачковскій вступалъ съ крестьянами въ объясненія, но также безуспѣшно, главнымъ образомъ въ силу недовѣрія къ нему крестьянъ и подозрѣнія, что онъ подкупленъ управляющимъ Мусорипымъ.

Одно изъ такихъ объясненій онъ имѣлъ съ толпой выборныхъ душъ въ 20 во главѣ съ Емельяномъ Черподыровымъ, однимъ изъ коноводовъ.

Прежде всего крестьяне спросили его, по приказанію кого онъ къ нимъ пріѣхалъ? Козачковскій отвѣчалъ, что по указу государеву. Тогда выборные снова спросили, отъ Павла ли Петровича онъ пріѣхалъ или отъ кого? и получили отвѣтъ, что именно по указу государя императора Павла Петровича, данному изъ Орловскаго губернскаго правленія. Они согласились снова послушать этотъ и другіе указы и, выслушавъ ихъ, объявили Козачковскому, что они этимъ указамъ не вѣрятъ, такъ какъ по ихъ мнѣнію онъ привезъ ихъ отъ Мусорина изъ Сѣвска, и предложили ему уѣзжать отъ нихъ туда, откуда пріѣхалъ, такъ какъ они не позволятъ ему больше жить въ управительскомъ домѣ и ѣсть господскій хлѣбъ. Исправника же рѣшили они не выпускать, пока не будетъ изъ Сѣвска возвращенъ Ефимъ Потаповъ. Но Козачковскій безъ исправника не соглашался уѣхать. Тогда въ комнаты ворвалась цѣлая толпа крестьянъ, многіе были пьяны, и стали грозить Козачковскому побоями и даже убійствомъ, нѣкоторые потребовали у него указъ, вырвали его изъ рукъ, называя фальшивымъ, написаннымъ у Мусорина, самого же Козачковскаго схватили и потащили было на крыльцо, но онъ вырвался изъ ихъ рукъ, самъ вышелъ къ толпѣ и снова сталъ ихъ усовѣщевать. Въ концѣ концовъ крестьяне согласились отпустить съ нимъ и исправника, но съ условіемъ,

что они оба дадутъ письменное обязательство выпустить Потапова и удостовѣреніе, что въ Брасово они «все у нихъ (крестьянъ) нашли хорошо».

Выѣхавъ изъ Брасово, въ сосѣднемъ селѣ Лугани Козачковскій получилъ предписаніе отъ губернатора ѣхать съ такою же цѣлью въ сосѣдній очагъ волненій крестьянъ княгини Голицыной, въ с. Радогощь. Но Козачковскій уже убѣдился, какъ мало достигаютъ цѣли всѣ тѣ указы, толкованія и убѣжденія, которые онъ только что примѣнялъ на дѣлѣ, и сославшись на нездоровье и сильное потрясеніе, вынесенное имъ въ Брасово, уѣхалъ въ Орелъ.

Въ своемъ отчетѣ объ этой командировкѣ Орловскому губернскому правленію Козачковскій сообщаетъ между прочимъ, что, возвращаясь изъ Брасово и проѣзжая черезъ Дмитровскъ, онъ услышалъ, что и крестьяне кн. Трубецкого также возстали противъ своего помѣщика.

Въ то время какъ происходили описанныя событія въ Брасово, начались волненія среди крестьянъ сосѣдняго имѣнія княгини Голицыной; центромъ ихъ было село Радогощь того же Сѣвскаго уѣзда; кромѣ того волненія начались въ Трубчевскомъ, Волховскомъ и Дешкинскомъ уѣздахъ.

Движеніе все болѣе разросталось; въ немъ пока принимали участіе апраксинскіе и голицынскіе крестьяне, но ихъ было въ совокупности до 13,000 чел. У голицынскихъ крестьянъ волненія приняли еще болѣе острую форму, чѣмъ въ Брасово. Помимо того, что и они также прекратили всѣ господскія работы и закрыли винокуренные заводы, въ Радогощи ожесточеніе крестьянъ противъ управляющаго Свинцова дошло до того, что они его убили, а вмѣстѣ съ нимъ убили старосту и сотскаго. Получивъ извѣстіе объ этомъ, губернаторъ рѣшилъ самъ отправиться въ Радогощь, взявъ съ собою подходившій въ это время къ Орлу изъ Кромъ Ахтырскій гусарскій полкъ генерала Линденера. 22 января прибылъ губернаторъ въ волнующееся село, гдѣ встрѣтилъ возлѣ помѣщичьяго дома толпу крестьянъ человѣкъ въ 300. Приказавъ выстроиться полку здѣсь же на площади, губернаторъ выступилъ передъ крестья-

нами и въ длинной рѣчи сталъ объяснять имъ всѣ послѣдствія, какія ихъ ожидаютъ за неповиновеніе помѣщику.

Рѣчь губернатора была прервана неожиданнымъ появленіемъ изъ находившагося вблизи винокуреннаго завода новой толпы мятежныхъ крестьянъ до 1000 душъ, которые, объявивъ, что они послали къ государю прошеніе, чтобы быть имъ государевыми, потребовали показать имъ указъ объ ихъ повиновеніи. Губернаторъ приказалъ священнику читать его собственное предписаніе крестьянамъ быть въ повиновеніи своему помѣщику, и естественно, что крестьяне, прослушавшіе только что это все въ устномъ изложеніи губернатора, не дослушали того же въ письменномъ видѣ и стали кричать, что они только тому указу будутъ повиноваться, который будетъ подписанъ «освященной особой Его Императорскаго Величества», что просьба ихъ еще не дошла и, слѣд., указа на нее быть не можетъ, читанная же бумага выдуманная и несправедливая, что онъ, губернаторъ, и весь полкъ подкуплены помѣщикомъ, въ повиновеніи которому они ни за что не останутся, хотя бы пришлось погибнуть, что, наконецъ, не они одни, но и крестьяне Апраксина и другихъ помѣщиковъ всѣ возстанутъ противъ помѣщичьей власти.

Пока происходили эти переговоры губернатора съ крестьянами, крайній эскадронъ занялъ болѣе свободное мѣсто почти у стѣнъ винокуреннаго завода. У крестьянъ, вообще недовѣрчиво относившихся къ администраціи, это движеніе эскадрона возбудило подозрѣніе, быстро перешедшее въ увѣренность, что солдаты хотятъ проникнуть въ заводъ и овладѣть содержавшимися тамъ крестьянами арестантами.

Это было искрой, доведшей общее возбужденіе до послѣдней степени. Изъ завода выбѣжала новая толпа крестьянъ, вооруженная нѣсколькими ружьями и дубовыми кольями, и смѣло бросилась на полкъ, въ то время какъ оставшіеся въ заводѣ черезъ стѣны стали въ солдатъ бросать камнями и дубьемъ, при чемъ двухъ солдатъ убили. Солдаты въ свою очередь стали стрѣлять холостыми зарядами, но, какъ доноситъ губернаторъ, нѣсколько человѣкъ крестьянъ ранили. Это удержало толпу отъ нападенія на войско, но возбужденіе еще болѣе усилилось, кри-

чали: «дай намъ самого губернатора, мы его убьемъ!». Положеніе губернатора было критическое: безъ Высочайшаго повелѣнія онъ, какъ онъ пишетъ въ донесеніи кн. Куракину, не считалъ себя въ правѣ пускать въ ходъ оружіе, такъ какъ въ виду возбужденія крестьянъ произошло бы сильное кровопролитіе, увѣщанія же его не оказывали на толпу никакого дѣйствія. Поэтому онъ вывелъ полкъ изъ Радогощи и поставилъ его на квартиры въ волнующихся селеніяхъ въ Сѣвскомъ и Дмитровскомъ уѣздахъ, а самъ послалъ донесеніе обо всемъ государю.

Внутренняя жизнь Радогощи въ это время представляла картину крайняго возбужденія: было убито нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ управляющій Свинцовъ, нѣсколько дворовыхъ было посажено въ тюрьму, имущество мѣщанъ и вольныхъ людей, жившихъ въ селѣ, разграблено, а сами владѣльцы избиты, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ выѣхали изъ села вмѣстѣ съ полкомъ.

Но наряду съ этими сценами насилія мы замѣчаемъ среди крестьянъ и попытки правильной организаціи въ дѣлѣ отстаиванія своей свободы. Ядромъ возставшихъ крестьянъ были голицынскіе и апраксинскіе крестьяне, ихъ поддерживали крестьяне сосѣднихъ владѣльцевъ. Центромъ возстанія была Радогощь. Во главѣ всѣхъ возставшихъ стоялъ крестьянинъ Емельянъ Чернодыровъ. Въ Брасово управлялъ мѣстный крестьянинъ, Федоръ Савенковъ, бывшій помощникомъ Чернодырова. Для посылки выборныхъ съ прошеніемъ государю въ Петербургъ, для выработки плана дѣйствій, для рѣшенія текущихъ дѣлъ въ Радогощи бывали собранія изъ крестьянъ со всѣхъ селеній отъ каждой большой семьи по одному человѣку. Возстаніе началось въ дер. Ивановой, такъ какъ это было заранѣе рѣшено на общемъ собраніи представителей. Кромѣ такихъ періодическихъ собраній бывали и экстренныя, если этого требовали обстоятельства; такъ, напр., какъ только губернаторъ съ войскомъ выступилъ изъ Радогощи, въ послѣдней стали бить въ набатъ, что было условнымъ знакомъ для сбора въ Радогощь крестьянъ изъ сосѣднихъ селъ, и дѣйствительно,

густыя толпы народа потянулись туда изъ окрестныхъ поселеній, въ томъ числѣ много и апраксинскихъ крестьянъ.

Въ отвѣтъ на донесеніе губернатора государю, генералъ-прокуроръ кн. Куракинъ прислалъ ему слѣдующую резолюцію государя: «Квашнину-Самарину отозваться, что по бумагамъ докладывалъ государю и что устроеніе военной команды не будетъ оставлено безъ вниманія (губернаторъ просилъ о присылкѣ войска), касательно же жалобъ крестьянъ на Голицыну и Апраксина государь берется все по опымъ должное исполнить, слѣд., должно объявить предварительно Голицыной и Апраксину, чтобы (было) обращено вниманіе ко истребленію злоупотребленій вотчинныхъ начальниковъ; въ расужденіи же винпаго подряда, котораго они по вышедшему разстройству выставить не могутъ, государь приказалъ изъ реестра поставщиковъ исключить и съ нихъ не взыскивать, о чемъ предписать губернатору, прокурору и казенной палатѣ».

На другой день послѣ своего неудачнаго похода на Радогощь губернаторъ послалъ требованіе крестьянамъ прекратить волненія, выдать зачинщиковъ и повиноваться своему владѣльцу.

Въ отвѣтъ на это крестьяне прислали губернатору «объясненіе», въ которомъ пишутъ, что зачинщиковъ и наставниковъ у нихъ нѣтъ, а всѣ они «въ одномъ согласіи», причина же ихъ неповиновенія помѣщику заключается въ томъ, что они изнурены работами до крайности, «истощены и разорены почти вовсе безъ поправки». Что касается стычки съ солдатами, то они приняли это движеніе за желаніе освободить содержавшихся тамъ ими бѣглыхъ солдатъ и крестьянъ, которыхъ держалъ въ имѣніи управляющій, «и дѣло осталось бы безъ всякаго дѣйствія». «Егда же, заключаютъ свое «объясненіе» крестьяне, Ваше Высокопревосходительство имѣете повелѣніе, подписанное Его Императорскимъ Величествомъ, чтобы насъ, несчастныхъ, и паки оставить подъ игомъ помѣщика, то извольте намъ его объявить, мы изъ воли и послушанія Его Императорскаго Величества не выходили и не выходимъ, а безъ именного Его Императорскаго Величества повелѣнія мы

на прежнихъ правахъ остаться не согласны и что Вашему Высокопревосходительству угодно, то и дѣлайте съ нами, мы согласны пасть подъ оружіемъ войска Его Императорскаго Величества, поелику начало уже сдѣлано изъ 5 чел. мертвыхъ и 10 раненыхъ, кои будутъ живы или нѣтъ, Богъ вѣсть.

Вашего Высокопревосходительства нижайшіе слуги села Радогощь съ селы и деревнями всѣ крестьяне, а за неумѣніемъ ихъ грамотѣ и писать по личному прошенію села Радогощи священникъ Іаковъ Колошинъ подписуюсь».

Къ этому объясненію крестьяне приложили копію съ прошенія государю, отправленнаго ими въ Петербургъ. Въ прошеніи крестьяне кн. Голицыной подробно рисуютъ свое тяжелое экономическое положеніе и тѣ тягости, которыя имъ приходилось выносить отъ управляющаго Свинцова, въ теченіе своего 20-лѣтняго управленія доведшаго ихъ до крайняго разоренія и угнетенія.

Главной тягостью для крестьянъ были огромныхъ размѣровъ винокуренные заводы—два въ Сѣвскомъ уѣздѣ, а два въ Трубчевскомъ—на нихъ въ годъ выкуривалось до 100000 ведеръ вина. Винокуреніе ежегодно продолжается съ августа по іюнь, въ самое рабочее время, для работъ на заводахъ постоянно должно быть рабочихъ 330 человѣкъ, подводъ для доставки на заводы хлѣба, соломы, сѣна и прочаго заводского матеріала при разстояніяхъ отъ 29 до 50 верстъ въ годъ требуется до 20000, не считая перевозки кирпича къ постройкамъ, которыхъ начато такъ много, что «уму нашему непостижимо», и вся эта перевозка происходитъ въ рабочее время.

Особенно тяжело было для крестьянъ развозить корчемное вино, такъ какъ, хотя за это управляющій и платилъ, но такъ немного, что крестьяне, принужденные нанимать подводы, не имѣя своихъ необходимое количество, доплачивали $^2/_3$ суммы къ платѣ, которую сами получали. 1787 и 1788 годы были голодные; чтобы заводы не стояли, Свинцовъ отобралъ у крестьянъ хлѣбъ, какой былъ въ запасѣ, и перекурилъ на вино, а крестьянамъ на пропитаніе выдавалъ изъ заводовъ барду и мякину. Кромѣ работы на заводахъ крестьяне обязаны были

обработать на помѣщика 3180½ десятинъ, въ число которыхъ отрѣзано было управляющимъ отъ крестьянской земли 1785 дес., такъ что у крестьянъ на душу осталось не больше трехъ десятинъ. Хлѣбъ принимался отъ крестьянъ мѣрой гораздо большей, чѣмъ казенная мѣра, а недостающее количество взыскивалось съ крестьянъ деньгами, такъ что приходилось доплачивать 200, 300 руб. и болѣе, а если кто не былъ въ состояніи этого сдѣлать, то у того продавался скотъ, лошади и прочая крестьянская «нажить»; такими взысканіями Свинцовъ до 50 семействъ въ конецъ разорилъ и довелъ до нищеты.

Эти тягости и поборы гибельно отразились на числѣ крестьянъ кн. Голицыной. Въ 1730 г. ихъ было 500 дворовъ тягловыхъ, а теперь осталось только 238, да и то потому, что въ тягло положены подростки отъ 12 до 19 лѣтъ. Уменьшенію числа крестьянъ еще болѣе способствуетъ отсутствіе заботъ о рабочихъ, вслѣдствіе чего на заводахъ получило смертельные ожоги и въ котлахъ сварилось до 50 чел., при постройкахъ съ помостовъ разбилось 10 человѣкъ.

«Вотъ, Ваше Величество, премилосердный государь и отецъ, каково наше бѣдственное за господиномъ сожитіе! заканчиваютъ свое прошеніе крестьяне, смилуйся, государь, и не дай въ конецъ всѣмъ погибнуть, отрѣши насъ за себя, государь! Кровь наша осмѣлилась пасть предъ стопы и престолъ Вашего Императорскаго Величества. Если же вы, государь, насъ, бѣдныхъ, и паки оставите за господиномъ, тогда они насъ всѣхъ на смерть помучатъ, и для того всемилостивѣйшій государь осмѣлились представить предъ лицо Вашего Императорскаго Величества сихъ несчастныхъ и подъ игомъ страждущихъ рабовъ отъ всей нашей волости трехъ человѣкъ» (выборныхъ, отправленныхъ съ прошеніемъ въ Петербургъ).

Это прошеніе — чрезвычайно важный документъ: помимо того, что оно рисуетъ передъ нами картину дѣйствительно тяжелаго экономическаго положенія голицынскихъ крестьянъ, въ немъ есть еще и другая интересная сторона: это взглядъ крестьянъ на государя, какъ на своего естественнаго и единственнаго защитника, противупоставляемаго ими своему господину, во вла-

стп котораго если они останутся, то онъ ихъ на смерть за мучитъ. Отсюда вопль отчаянія: «отрѣши насъ за себя, государь!».

Въ крѣпостное время пріемъ бѣглыхъ крестьянъ и солдатъ практиковался въ очень широкихъ размѣрахъ. Конечно, и Свиньинъ не брезгалъ этимъ способомъ для пріобрѣтенія дешевыхъ работниковъ. Правительствомъ это злоупотребленіе строго преслѣдовалось. Въ моментъ волненій въ Радогощи было 8 такихъ бѣглыхъ, которыхъ крестьяне заключили въ тюрьму и которыми на столько дорожили, какъ фактомъ, сильно компрометирующимъ ихъ управляющаго, что одно подозрѣніе, что войско хочетъ освободить арестованныхъ бѣглыхъ, вызвало нападеніе на солдатъ. Въ своемъ объясненіи губернатору, приведенномъ выше, крестьяне упомянули о содержащихся у нихъ арестантахъ, и губернаторъ потребовалъ ихъ присылки. Крестьяне въ отвѣтъ пишутъ новое объясненіе, въ которомъ выражаютъ опасеніе представить губернатору лично бѣглыхъ, такъ какъ боятся, чтобы во время провоза послѣднихъ въ Дмитровскъ кто либо не отбилъ у нихъ арестантовъ и «дѣло уничтожится». Они просятъ губернатора прислать воинскую команду взять ихъ, но выдать имъ въ пріемѣ бѣглыхъ росписку «для нашего оправданія». А пока крестьянами былъ представленъ списокъ арестантовъ.

1. Лукьянъ Михайловъ—служилъ Бугскаго Егерскаго корпуса въ 3-мъ баталіонѣ 1-ой роты сержантомъ; начальникомъ былъ у нихъ секундъ—маіоръ и кавалеръ Сергѣй Щербаковъ; отпускъ данъ былъ для свиданія съ родственниками за подписью Щербакова, «содержанъ управителемъ Степаномъ Свинцовымъ за болѣзнью, а потомъ показанъ въ гор. Сѣвскѣ умершимъ, и мундиръ его представленъ при прошеніи въ Сѣвскъ.»

2. Дворовый человѣкъ, Алексѣй Федоровъ, отданъ былъ въ рекруты, служилъ въ морскомъ флотѣ, былъ посланъ въ Кіевъ со знаменами, а потомъ конвоировалъ арестанта въ Орелъ, откуда отправился для свиданія съ родственниками и былъ оставленъ управителемъ при вотчинѣ.

3. Захаровскій крестьянинъ, Тарасъ Григорьевъ, отданъ былъ въ рекруты, при отправкѣ съ партіей съ дороги бѣжалъ

и явился «подъ укрывательство въ вотчину и принять управителемъ за вѣдомо бѣглаго рекрута.»

4. Лобановскій крестьянинъ, Осипъ Максимовъ, отданъ былъ въ рекруты, испортилъ себѣ правый глазъ, за что былъ заключенъ въ Орлѣ въ острогъ, съ работы оттуда бѣжалъ и явился къ управителю въ вотчину, которымъ и принятъ «за вѣдомо бѣглаго».

5. Кромскаго уѣзда вотчины помѣщика А. И. Шепшина села Кривчикова крестьянинъ Григорій Васильевъ бѣжалъ и явился въ вотчину къ управителю «за вѣдомо бѣглаго».

6. Курскаго уѣзда помѣщика П. И. Струкова дер. Букреевой крестьянинъ Федоръ Захаровъ бѣжалъ, явился въ вотчину «за вѣдомо бѣглаго».

7. Мглинскаго уѣзда дворцоваго вѣдомства села Ущеретья крестьянинъ Иванъ Ивановъ сынъ Иваперинакъ бѣжалъ за непмѣніемъ хлѣба и оставленъ управителемъ при вотчинѣ «за вѣдомо бѣглаго».

8. Кавказскаго намѣстничества Ставропольскаго уѣзда села Вестославль поселенный отставной солдатъ Данило Меркуловъ сынъ Вутинъ, былъ отпущенъ по обѣщанію его въ г. Кіевъ для поклоненія святымъ мощамъ и для свиданія въ г. Сѣвскѣ съ родственниками; пропустя срокъ по данному ему билету, въ команду не явился и остался при вотчинѣ «за вѣдомо бѣглаго».

Не успѣвъ ничего, какъ мы видѣли, достигнуть лично въ Радогощи, губернаторъ въ Брасово и не пытался ѣздить, а обратился туда письменно съ требованіемъ повиноваться своему помѣщику. Апраксинскіе крестьяне отвѣчали ему письменно же: «пока не получимъ отъ Его Императорскаго Величества указа, потоль ни въ какія работы не вступимъ, а мы ожидаемъ отъ своихъ посланныхъ извѣстія, кои пошли въ Петербургъ, и не видя ихъ своими глазами, ничему не повѣримъ, а останемся по прежнему нашему расположенію». Разставить по мятежнымъ селеніямъ полкъ, съ которымъ такъ безуспѣшно дѣйствовалъ онъ въ Радогощи, губернатору не удалось. Если этотъ полкъ въ цѣломъ своемъ составѣ не могъ внушить страха крестьянамъ, то разбитый на части тѣмъ болѣе не былъ для нихъ опасенъ,

а крестьяне сверхъ того еще были вооружены ружьями и пушками. Послѣднія были разставлены въ Брасово такъ, чтобы обстрѣливать отъ господскаго дома входы въ селеніе. Кромѣ того въ Брасово и въ Радогощи было въ каждомъ до 200 вооруженныхъ стрѣлковъ. Жители отказывали и солдатамъ и лошадямъ въ пропитаніи, такъ что маіоръ Бедряга, расположившійся въ Спитовѣ, невдалекѣ отъ Брасово, съ 2-мя эскадронами, долженъ былъ уйти оттуда. Крестьяне потребовали ухода эскадроновъ и изъ другихъ селеній Апраксина, говоря, что и указы подложные и войска подкуплены, при чемъ называли даже и суммы, за которыя офицеры были подкуплены: шефу дано 10000 р., Бедрягѣ 1000 р., а остальнымъ офицерамъ по нѣсколько алтынъ.

Въ то время какъ губернаторъ велъ переговоры съ крестьянами Голицыной и Апраксина, волненіе, все болѣе разгораясь, перешло границы вотчинъ этихъ двухъ владѣльцевъ и вспыхнуло въ сосѣднихъ имѣніяхъ. Такъ, въ Трубчевскомъ уѣздѣ въ селѣ Алексѣевкѣ у помѣщика Бодиско крестьяне въ числѣ 170 человѣкъ отказались отъ повиновенія своему владѣльцу, того же уѣзда у маіора Хлюстина 500 чел. его крестьянъ также отказались повиноваться, Брянскаго уѣзда въ деревняхъ Литовникѣ, Жуковой и Вороновой въ имѣніи капитана Шевцова до 180 душъ крестьянъ присоединилось къ возставшимъ, наконецъ, Дмитровскаго уѣзда крестьяне кн. Трубецкого подняли возстаніе противъ своего помѣщика и даже собирались итти въ Дмитровскъ разорять городской домъ владѣльца. Волненіе у Бодиско началось на его винокуренномъ заводѣ, который крестьяне, работавшіе на немъ, погасили, а человѣка, присланнаго въ Алексѣевку Бодиско къ приказчику, посадили на цѣпь. Губернаторъ послалъ Линденеру приказъ отрядить туда 1 эскадронъ гусаръ, но пока это было приведено въ исполненіе, число бунтующихъ крестьянъ Бодиско увеличилось приставшими къ нимъ крестьянами маіора Хлюстина и множествомъ апраксинскихъ крестьянъ.

Причина возмущенія крестьянъ Шевцова, по донесенію исправника, заключалась въ «утѣсненіяхъ и налогахъ, приказ-

чикомъ ихъ дѣлаемыхъ, и по неимѣнію у нихъ земли достаточнаго числа для пропитанія». Крестьяне, отказавшись повиноваться своему помѣщику, выбрали изъ своей среды 5 чел. для отправки ихъ съ прошеніемъ въ Петербургъ. Возлѣ имѣнія Шевцова находились владѣнія еще 24 помѣщиковъ, крестьяне которыхъ также присоединились къ волнующимся.

Мало того, даже въ Орлѣ среди дворовыхъ людей стало распространяться волненіе, такъ, 3 дворовыхъ человѣка совѣтника орловской уголовной палаты Федорова, «вышли ему изъ повиновенія, по услышавъ 7 февраля о высочайшемъ манифестѣ» 29 января 1797 г. тогда же возвратились къ своему владѣльцу, по волѣ котораго одинъ изъ возвратившихся, какъ «начинщикъ» былъ наказанъ плетьми. Чтобы предупредить распространеніе такого неповиновенія своимъ владѣльцамъ среди дворовыхъ людей города, наказаніе было произведено «при собранныхъ изъ каждаго дворянскаго дома по одному человѣку». Городничему губернаторомъ предписана была «всевозможная бдительность: во все ночное время безпрестанно всею командою по всему городу имѣть дозоры, самому сколько можно чаще объѣзжать и дѣлать свои замѣчанія».

Пока эти волненія крестьянъ продолжались, Орловскій губернаторъ Квашнинъ-Самаринъ былъ замѣненъ Воейковымъ. Повидимому, эта перемѣна находилась въ зависимости отъ все болѣе разраставшагося крестьянскаго движенія, которымъ губернаторъ, очевидно, не былъ въ состояніи овладѣть. Новый губернаторъ повелъ дѣло гораздо энергичнѣе своего предшественника. Но Воейковъ сдѣлалъ еще попытку мирнымъ образомъ разрѣшить вопросъ. Поводомъ къ ней послужилъ манифестъ 29 января 1797 года [1]).

---

[1]) Объявляется всенародно. Съ самого вступленія Нашего на Прародительскій Нашъ Императорскій Престолъ, предположили Мы за правило наблюдать и точно взыскивать, дабы каждый изъ вѣрноподаннаго Намъ народа обращался въ предѣлахъ, званію и состоянію его предписанныхъ, исполняя его обязанность и удаляяся всего тому противнаго, яко разрушающаго порядокъ и спокойствіе въ обществѣ. Нынѣ увѣдомляемся, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ

Немедленно по полученіи его губернаторъ послалъ 2 экземпляра манифеста Аполлосу, епископу орловскому и сѣвскому, съ просьбой отправить въ Брасово и Радогощь игумена Никона и «благоразумнѣйшихъ» священниковъ прочитать и растолковать крестьянамъ манифестъ. Но и эта попытка, какъ и предшествующія, не имѣла успѣха. Крестьяне Радогощи,

---

крестьяне, помѣщикамъ принадлежащіе, выходятъ изъ должнаго имъ послушанія, возмечтавъ, будто они имѣютъ учиниться свободными, и простираютъ упрямство и буйство до такой степени, что и самымъ прещеніямъ и увѣщаніямъ отъ начальствъ и властей, Нами поставленныхъ, не внемлютъ. Соболѣзнуя милосердно о таковыхъ развращающихся съ пути истиннаго и полагая тутъ вину болѣе заблужденіе внемлющихъ лживымъ внушеніямъ и огласкамъ отъ людей праздныхъ, по легкомыслію или же и корыстнымъ видамъ разсѣваемымъ, восхотѣли Мы предварительно всякимъ успѣльнымъ мѣрамъ къ укрощенію буйства подобнаго влекущимъ обыкновенно за собою самыя бѣдственныя и разорительныя для непокорныхъ послѣдованія, употребить средства кроткія и человѣколюбивыя; почему Монаршимъ и Отеческимъ гласомъ Нашимъ взываемъ всѣхъ и каждаго, да обратятся къ должному законамъ и власти повиновенію, вѣдая, что законъ Божій поучаетъ повиноваться властямъ предержащимъ, изъ коихъ нѣтъ ни единой, которая бы не отъ Бога поставлена была. Повелѣваемъ, чтобъ всѣ помѣщикамъ принадлежащіе крестьяне, спокойно пребывая въ прежнемъ ихъ званіи, были послушны помѣщикамъ своимъ въ оброкахъ, работахъ и словомъ всякаго рода крестьянскихъ повинностяхъ, подъ опасеніемъ за преслушаніе и своевольство неизбѣжнаго по строгости законной наказанія. Всякое правительство, власть и начальство, наблюдая за тишиною и устройствомъ, въ введеніи ему ввѣреномъ долженствуетъ въ противномъ случаѣ подавать руку помощи и крестьянъ, кои дерзнуть чинить ослушаніе и буйство, подвергать законному сужденію и наказанію. Духовные, наипаче же священники приходскіе, имѣютъ обязанность предостерегать прихожанъ своихъ противу ложныхъ и вредныхъ разглашеній, и утверждать въ благонравіи и повиновеніи господамъ своимъ, памятуя, что небреженіе ихъ о словесномъ стадѣ, имъ ввѣренномъ, какъ въ мірѣ семъ взыщется начальствомъ ихъ, такъ и въ будущемъ вѣкѣ должны будутъ дать отвѣтъ предъ страшнымъ судомъ Божіимъ во вредѣ, отъ небреженія ихъ произойти могущемъ. Сей указъ Нашъ прочитать во всѣхъ церквахъ всенародно». П. С. З. XXIV, 17769.

вырвавъ изъ рукъ игумена конвертъ, въ которомъ заключались манифестъ и повелѣніе губернатора крестьянамъ прекратить волненіе, сами его распечатали и заставили читать своихъ писарей. Не только увѣщанія игумена и священниковъ не убѣдили крестьянъ, но послѣдніе не выпускали игумена въ теченіе нѣсколькихъ часовъ изъ села, а солдата, посланнаго съ игуменомъ губернаторомъ, даже посадили въ тюрьму, но затѣмъ обоихъ отпустили. Въ Брасово игумена постигла такая же неудача. При этомъ крестьяне передали черезъ него губернатору просьбу пріѣхать къ нимъ, но безъ команды и съ собой взять управляющаго Мусорина, чтобы разобрать ихъ дѣло.

Воейковъ рѣшилъ дѣйствовать силой съ помощью пока одного полка Липдепера. Пунктомъ соединенія Линденера и губернатора была назначена деревня Домаха кн. Кантемира, находящаяся въ 8 верстахъ отъ Радогощи, крестьянъ которой и рѣшено было прежде всего привести въ повиновеніе.

10 февраля губернаторъ съ полкомъ подошелъ къ Радогощи. По дорогѣ обыскали дер. Робскую, но никого кромѣ женщинъ и стариковъ не нашли: всѣ были въ Радогощи. На требованіе губернатора изъявить покорность и выдать главарей, Ивана Куркина и Ивана Щербакова, крестьяне отвѣчали, что «они такого повелѣнія не слушаютъ, а съ полкомъ пришли къ нимъ по подкупу».

Тогда по знаку, данному губернаторомъ, было произведено 3 выстрѣла изъ пушекъ, которыми повреждены были нѣкоторыя строенія въ селѣ, при этомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ были зажжены крестьянскіе дворы. Впечатлѣніе на крестьянъ и выстрѣлы и пожаръ произвели ужасное: они оторопѣли и не знали, что предпринять. Губернаторъ воспользовался этой минутой: соскочивъ съ лошади, онъ вошелъ въ толпу крестьянъ и приказалъ бросить дубины, которыми они были вооружены, «чему они ставъ на колѣни и повиновались».

Вслѣдъ за тѣмъ былъ арестованъ Куркинъ съ ближайшими сообщниками, къ зажженнымъ крестьянскимъ дворамъ были посланы люди съ топорами и крючьями тушить пожаръ, а губернаторъ отправился въ церковь, куда приказалъ слѣ-

довать за собою и крестьянамъ. Здѣсь былъ прочитанъ священникомъ манифестъ 29 января и послѣ увѣщанія губернатора крестьяне цѣловали крестъ и евангеліе въ томъ, что пребудутъ впредь въ послушаніи и правительству и помѣщицѣ. Между тѣмъ пожаръ вслѣдствіе сильнаго вѣтра все усиливался и уничтожилъ до 50 крестьянскихъ дворовъ и хлѣбные магазины.

Въ тотъ же день губернаторомъ послано было по всѣмъ селамъ и деревнямъ, принадлежавшимъ кн. Голицыной, извѣщеніе о случившемся въ Радогощи и приказаніе послѣдовать примѣру радогощанцевъ. Затѣмъ, оставивъ въ Радогощи часть войска съ предсѣдателемъ Орловскаго верхняго земскаго суда Козачковскимъ и Сѣвскимъ земскимъ исправникомъ, губернаторъ отправился въ Дмитровскъ, куда долженъ былъ прибыть генералъ-фельдмаршалъ кн. Н. В. Репнинъ, назначенный Императоромъ Павломъ спеціально для усмиренія крестьянъ. Въ Дмитровскъ взялъ съ собою губернаторъ и Куркина съ товарищами. Одновременно съ кн. Репнинымъ прибылъ Ряжскій мушкатерскій полкъ.

На слѣдующій день послѣ своего прибытія въ Дмитровскъ, 12 февраля, кн. Репнинъ отправился во главѣ войска въ Радогощь, откуда послалъ въ Брасово къ крестьянамъ приказаніе представить къ нему главнаго бунтовщика, Емельяна Черноды рова, и его ближайшихъ помощниковъ, а остальнымъ крестьянамъ прекратить бунтъ и возвратиться къ прежнему своему положенію.

Сверхъ всякаго ожиданія вѣсть о суровой расправѣ съ крестьянами с. Радогощи на брасовскихъ крестьянъ, повидимому, не произвела никакого устрашающаго впечатлѣнія, это видно изъ того, что отправленный кн. Репнинымъ въ Брасово къ крестьянамъ съ требованіемъ покорности дворянскій засѣдатель Калугинъ при въѣздѣ въ село былъ окруженъ массой крестьянъ, вооруженныхъ дубинами, кольями и рогатинами, которые, узнавъ, что онъ пріѣхалъ отъ генералъ-фельдмаршала съ приказомъ ко всему миру, повели его къ Емельяну Черноды рову. Послѣдній приказалъ читать приказъ писарю. Когда сдѣлалось крестьянамъ извѣстно требованіе фельдмаршала вы-

дать зачинщиковъ и изъявить покорность, то въ отвѣтъ они закричали, что начинщиковъ у нихъ нѣтъ и отдавать некого, что всѣ они, крестьяне, всею вотчиною ни приказа сего не слушаютъ, ни за господиномъ быть не хотятъ. Нѣкоторые при этомъ посланнаго предлагали посадить на цѣпь, но Черно-дыровъ приказалъ отпустить его съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ генералъ-фельдмаршалу, что къ нему никто изъ крестьянъ не пойдетъ, а «если онъ хочетъ ихъ видѣть, то бы пріѣхалъ самъ къ нимъ въ гости».

Кн. Репнинъ рѣшилъ дѣйствовать силой. На слѣдующій день во главѣ двухъ полковъ, Линденера гусарскаго полка, бывшаго здѣсь съ начала возмущенія, и только что прибывшаго по Высочайшему повелѣнію Ряжскаго мушкатерскаго полка, кн. Репнинъ подошелъ къ Брасово. Въ Брасово въ это время царствовало необычайное оживленіе. Еще наканунѣ сюда сходилась масса народа изъ сосѣднихъ селъ и деревень. Теперь при приближеніи войскъ крестьяне покрыли собою крыши церкви, господскаго дома, избъ, толпились на всѣхъ возвышенныхъ мѣстахъ, откуда только можно было наблюдать за движеніемъ войска, въ то же время съ колокольни раздавался непрерывный набатный звонъ, слышный на далекомъ разстояніи. При въѣздѣ въ село стояла толпа крестьянъ, вооруженныхъ дубинами, кольями, рогатинами. Подъѣхавъ ближе къ толпѣ, кн. Репнинъ и губернаторъ Воейковъ увидѣли впереди нея четырехъ крестьянъ съ образомъ Пресвятыя Богоматери, съ портретомъ государя и съ хлѣбомъ на столѣ.

Увѣщанія, съ которыми обратился кн. Репнинъ къ толпѣ, не произвели никакого дѣйствія: крестьяне съ крикомъ: «мы хоть умремъ, а не послушаемся!» бросились бѣжать къ селу.

Тогда кн. Репнинъ приказалъ стрѣлять изъ пушекъ; раздались выстрѣлы, но крестьяне остались непоколебимы. Съ крикомъ: «стрѣляй!» они только тѣснѣе сбились въ кучу на площади близъ господскаго дома. Чтобы разогнать эту толпу, генер. Линденеръ съ эскадрономъ гусаръ напалъ на нее, но крестьяне въ свою очередь съ такой отчаянной храбростью бросились на солдатъ, что послѣдніе не выдержали и обрати-

лись въ бѣгство. Самому шефу достался ударъ полѣномъ по спинѣ. Тогда кн. Репнинъ приказалъ выдвинуть противъ нихъ пушки, заряженныя картечью. Несмотря на страшное дѣйствіе этихъ выстрѣловъ, крестьяне сдѣлали еще одно усиліе и напали на Ряжскій пѣхотный полкъ, во главѣ котораго былъ кн. Горчаковъ. Но встрѣченные ружейными выстрѣлами, окруженные отовсюду войсками, крестьяне побросали свои колья и рогатины и просили пощады, которая имъ была сейчасъ же дана. Произведенный выстрѣлами пожаръ губернаторъ приказалъ приведеннымъ съ собою понятымъ изъ сосѣднихъ казенныхъ селъ тушить, раненыхъ перенести въ очищенныя для нихъ избы, а главныхъ мятежниковъ арестовать. Былъ найденъ въ погребѣ и Емельянъ Чернодыровъ. Результаты усмиренія были ужасны. Было сдѣлано 33 пушечныхъ выстрѣла и 600 ружейныхъ, убито 20 чел., ранено до 70, отъ пожара, произведеннаго выстрѣлами, сгорѣло 16 крестьянскихъ дворовъ.

Кн. Репнинымъ былъ отправленъ къ крестьянамъ Бодиско и Хлюстина брасовскій крестьянинъ, который долженъ былъ разсказать имъ о расправѣ, произведенной въ Брасово, и указать, что это же и имъ угрожаетъ, если не перестанутъ волноваться.

Усмиреніе происходило 13 февраля. На слѣдующій день, въ церкви, въ присутствіи кн. Репнина, губернатора Воейкова, ген. Липденера и кн. Горчакова, крестьяне приносили клятву, что не только они сами будутъ послушны помѣщику и властямъ, но и «потомству своему сдѣлаютъ наставленіе».

Между тѣмъ возвратился посланный къ крестьянамъ Бодиско и Хлюстина и привелъ оттуда съ собою 9 крестьянъ, отъ которыхъ узнали, что подговорилъ ихъ отказаться отъ повиновенія помѣщику крестьянинъ Игнатъ Симоновъ со своими родственниками, поддерживаемый апраксинскими крестьянами. Основаніемъ же для волненія послужило «отягощеніе ихъ бѣдностью и работой». Собравшись на сходку, крестьяне рѣшили отправить въ Петербургъ съ прошеніемъ о своихъ нуждахъ самого «начинщика» Игната Симонова и Сергѣя Федорова. Во время этого допроса отъ Брянскаго городничаго былъ по-

лученъ рапортъ, которымъ городничій извѣщалъ губернатора, что имъ задержаны крестьяне Бодиско и Хлюстина, отправленные для подачи прошенія въ Петербургъ. При обыскѣ найдены у нихъ «два вѣрющія на подачу просьбы письма отъ ихъ обществъ и пункты на составленіе прошеній; оныя вѣрющія письма писаны Трубчевской округи села Богородицкаго дьячкомъ, подписаны вмѣсто крестьянъ того же села священникомъ и дьякономъ». Убитые крестьяне, по приказанію кн. Репнина, были зарыты въ одну общую яму отдѣльно отъ другихъ; надъ ними былъ поставленъ столбъ съ надписью: «Тутъ лежатъ преступники противъ Бога, государя и помѣщика, справедливо наказанные огнемъ и мечемъ по закону Божію и государеву» [1]).

Часть крестьянъ, замѣшанныхъ въ бунтѣ и сопротивленіи властямъ, была наказана плетьми здѣсь же, на мѣстѣ, и от-

---

[1]) Въ 1902 г. мнѣ пришлось быть въ Брасово, и вотъ что сохранилось въ народной памяти объ этомъ событіи. Дѣйствительно, говорили мнѣ глубокіе старики, былъ бунтъ, былъ онъ изъ-за того, что господинъ долго не появлялся въ имѣніи—онъ жилъ въ Питерѣ—и потому прошелъ слухъ, что онъ умеръ. Стали крестьяне говорить: «баринъ нашъ умеръ, чего мы станемъ работать на разныхъ его холоповъ? мы свободны». Это и послужило причиной бунта. Пришли войска усмирять крестьянъ. 20 человѣкъ заковали въ цѣпи, а остальныхъ стали уговаривать вернуться къ работѣ. Когда же послѣдніе не согласились на это, въ нихъ начали стрѣлять изъ пушекъ и убили болѣе ста человѣкъ, а 20 скованныхъ «изрубили шашками». Брасово тогда было обнесено кирпичной стѣной, и вотъ за стѣной была вырыта яма, гдѣ ихъ всѣхъ и похоронили. Изъ кирпича былъ поставленъ надъ мѣстомъ погребенія столбъ съ надписью, но какой, совершенно не помнятъ. Столбъ былъ пирамидальной формы, въ основаніи имѣлъ 3 аршина въ квадратѣ, высоты аршинъ 5—6. Одинъ старикъ показалъ мнѣ мѣсто, гдѣ стоялъ столбъ. Оно находится къ востоку отъ села, на его окраинѣ, за оградой кладбища. Вмѣсто столба осталось небольшое углубленіе, откуда дѣти и до сихъ поръ вытаскиваютъ иногда куски кирпича, очевидно служившаго основаніемъ столбу. Столбъ разобранъ «на кирпичи» лѣтъ 35—40 назадъ, а яма и до сихъ поръ видна. Разстрѣливать пріѣзжалъ какой-то генералъ, но кто именно—не помнятъ.

дана въ вотчину съ тѣмъ, чтобы «за поведеніемъ ихъ неослабно наблюдаемо было». 36-же человѣкъ и Емельянъ Черподыровъ, какъ главные участники волненій, были отправлены для суда въ Орелъ. Наконецъ, по приказанію кн. Репнина, губернаторъ съ отрядомъ пѣхоты и конницы и съ одной пушкой отправился въ дер. Иванову, куда приказалъ собрать до 400 крестьянъ, и въ ихъ присутствіи срылъ домъ Черподырова до основанія. Затѣмъ губернаторъ отправился въ с. Богородицкое, къ крестьянамъ Бодиско и Хлюстина, гдѣ уже ни о какомъ сопротивленіи крестьяне и не помышляли, и арестовавъ главныхъ зачинщиковъ, остальныхъ заставилъ принести клятву въ повиновеніи помѣщику. Чтобы провѣрить показанія крестьянъ, которые жаловались на отягощеніе работами на помѣщика, «я, пишетъ губернаторъ кн. Куракину, разспрашивалъ бурмистра, который донесъ мнѣ, что вотчинъ помѣщика его крестьяне, работаютъ въ недѣлю какъ на господина, такъ и на себя по три дня и что особливыхъ на нихъ тягостей никакихъ не налагается». Весьма характерна и интересна ссылка на свидѣтельство «бурмистра». Какъ будто можно было полагаться на достовѣрность его! Но это свидѣтельство интересно въ томъ отношеніи, что три дня работы на помѣщика, очевидно, считалось наиболѣе нормальнымъ положеніемъ для крестьянъ, такъ какъ, конечно, бурмистръ о количествѣ работы крестьянъ свидѣтельствовалъ то, что по его мнѣнію было наиболѣе законнымъ и менѣе всего могло считаться для крестьянъ отяготительнымъ.

И здѣсь было произведено наказаніе менѣе виновныхъ на мѣстѣ плетьми, а болѣе виновные были отправлены въ Орелъ «для законнаго сужденія».

Послѣдній актъ этой драмы разыгрался въ Орловской палатѣ суда и расправы, предъ которой предстало 37 человѣкъ апраксинскихъ крестьянъ и 180 чел. голицынскихъ.

«Палата, какъ доносилъ губернскій прокуроръ Масловъ кн. Куракину, въ разсужденіи многаго числа колодниковъ и важности спхъ дѣлъ имѣя особливое о скорѣйшемъ рѣшеніи оныхъ попеченіе и засѣдая 2 раза въ день, не исключая та-

бельныхъ и воскресныхъ, сколько токмо возможность позволяла, прилагала неусыпное стараніе», но только къ 31 марта была въ состояніи закончить всѣ эти дѣла.

Наказанія были суровыя: Емельянъ Чернодыровъ и Федоръ Савенковъ, какъ главныя лица возстанія въ Брасово, подверглись и самому жестокому наказанію; было постановлено: «наказать нещадно кнутомъ въ Орлѣ 25-ю да на мѣстѣ 75-ю ударами и, вырѣзавъ ноздри и поставя штемпельные знаки, сослать вѣчно въ каторжную работу».

3 крестьянина, ближайшіе помощники Чернодырова, были присуждены къ наказанію кнутомъ на мѣстѣ жительства по 50 ударовъ и ссылкѣ «въ работу, яко вредные для общества люди».

10 виновнымъ было опредѣлено за участіе въ бунтѣ, напр., одинъ изъ нихъ вырвалъ у Козачковскаго изъ рукъ указъ, который тотъ собирался читать крестьянамъ, наказаніе кнутомъ 20-ю ударами «на мѣстѣ преступленія и оставленіе на жительство».

18 чел., участіе въ бунтѣ которыхъ сказалось въ менѣ рѣзкой формѣ, были присуждены къ наказанію жестоко плетьми и отдачѣ «по прежнему же жительству». Въ этой группѣ былъ отецъ Емельяна Чернодырова Федоръ, вина котораго заключалась въ томъ, что «при началѣ злыхъ предпріятій, сыномъ его производимыхъ въ дѣйствіе, не посовѣтывалъ ему отстать и не отвращалъ его отъ того злодѣйствія».

Наконецъ, 4 человѣка—одинъ умеръ во время слѣдствія, «какъ не замѣшанныхъ въ бунтѣ и ни въ какихъ преступленіяхъ не признавшихся и ни отъ кого не доказанныхъ,—освободить отъ всякаго наказанія».

Волненія въ Радогощи сопровождались убійствомъ управляющаго Свинцова, старосты и сотскаго, и наказаніямъ подверглось здѣсь большее число лицъ.

Такъ, 16 крестьянъ были наказаны 100 ударами кнутомъ и, по вырваніи ноздрей и клейменіи, были сосланы въ вѣчную каторжную работу, 75 человѣкъ были присуждены къ наказанію 25-ю ударами кнута и отпущены домой; въ числѣ осуж-

денныхъ этой группы былъ Федоръ Грохотовъ, который, «будучи старостой и не могши самъ за болѣзнью итти и высылать на бунтъ, говорилъ, что пусть десятскіе высылаютъ». Другой изъ этой же группы былъ осужденъ за то, что «хотя самъ въ бунтѣ и не былъ, но другихъ на оный выгонялъ».

Неосторожныя слова служили такою же причиной для осужденія, какъ и участіе въ бунтѣ. Такъ, напр., въ послѣднюю группу попалъ отставной солдатъ Цѣпоуховъ, вся вина котораго заключалась въ томъ, что онъ сказалъ о полкѣ, отступившемъ предъ крестьянами въ Радогощи съ губернаторомъ Квашнинымъ-Самариным: «если бы оный полкъ присланъ былъ отъ государя, то не отступилъ бы назадъ, а когда отступилъ, то видно, что подкупленъ».

Наконецъ, послѣднюю группу составили 89 человѣкъ—два изъ нихъ умерло во время слѣдствія,—хотя никто изъ нихъ ни въ бунтѣ, ни въ убійствахъ не былъ замѣшанъ, но вину ихъ составляло то, что они «при самомъ началѣ бунта и въ послѣдствіи онаго могли имѣть случай извѣстить о себѣ, что они на сопротивленіе не согласны, кого слѣдовало, и нынѣ же по бытности въ Радогощи въ первый разъ губернатора могли объявить ему и отдѣлиться отъ бунтующихъ». Въ наказаніе имъ вмѣнено было заключеніе ихъ въ тюрьмѣ во время слѣдствія.

Въ царствованіе Имп. Александра I, какъ извѣстно, была учреждена комиссія для пересмотра дѣлъ уголовныхъ. Былъ составленъ слѣдующій докладъ по этому дѣлу: «что касается до вышепоименованныхъ людей, осужденныхъ въ вѣчную ссылку и на работы, то поелику они суть люди такихъ свойствъ и качествъ, что неоднократно утруждали о ложныхъ обидахъ отъ помѣщиковъ покойнаго государя императора и другія мѣста; нелѣпыми разсказами и ложными толками произвели въ умахъ непросвѣщенныхъ то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ совершенъ бунтъ и неповиновеніе не только помѣщикамъ, но и самой власти, то дабы часть сію оставить въ томъ спокойствіи, въ каковомъ она нынѣ находится—внести въ списокъ объ оставляемыхъ безъ перемѣны положенія».

15 мая 1802 года списокъ этотъ Высочайше былъ утвержденъ [1]).

Справедливы ли были жалобы крестьянъ на свое невыносимое тяжелое экономическое положеніе? Положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ характеръ борьбы, которую вели крестьяне, то упорство, съ какимъ стремились они къ свободѣ, наконецъ, крайнее ожесточеніе, проявленное ими въ этой борьбѣ и доведшее ихъ въ Радогощи до убійства управляющаго. Но кромѣ этихъ общихъ соображеній у насъ есть возможность рѣшить этотъ вопросъ на основаніи чисто фактическихъ данныхъ.

По окончаніи усмиренія крестьянъ кн. Голицыной губернаторъ приказалъ подать повѣренному помѣщицы вѣдомости о работахъ крестьянъ на помѣщицу. Изъ этихъ вѣдомостей видно, что «выкуривается въ годъ на всѣхъ заводахъ вина по обязательствамъ съ казною 41,978 ведеръ да проданнаго откупщикамъ слѣдуетъ поставить 52,000 ведеръ, а всего 93,978 ведеръ. Всякій день находится въ работѣ и при разныхъ должностяхъ по 330 чел. Каждогодно обсѣменяется всякимъ хлѣбомъ по 3180 десятинъ». Сравнивая эти свѣдѣнія съ данными, заключающимися въ прошеніи крестьянъ государю, приведенномъ нами выше, мы видимъ, что цифры, приводимыя повѣреннымъ и крестьянами, почти вполнѣ совпадаютъ.

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № $^{2}/_{2}$ 4.

2. Калужская губернія.

Село Дубровки Калужской губерніи Медынскаго уѣзда въ началѣ 90-хъ годовъ XVIII вѣка принадлежало помѣщику Иванову и передъ смертью было завѣщано имъ вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ Императорскому Московскому Воспитательному Дому. Но наслѣдники не согласились подчиниться волѣ завѣщателя и начали тяжбу, въ результатѣ которой было присужденіе имъ села Дубровокъ, какъ владѣнія наслѣдственнаго, все же остальное—благопріобрѣтенное—осталось за Воспитательнымъ Домомъ. Дубровки наслѣдниками были проданы Давыдовой, которая съ 1792 г. и владѣла имп.

Крестьяне, конечно, знали о передачѣ ихъ Воспитательному Дому, страстно желали этого, какъ выхода изъ крѣпостной зависимости, и были глубоко опечалены, когда дѣло рѣшилось не въ ихъ пользу. Но до восшествія на престолъ новаго государя они оставались спокойны, подчинившись своей судьбѣ. Съ перемѣной государя и у нихъ, какъ и у остальныхъ помѣщичьихъ крестьянъ, возникли надежды на перемѣну ихъ положенія.

И вотъ въ началѣ декабря 1796 г. крестьяне «числомъ по послѣдней 5 ревизіи 141 душа, кромѣ двухъ семействъ, вышли госпожѣ своей статской совѣтницѣ Давыдовой изъ повиновенія». Владѣлица въ своемъ объявленіи объ этомъ въ нижній земскій судъ прибавляетъ, что крестьяне ея «имѣютъ еще какой то зловредный заговоръ». Въ чемъ заключался этотъ «зловредный заговоръ», ни сама помѣщица не поясняетъ, ни изъ дальнѣйшаго дѣла не видно. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что его и не было въ дѣйствительности, если за таковой не считать общее, основанное, конечно, на предварительномъ уговорѣ, неповиновеніе крестьянъ.

По прибытіи въ Дубровки исправника со сторонними людьми, крестьяне, «собравшись съ топорами и разнымъ дреколіемъ, намѣрены были, ежели станутъ брать, бить понятыхъ до смерти, и къ нему (исправнику) не пошли». Тогда отправилось въ мятежное село цѣлое присутствіе нижняго земскаго суда, усилія котораго привести крестьянъ въ повиновеніе также ни къ чему не привели. Узнали только, что крестьяне считаютъ себя не принадлежащими Давыдовой, такъ какъ они должны были по волѣ ихъ прежняго владѣльца Иванова перейти въ казну. Для разъясненія ихъ положенія командированъ былъ къ крестьянамъ верхняго земскаго суда предсѣдатель полковникъ Пушкинъ съ засѣдателемъ Бамбериномъ и 10 рядовыми съ оберъ-офицеромъ губернской роты. Изъ Медыни Пушкинъ отправилъ Бамберина съ солдатами и понятыми въ Дубровки, откуда Бамберинъ, возвратившись, донесъ, что ему не удалось успокоить крестьянъ. Крестьяне на его увѣщанія отвѣчали, что «они той госпожѣ Давыдовой не принадлежатъ, а слѣдуютъ будто бы коронѣ, о чемъ-де для подачи въ вышнемъ правительствѣ просьбы и отправлены отъ нихъ нарочные три человѣка въ столичный городъ Санктпетербургъ». Мало того, что крестьяне не слушали никакихъ увѣщаній Бамберина, «они, собравшись большой шайкой съ дубьемъ, рогатинами и прочимъ разнымъ дреколіемъ, взошедъ въ одинъ изъ тѣхъ крестьянъ домъ и заперши ворота, произносили разныя и дерзкія ругательства и съ совершеннымъ азартомъ метали на него и на всю команду колья». Несмотря на это, Бамберину удалось взять 12 крестьянъ, а остальные, видя, что дальнѣйшее сопротивленіе невозможно и боясь участи своихъ товарищей, «черезъ повѣти» ушли на задворки, откуда на заранѣе приготовленныхъ лошадяхъ и уѣхали. Когда Бамберинъ узналъ объ этомъ, было уже поздно ихъ ловить, а въ селѣ остались только женщины и дѣти.

На допросѣ арестованныхъ Бамбериномъ 12 человѣкъ выяснились причины волненія: крестьяне жаловались на приказчика, поставленнаго надъ ними ихъ госпожею, обвиняя его во взяткахъ, въ жестокости наказаній, которымъ онъ ихъ под-

вергалъ, жаловались на предположенную къ госпожѣ ихъ отсылку 13 человѣкъ въ Калугу для отдачи въ рекруты, находили, наконецъ, что они Давыдовой не принадлежатъ, о чемъ отправлено ими и прошеніе въ Петербургъ.

Бамберинъ въ Дубровкахъ былъ 21 декабря, а еще 29 января исправникъ на запросъ губернскаго правленія доносилъ, что крестьяне изъ селенія всѣ скрылись и гдѣ находятся, неизвѣстно, почему онъ «съ отряженной къ сыску ихъ и приведенію въ повиновеніе помѣщицѣ командою и понятыми чинитъ сыскъ въ окрестныхъ селеніяхъ».

Только въ концѣ февраля закончилось это дѣло, да и то не совсѣмъ. Часть разбѣжавшихся удалось исправнику переловить, изъ нихъ одни посажены были въ тюрьму и надъ ними назначено было слѣдствіе, а другіе «равно и прочихъ разбѣжавшихся семейства и дѣти средняго возраста пересѣчены плетьми и прутьями». «Начинщикомъ» былъ староста, который все время очень искусно скрывался отъ исправника. Послѣдній, «дабы вызвать его изъ скрытности», сжегъ старостѣ принадлежавшую клѣть, но и это средство не помогло, и тогда была въ селѣ оставлена воинская команда, которая должна была переловить остальныхъ.

Волненія крестьянъ Давыдовой были только началомъ цѣлаго ряда волненій, открывшихся въ Калужской губ., нѣкоторые уѣзды которой, какъ напр., Медынскій, сплошь были охвачены крестьянскимъ движеніемъ.

У помѣщика Воейкова въ сельцѣ Угрюмовѣ съ деревнями крестьяне отказались отъ повиновенія. Исправникъ, отправившійся туда 13 февраля 1797 г., собралъ крестьянъ Воейкова и окрестныхъ деревень въ с. Кулешово къ церкви и «неоднократно имъ обще съ священниками той церкви читалъ Именной Его Императорскаго Величества Высочайшій указъ о повиновеніи» [1]), но, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, чтеніе это ни къ чему не привело. Къ этимъ крестьянамъ присоединились еще крестьяне брата Воейкова. Всѣ крестьяне единогласно объявили, что по-

---

[1]) Манифестъ 29 января 1797 года. См. 45 стр.

виноваться своимъ помѣщикамъ они не желаютъ, а идутъ просить къ Его Императорскому Величеству, указъ же называютъ фальшивымъ. «Сколько ни старался внушать, но все считали за празднословіе», наивно прибавляетъ исправникъ въ своемъ рапортѣ.

Видя безуспѣшность своихъ увѣщаній, исправникъ хотѣлъ было воспользоваться 237 статьей Выс. учрежд. о губерніяхъ[1]), которая давала ему право для подавленія волненія крестьянъ собрать понятыхъ изъ сосѣднихъ крестьянъ, но оказалось, что «собрать было некого, потому что и въ ближайшихъ селеніяхъ большая часть наклонна къ таковому же непослушанію». Исправнику ничего другого не осталось, какъ снова отправиться въ Угрюмово съ командой изъ 20 солдатъ съ оберъ-офицеромъ, присланныхъ къ нему вице-губернаторомъ. Крестьяне, узнавъ о прибытіи исправника съ командой, снова собрались въ с. Кулешово въ количествѣ до 200 чел. «съ превеличайшими дубинами». Туда же явились съ дубинами и крестьяне брата майора Воейкова, Павла Воейкова, болѣе 300 чел., и крестьяне Давыдовой сельца Дубровокъ. Новыя увѣщанія исправника привели къ старымъ результатамъ. Крестьяне объявили при этомъ, что, «если кого изъ нихъ станутъ

---

[1]) «Земскій исправникъ самъ и всѣ въ уѣздѣ живущіе обязаны клятвою предъ Всемогущимъ Богомъ въ сохраненіи ненарушимо подданической вѣрности къ Особѣ Императорскаго Величества, и какъ безъ нарушенія временнаго и вѣчнаго своего блаженства клятву свою преступить не могутъ, для того земскому исправнику поручается и предписывается бдѣніе, дабы никто въ противность подданическаго долга и послушанія, въ уѣздѣ ничего не предпріялъ и не учинилъ. Буде же паче чаянія гдѣ окажется сему противное предпріятіе, то земскій исправникъ нетокмо о томъ увѣдомить долженствуетъ губернское правленіе и Государева Намѣстника, или Правителя Намѣстничества, но имѣетъ до того не допустить и смирить по мѣрѣ данной ему власти нарушителя общаго, частнаго и собственнаго своего покоя и блаженства, въ чемъ всякій вѣрный Императорскаго Величества подданный обязанъ по мѣрѣ власти, силы и возможности своей помогать земскому исправнику». Учрежденія для управленія губерній. СПБ. 1786 г., 77—78.

брать, то всѣхъ перебьютъ до смерти, каковую видя ихъ къ дракѣ наклонность», исправникъ «ко взятію начинщиковъ приступить» не рѣшился, но послѣднихъ замѣтилъ: это были Петръ Шевлевъ и Ульянъ Ивановъ; они говорили, что «будто есть такіе указы, которыми позволено имъ просить Его Императорское Величество на помѣщиковъ»[1]), но отъ кого они сами объ этомъ узнали, они не открыли, подтверждая только, что есть такіе указы. Одного только крестьянина удалось задержать исправнику, Петра Абрамова, пойманнаго на дорогѣ, когда онъ ѣхалъ «для подачи объявленія въ Медынскій земскій судъ, сочиненнаго и подписаннаго села ихъ Кулешова священникомъ Петромъ Григорьевымъ». Этотъ крестьянинъ и препровожденъ имъ въ Медынскій земскій судъ «къ поступленію по законамъ», священника же, сочинителя этого «объявленія», также слѣдовало бы, по мнѣнію исправника, привлечь къ суду, какъ принимающаго участіе въ бунтѣ.

Волненіе крестьянъ въ Медынскомъ уѣздѣ все болѣе разросталось. 13 февраля получилъ исправникъ отъ майора Воейкова извѣстіе о бунтѣ крестьянъ, а 16 числа того же мѣсяца такія же увѣдомленія получилъ отъ брата Воейкова въ сельцѣ Павловскомъ съ деревнями и помѣщицы Никифоровой въ сельцѣ Булгаковѣ и Ильинскомъ. Эти села и деревни находились по сосѣдству съ имѣніемъ Воейкова, а потому крестьяне всѣхъ этихъ сосѣднихъ помѣщиковъ, соединившись, представили толпу болѣе, чѣмъ въ 1000 чел. Конечно, команда исправника изъ 20 солдатъ представляла слишкомъ ничтожную силу, чтобы можно было, опираясь на нее, предпринять противъ бунтующихъ какія нибудь рѣшительныя мѣры, тѣмъ болѣе, что съ

---

[1]) Очевидно подразумѣвался указъ 12 дек. 1796 г.: «Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ сдѣлать повсемѣстное подтвержденіе, дабы тѣ, кои имѣютъ нужду подавать какія либо жалобы или прошенія, не инако то дѣлали, какъ каждый отъ себя, не подписываясь больше одного человѣка; если же окажутся прошенія, подписанныя вмѣстѣ нѣсколькими, таковыя не только будутъ сожжены, но и подписавшіеся подвергнутся законному взысканію» П. С. З. XXIV, 17636.

распространеніемъ волненія увеличивалось и ожесточеніе крестьянъ, доведшее ихъ въ вотчинѣ у П. Воейкова до убійства старосты съ сыновьями, не желавшихъ дѣйствовать съ ними за одно, и посланнаго помѣщикомъ къ нимъ крестьянина для увѣщанія ихъ. Въ виду такихъ размѣровъ бунта вице-губернаторъ Митусовъ рѣшилъ самъ принять участіе въ подавленіи волненія, вытребовавъ предварительно въ помощь эскадронъ Шевича гусарскаго полка; оружіе Митусовъ рѣшилъ употребить только въ крайнемъ случаѣ, какъ доносилъ онъ кн. Куракину, испытавъ всевозможныя мѣры кротости, «для вящаго же ихъ устрашенія, а въ случаѣ неминуемости и употребленія, за потребное разсудилъ взять два изъ имѣющихся здѣсь единорога».

Прибывъ на мѣсто волненія, Митусовъ нашелъ тамъ «болѣе 1000 чел. ослушниковъ и къ тому же склонныхъ большую часть владѣльческихъ селеній въ Медынской округѣ». Сначала онъ сдѣлалъ попытку черезъ исправника, посланнаго имъ съ частью войска, повліять на крестьянъ, но крестьяне о повиновеніи своимъ помѣщикамъ и слышать не хотѣли. Тогда Митусовъ во главѣ эскадрона гусаръ явился самъ «въ одно сходбищное ихъ селеніе», гдѣ читалъ имъ манифестъ и указы, увѣщевалъ, угрожалъ и «напослѣдокъ по многомъ сопротивленіи едва тронуть могъ страхомъ угрозъ ожесточенныя ихъ сердца и подѣйствовать на развращенные ложными на какіе то указы надѣяніями разсудки ихъ».

«Возбудителями начальнаго ихъ ослушанія» крестьяне назвали приходского ихъ села Кулешова священника Петра Григорьева, который сочинилъ общественный приговоръ для подачи просьбы съ жалобами на помѣщиковъ на Высочайшее имя, и десятскаго. Для производства слѣдствія священникъ былъ отправленъ въ духовное правленіе, а десятскій въ уѣздный судъ. По усмиреніи волненія у Воейковыхъ, оставивъ тамъ эскадронъ гусаръ, Митусовъ отправился съ двумя вытребованными ротами Астраханскаго гренадерскаго полка въ селенія помѣщицы Никифоровой, гдѣ также безъ помощи оружія крестьяне были усмирены, при чемъ и здѣсь «развратителями»

крестьянъ были тѣже священникъ села Кулешова и десятскій, а кромѣ того еще два священника другихъ приходовъ, виновныхъ въ составленіи и подписываніи вмѣсто крестьянъ такихъ же приговоровъ, какъ и у крестьянъ Воейкова. И эти священники отосланы были въ духовное правленіе [1]).

Почти одновременно съ крестьянами Медынскаго уѣзда стали волноваться крестьяне Лихвинскаго уѣзда. 29 декабря 1796 г. подняли волненіе въ селѣ Титовѣ и деревняхъ Верховой и Меншиково фабричные люди и крестьяне Милютина, какъ доносилъ объ этомъ сынъ владѣльца въ Калужское губерское правленіе.

Неповиновеніе ихъ выразилось въ томъ, что фабричные отказались работать на фабрикѣ, а крестьяне платить оброкъ и исполнять «другія по вотчинѣ и фабрикѣ должности». На вопросъ владѣльца о причинѣ неповиновенія крестьяне «дерзостно отвѣчаютъ и съ угрозами говорятъ, что они уже не ихъ, Милютиныхъ, а Государевы, и хотятъ разбѣжаться, а куда—неизвѣстно, причемъ девять человѣкъ уже и бѣжало». На основаніи этого прошенія Правленіе послало предписаніе Лихвинскому капитану-исправнику «по должности его, изображенной Высочайшаго объ управленіи губерній учрежденія въ статьѣ 242 [2]), съ нижнимъ земскимъ судомъ и уѣзднымъ стряпчимъ» отправиться въ село Титово и, удостовѣрившись въ истинности доносимаго на крестьянъ, постараться «ввести въ должное повиновеніе»; если же этого не удалось бы ему достигнуть, то по силѣ того жъ Учрежденія статьи 237 [3]) долженъ онъ, истребовавъ отъ окрестныхъ владѣльцевъ и вотчинныхъ начальниковъ пособіе въ людяхъ, по мѣрѣ данной ему закономъ власти, съ

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 3/1.

[2]) «Буде гдѣ въ уѣздѣ окажется въ чемъ ослушаніе отъ цѣлаго селенія, то земскій капитанъ увѣдомляетъ о семъ Намѣстническое правленіе и Генералъ-Губернатора или Правителя Намѣстничества, а между тѣмъ прилагаетъ стараніе о приведеніи ослушныхъ въ послушаніе по мѣрѣ данной ему власти». Учрежденія для управленія губерній СПБ. 1786 г., 80.

[3]) См. 59 стр.

этой командою привести ихъ въ повиновеніе, а виновныхъ предать суду. Городничему же Лихвинскому предписано было, чтобы въ дачѣ земскому суду и капитану-исправнику помощи поступалъ по статьѣ того же Учрежденія объ управленіи губерній 257[1]).

Снабженный этой инструкціей исправникъ отправился въ Титово, откуда донесъ, что ослушаніе крестьянъ дѣйствительно существуетъ и заключается въ томъ, что они, «какъ работающіе на фабрикѣ дворовые люди и крестьяне, такъ и состоящіе на пашнѣ, согласясь всѣ, за исключеніемъ самой малой части, послали сами собою, выбравъ къ тому 7 человѣкъ изъ фабричныхъ и крестьянъ и собравъ имъ по десяти копѣекъ съ каждаго человѣка на дорогу, къ государю подать на помѣщика ихъ, Милютина, просьбу и на другой день новаго года еще отправили двухъ съ доносомъ на сына господина ихъ въ томъ, будто онъ имъ запрещаетъ служить о здравіи государя молебны и что одному изъ фабричныхъ сказалъ: «я тебя до смерти убью».

Несмотря на всѣ старанія исправника увѣщаніями подѣйствовать на крестьянъ, его усилія остались тщетными «во множество голосовъ кричали они, что уже отправили къ государю съ просьбой и дожидаются отвѣта, и кричали на сына господина своего «слово и дѣло» и говорили ему, исправнику, чтобы онъ его взялъ и представилъ къ суду».

Напрасно исправникъ увѣрялъ крестьянъ, что никакóй словесный доносъ на господина отъ крѣпостныхъ людей не принимается и что «слово и дѣло» уже отмѣнено.

Крестьяне, не вѣря ему, «нѣсколько разъ съ азартомъ оное «слово и дѣло» кричали и даже свидѣтельствовали сіе солдатамъ, при немъ находящимся, и сторонним крестьянамъ».

---

[1]) «Штатныя команды, кои въ городахъ находятся при разныхъ караулахъ присутственныхъ мѣстъ, или при должностяхъ суть въ командѣ городничаго, который въ случаѣ опасности (оставя частныхъ, гдѣ необходимо нужно) оныя собрать и употребить можетъ для предохраненія общаго блага отъ опасности; почему городничему надлежитъ за исправнымъ состояніемъ той штатной команды прилежное смотрѣніе имѣть». Учрежденія для управленія губерній, 88—89.

Исправникъ арестовалъ 3-хъ человѣкъ; крестьяне потребовали объясненія, за что онъ ихъ взялъ и сковалъ; когда же исправникъ отвѣтилъ, что сынъ ихъ господина считаетъ ихъ «начинщиками», то крестьяне «во множество голосовъ» отвѣтили, что они всѣ готовы пойти, какъ таковые, такъ какъ они для такого дѣла «рады головы свои положить». «На сей ихъ азартный разговоръ» исправникъ ихъ спросилъ, что они будутъ дѣлать, если ихъ посланные, какъ не имѣющіе паспортовъ, будутъ пойманы и возвращены обратно? Крестьяне отвѣчали, «что еще пошлютъ, а буде и тѣ не дойдутъ, то до тѣхъ поръ будутъ посылать, пока дойдутъ!».

«Видя и слыша таковую настоятельность въ ихъ законамъ противныхъ поступкахъ», исправникъ распустилъ крестьянъ по домамъ въ ожиданіи, «не одумаются ли и не прійдутъ ли въ раскаяніе въ своихъ дѣяніяхъ», а самъ, донося о случившемся, просилъ дальнѣйшихъ инструкцій отъ губернскаго правленія. Правленіе отвѣтило ему, что, «одобряя начальный его приступъ къ усмиренію оказавшихся въ ослушаніи Милютину, ожидаетъ по усердію его къ службѣ Его Императорскаго Величества и дальнѣйшихъ успѣховъ въ усмиреніи того ослушанія отъ благоразумныхъ его внушеній и толкованій строгости законовъ». Такъ какъ исправникъ не сообщалъ правленію о причинахъ волненія, то ему предписывалось немедлено же донести объ этомъ. Если же, заключаетъ свой указъ правленіе, никакія увѣщанія не подѣйствуютъ, то исправникъ въ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ долженъ руководиться 237 статьей Учрежденія объ управленіи губерній [1]).

Слѣдующій рапортъ отъ 16 января исправника принесъ успокоительныя вѣсти: крестьяне «перестали быть ослушны и на работы къ помѣщику ходятъ», вслѣдствіе чего и въ примѣненіи къ крестьянамъ 237 статьи съ требованіемъ отъ окрестныхъ владѣльцевъ людей, а отъ городничаго команды надобности не было; что же касается причинъ, вызвавшихъ волненіе, то оно, по показанію самихъ крестьянъ, «произошло якобы за неполученіемъ полнаго платежа заработныхъ на фабрикѣ

[1]) См. 59 стр.

денегъ и за тяжестью работъ». Сынъ же владѣльца по этому поводу представилъ возраженія, что не только ничего не долженъ крестьянамъ его отецъ, а еще за крестьянами по фабричнымъ счетамъ числится до 1000 руб. неотработанныхъ денегъ; работы же крестьянами исправляются всѣ тѣ же, какія и прежде этого за нѣсколько лѣтъ они исполняли «безъ всякой чувствительности, и необыкновенныхъ работъ вновь не наложено» [1]).

Относительно денежныхъ счетовъ трудно сказать что либо опредѣленное, кто правъ, владѣлецъ или крестьяне, особенно, если принять во вниманіе произволъ въ оцѣнкѣ труда со стороны и фабриканта, и принадлежащихъ ему же рабочихъ; совсѣмъ иное—другая причина: тяжесть работъ.

Даже если допустить, что Милютинъ правъ, утверждая, что крестьяне его исполняли фабричныя работы «безъ всякой чувствительности», все таки они по справедливости жаловались на тяжесть работъ. Эта тяжесть, существовавшая и раньше и едва можетъ быть терпимая крестьянами, теперь, когда появился лучъ надежды на облегченіе положенія, дѣлается невыносимой.

Гораздо болѣе необыкновенный случай неповиновенія мы встрѣчаемъ въ Мещовскомъ уѣздѣ той же Калужской губерніи.

15 января 1797 года въ мѣстный земскій судъ явились вотчины гвардіи прапорщика Николая Васильевича Чебышева села Новоселокъ староста Александръ Афанасьевичъ и выборный Иванъ Федоровъ съ крестьянами и дворовыми людьми—всего 25 человѣкъ. Явившіеся объявили, что они вслѣдствіе «мучительныхъ побоевъ» своего господина и отобранія имущества, въ видѣ коровъ, лошадей и пр., быть въ повиновеніи у него «средствъ не находятъ». При этомъ крестьяне представили суду привезенные ими изъ господскаго дома разные, «принадлежащіе до содержанія подъ стражей, инструменты», какъ то: 6 стульевъ, изъ нихъ 5 съ принадлежностями, имѣющими видъ поясовъ, а 6-ой съ шейными желѣзными цѣпями, 2 де-

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 3/2.

ревянныхъ на шеи колодки, 5 ножныхъ желѣзъ и 6 шейныхъ рогатокъ.

Хотя крестьянамъ и прочитаны были указы 3 іюля [1]) и 22 августа 1767 г., [2]) но «ничто къ успокоенію не подѣйствовало». Тогда, по рѣшенію суда, староста и выборный были подвергнуты допросу «съ увѣщеваніемъ» для выясненія причины ихъ неповиновенія. Но и на допросѣ крестьяне ничего новаго не сообщили, указывая на невыносимость своего положенія, «они жить у господина своего за упомянутыми резонами средствъ не находятъ». Губернское правленіе предписало исправнику на рапортъ послѣдняго, «что когда уже имъ при-

---

[1]) См. 33 стр.

[2]) «Во всенародное извѣстіе. Хотя по Высочайшей Ея Императорскаго Величества конфирмаціи обнародованнымъ отъ Сената генваря 19 дня прошлаго 1765 г. указомъ, въ подтвержденіе многихъ прежде изданныхъ, и объявлено, дабы никто Ея Императорскому Величеству въ собственныя руки мимо учрежденныхъ на то Правительствъ и опредѣленныхъ на то особо для того персонъ, челобитень подавать отнюдь не отваживался, подъ опасеніемъ предписаннаго въ ономъ указѣ наказанія, а именно: когда кто не изъ дворянъ и пенмѣющихъ чиновъ осмѣлится Высочайшую Ея Величества особу подачею въ собственныя руки челобитень утруждать: то за первое дерзновеніе отсылать таковыхъ въ работу на каторгу на мѣсяцъ; за второе съ наказаніемъ публично, отсылать туда же на годъ, возвращая оныхъ по прошествіи срока на прежнія жилища, а за третіе преступленіе съ наказаніемъ публично плетьми ссылать вѣчно въ Нерчинскъ, съ зачетомъ крѣпостныхъ помѣщикамъ ихъ въ рекруты. Но нынѣ, не взирая на то, дворовые люди и крестьяне генерала Леонтьева, генеральши Толстой и подполковника Аврама Лопухина и его братьевъ отважились еще нарушить оный обнародованный указъ подачей Ея Императорскому Величеству въ собственныя руки на помѣщиковъ своихъ челобитень, не токмо противныхъ изображенному 13 пункту 2-й Уложенной главы закону, но и вовсе онымъ не дозволенныхъ, какъ то въ помянутомъ Уложеннмъ пунктѣ именно напечатано: «А будутъ учнутъ извѣщати про Государское здоровье, или какое измѣнное дѣло чьи люди на тѣхъ, у кого они служатъ, или крестьяне, за кѣмъ они живутъ въ крестьянѣхъ, а въ томъ дѣлѣ ничѣмъ ихъ не уличатъ; и тому

чятъ доносъ отъ крестьянъ и дворовыхъ людей на помѣщика Чебышова въ тиранствѣ и жестокостяхъ, то уповаетъ правленіе, что принять съ ясными и несомнѣнными свидѣтельствами въ знакахъ того тиранства имѣющихся на нихъ, а посему и велѣно дѣло о семъ препроводить въ уѣздный судъ», туда же отослать и главныхъ доносителей, а остальныхъ отправить къ Чебышову съ тѣмъ однако, чтобы «наказывать ихъ до окончанія дѣлъ воздержался».

Что же касается Чебышова, то губернскому предводителю дворянства Янову было предписано явиться въ Мещовскъ, пригласить къ себѣ уѣзднаго предводителя дворянства и «по-

---

ихъ извѣту не вѣрити; и учиня имъ жестокое наказаніе, бивъ кнутомъ нещадно, отдати тѣмъ, чьи они люди и крестьяне; а опричь тѣхъ великихъ дѣлъ, ни въ какихъ дѣлѣхъ такимъ извѣтчикамъ не вѣрити». И хотя во исполненіе вышеизображенныхъ законовъ, нѣкоторые изъ помянутыхъ преступниковъ за сіе ихъ дерзновеніе здѣсь въ Москвѣ на разныхъ площадяхъ, а достальные въ ихъ жилищахъ публично и жестоко на тѣлѣ всѣ наказаны, при чемъ помѣщикамъ отдано на ихъ произволеніе, къ себѣ ли ихъ по наказаніи обратно взять пожелаютъ или согласятся, чтобы оные отосланы въ казенную работу въ Нерчинскъ? Равномѣрно и прочіе ихъ сообщники, какъ-то и бригадира Дмитрія Алсуфьева и братьевъ его дворовые люди и крестьяне, черезъ посконныя команды всѣ приведены въ должное помѣщикамъ своимъ послушаніе. Но, какъ изъ обстоятельствъ сего дѣла усматривается, что таковыя преступленія большей частью происходятъ отъ разглашенія злонамѣренныхъ людей, разсѣвающихъ вымышленные ими слухи о перемѣнѣ законовъ и собирающихъ подъ симъ видомъ съ крестьянъ поборы, обнадеживая оныхъ исходатайствовать имъ разныя пользы и выгоды, которые вмѣсто того тѣми поборами корыстуются сами, а бѣдныхъ и незнающихъ законовъ крестьянъ, отвратя ихъ отъ должнаго помѣщикамъ повиновенія, приводятъ въ разореніе и въ крайнее несчастіе. Чего ради Правительствующій Сенатъ, по возложенной на него отъ Ея Императорскаго Величества довѣренности, имѣя попеченіе о сохраненіи въ государствѣ установленнаго порядка, а особливо пользы тѣхъ, кои, не имѣя достаточно о узаконеніяхъ знанія и увѣряясь въ простотѣ своей таковыми вымышленными отъ злонамѣренныхъ людей слухами, слѣпо онымъ послѣдуютъ, а черезъ то впадаютъ въ неизбѣжную гибель, за ну-

чтеннѣйшихъ изъ дворянства Мещовской округи», вызвать къ себѣ Чебышова и, показавъ ему «сіи острожныя орудія, внушить о должности истинно благороднаго человѣка его обязанности въ повиновеніи законамъ Самодержцевъ всероссійскихъ, внушающимъ кротость и милосердіе къ подчиненнымъ и воспрещающимъ всякую жестокость и тиранство». Предводитель дворянства долженъ былъ кромѣ того объявить Чебышеву, что сдѣланный на него допосъ, во всемъ ли онъ истиненъ или только отчасти, «содѣлываетъ ему стыдъ, а орудія оныя отнимаютъ доброе имя». Въ виду всего этого предводитель долженъ былъ предложить Чебышову «устроить свое поведеніе въ разсужденіи своихъ подчиненныхъ такъ, чтобы начальство не-

---

жное почелъ симъ Ея Императорскаго Величества указомъ еще обнародовать, чтобы помѣщичьи люди и крестьяне подобнымъ сему ложнымъ разглашеніямъ ни подъ какимъ видомъ не вѣрили, но имѣли бы къ помѣщикамъ своимъ должное повиновеніе и безпрекословное во всемъ послушаніе, какъ о томъ издревле отъ Самодержавныхъ предковъ Ея Императорскаго Величества узаконено, безъ всякой отмѣны, повелѣвая таковыхъ, кто отважится возмущать людей и крестьянъ къ неповиновенію ихъ помѣщикамъ тотчасъ брать подъ караулъ и приводить въ ближайшія присутственныя мѣста, которымъ безъ продолженія времени поступать съ ними по указамъ, какъ съ нарушителями общаго покоя, безъ всякаго послабленія. А буде и по обнародованіи сего Ея Императорскаго Величества указа которые люди и крестьяне въ должномъ у помѣщиковъ своихъ послушаніи не останутся и въ противность вышеизображеннаго 2-й Уложенной главы 13 пункта недозволенныя на помѣщиковъ своихъ челобитныя, а наипаче Ея Императорскому Величеству въ собственныя руки подавать отважатся: то какъ челобитчики, такъ и сочинители сихъ челобитень наказаны будутъ кнутомъ, и прямо сошлются въ вѣчную работу въ Нерчинскъ съ зачетомъ ихъ помѣщикамъ въ рекруты.

А для повсемѣстнаго о семъ свѣдѣнія и исполненія сей указъ съ полученія онаго чрезъ цѣлый мѣсяцъ въ каждомъ мѣстѣ въ праздничные и воскресные дни, а по прошествіи мѣсяца ежегодно по одному разу во время храмовыхъ праздниковъ читать по всѣмъ церквамъ, дабы никто невѣдѣніемъ отговариваться и въ подобное симъ послѣднимъ преступникамъ несчастіе впасть не могъ». П. С. З. XVIII, 12966.

имѣло заботъ пещись объ исправленіи онаго или вовсе отказать отъ владѣнія деревнями».

По донесенію губернатора государю объ этомъ послѣдовала Высочайшая резолюція, въ которой выражалось Высочайшее благоволеніе «за успѣшное начальственное распоряженіе».

Между тѣмъ въ Мещовскій земскій судъ отъ городничаго было представлено еще 12 человѣкъ дворовыхъ Чебышова, явившихся съ жалобой на помѣщика за невыдачу мѣсячины, за побои и за «всегдашнее содержаніе въ желѣзахъ, цѣпяхъ и колодкахъ». Они были освидѣтельствованы городовымъ лѣкаремъ, при чемъ были найдены на тѣлѣ ихъ «знаки сѣченія плетьми и кнутьями, въ рубцахъ и струпьяхъ на тѣлѣ состоящіе».

Губернскій предводитель дворянства на основаніи полученной инструкціи призвалъ къ себѣ Чебышова, которому и сдѣлалъ предписанное внушеніе, но Чебышовъ не нашелъ себя виновнымъ, а недовольство противъ него крестьянъ и дворовыхъ людей объяснилъ тѣмъ, что ему приходилось часто ихъ наказывать за пьянство и распутство, и даже за два дня до открытія явнаго неповиновенія ихъ (очевидно, подъ «явнымъ неповиновеніемъ» Чебышовъ разумѣлъ жалобу на него его крестьянъ) покушались по заговору лишить его, Чебышова, жизни. Но такъ безчеловѣчно онъ все таки ихъ не наказывалъ, что готовъ клятвой подтвердить. Скотъ онъ, правда, отобралъ, взявъ у старосты и выборнаго по лошади и коровѣ за то, что порученный имъ господскій скотъ по недосмотру ихъ палъ, но хлѣба у нихъ не только не отнималъ, но самъ давалъ даже тѣмъ, которые впали въ бѣдность вслѣдствіе пьянства и собственнаго нерадѣнія; на покупку для нихъ хлѣба онъ истратилъ болѣе 1000 рублей, да 30 крестьянскихъ дворовъ построилъ на свои средства. Что касается, наконецъ, острожныхъ орудій, представленныхъ крестьянами въ судъ, то «ножныя желѣзы и стулья имѣлись въ домѣ его для удержанія отъ побѣговъ приготовляемыхъ къ отдачѣ въ рекруты, а прочія рогатки и колодки, гдѣ людьми его взяты, отозвался невѣдѣніемъ». Узнавъ

объ этомъ противорѣчіи между жалобой крестьянъ и показаніями Чебышова, Калужскій губернаторъ Митусовъ, какъ онъ доноситъ кн. Куракину, приказалъ провѣрить показанія обѣихъ сторонъ земскому суду распросами сосѣднихъ крестьянъ, а предводителю — узнать мнѣнія окольныхъ дворянъ о Чебышовѣ, «равно, какого онъ поведенія вообще и неизвѣстно ли было прежде сего и нынѣ какихъ либо не соотвѣтственныхъ дворянину поступковъ, а паче въ разсужденіи его подданныхъ». И если окажется жалоба его крестьянъ справедливой, то «не упущу, продолжаетъ далѣе Митусовъ, припять надлежащія мѣры къ положенію преграды жестокостямъ его опредѣленіемъ къ имѣнію его опекуновъ, а между тѣмъ такое постыдное для дворянина оглашеніе и чинимыя внушенія объ обязанностяхъ его въ повиновеніи государственнымъ узаконеніямъ и строгое подтвержденіе отъ начальства можетъ быть и безъ дальнѣйшаго судопроизводства поставитъ его въ границы свойственнаго дворянину благоповеденія».

Въ отвѣтъ на это донесеніе кн. Куракинъ, послѣ доклада государю этого дѣла, проситъ Митусова о присылкѣ обстоятельныхъ увѣдомленій: очевидно, имп. Павелъ обнаружилъ особенный интересъ къ этому случаю.

Пока происходила эта переписка, предводитель опросилъ «сосѣдственныхъ и окольныхъ дворянъ мещовской округи», однихъ лично, отъ другихъ получилъ письменные отвѣты черезъ земскій судъ. Всѣхъ опрошенныхъ было 18 человѣкъ. Всѣ они показали, что «означенный Чебышовъ поведенія во всѣхъ частяхъ соотвѣтственнаго благородному его званію», объ обращеніи его съ крестьянами отозвались, что имъ «по общежитію того неизвѣстно».

Но дѣло и безъ этихъ допросовъ было ясно. «Хотя Чебышовъ и отводитъ знаки жестокаго сѣченія плетьми и кнутьями своихъ дворовыхъ и крестьянъ, пишетъ Митусовъ въ своемъ донесеніи кн. Куракину, якобы наказаны они за покушеніе на жизнь его, но изъ всего того *не неприятно и излишество въ наказаніи*, поелику, ежели бы сіе подлинно было справедливо, что покушались на его жизнь», могъ бы Чебышовъ про-

сить судъ разслѣдовать дѣло и наказать виновныхъ. Въ виду всего этого губернаторъ вызвалъ Чебышова и лично сдѣлалъ ему внушеніе, «дабы онъ удерживалъ себя отъ излишнихъ и неприличныхъ движеній гнѣва своего противъ подданныхъ». Что же касается разбора этого дѣла на судѣ, то губернаторъ и неторопилъ съ его окончаніемъ судъ «по причинѣ открывавшихся во многихъ мѣстахъ здѣшней губерніи ослушаній крестьянъ не только ихъ помѣщикамъ, но даже и земской полиціи, дабы не подать повода къ каковымъ либо вреднымъ послѣдствіямъ».

И такъ на счетъ виновности Чебышова у губернатора не было сомнѣнія. Чебышовъ долженъ былъ донести суду о заговорѣ на него его крестьянъ, а если уже хотѣлъ самъ наказать, то нужно было умѣренно это дѣлать, а то «не примѣтно и излишество въ наказаніи»; судебное разбирательство губернаторъ не торопилъ, такъ какъ боялся, очевидно, чтобы признаніе правыми крестьянъ и виновнымъ помѣщика еще болѣе не возбудило волновавшихся въ губерніи крестьянъ. Наконецъ, убѣжденіе въ виновности Чебышева заставило губернатора вызвать его къ себѣ и лично сдѣлать ему внушеніе по поводу этого дѣла. Это все было въ концѣ февраля 1797 г. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Волненія крестьянъ въ Калужской губерніи затихли, и въ маѣ судъ разобралъ это дѣло.

Результаты судебнаго разбирательства по истинѣ изумительны. Въ доказательство справедливости своей жалобы крестьяне, между прочимъ, ссылались на дворового человѣка помѣщика Кременецкаго, который видѣлъ, какъ Чебышовъ гонялся по двору съ саблею за людьми, просившими у него мѣсячины. Спрошенный свидѣтель отвѣчалъ, что никогда того не видалъ и ни отъ кого не слыхалъ.

Староста показалъ, что помѣщикъ за то, что онъ докладывалъ ему о просьбѣ крестьянъ отпустить ихъ на работу, жестоко билъ его палкой и поранилъ въ голову, но по освидѣтельствованіи на немъ никакихъ «боевыхъ знаковъ» не найдено. (Черезъ четыре-то мѣсяца!).

За это и «за прочія (?) ложныя на помѣщика показанія» четверо: староста, выборный и двое дворовыхъ людей наказаны кнутомъ, первые два по 15 ударовъ, а послѣдніе по 10, равно и прочіе изъ крестьянъ и дворовыхъ людей наказаны плетьми. Помѣщикъ же Чебышовъ, «хотя по производству дѣла законнымъ образомъ въ доносимыхъ жестокостяхъ и недоказанъ, но будучи убѣжденъ моими (губернатора) внушеніями, что за всѣмъ тѣмъ видимы его излишнія строгости и наказанія, согласился подать просьбу объ опредѣленіи къ нему опекуна, но не по 222 статьѣ Высочайшихъ учрежденій [1]), а такъ, какъ къ человѣку настоящаго его возраста единственно для того, дабы оный, имѣя всевременное руководство при управленіи имъ, Чебышовымъ, имѣніемъ, могъ видѣть какъ его, Чебышова, къ людямъ и крестьянамъ, такъ и ихъ къ нему расположеніе, и въ случаѣ ихъ неповиновенія и противныхъ поступковъ могъ разными средствами отъ того удержать, а со временемъ удостовѣрясь въ неповинномъ его, Чебышова, оклеветаніи, донести о томъ и правительству: продажу же и закладъ имѣнія, равно и распоряженіе онымъ ему не воспрещать. Почему объ опредѣленіи просимаго имъ опекуна и предписано мещовскимъ уѣздному предводителю и уѣздному суду».

Такъ позорно кончилось это позорное дѣло! Крестьяне, справедливость жалобы которыхъ была признана, какъ мы видѣли, губернаторомъ, были признаны виновными въ дачѣ ложныхъ показаній и наказаны, Чебышовъ, виновность котораго была такъ же ясна, какъ ясна была справедливость жалобы крестьянъ, признанъ невиннымъ и освобожденъ отъ всякаго наказанія. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ считать наказаніемъ для Чебышова назначеніе ему опекуна, котораго онъ самъ же и выбираетъ [2]).

Въ Серпейскомъ уѣздѣ, въ селѣ Понизовьѣ съ деревнями, въ вотчинѣ капитана Александра Васильевича Зыкова, крестьяне

---

[1]) Эта статья содержитъ «Примѣрное или повальное постановленіе опекунамъ» (малолѣтныхъ). Учрежденія для управленія губерній. СПБ. 1786 г., 64.

[2]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 3/3.

его всего 283 души «начали дѣлать бунтъ и вышли изъ должнаго повиновенія», какъ доносилъ объ этомъ самъ помѣщикъ. Волненіе вскорѣ было усмирено, однако крестьянамъ черезъ выборныхъ удалось доставить Государю свою челобитную.

«Всеавгустѣйшій Монархъ! Всероссійскій Государь! пишутъ крестьяне въ прошеніи, извѣстны отъ Вашего Императорскаго Величества ко всѣмъ бѣднымъ и несчастнымъ людямъ щедрыя милости, посему и мы, господина капитана Александра Васильевича Зыкова крестьяне, какъ не имѣющіе отеческаго покровительства, осмѣлились прибѣгнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, проливая слезы безпрестанно и Вашему Императорскому Величеству вынуждены въ разсужденіи нашихъ злосчастныхъ и неистовыхъ приключеній объяснить слѣдующее»: всю пахотную землю, лѣсныя и сѣнныя угодья, которыми пользовались крестьяне, помѣщикъ отобралъ у нихъ себѣ, заставляя крестьянъ обработывать землю на него, при чемъ не давая отдыха, томитъ на работѣ не только взрослыхъ мужчинъ и женщинъ, но и дѣтей.

Но сверхъ барщины помѣщикъ требуетъ со своихъ крестьянъ и оброкъ съ жеребья, т. е. съ четырехъ семействъ въ годъ по 5 рублей, по 2 барана, 4 гуся, 4 русскихъ курицы, 40 яицъ, говяжьяго мяса свѣжаго по 12 фунтовъ, масла коровьяго по 4 фунта, конопли по 4 четверика, малины по 12 фунтовъ.

Съ женщинъ съ каждой собираетъ по 12 фунтовъ грибовъ, но не натурой, даже если бы кто-либо и принесъ грибы, а взыскиваетъ деньгами по 10 коп. за фунтъ.

Съ жеребьевыхъ 4-хъ женщинъ по 3 талки въ недѣлю пряжи 40-пасманной, холста льняного по 17 арш., пеньки по 1/2 пуда, зайцевъ по 4 съ гнѣзда, но также не натурой, а по 50 коп. за зайца.

Сверхъ этихъ повинностей на принадлежащей Зыкову фабрикѣ еще положено на каждую женщину выткать холста по 6 поставовъ, въ каждомъ поставѣ по 45 арш. на 12 становъ. А нѣкоторые крестьяне должны платить помѣщику оброка въ

годъ по 20 руб. Всѣ платятъ деньги безостановочно, предписанную же работу всю наравнѣ съ остальными исполняютъ.

Такое обремененіе крестьянъ со стороны помѣщика и барщиной и оброкомъ не могло обходиться безъ наказаній, которыя бывали такъ жестоки, что, напр., Федосья Васильева за неисправную выставку талекъ по приказанію помѣщика была высѣчена и подъ розгами умерла, а Дарья Пахомова, приговоренная къ такому же наказанію, не дождалась его: со страху «привела себя въ удавленіе». Многіе, боясь наказаній, бѣжали отъ помѣщика. Когда Зыковъ узналъ о посылкѣ крестьянами на него жалобы, то посадилъ въ Серпейскѣ 12 чел. крестьянъ въ тюрьму, а жену крестьянина, который понесъ жалобу въ Петербургъ, держитъ въ заключеніи.

«Всемилостивѣйшій Государь! Ваше Императорское Величество! заключаютъ свое прошеніе крестьяне, къ освященнѣйшему престолу всеподданнѣйшіе рабы припадаемъ и о вышеизъясненномъ смѣлость возымѣли Вашему Императорскому Величеству сію нашу бѣдственную просьбу принятіемъ удостоить и за прописанными нашими резонами, кои показанный гос. Александръ Зыковъ въ противность Вашего Императорскаго Величества узаконенію чинитъ крестьянамъ наказанія и великія притѣсненія, отъ сего несноснаго разоренія избавить, дабы не могли мы безъ всякаго пропитанія мучительнымъ разореніемъ погибнуть, а меня всеподданнѣйшаго не могъ мученіемъ лишить жизни. Вашего Императорскаго Величествъ Монарха и Государя всеподданнѣйшій рабъ Фетисъ Акимовъ, а за неумѣніемъ его грамотѣ и писать по его прошенію подписалъ канцелярскій сынъ Василій Архангельскій».

Слѣдствіемъ этого прошенія было требованіе кн. Куракинымъ у Зыкова объясненія на жалобы крестьянъ, такое же требованіе, какое мы видѣли было прислано Андрееву. [1])

Въ объясненіи, представленномъ Зыковымъ кн. Куракину, Зыковъ говоритъ, что Фетисъ Акимовъ его «истинно оболгалъ, да и крестьяне мои съ нимъ, Фетисомъ, въ подачѣ на меня

---

[1]) См. 26 стр.

таковой вымышленной просьбы въ заговорѣ не были; а воспослѣдовалъ таковой несчастный для меня случай единственно отъ праздношатающагося регистратора, Петра Ипатова, который, проѣзжая черезъ село мое Понизовье, удостовѣрялъ ихъ ложнымъ разглашеніемъ, кое показаніе открылось мнѣ черезъ находящихся моихъ подсудимыхъ двухъ человѣкъ, чтобы крестьяне просили Государя о вольности, удостовѣряя, что ежели кто до мая мѣсяца объ оной просить не будетъ, то тогда будетъ отказано въ вольности да сверхъ того наказанъ будетъ кнутомъ». Услышавъ объ этомъ, Акимовъ съ двумя другими крестьянами, Игнатьевымъ и Иваповымъ, отправился къ дьякону села Печекъ, Емельяну Петрову, который и написалъ имъ приговоръ, «якобы отъ всего міра». Что же касается отнятія земли у крестьянъ и отягощенія ихъ работой и оброками, то Зыковъ рѣшительно опровергалъ это, доказывая свою правоту тѣмъ, что «сего нимало по изслѣдованіи не открылось и сами крестьяне въ допросахъ ни слова о томъ не упомянули, а показали, что желали только воспользоваться вольностью». Остальные же крестьяне по слѣдствію не сочувствовали имъ. Но такъ какъ такое огульное отрицаніе всего ничего не выяснило да и было въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ однимъ уже фактомъ волненія всѣхъ крестьянъ противъ Зыкова, то послѣдній прибавляетъ: «А если по несчастію моему что и кроется въ крестьянахъ моихъ непзвѣстное мнѣ на меня ихъ неудовольствіе, то не отчего думаю другого, какъ только единственно отъ расположенія здѣсь моего жительства по неимѣнію въ другихъ мѣстахъ деревень».

Главной причиной неудовольствія противъ него крестьянъ Зыковъ считаетъ «непривычку крестьянъ видѣть въ лицо своего помѣщика», такъ какъ отецъ Зыкова жилъ въ другихъ деревняхъ.

Поселившись въ Понизовьѣ, онъ не только не сталъ обременять крестьянъ непосильными трудами, а напротивъ старался всячески облегчить ихъ положеніе, даже живетъ онъ «въ самонаймалѣйшемъ домикѣ», гдѣ хотя и претерпѣваетъ большія неудобства, но переноситъ ихъ все единственно изъ-за того, чтобы не обременять своихъ крестьянъ.

Вмѣстѣ съ требованіемъ объясненія отъ Зыкова по поводу принесенной на него жалобы крестьянами кн. Куракинымъ было послано Калужскому губернатору предписаніе принять подъ свое покровительство подававшаго на Зыкова жалобу крестьянина. Въ отвѣтъ на требованіе безнаказанности Фетиса Акимова, сдѣлавшееся ему извѣстнымъ черезъ губернатора, Зыковъ прибавляетъ въ своемъ объясненіи: «предписаніе же Вашего Сіятельства въ точности выполнить долженъ, но только еще означенный проситель ко мнѣ не возвратился» [1]).

Въ Жиздринскомъ уѣздѣ обнаружилось волненіе крестьянъ въ январѣ 1797 г., именно, въ вотчинѣ помѣщицы Маріи Мальцевой крестьяне вышли изъ повиновенія. Къ сожалѣнію, подробности этого волненія остались не выясненными для самой администраціи, такъ какъ это волненіе въ своихъ существенныхъ чертахъ вполнѣ аналогично съ волненіемъ крестьянъ с. Дубровокъ Давыдовой: при первомъ же появленіи въ деревнѣ Гололобовкѣ исправника всѣ крестьяне разбѣжались, за исключеніемъ 3-хъ человѣкъ, которые исправникомъ и отосланы были въ уѣздный судъ. На донесеніе объ этомъ губернское правленіе потребовало отъ исправника болѣе подробныхъ свѣдѣній, но оказалось, что и при второмъ своемъ пріѣздѣ въ Гололобовку исправникъ ничего добиться не могъ, такъ какъ крестьяне всѣ находились въ бѣгахъ и усмирять было некого [2]). Послѣднимъ актомъ крестьянскаго движенія въ Калужской губерніи была жалоба дворового человѣка, Іоны Лукьянова, на своего господина секундъ-маіора Выродова.

Дѣло заключается въ слѣдующемъ.

Въ іюлѣ 1797 г. Іона Лукьяновъ подалъ жалобу на имя Государя, въ которой жаловался на своего господина Выродова, помѣщика Боровского уѣзда села Ильинскаго, что послѣдній побоями заставляетъ его приводить къ себѣ малолѣтнихъ крестьянскихъ дѣвокъ не болѣе 12 лѣтъ или и менѣе «для непотребства». И прежде въ томъ же селѣ Выродовъ отнималъ у крестьянъ

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. II. *Сенатскій Архивъ* 1-е отд. 5-го Департамента, № 130.

[2]) *Сенатскій Архивъ* 1-е отд. 5-го Департ., № 130.

молодыхъ бабъ по очереди и малолѣтнихъ до 10 душъ растлилъ. Не будучи въ состояніи выносить такой службы, Лукьяновъ бѣжалъ и теперь просилъ опредѣлить его, куда угодно, лишь бы не возвращаться къ помѣщику.

Прошеніе было доложено Государю, который приказалъ сообщить объ этомъ дѣлѣ губернатору, съ тѣмъ «дабы внимательнѣйше развѣдалъ объ оном», а въ случаѣ ложнаго показанія доносителя поступилъ бы съ нимъ по законамъ.

Губернаторъ, получивъ предписаніе, приказалъ Боровскому земскому исправнику «наиприлежнѣйше о томъ и безъ огласки стороннимъ образомъ отъ сосѣдственныхъ дворянъ и обитателей развѣдать». Изъ донесенія исправника выяснилось, что, несмотря на его многочисленныя распросы и дворянъ и крестьянъ, живущихъ близъ вотчины Выродова, никто ничего подобнаго о Выродовѣ не слышалъ.

Только нѣкоторые изъ крестьянъ самого Выродова показали, что дѣйствительно въ апрѣлѣ крестьянскія ихъ дѣвки и бабы «для непотребства» были приводимы къ ихъ помѣщику въ бытность его въ той вотчинѣ людьми его Антономъ Матвѣевымъ, Іоной Лукьяновымъ и Николаемъ Анисимовымъ, но послѣдній отрицаетъ, чтобы что либо подобное было, Матвѣевъ умеръ въ началѣ года, а Лукьяновъ бѣжалъ. Въ виду такой неопредѣленности показаній губернаторъ не могъ жалобѣ Лукьянова «отдать полной справедливости». Тѣмъ болѣе, прибавляетъ губернаторъ въ своемъ отвѣтѣ кн. Куракину, что въ недавнее еще время вообще по губерніи здѣшней между помѣщичьими крестьянами «отъ нѣкоторыхъ слабомысленныхъ и вредныхъ внушеній были великія возмущенія, такъ что при всемъ стараніи начальства они едва были успокоены, а потому и сія жалоба легко быть можетъ, что произошла отъ сего же начала». Но чтобы все таки въ этомъ дѣлѣ открыть истину, губернаторъ приказалъ имѣть «бдительнѣйшія за поведеніемъ помѣщика Выродова наблюденія и при малѣйшемъ подобно доносимому открытію не упустить поступить по всей строгости законовъ» [1]).

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. I, № 9.

3. Новгородсѣверская губернія.

10 декабря 1796 г. начались крестьянскія волненія въ Новгородсѣверской губерніи, именно, въ Короповскомъ уѣздѣ, въ селѣ Рождественскомъ, гдѣ по послѣдней ревизіи числилось 501 душа, издавна принадлежавшихъ помѣщицѣ полковницѣ Юркевичевой.

Волненіе здѣсь началось съ того, что крестьяне ея, воспользовавшись отъѣздомъ помѣщицы въ губернскій городъ, отправились на хуторъ и въ домъ Юркевичевой въ уѣздномъ городѣ Коропѣ и привезли всѣхъ бывшихъ тамъ ея людей въ Рождественское. Соединившись всѣ вмѣстѣ, крестьяне открыто объявили, что принадлежать своей помѣщицѣ, слушаться ея они не хотятъ, и отказались давать въ казну хлѣбную четвериковую подать.

Послѣ того какъ нижній земскій судъ ничего не могъ добиться, губернаторъ Алексѣевъ самъ взялся за это дѣло и узналъ, что причиной волненія крестьянъ было съ одной стороны ихъ желаніе «быть подданными не помѣщицѣ, а Государю», а съ другой недовольство на помѣщицу за отягощеніе ихъ работами. Мѣры, принятыя губернаторомъ, «кои всѣ употреблены съ тихостью, безъ оглашенія, кротко и единственно дѣйствомъ убѣдительныхъ вразумленій», привели къ тому, что крестьяне мало по малу успокоились, выдали 11 зачинщиковъ, которые преданы были «законному сужденію», и признали свои повинности, какъ доносилъ объ этомъ кн. Куракину губернаторъ Алексѣевъ 15 января 1797 г.

Не успѣло еще утихнуть волненіе въ Рождественскомъ, какъ началось новое волненіе въ Новомѣстскомъ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ Семеновкѣ, среди крестьянъ генералъ-маіора Римскаго-Корсакова, которыхъ было 2894 души. Поводомъ къ волненію

крестьянъ, по донесенію губернатора, послужило то обстоятельство, что «вкрался имъ слухъ, что они уже не будутъ помѣщичьи, а Государевы», вслѣдствіе чего они собрались во дворъ господскій, «дѣлали отъ управителей ропотныя требованія», что они работаютъ напрасно и что есть указъ присягать имъ государю, но протопопъ будто утаилъ. Другимъ поводомъ къ волненію крестьянъ была отмѣна съ 1797 г. хлѣбной подати, указъ о которой былъ изданъ 10 декабря 1796 г. Крестьяне требовали возвращенія собраннаго уже съ нихъ за 1796 годъ хлѣба на основаніи этого указа.

Мы уже видѣли, что приведеніе къ присягѣ на вѣрность имп. Павлу толковалось крестьянами въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ доказательство ихъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Въ данномъ случаѣ неприведеніе крестьянъ къ присягѣ толкуется ими въ томъ же смыслѣ освобожденія отъ власти помѣщика. Что касается такъ называемой четвериковой подати, то крестьяне знали о ея отмѣнѣ только по слухамъ, такъ какъ указъ объ этомъ былъ изданъ 10 декабря 1796 г., а волненіе у Римскаго-Корсакова началось 28 декабря того же года.

Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ сплошнымъ недоразумѣніемъ, какъ по отношенію къ первому поводу, такъ и по отношенію ко второму, недоразумѣніемъ, которое легко могло бы быть выяснено при всякихъ другихъ условіяхъ, но только не при тѣхъ, которыя служили основаніемъ для этого волненія: страстная жажда освобожденія и надежда на его близость.

Волненіе крестьянъ Римскаго-Корсакова продолжалось съ 28 декабря 1796 г. по 16 января 1797 г., то утихая, то снова разгораясь, причемъ крестьяне «паки изъявляли сѣтованія и отлагались отъ господской работы съ грубостью и угрозами противъ управителей и самого помѣщика». Наконецъ, губернаторъ, воспользовавшись тѣмъ, что случайно въ это время черезъ Семеновку проходилъ Лейбъ-Кирасирскій полкъ, съ его помощью «благовидно, безъ шума и огласки» арестовалъ зачинщиковъ въ количествѣ 13 человѣкъ, послѣ чего волненіе утихло.[1])

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 8.

4. Пермская губернія.

Въ Пермской губерніи крестьянскія волненія обнаружились только у одного помѣщика, въ вотчинѣ дѣйст. тайн. совѣтника Всеволожскаго.

14 декабря 1796 г. къ земскому исправнику Обвинскаго уѣзда, секундъ-маіору Шаманову, бывшему въ селѣ Зюкайскомъ Всеволожскаго по дѣлу объ убійствѣ крестьянина Неволина, крестьяне этого села болѣе 100 человѣкъ приступили съ требованіемъ освободить ихъ отъ господской работы. Когда же исправникъ посовѣтовалъ по этому поводу обратиться къ ихъ господину, то крестьяне объявили, что они цѣлой вотчиной согласились требовать своего освобожденія и отказываются отъ повиновенія помѣщику. Исправникъ, видя разрастающееся волненіе, потребовалъ отъ городничаго воинскую команду, а изъ волости 30 казаковъ, чтобы прекратить крестьянскія «собранія», но на слѣдующій день крестьяне собрались уже въ количествѣ до 400 человѣкъ и приступили къ исправнику съ тѣми же требованіями. Такъ какъ убѣжденія исправника ни къ чему не привели, а силой онъ дѣйствовать не могъ по отсутствію на этотъ счетъ полномочій, то онъ предпочелъ уѣхать, что ему удалось не безъ труда, такъ какъ крестьяне не пускали его отъ себя.

По выѣздѣ изъ Зюкайскаго исправникъ о возникшемъ возмущеніи сейчасъ же донесъ въ намѣстническое правленіе, которое 23 декабря выработало слѣдующую инструкцію для исправника. По полученіи указа изъ намѣстническаго правленія исправникъ обязанъ былъ немедленно отправиться «на мѣсто, гдѣ означенные крестьяне, оказывающіеся въ непослушаніи, находятся», и «буде тѣ крестьяне найдены будутъ въ таковомъ же упорствѣ и неповиновеніи, какъ въ донесеніи его,

исправника, значится, объявить имъ указъ правленія, прочитать Высочайшій указъ 22 августа 1767 г. [1]) и Высочайшаго Учрежденія для управленія губерній 242 ст.,[2]) «внятнѣйше имъ о силѣ тѣхъ указовъ растолковать и, сдѣлавъ кроткое и достаточное имъ увѣщаніе, стараться довести ихъ до того, чтобы они у господина своего были въ должномъ повиновеніи и послушаніи и чтобы ни на какіе слухи, вымышленные злонамѣренными людьми, въ корысть себѣ слѣпо разглашаемые, не взирали, а тщились бы исправлять безропотно передъ господиномъ ихъ свою обязанность, а буде имѣютъ какіе отъ управляющихъ вотчинами прикащиковъ обиды и желаютъ въ томъ искать себѣ удовольствія, то могутъ, выбравъ отъ себя повѣреннаго, отправить его къ господину своему, который одинъ имѣетъ право доставить имъ должное удовольствіе, внушивъ имъ при томъ, что за препебреженіе и неисполненіе воли помѣщика подвергнутъ они себя непремѣнному по силѣ означенныхъ указовъ наказанію. Въ противномъ случаѣ имѣетъ къ приведенію ослушныхъ въ послушаніе поступить по переданной ему власти, съ крайнимъ разсмотрѣніемъ».

Мы нарочно подробно выписали эту инструкцію, чтобы показать, какія средства находились въ рукахъ администраціи, когда ей приходилось сталкиваться съ возмущеніями крестьянъ. Этими средствами служили прежде всего чтеніе указовъ крестьянамъ съ толкованіемъ, запрещающихъ подъ страхомъ жестокаго наказанія неповиновеніе власти помѣщика, но, вѣдь, крестьяне и сами прекрасно знали, что ихъ поведеніе незаконно, и если они все таки рѣшались возставать противъ помѣщика, то, конечно, чтеніемъ этихъ указовъ нельзя было достигнуть ихъ успокоенія.

Къ такому же результату должно было привести и другое средство, рекомендуемое правленіемъ исправнику: указанія крестьянамъ на незаконность ихъ поведенія по отношенію къ помѣщику, на наказанія, которыя имъ грозятъ и т. п.

---

[1]) См. 66 стр.

[2]) См. 62 стр.

Такъ на самомъ дѣлѣ и случилось. 3-го января 1797 г. исправникъ донесъ правленію, что онъ съ дворянскимъ засѣдателемъ и уѣзднымъ стряпчимъ, съ воинской командой и 50 казаками ѣздилъ въ села Зюкайское и Рождественское и старался выполнить инструкцію правленія, но крестьяне «не только увѣщеванія его не приняли, но единогласно во многочисленныхъ толпахъ, бывшихъ болѣе 500 чел., кричали, что ни указу правленія, ни господину ихъ лейбъ-гвардіи коннаго полка ротмистру Всеволожскому не повинуются и его настоящимъ своимъ владѣльцемъ не признаютъ и налагаемыхъ заводскихъ, промысловыхъ и прочихъ работъ ничьимъ нарядомъ исправлять не будутъ». Въ заключеніе исправникъ просилъ прислать воинскую команду.

Намѣстническое правленіе немедленно распорядилось отрядить воинскую команду при прапорщикѣ Ларіоновѣ изъ состоявшей на лицо конныхъ 50, пѣшихъ изъ губерніи и горныхъ ротъ 50 же человѣкъ и при нихъ одну пушку при артиллерійскомъ оберъ-офицерѣ съ пристойнымъ числомъ артиллерійскихъ служителей.

И прапорщику Ларіонову изъ намѣстническаго правленія была дана инструкція, въ которой рекомендуются тѣ же средства усмиренія крестьянъ, что и исправнику Шаманову. Въ случаѣ же безуспѣшности уговариваній разрѣшалось употребить силу, при чемъ рекомендовалось схватить прежде всего зачинщиковъ и немедленно представить ихъ въ судъ. Приведя же въ послушаніе крестьянъ, взять съ нихъ подписку, что они будутъ повиноваться своему помѣщику. Если воинской команды у Ларіонова окажется мало, исправникъ долженъ былъ изъ ближайшихъ селъ собрать вооруженныхъ людей; на случай же, если и этихъ силъ окажется недостаточно, Пермскому нижнему земскому суду предписано было по первому требованію нарядить изъ находившихся въ здѣшней округѣ башкирцевъ 50 чел.

Быстрота, съ которой разросталось волненіе, его угрожающіе размѣры, а болѣе всего, вѣроятно, территорія, гдѣ это

волненіе началось, бывшая такъ недавно еще театромъ дѣйствій шаекъ Пугачева, всѣ эти обстоятельства заставили и намѣстническое правленіе принять быстрыя и рѣшительныя мѣры, и обратило вниманіе государя на это волненіе. На докладъ по этому дѣлу кн. Куракина послѣдовала Высочайшая резолюція: «Его Императорское Величество Высочайше повелѣлъ дать знать губернатору, чтобы онъ употребилъ всевозможные способы для усмиренія и приведенія въ должное къ начальству и помѣщику повиновеніе, а ежели въ томъ безъ помощи не обойдется, то просилъ бы отъ Казанскаго военнаго губернатора, князя Мещерскаго, который имѣетъ уже поповелѣніе Его Императорскаго Величества».

При пріѣздѣ Ларіонова и исправника въ Зюкайское 9 января крестьянъ собралось уже около 1000 чел., но пріѣхавшимъ удалось, какъ они доносятъ въ своемъ рапортѣ, «по довольно чинимому увѣщанію и истолкованію законовъ», довести крестьянъ до того, что, «наконецъ, всѣ единогласно согласились быть у своего господина въ должномъ повиновеніи, равно и всѣ работы на нихъ опредѣляемыя исправлять безъ отрицательно обязались, что и подписками утвердили».

Но вслѣдъ за этимъ рапортомъ Ларіонова и Шаманова Пермскому губернатору, Карлу Модераху, крестьянами Федоромъ Тіуновымъ и Никитой Черемныхъ было подано прошеніе «отъ мірскихъ начальниковъ» и крестьянъ покойнаго господина тайн. совѣт. Всеволода Алексѣевича Всеволожскаго селъ Майкорскаго, Рождественскаго, Зюкайскаго, Кызвенскаго, деревень Сивинской и Серычевской, въ которомъ крестьяне сами разсказываютъ исторію своего возмущенія и усмиренія.

9-го января крестьяне собраны были въ село Зюкайское Обвинскаго нижняго земскаго суда исправникомъ Шамановымъ для приведенія къ подпискѣ въ наслѣдство покойнаго господина ихъ Всев. Алекс. Всеволожскаго племяннику его Всеволоду Андреевичу Всеволожскому и «къ тому были не противны, но только припадая на колѣни просили о чинимыхъ отъ прикащиковъ ихъ имъ обидахъ такъ, какъ и прежде сего просили исправника Шаманова, а бунту и противностей противъ него

не чинили, также и господскихъ работъ не останавливали и отъ господина своего не отказывались». Послѣ этого пріѣхалъ къ нимъ снова исправникъ Шамановъ съ прапорщикомъ Ларіоновымъ, никакихъ отвѣтовъ отъ нихъ не отобрали и безъ всякихъ причинъ многихъ изъ нихъ обнажа плетьми конскими безчеловѣчно пытали и посадили въ земской избѣ въ темный чуланъ; въ то же время находившійся въ с. Зюкайскомъ у межевыхъ дѣлъ землемѣра помощникъ сержантъ Лукинъ, выѣхавъ въ пьяномъ видѣ на лошади съ заряженными пистолетами и съ обнаженною въ рукахъ саблею, многихъ изъ нихъ билъ и «необычно» кричалъ: «ссѣчь имъ головы!» отъ этого Лукина крестьяне и прежде претерпѣвали «всекратныя обиды», о чемъ и начальникамъ своимъ доносили. Произведя такую расправу, Шамановъ и Ларіоновъ, «изъ пасилія собирали въ томъ селѣ отъ всѣхъ домовъ дѣвокъ, также и изъ деревень, къ помощнику Лукину въ покой и дѣлали для увеселенія себя вечеринки, черезъ что и приводятъ на счетъ мірской немалыя издержки». Какъ видно изъ этого прошенія, «увѣщанія и истолкованія закона» исправникомъ и Ларіоновымъ понимались довольно своеобразно, дополняемыя дѣйствіями грубаго произвола и дикаго пасилія.

Извѣстія исправника въ его первомъ рапортѣ о бунтѣ и непослушаніи крестьянъ Всеволожскаго получаютъ совершенно другой смыслъ, если ихъ освѣтить данными, сообщаемыми въ прошеніи крестьянами. Какъ сами крестьяне заявляютъ, они и раньше просили исправника «о чинимыхъ отъ прикащиковъ ихъ имъ обидахъ», а «бунту и противностей противъ него не чинили».

Не менѣе своеобразно отнеслась и губернская администрація къ этому заявленію крестьянъ: разслѣдованіе по этому прошенію и удостовѣреніе въ справедливости жалобъ крестьянъ она поручаетъ — кому же? тѣмъ самымъ лицамъ—исправнику Шаманову и прапорщику Ларіонову, на кого направлены жалобы крестьянъ:

«Обвинскому нижнему земскому суду и находящемуся тамъ съ воинской командой прапорщику Ларіонову указали

предписать: подписавшихся подъ тѣмъ прошеніемъ крестьянъ, призвавъ каждаго порознь, спросить, дѣйствительно ли то прошеніе по ихъ согласію писано, и ежели они на то дѣйствительно были согласны, то какъ въ оной просьбѣ ничего такого не объясняется, чтобы за уважительное принять было можно, кромѣ глухихъ выраженій объ обидахъ, но какихъ именно, не описано, кромѣ того, что якобы нѣкоторые крестьяне сѣчены были конскими плетьми, и что дѣланы были вечеринки, чему быть никакъ губернское правленіе не полагаетъ да и подавшіе ту просьбу крестьяне Тіуновъ и Черемныхъ въ допросѣ показали, что они о томъ ничего не знаютъ (изъ нихъ Тіуновъ даже не былъ во время волненія въ Зюкайскомъ, а Черемныхъ, хотя и былъ, но ушелъ раньше, чѣмъ розыгрались описанныя событія—откуда же имъ было и знать!), слѣдовательно, заключаетъ правленіе, справедливости въ ономъ прошеніи никакой замѣчать и невозможно».

Такимъ образомъ полное невниманіе администраціи въ лицѣ исправника къ жалобамъ крестьянъ и даже объявленіе этихъ жалобъ бунтомъ съ одной стороны, тѣ безчинства и насилія, которыя творили пріѣхавшіе водворять миръ и спокойствіе среди возмущенныхъ своимъ положеніемъ крестьянъ съ другой—породили послѣдствія, которыя и можно было только ожидать отъ этого.

Крестьяне, отчаявшись добиться справедливости законнымъ путемъ, рѣшили добиться ея силой. 15 января Ларіоновъ изъ с. Зюкайскаго, въ которомъ онъ устроилъ свою главную квартиру, откомандировалъ съ земскимъ исправникомъ отрядъ въ 83 ч., въ который входили: 8 драгунъ, 10 пѣхотинцевъ, 25 башкирцевъ и 40 казаковъ изъ крестьянъ, «для забранія укрывавшихся бунтовщиковъ». Подъѣзжая къ дер. Макарята, отрядъ наткнулся на толпу, состоящую «по примѣчанію» изъ 2000 чел. Произошла схватка, въ которой крестьяне ранили 4 человѣка, 7, захватя, прибили дреколіемъ а у 8 чел. были отбиты ружья съ сумами и патронташи, сабли и тесаки. Донося объ этомъ, Ларіоновъ проситъ «для усмиренія помянутыхъ бунтовщиковъ» еще прибавить воинской команды, при-

бытія которой онъ будетъ ожидать въ Зюкайскомъ. Съ рапортомъ этимъ былъ присланъ унтеръ-офицеръ Рязановъ, участвующій въ этомъ походѣ на Макарята. По словамъ Рязанова, который былъ подвергнутъ допросу по поводу этого происшествія, отрядъ, не доѣзжая дер. Макарята, встрѣченъ былъ никетомъ изъ 6 чел. крестьянъ, которые кричали солдатамъ, «чтобы они не ходили». Но по приказанію исправника команда вооружилась и двинулась впередъ. Тогда изъ Макарята вышло противъ солдатъ крестьянъ «не малое число», и одинъ изъ нихъ спросилъ: «что за команда и гдѣ капитанъ-исправникъ»? Но въ это время другой изъ крестьянъ крикнулъ первому: «что ты глядишь»? и вслѣдъ за этимъ изъ толпы раздались выстрѣлы, на которые солдаты стали отвѣчать.

Исправникъ Шамановъ былъ видно не изъ храбрыхъ: при первыхъ же выстрѣлахъ онъ, «сѣвъ въ повозку, поѣхалъ обратно», а за нимъ послѣдовала и его команда. Рязановъ выражается деликатно объ исправникѣ: «поѣхалъ обратно», на самомъ дѣлѣ онъ бѣжалъ, бросивъ пѣхоту на произволъ судьбы, сопровождаемый остальной командой, которая была на лошадяхъ. Рязановъ добавляетъ: «а оставшіеся пѣшіе претерпѣли означенное въ рапортѣ бѣдствіе».

Намѣстническое правленіе, видя, какіе серьезные размѣры принимаютъ безпорядки, заволновалось. Оно постановляетъ: «какъ вышеписанные собравшіеся крестьяне въ немаломъ количествѣ бунтовщики первымъ нападеніемъ на воинскую команду оказались совершенно бунтовщиками, на усмиреніе коихъ нужно принять самыя строжайшія мѣры», то послать Ларіонову на помощь изъ мѣстнаго гарнизона команду въ 50 чел. съ одной пушкой съ тѣмъ, чтобы она слѣдовала «со всевозможнѣйшей поспѣшностью». Прапорщику же Ларіонову сдѣлать выговоръ за его нераспорядительность, такъ какъ онъ безъ всякой надобности оставался въ Зюкайскомъ съ 9 по 15 января, а узнавъ о состояніи крестьянъ, не самъ отправился, а послалъ небольшой отрядъ подъ начальствомъ исправника. Что же касается капит.-исправника Шаманова, то его «поступокъ губернское правленіе не оставитъ предать законному сужденію».

Чтобы увеличить силы Ларіонова, правленіе предписало Оханскому городничему послать Ларіонову изъ штатной его команды «сколько будетъ возможно при исправномъ унтеръ-офицерѣ», а Осинскому земскому исправнику «собрать тамошней округи изъ башкирцевъ вооруженныхъ до 500 челов. и отправиться съ ними самому прямо въ село Зюкайское».

Тогдашній Пермскій губернаторъ, Карлъ Федоровичъ Модерахъ, принималъ дѣятельное участіе въ подавленіи этого волненія. Не довольствуясь присутствіемъ прапорщика Ларіонова и земскаго исправника Шаманова, неспособность которыхъ достаточно уже выяснилась, онъ послалъ на мѣсто безпорядковъ секундъ-маіора Звѣрева, «человѣка испытаннаго и продолжавшаго службу въ полевыхъ полкахъ съ достаточнымъ наставленіемъ», какъ онъ его самъ рекомендуетъ. Свѣдѣнія, доставленныя Звѣревымъ, были значительно и полнѣе и успокоительнѣе прежнихъ. Вотъ что на основаніи этихъ свѣдѣній сообщаетъ кн. Куракину губернаторъ. Оказывается, что крестьяне Всеволожскаго «съ того времени, какъ за нимъ состоятъ, въ третій уже разъ выходятъ изъ должнаго помѣщику своему повиновенія». Число взбунтовавшихся крестьянъ Ларіоновымъ было сильно преувеличено: ихъ было не болѣе 500 челов. Послѣ своего перваго покушенія на отрядъ крестьяне больше ничего не предпринимали, даже порасходились, по помѣщику и до нынѣ не повинуются и работъ никакихъ не исправляютъ, «а мечтаютъ, что ихъ возьмутъ въ коронное управленіе, что все происходитъ отъ неосновательныхъ слуховъ, а особливо проѣзжающими неблагопамѣренными людьми здѣсь разглашаемыхъ».

Губернаторъ выражалъ надежду, что «при Божьей помощи никакихъ вредныхъ послѣдствій не произойдетъ», что волненіе скоро и безъ всякаго кровопролитія будетъ прекращено. Имъ былъ снова командированъ туда же секундъ маіоръ Звѣревъ съ предписаніемъ—приложить всевозможное стараніе, чтобы убѣдить крестьянъ, не прибѣгая къ строгимъ мѣрамъ безъ самой крайней нужды, повиноваться своему помѣщику. Если же «паче чаянія» крестьяне не поддадутся никакимъ увѣщаніямъ и упорно будутъ стоять на своемъ нежеланіи

повиноваться помѣщику, то въ такомъ случаѣ губернаторъ намѣренъ былъ вытребовать изъ Казани войско, стать во главѣ его и усмирить крестьянъ силой оружія. Кромѣ этихъ мѣръ, принятыхъ и имѣющихъ быть принятыми для подавленія волненія крестьянъ Всеволожскаго, губернаторомъ были сдѣланы распоряженія на случай волненія крестьянъ другихъ помѣщиковъ Пермской губерніи, что онъ считалъ очень вѣроятнымъ: «не упустилъ принять дѣятельнѣйшихъ мѣръ, пишетъ онъ, и въ разсужденіи находящихся какъ Обвинской, такъ и другихъ Пермской губерніи округахъ исправляющихъ такую же работу помѣщичьихъ крестьянъ, дабы и со стороны оныхъ равнаго ослушанія не произошло». Для этого въ Пермь были командированы 500 Красноуфимскихъ казаковъ и въ Осинскомъ уѣздѣ столько же служащихъ башкирцевъ было приказано имѣть въ готовности. «Не скрою при томъ отъ Вашего Сіятельства, говоритъ въ заключеніе своего донесенія Модерахъ, что я нашелъ всѣхъ здѣсь крестьянъ, исключая части графа Александра Сергѣевича Строганова, крайне заводскими работами отягощенныхъ».

Между тѣмъ секундъ-маіоръ Звѣревъ старался убѣжденіями добиться отъ крестьянъ повиновенія помѣщику, но крестьяне, собравшись во множествѣ въ селѣ Кызвенскомъ, въ 25 верстахъ отъ Зюкайскаго, не только «не внимали онымъ, но и угрожали напротивъ того нападеніемъ».

25 января прибылъ на помощь Звѣреву отрядъ башкирцевъ въ 500 человѣкъ, командированный изъ Осинской округи губернаторомъ. Прежде чѣмъ предпринять рѣшительныя дѣйствія противъ крестьянъ, Звѣревъ еще разъ попытался потушить волненіе мѣрами кротости и послалъ въ Кызвенское двухъ нарочныхъ «для употребленія послѣднихъ средствъ къ увѣщеванію ихъ». Посланные возвратились и доставили Звѣреву письмо отъ крестьянъ, въ которомъ послѣдніе приглашали Звѣрева съ однимъ товарищемъ прибыть къ нимъ, а войско оставить въ Зюкайскомъ. Въ отвѣтъ на это письмо Звѣревъ въ свою очередь предложилъ крестьянамъ прислать къ нему своихъ выборныхъ мірскихъ людей. Не дождавшись на это предло-

женіе никакого отвѣта, Звѣревъ приступилъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Отправя 28 января по Обвинской дорогѣ одного изъ состоявшихъ при немъ оберъ-офицеровъ съ половиной отряда и одной пушкой, самъ съ другой половиной и тоже съ пушкой выступилъ въ Кызвенское. Но до ночи успѣлъ пройти только до с. Макаряты, отстоящаго отъ Зюкайскаго на 18 в., а отъ Кызвенскаго въ 7 верстахъ, и здѣсь расположился на ночлегъ. Вдругъ въ 2 часа ночи крестьяне «вооруженной рукой во множественномъ числѣ» на него неожиданно напали, вслѣдствіе чего и Звѣревъ долженъ былъ пустить въ ходъ оружіе. Побѣда осталась за регулярными войсками: со стороны крестьянъ убито было 3 человѣка, ранено—5. Но и солдатамъ побѣда не даромъ досталась: у нихъ было ранено 3 человѣка. Крестьяне, сдѣлавъ вторую и послѣднюю попытку съ оружіемъ въ рукахъ добыть такъ страстно желаемую свободу отъ крѣпостной зависимости, увидѣли невозможность этого и покорились: обѣщали быть послушными своему помѣщику. На слѣдующій день Звѣревъ прибылъ съ своей командой въ Кызвенское и здѣсь со стороны крестьянъ встрѣтилъ тѣ же покорность и послушаніе. Отправивъ наиболѣе принимавшихъ участіе въ возмущеніи въ Пермь, за главными «начинщиками», которые успѣли разбѣжаться, Звѣревъ послалъ нарочныхъ. Нѣсколько мелкихъ отрядовъ было послано въ сосѣднія деревни «за развѣдываніемъ, нѣтъ ли гдѣ собирающихся толпами крестьянъ», но оказалось, что нигдѣ таковыхъ уже не было.

На донесеніе объ этомъ Звѣревъ получилъ отъ губернатора Модераха предписаніе, чтобы онъ и исправникъ Шамановъ, «отобравъ у бывшихъ въ неповиновеніи крестьянъ все оружіе, какое у нихъ найтись можетъ, обязали ихъ подписками о признаніи новаго своего помѣщика, о бытіи въ должномъ у него послушаніи и объ отправленіи возлагаемыхъ на нихъ повинностей; а между тѣмъ изслѣдовали бы на законномъ основаніи о семъ происшествіи и виновныхъ отослали, куда слѣдуетъ, къ законному сужденію».

Это было исполнено Звѣревымъ, при чемъ выяснилась интересная подробность: единственнымъ оружіемъ крестьянъ

были луки и стрѣлы. «Имѣющееся же у нихъ (крестьянъ), доноситъ Звѣревъ, оружіе, какъ то, луки и стрѣлы, кромѣ коихъ ничего не найдено, отбираются». Что же касается самаго главнаго въ данномъ случаѣ вопроса, причинъ, вызвавшихъ волненія крестьянъ, то, какъ выяснилось изъ изслѣдованія Звѣрева, «къ неповиновенію господину своему принудило крестьянъ отяготительныя господскія работы, неурожай хлѣбовъ, неимѣніе у нѣкоторыхъ лошадей, оттого и работы исправлять поставляли себѣ невозможнымъ».

Жалоба, поданная крестьянами на Ларіонова и Шаманова, писана была не крестьянами, а по ихъ просьбѣ солдатомъ, находившимся тогда въ с. Зюкайскомъ при землемѣрномъ помощникѣ, Степаномъ Овчинниковымъ. Въ числѣ вопросовъ, занимавшихъ слѣдователей, былъ вопросъ объ участіи въ волненіи священ. Вонифатія Серебрянникова. Но, по единогласному отзыву крестьянъ, священникъ никакого участія не принималъ и совѣтовъ никакихъ не давалъ.

На основаніи этого разслѣдованія было постановлено: 9 чел. крестьянъ, наболѣе виновныхъ, для суда надъ ними представить въ Пермскій уѣздный судъ, солдата Степана Овчинникова отослать къ Пермскому коменданту, а священника Вонифатія Серебрянникова отъ всякаго слѣдствія освободить.

На донесеніе объ этомъ волненіи Пермскимъ губернаторомъ былъ полученъ слѣдующій рескриптъ Императора Павла:

«Господинъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Модерахъ! Усматривая изъ донесеній Вашихъ благоразумныя распоряженія ваши, учиненныя по случаю бывшихъ въ деревнѣ Всеволожскаго неустройствъ, объявляемъ Вамъ за сіе Монаршее Наше благоволеніе. Пребываемъ къ Вамъ благосклонны. Подлинный подписанъ собственноручно Его Императорскаго Величества рукой тако: Павелъ.

Въ СанктъПетербургѣ февраля 12 дня 1797 года». [1]).

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ № 2918, № 12.

5. Новгородская губернія.

Въ первой половинѣ декабря 1796 г. началось крестьянское движеніе въ Новгородской губерніи одновременно въ двухъ уѣздахъ: въ Валдайскомъ и Новгородскомъ, но вскорѣ утихло. Вслѣдъ за нимъ начались волненія въ Устюжскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Румянцевой. Помѣщица жила въ другомъ имѣніи своемъ, находившемся въ Вологодской губерніи, и, получивъ извѣстіе, что крестьяне ея въ селѣ Лохты и сосѣднихъ деревняхъ, въ количествѣ 230 чел., «противъ старосты оказывали въ исправленіи работъ по приказаніямъ непослушаніе, а наконецъ нѣкоторые дерзнули того старосту бить», пріѣхала въ Лохты и, найдя крестьянъ виновными, главныхъ начинщиковъ, приказала наказать; остальные крестьяне, собравшись во дворѣ господскомъ, вырвали виновныхъ изъ рукъ взявшихъ и ушли. Явившемуся на мѣсто происшествія исправнику, на вопросъ его о причинѣ волненія, всѣ крестьяне единогласно показали, что такъ какъ староста принуждаетъ ихъ ходить излишніе дни на господскую работу, то и впредь въ повиновеніи своей помѣщицѣ не будутъ. Это было 2 іюля 1797 г., послѣ изданія указа 5 апрѣля о 3-хъ дневной работѣ крестьянъ на помѣщиковъ. Исправникъ все таки счелъ своей обязанностью арестовать «начинщиковъ», но крестьяне ихъ отбили, и всѣ разбѣжались. Исправникъ тогда обратился въ губернское правленіе съ просьбою прислать ему изъ Устюжской штатной команды «военно-служителей», которые и были немедлено посланы въ его распоряженіе. По поводу донесенія объ этомъ губернатора кн. Куракинъ дѣлаетъ слѣдующій докладъ государю: «По опому донесенію отъ губернатора Митусова требую я увѣдомленія объ успѣхѣ посланной воинской команды, замѣтивъ ему, дабы Высочайшій Вашего Императорскаго Величества

нмянной указъ отъ 5 прошлаго апрѣля о дняхъ для крестьянскихъ работъ непремѣнно былъ исполняемъ, о чемъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу. 25 іюля 1797 г. Куракинъ».

Волненіе было прекращено исправникомъ, но зачинщики, 5 чел., которыхъ хотѣлъ исправникъ арестовать, бѣжали, неизвѣстно куда.

Наконецъ, въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ взволновались крестьяне Новокщенова по поводу перехода ихъ къ новому владѣльцу. Объ этомъ сами крестьяне въ прошеніи, поданномъ государю, разсказываютъ, что они были казенными, но пожалованы за службу бывшему Новгородскому вице-губернатору Новокщенову въ количествѣ 300 душъ въ 10 деревняхъ: въ Березникѣ—6 душъ, Никольской—39 д., Анисимовской—41 д., Никитинской—15 д., Борисовой—34 д., Крапивкѣ—19 д., Петровой—20 д., Маломъ Роменкѣ—46 д., Типтовой—54 д. и Чичериной -28 д. Новокщеновъ умеръ 4 іюля, но имъ объ этомъ никто не объявлялъ, равно какъ не знаютъ, «въ чьемъ повиновеніи они находятся». Зять же Новокщенова, Яковъ Семиковъ, съ каждой души положилъ оброка по 5 рублей да сверхъ того объявилъ, что такъ какъ ихъ госпожа, дочь покойнаго Новокщенова, а его жена, Анна Александровна, находится въ долгу, то крестьяне должны приготовить къ 1 января 1798 г. 9000 руб., по раскладкѣ которыхъ на число душъ, на долю каждаго приходится по 30 руб. Такіе поборы въ соединеніи съ оброкомъ въ конецъ разорятъ крестьянъ, «а особливо, когда, прибавляютъ они, по нынѣшнему неурожаю хлѣбовъ, едва сами выдержать можемъ, и потому просимъ Ваше Императорское Величество отъ таковыхъ наложенныхъ оброковъ и отъ платежа долговыхъ денегъ повелѣть освободить или оставить по прежнему подъ казеннымъ вѣдомствомъ».

Въ виду изложенныхъ причинъ крестьяне Семиковой отказались отъ исполненія требованій своихъ владѣльцевъ. На донесеніе объ этомъ волненіи губернатора, кн. Куракинъ сообщилъ ему слѣдующую резолюцію государя: «Государь Императоръ повелѣть соизволилъ дать знать губернатору, что ежели

будетъ надобность, то бы требовалъ воинской помощи отъ близъ квартирующихъ командъ, и написать къ губернатору, чтобы меня увѣдомилъ, почему считаетъ онъ имѣніе сіе по духовной отца принадлежащимъ его дочери, написана ли та духовная во всѣхъ правахъ, законами предписанныхъ?».

Изъ этого вопроса, поставленнаго кн. Куракинымъ губернатору видно, что прошеніе крестьянъ было разсмотрѣно и отъ губернатора были потребованы разъясненія.

Бѣлозерскій исправникъ съ вытребованной отъ Бѣлозерскаго городничаго штатной командой прибылъ къ непослушнымъ, которые безъ всякаго упорства и неповиновенія, при сохраненіи спокойствія и тишины на требованіе исправникомъ подписки въ томъ, что они будутъ въ полномъ повиновеніи у помѣщика, «съ покорностью» объявили, что они еще до прибытія въ первый разъ исправника отправили въ Петербургъ своихъ выборныхъ съ прошеніемъ къ Его Императорскому Величеству о возвращеніи ихъ по прежнему въ казенное вѣдомство.

И когда посланные возвратятся и скажутъ, что имъ отказано въ ихъ просьбѣ, тогда они всѣ будутъ готовы нести всякія господскія повинности и пребудутъ всегда въ послушаніи. Губернаторъ, увидя только «одно заблужденіе оныхъ крестьянъ, а не упорство и буйство» не нашелъ нужнымъ требовать войска для усмиренія, но просилъ кн. Куракина «для скорѣйшаго пресѣченія сего ихъ заблужденія, не благоугодно ли будетъ Вашему Сіятельству приказать сыскать означенныхъ просителей и доставить ко мнѣ, послѣ чего надѣюсь, что безъ всякихъ затрудненій всѣ будутъ въ послушаніи».

Три выборныхъ въ это время явились къ кн. Куракину, которому было переслано ихъ прошеніе, поданное государю, и по Высочайшему повелѣнію препровождены были къ Новгородскому губернатору Митусову [1]).

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 7.

6. Олонецкая губернія.

Въ Олонецкой губерніи волненія крестьянъ обнаружились въ имѣніи А. Я. Полѣнова въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ. Полѣновъ съ 1793 г. по 1796 г. служилъ совѣтникомъ въ правленіи Заемнаго Банка. Кассиръ Банка Кельберхъ произвелъ въ немъ растрату. Къ отвѣтственности были привлечены совѣтники правленія и директора Заемнаго Банка, въ томъ числѣ и Полѣновъ. Они всѣ были отрѣшены отъ должностей и съ нихъ должно было быть взыскано то, «чего не достаетъ въ число похищенныхъ денегъ» [1]). Поэтому Сенатомъ былъ изданъ указъ о наложеніи ареста и запрещенія на имѣніе Полѣнова. Между тѣмъ Полѣновъ послѣ изданія указа о рекрутскомъ наборѣ [2]) послалъ приказъ въ свою деревню, чтобы представили въ Олонецкую казенную палату данную отъ адмиралтейской коллегіи квитанцію на поставленнаго имъ за деревни рекрута. При возвращеніи крестьянъ, ѣздившихъ по этому дѣлу въ Петрозаводскъ, домой, въ Лодейномъ Полѣ они нашли одного изъ мѣстныхъ подъячихъ, который продалъ имъ за рубль копію съ указа Сената о наложеніи ареста и запрещенія на имѣніе ихъ господина Полѣнова, при чемъ указъ былъ крестьянамъ растолкованъ подъячимъ въ томъ смыслѣ, что они, крестьяне Полѣнова, отписаны въ казну. Этого было слишкомъ достаточно, чтобы въ крестьянскихъ сердцахъ вспыхнула надежда на освобожденіе отъ власти помѣщика, «и захотѣли всѣ на волю». «Отъ насъ, сообщаетъ священникъ изъ деревни Полѣнову въ Петербургъ, Петра Васильевича Корсакова три мужика пошли просить на него государю, и вездѣ молва идетъ, что съ Васильева дня [3]) всѣ будутъ вольные».

[1]) П. С. З. XXIV, 17612.

[2]) 13 сент. 1796 г., отмѣненнаго Импер. Павломъ 10 ноября 1796 г. П. С. З. XXIV, 17538.

[3]) 1 января.

Съ одной стороны приведенныя извѣстія священника, съ другой собственное убѣжденіе «въ шатости и волненіи» его крестьянъ, которое вынесъ Полѣновъ изъ объясненій со старостой, пріѣхавшимъ къ нему изъ деревни, (староста обнаружилъ «грубость и строптивость», а изъ оброка, привезеннаго имъ, удержалъ болѣе 200 рублей, не давая въ этомъ отчета) заставили его подать объ усмиреніи своихъ крестьянъ просьбу кн. Куракину. Къ этому онъ приложилъ и списокъ 7 крестьянъ наиболѣе непокорныхъ. Кн. Куракинъ доложилъ это дѣло государю, который разслѣдованіе его поручилъ Н. И. Архарову. По списку, представленному Полѣновымъ, крестьяне его были арестованы и посажены въ тюрьму. Въ тюрьмѣ ихъ посѣтилъ помѣщикъ, котораго крестьяне просили о помилованіи, «чистосердечно раскаиваясь». И вотъ помѣщикъ, интересы котораго существенно страдали отъ разоренія его крестьянъ, снова обращается къ кн. Куракину теперь уже съ просьбой объ освобожденіи его крестьянъ отъ суда. «Изъ сожалѣнія къ нимъ и по истинному ихъ признанію», пишетъ Полѣновъ, просилъ онъ Лодейнепольского судью, Николая Саблина, объ освобожденіи ихъ, и для этого послалъ Высочайшій Манифестъ отъ 29 января сего года и копію съ указа для уличенія подъячаго «собственной его рукой». Но крестьянъ не освободили «и какъ они неубоги и судьямъ то извѣстно», то ихъ продолжали томить въ тюрьмѣ, одинъ разъ выпустили было на свободу, но вскорѣ опять взяли и связанныхъ отослали въ Петрозаводскъ, гдѣ также должны они были сидѣть въ тюрьмѣ, а затѣмъ изъ Петрозаводска послали ихъ скованныхъ въ Новгородъ, «уповательно на пагубу».

«Они всѣ изъ лучшихъ семействъ, черезъ несчастье ихъ наносится и мнѣ весьма чувствительный вредъ», пишетъ Полѣновъ. Въ заключеніе Полѣновъ просилъ Куракина помиловать его крестьянъ. Это прошеніе Куракинымъ было отослано Н. И. Архарову.

Къ сожалѣнію, въ нашихъ документахъ нѣтъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ полѣновскихъ крестьянъ [1]).

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 1.

7. Псковская губернія.

Движеніе крестьянъ въ Псковской губерніи началось въ Порховскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ графа Апраксина, Заработьѣ (100 д.), гдѣ крестьяне 22 декабря 1796 г. объявили пріѣхавшему къ нимъ исправнику, что причина ихъ неповиновенія помѣщику заключается въ изнуреніи, которое они испытываютъ отъ тягчайшихъ господскихъ работъ, отъ дальнихъ поѣздокъ за дровами и для доставки овса и льна въ Новгородъ, отъ поборовъ деньгами, которыхъ недавно староста собралъ съ нихъ 400 руб. Объ освобожденіи отъ всего этого они послали просить государя въ Петербургъ трехъ своихъ крестьянъ, которые передъ уходомъ «на мірскомъ скопѣ» приказали остальнымъ не давать помѣщику въ дальнюю дорогу и въ г. Порховъ подъ свозъ хлѣба подводъ, а работать только домашнія господскія работы, какъ-то: дрова возить, хлѣбъ перемолачивать и т. п.

Донося объ этомъ губернатору, исправникъ просилъ командировать въ его распоряженіе военную силу. Но губернаторъ нашелъ, что исправникъ произвелъ не достаточное разслѣдованіе, такъ какъ не постарался убѣдиться въ истинности жалобы крестьянъ на изнурительность работъ и не узналъ, на что собраны старостой деньги, а сейчасъ же требуетъ силу для усмиренія, между тѣмъ какъ «у крестьянъ больше глупость говоритъ, чѣмъ прямое намѣреніе къ ослушанію».

Въ свой новый пріѣздъ въ Заработье исправникъ не нашелъ тамъ ни одного крестьянина, кромѣ старосты въ господскомъ домѣ, Семена Иванова, да замолотчика, Семена Яковлева, на господскомъ гумнѣ, которые сказали исправнику, что крестьяне поѣхали за дровами. Но вскорѣ изъ лѣсу возвратились только мальчики съ половиной подводъ съ дровами, съ половиной — пустой

и объявили, что отцы ихъ остались въ лѣсу. Исправникъ Семену Яковлеву и женамъ крестьянъ старался внушить, чтобы крестьяне ничего не боялись и возвратились къ себѣ домой, послѣ чего послалъ ихъ за убѣжавшими, но вскорѣ жены возвратились и донесли исправнику, что мужей не нашли, а Яковлевъ и не возвратился. Напрасно исправникъ и на другой день оставался въ Зарабочьѣ: онъ никого не дождался. Черезъ нѣсколько дней исправникъ снова пріѣхалъ въ Зарабочье, но кромѣ стариковъ и женщинъ опять никого не засталъ. Онъ осмотрѣлъ дворы крестьянъ и изъ всѣхъ 25 дворовъ нашелъ 11 въ порядочномъ крестьянскомъ положеніи (къ сожалѣнію, онъ не описываетъ этихъ дворовъ), а 10 хуже, въ томъ числѣ 3 сиротскихъ, обрабатываемыхъ міромъ, лошади же на половину худыя отъ дальней возки дровъ—за однимъ возомъ дровъ нужно ѣздить цѣлый день, отъ недостатка луговъ и отъ неурожая этого года. Дальнѣйшая судьба крестьянъ Зарабочья по нашимъ документамъ не извѣстна, но можно думать, что крестьяне, въ виду своей малочисленности, не рѣшаясь открыто возстать противъ власти, присоединились къ сосѣднимъ волнующимся крестьянамъ, какъ это мы видѣли въ с. Дубровкахъ Давыдовой.

А присоединиться было къ кому, такъ какъ почти вся Псковская губернія была въ волненіи. Въ томъ же уѣздѣ у помѣщика Пантелѣева волненіе крестьянъ достигло такой силы, что было потушено только при посредствѣ двухъ ротъ полка Вадковскаго. Въ нижній земскій судъ Холмскаго уѣзда 12 января 1797 года отъ разныхъ помѣщиковъ этого уѣзда поступилъ цѣлый рядъ заявленій о неповиновеніи имъ ихъ крестьянъ. Судъ, отправившись въ волнующіяся селенія, нашелъ крестьянъ «ослѣпленными разными отъ непотребныхъ людей ложными слухами».

Крестьяне послали къ государю просьбы объ освобожденіи отъ власти помѣщиковъ, а тѣмъ временемъ отказались повиноваться помѣщикамъ, «бросились на многія своевольства и продерзости», не только не подчинились требованіямъ суда быть спокойными, но собравшись толпою, вооруженные кольями,

дубинами, напали на судъ и на штатную команду, данную городничимъ, крича при этомъ: «бейте ихъ до смерти, лучше объявятъ намъ указъ о вольности нашей»! Поддерживаемые сосѣдними крестьянами, нападавшіе отбили у суда повозку со всѣми, взятыми съ собою судомъ указами и инструкціями.

Остальные крестьяне уѣзда удерживались еще отъ открытаго возстанія только потому, что ожидали отъ своихъ выборныхъ, посланныхъ въ Петербургъ съ прошеніями къ государю, «вѣрныхъ извѣстій». Въ числѣ волнующихся крестьянъ состояли и сотскіе и десятскіе, и потому судъ лишенъ былъ возможности своевременно узнать о безпорядкахъ, «отъ чего въ Холмской округѣ произошли великія возмущенія».

Управляющій Псковской и Смоленской губерніями, М. Философовъ, командировалъ совѣтника уголовной палаты Кожевникова, подполковника Тучкова съ 2-мя ротами солдатъ и 1 пушкой и нѣсколько духовныхъ лицъ для увѣщанія. Имъ же были посланы и въ другіе уѣзды представители власти для удержанія въ спокойствіи крестьянъ: въ Великолуцкій уѣздъ былъ командированъ совѣтникъ гражданской палаты Пущинъ, въ Печерскій—засѣдатель верхняго земскаго суда Кауровъ, въ Торопецкій—стряпчій уголовныхъ дѣлъ Есаковъ.

Кромѣ того губернаторъ въ виду всеобщаго волненія въ Псковской губерніи крѣпостныхъ крестьянъ разослалъ засѣдателей: Пальчикова, Андреева, Каурова и Зубатова и нѣкоторыхъ изъ дворянъ, въ уѣздахъ живущихъ, для чтенія народу составленнаго имъ объявленія, съ цѣлью внушить народу, «чтобы пребывалъ въ тишинѣ и спокойствіи, повинуясь властямъ, законами поставленнымъ».

Вотъ это объявленіе.

«Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя Моего, генералъ отъ инфантеріи, Смоленскій военный губернаторъ, командующій Смоленской дивизіею и инспекторъ оной, Московскаго гренадерскаго полка шефъ, управляющій Псковскою и Смоленскою губерніями и орденовъ Святого Александра Невскаго и Святыя Анны кавалеръ, Михайло Философовъ, черезъ сіе объявляю, что нѣкоторые изъ обитающихъ

въ сей (Псковской) губерніи крестьянъ, если не забывъ совсѣмъ должную имъ всеподданническую обязанность, то по крайней мѣрѣ небрегши исполнительнымъ соблюденіемъ оной, безразсудно прельщаемы ложными слухами, разсѣваемыми отъ злоказненныхъ людей, возбуждаемы къ тому крайнимъ невѣжествомъ, производящимъ въ нихъ кипеніе, впали въ неустройство.

При самомъ вступленіи на всероссійскій Императорскій престолъ благополучно царствующаго Великаго Государя Императора Павла Петровича возмнили, что будутъ имѣть какую то вольность, освобождающую ихъ отъ тѣхъ обязанностей и платежа податей, какія выполнить они должны по установленіямъ со временъ древнихъ, для общей и взаимной пользы отечества, отъ высокихъ Его Императорскаго Величества предковъ, въ Бозѣ почивающихъ Государей узаконенныхъ; вымышляя ложно, что есть о томъ и указы, но отъ нихъ оные таятся, дѣлаютъ между собою нелѣпые толки, переговоры, соглашенія и даже сходясь въ сборища и скопы, утверждая таковые заговоры общею присягою передъ Богомъ, забывая о истинномъ правѣ и положеніи по своему быту, оказали явное неповиновеніе своимъ помѣщикамъ отреченіемъ платить оброкъ и сохранять должное послушаніе, отлагая власть помѣщиковъ собою и положность законную ихъ власти наказанія имъ за вины производить, дѣлаютъ между собою большіе денежные сборы, разоряя себя понапрасну, на подмогу отправляемымъ ими повѣреннымъ тайно отъ властей и помѣщиковъ къ самому Государю ложными и выдуманными жалобами, оскорбляя тѣмъ человѣколюбивыя чувствованія Его Императорскаго Величества и возмущая Его спокойствіе, и хотя къ конечному пресѣченію сихъ волнованій, происходящихъ болѣе отъ невѣжества, недоразумѣнія и легковѣрности, нежели отъ дальнѣйшихъ и дѣятельныхъ къ противуборству власти замысловъ тѣхъ крестьянъ и отъ приложенія себя можетъ по несмыслію въ безразсудное послушаніе дерзкихъ и возмутительныхъ водителей ихъ къ тому и почему къ таковымъ злотворцамъ употреблены были со стороны правительства всѣ нужныя мѣры и нѣкоторые изъ сихъ преступниковъ неповинующихся своимъ помѣщикамъ, а

потому и Самодержавной Его Императорскаго Величества власти, воспріяли въ разныхъ мѣстахъ и селеніяхъ сего намѣстничества должное по законамъ возмездіе наказаніемъ, несоразмѣрно ихъ преступленію, заслуживающему смертную казнь, но приличное кроткимъ мыслямъ Его Величества, кои питаютъ любовь и милосердіе къ народу, въ благотворительное Его душѣ пекущейся о благѣ онаго.

Таковыя противныя общему порядку и тишинѣ происшествія, дошедшія вѣрными свѣдѣніями до Его Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго моего и всей Россіи государя, причинили только болѣзненное Его Величеству прискорбіе; почему я, такъ какъ обязанный прилагать все мое тщаніе о сохраненіи спокойствія своего государя и благосостоянія въ ввѣренныхъ мнѣ отъ Его Императорскаго Величества губерніяхъ, симъ открыто объявляю, что всѣ тѣ узаконенія, какія отъ высокихъ Его Императорскаго Величества предковъ касательно до повиновенія и послушанія крестьянъ своимъ помѣщикамъ изданы, по сіе время ничѣмъ не отмѣнены, а еслибъ какая въ томъ перемѣна или пополненіе по Высочайшей Его Императорскаго Величества Самодержца всея Россіи волѣ и власти послѣдовала, то о семъ тотъ же бы часъ повсемѣстно объявлено было; и потому для прекращенія подобныхъ неустройствъ необходимымъ нахожу всѣмъ государственнымъ, дворцовымъ, экономическимъ, особливо же помѣщичьимъ крестьянамъ, утвердительно дать знать, что всѣ таковые слухи о вольности, объ отложеніи экономическихъ и дворцовыхъ крестьянъ отъ законной и настоящей власти, а помѣщичьихъ отъ полнаго повиновенія своимъ господамъ согласно съ установленными законами, и отъ платежа имъ оброковъ, податей и послушанія въ повелѣнныхъ отъ нихъ работахъ суть ложные и затѣянно вымышленные или воображенные отъ невѣжества и заблужденія, и не токмо какую правду къ благополучію народа содержащіе, но напротивъ мятежъ воздвигающіе. Во отвращеніе таковыхъ бѣдствъ строжайше приказываю, чтобы всѣ поселяне согласно своему и предковъ своихъ состоянію безъ отмѣны онаго пребывали въ совершен-

помъ повиновеніи и покорности—экономическіе и дворцовые установленнымъ отъ Его Императорскаго Величества властямъ, а господскіе своимъ помѣщикамъ, и отнюдь не ввѣряли себя ложнымъ слухамъ, ниже покорялись безразсуднымъ вымысламъ, къ возмущенію клонящимся и токмо нарушающимъ ихъ спокойствіе и то блаженство, коимъ они подъ осѣненіемъ священныхъ Его Величества узаконеній и при усердномъ послушаніи своимъ властямъ и помѣщикамъ наслаждаются. О тѣхъ же неблагомыслящихъ людяхъ изъ ихъ собратій или же изъ проѣзжающихъ другого состоянія людей, кои разносятъ толь вредные и возмутительные слухи и ихъ къ тому соглашаютъ, подговорами или и безъ умыслу, безразсудно, по глупости возмущаютъ, давали бы знать тотъ же часъ своимъ помѣщикамъ, старостамъ и даже городничнымъ и земскимъ исправникамъ для строжайшаго съ такими по законамъ поступленія, что наблюдать и всѣмъ приходскимъ священникамъ и церковникамъ, которымъ отнюдь не токмо не налагать на себя бремя раздоровъ и возмущеній въ противность общей тишинѣ, но отнюдь не споручать себя ни въ чемъ къ тому, какъ подписками такихъ мірскихъ приговоровъ, такъ руководствомъ таковыхъ безъ власти законной присягъ и другими средствы, но напротиву, пастырское свое тщаніе устремлять согласно съ постановленіемъ восточной церкви къ содержанію народа и всякаго чина въ безмолвномъ и неропотномъ послушаніи самодержавной власти законнаго своего Государя Его Императорскаго Величества Павла Петровича и придержащимъ отъ него властямъ. Таковое снисходительное увѣщеваніе ослушнымъ и возмущающимъ себя поселянамъ и крестьянамъ и кто бъ они ни были не могутъ они инако почитать какъ охраненіемъ отъ строгаго истязанія, ибо, не слѣдуя сему, избѣгнуть онаго никакъ не могутъ, а если и за симъ кроткимъ увѣщеваніемъ окажется кто либо изъ поселянъ непокорнымъ и неплатящимъ казенныхъ и помѣщичьихъ оброковъ и упорствующимъ въ противность ихъ власти, не тщась и самое тягостное бремя облегчить себѣ испрошеніемъ милости съ покорностью и подобострастіемъ, къ каковымъ крестьянамъ несомнѣнно, что и господа

помѣщики, не забывая своего въ дворянскомъ званіи перваго достоинства, милосердія, наблюдать будутъ оное и всякую льготу, пребывая въ томъ спокойствіи и состояніи, которое предки ихъ отъ древнихъ временъ имѣли и въ настоящей жизни всѣ мірные изъ нихъ поселянъ имѣютъ.

Я съ своей стороны, яко блюститель высокомонаршихъ Его Императорскаго Величества узаконеній, предписываю: сіе мое объявленіе во всѣхъ городахъ и ихъ округахъ, на торговыхъ площадяхъ, при погостахъ на площадяхъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ при собраніи поселянъ, церковниковъ и крестьянъ, со вниманіемъ по нѣсколько разъ прочесть и наиубѣдительнѣйшимъ образомъ дать имъ выразумѣть, что общее благосостояніе и твердость государственная ничѣмъ опымъ столько не подкрѣпляется какъ совершенною подчиненностью и повиновеніемъ во первыхъ своему Государю, предержащей отъ Его Величества власти и установленному отъ нея начальству и помѣщикамъ и что никакой подчинъ не имѣетъ никакого права и отнюдь не долженъ ни судить, ни разсуждать о предъдержавствѣ надъ собою; въ прочемъ же не относится сіе до тѣхъ мирныхъ и добрыхъ поселянъ, кои, повинуясь установленнымъ властямъ и помѣщикамъ, провождаютъ жизнь свою столь благонравно и тихо, что и правительство, съ удовольствіемъ на сіе взирая, почитаетъ ихъ всегда вѣрными подданными и полезными отечеству сынами, слѣдственно, не могутъ они относить сего объявленія касающимся до нихъ и да удалятся они въ нѣдрахъ спокойной и мирной жизни отъ пагубныхъ заблужденій къ тому спутныхъ людей, навлекающихъ строгость недремлющей уже о томъ и бдящей надъ ними законной власти»[1]).

Чѣмъ дальше шло волненіе, тѣмъ болѣе острыя формы оно принимало: рѣдкое обходилось безъ кроваваго столкновенія усмирявшихъ и усмиряемыхъ; такъ, напр., 2 роты Бѣлозерскаго пѣхотнаго полка были посланы для усмиренія каждая въ разныя мѣста Холмскаго уѣзда; одна возвратилась благополучно, усмиривъ нѣсколько владѣльческихъ селъ, а другая въ одномъ

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 4/1, л. 18—19. См. *Рус. Стар.* 1882, XXXVI, 351—354.

изъ селъ была окружена крестьянами, которые нѣсколькихъ солдатъ ранили, а исправнику были нанесены даже смертельныя раны.

Въ Торопецкомъ уѣздѣ крестьяне помѣщика Голенищева-Кутузова изъ разныхъ деревень и селъ собрались въ сельцо Полишино, гдѣ жилъ помѣщикъ, «съ великимъ озорничествомъ и неустрашимостью и, дѣлая великія грубости, требовали, чтобы онъ, господинъ, былъ доволенъ, что они по своему расположенію опредѣлятъ ему платежъ и тягло, а отъ должнаго повиновенія отказались»; кромѣ того, что сами отказались отъ повиновенія, крестьяне къ этому же склонили и сосѣднихъ крестьянъ, говоря, что у нихъ есть именные государевы указы, «чтобы крестьянамъ господамъ своимъ должнаго повиновенія не дѣлать, а всѣ крестьяне будутъ вольными». Такія же волненія были въ селѣ Митрошкино у помѣщика Ковдяева и «у прочихъ здѣшняго уѣзда помѣщиковъ». Въ Печерскомъ уѣздѣ волновались крестьяне Штакельберга въ количествѣ 128 д. и Алексѣева—96 душъ, въ Новоржевскомъ уѣздѣ крестьяне кн. Урусовой въ числѣ 500 д. Послѣднія волненія впрочемъ были довольно тихія, такъ что рѣшены были земской властью и «экзекутивная исполнительность по нимъ не замедля послѣдуетъ», какъ сообщалъ губернаторъ Философовъ ген.-прокурору кн. Куракину. [1])

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ № 2918, № $^{4}/_{1-4}$.

8. Костромская губернія.

Въ Костромской губерніи рядъ крестьянскихъ волненій начался волненіемъ среди крестьянъ графа И. А. Толстого въ с. Никольскомъ Кологривскаго уѣзда въ количествѣ болѣе 700 чел. 28 декабря 1796 года къ графу явился бурмистръ и донесъ, что крестьяне отказались отъ повиновенія. На требованіе графа явиться къ нему для объясненій никто изъ крестьянъ не пришелъ. По донесенію его объ этомъ въ нижній земскій судъ пріѣхалъ въ деревню Плесково, бывшую центромъ волненія, исправникъ, который нашелъ въ сборѣ до 500 крестьянъ. Убѣжденія исправника и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, не оказали на крестьянъ никакого дѣйствія, а на угрозу исправника забрать всѣхъ начинщиковъ крестьяне «единогласно съ азартностью» закричали, что въ послушаніи быть не хотятъ, «они въ томъ между собою присягали», о причинахъ своего волненія ничего не захотѣли сказать, а объявили только, что «есть де отъ нихъ высшему начальству жалобы». Чтобы уговорить крестьянъ прекратить волненіе, исправникъ распорядился было оставить въ деревнѣ двухъ бывшихъ съ нимъ крестьянъ и сторонникъ людей, которыхъ онъ привелъ съ собою, но крестьяне, услышавъ объ этомъ, «махая руками», закричали, что они ни одного человѣка въ вотчину и въ дома не пустятъ, и дѣйствительно не пустили. Изъ Макарьева и Кологрива была послана военная команда въ распоряженіе исправника, но ея дѣйствія не привели къ усмиренію крестьянъ, которые единогласно объявили, что «до возвращенія посланныхъ къ Его Императорскому Величеству изъ вотчинъ изъ трехъ человѣкъ съ жалобой на помѣщика, ничего дѣлать не могутъ». Тогда губернаторомъ Островскимъ были отправлены

двѣ роты Старонингерманландскаго полка, и волненіе было усмирено.

Но еще до этого губернаторъ получилъ донесеніе, что въ сосѣднемъ Кинешемскомъ уѣздѣ въ вотчинахъ полковника Колошина и жены подпоручика Нелидовой крестьяне сдѣлались «ослушными», но здѣсь волненія скоро утихли безъ помощи военной силы, а зачинщики были посажены въ тюрьму. Далеко не такъ легко было потушить крестьянское движеніе въ Ветлужскомъ уѣздѣ, начавшееся почти одновременно съ предыдущими. Сразу вспыхнуло оно во многихъ вотчинахъ, недалеко другъ отъ друга лежащихъ: помѣщиковъ Спичинскихъ—979 душъ, князя Одоевскаго—1067 д., Лучининыхъ—1713 д., Верховской —109 д. и многихъ другихъ крестьяне отъ повиновенія помѣщикамъ отказались и «заражены духомъ волненія такъ, доноситъ губернатору исправникъ, что къ отвращенію ихъ отъ заблужденія средствъ не нахожу». Были посланы туда того же Старонингерманландскаго полка 4 роты и двѣ пушки, и волненіямъ былъ положенъ конецъ [1]).

«Пресвѣтлѣйшій Князь и Великій Государь! Императоръ Павелъ Петровичъ! отъ крестьянъ отъ мала и до велика всепокорнѣйшее прошеніе!» начинаютъ свое прошеніе-жалобу крестьяне Луховскаго уѣзда вотчины подпоручика Теплицкаго, сельца Холмовъ. Далѣе крестьяне разсказываютъ свои невзгоды. «Утягощены на господской работѣ и въ зиму и въ лѣто, ни единаго дня не имѣемъ на себя работать, не даетъ и воскресенья, оттого всѣ въ міръ пошли, кормимся Христовымъ именемъ». При этомъ помѣщикъ еще установилъ съ крестьянъ сборы: баранныхъ денегъ собираетъ по 1 р. 50 к. съ вѣнца, за холсты по 1 р 50 к. съ бабы да суконныхъ денегъ по 40 к. съ вѣнца, рекрутовъ своихъ отдаетъ, съ крестьянъ получаетъ по указу деньгами. Такими поборами всѣхъ крестьянъ «въ суму вогналъ, ни пить, ни ѣсть, ни косить нечего! Смилуйся, Надежда-Государь до насъ бѣдныхъ! А указные дни на него господскую работу работаемъ, въ пашнѣ и сѣнокосѣ и жнитвѣ всегда работаемъ». Кромѣ то-

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 10.

го, разсказываютъ далѣе крестьяне, одинъ крестьянинъ вслѣдствіе такой работы и поборовъ убѣжалъ отъ помѣщика, но когда черезъ два года возвратился, жены своей не засталъ, она по приказанію помѣщика, была обвѣнчана съ другимъ; и другой былъ аналогичный случай: отъ истязаній убѣжала жена крестьянина, помѣщикъ женилъ ея мужа на другой, а когда явилась то же черезъ два года бѣглянка, то взялъ ее на барскій дворъ.

Это прошеніе было доложено Императору Павлу и вызвало по резолюціи государя такое же письмо кн. Куракина Теплицкому, какъ и Андрееву [1]), въ которомъ генералъ-прокуроръ дѣлаетъ замѣчаніе Теплицкому по поводу его дурного обращенія со своими крестьянами и требуетъ отъ него объясненія на жалобу крестьянъ. Кромѣ Теплицкаго кн. Куракинъ написалъ губернатору и губернскому предводителю дворянства о подателѣ прошенія отъ крестьянъ Теплицкаго, чтобы ни помѣщикъ, ни власти не преслѣдовали его за подачу прошенія государю [2]).

Еще болѣе тяжелое положеніе испытывали крестьяне купцовъ—фабрикантовъ, какъ это видно изъ прошенія поданнаго государю крестьянами Костромской губерніи Кинешемскаго уѣзда, села Семеновскаго, вотчины купца и фабриканта Углечининова.

Крестьяне въ прошеніи жалуются на своего владѣльца, что онъ въ вотчинѣ своей дѣлаетъ «великое обидство и крайнее разореніе», такъ какъ беретъ на свою полотняную фабрику все взрослое населеніе, оставляя дома только старыхъ да малыхъ. Матерей съ грудными дѣтьми требуетъ на фабрику, заставляя оставлять дѣтей дома. Даже беременныхъ женщинъ заставляетъ Углечининовъ работать на фабрикѣ, и тѣ отъ такой работы умираютъ. Поля крестьянскія запустѣли. Наказанія, которымъ подвергаетъ Углечининовъ виновныхъ, и несправедливы, и жестоки. Всѣхъ и мужчинъ, и женщинъ, и стариковъ, и дѣтей бьетъ плетьми, линьками, прутьями и всѣмъ, что только полъ

[1]) См. 26 стр.

[2]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. II.

руку попадается; или велитъ привести въ контору виновныхъ, раздѣнетъ ихъ до гола, дастъ имъ прутья и заставляетъ ихъ другъ друга бить, пока изъ силъ выбьются; волосы на головѣ и бородѣ вырываетъ, сажаетъ на цѣпь, прикованную къ стулу, заковываетъ въ ножныя и ручныя цѣпи.... Истязанія бывали такъ мучительны, что одинъ крестьянинъ, Ѳома Васильевъ, въ рогаткѣ бросился въ р. Кострому и утонулъ, другіе убѣжали отъ господина, нѣкоторые отъ наказаній поумирали. По прошлой ревизіи крестьянъ было 373 души, а теперь осталось 343 д. Крестьяне обращались къ владѣльцу съ просьбой объ уменьшеніи работы и наказаній, но добились только того, что 6 чел. изъ нихъ были жестоко наказаны розгами, «во многихъ мѣстахъ до костей пробили».

Крестьяне тогда рѣшили жаловаться на него государю, а нѣсколько человѣкъ изъ нихъ явилось къ Углечининову сказать объ этомъ и просили облегченія отъ работъ. Углечининовъ приказалъ выборныхъ схватить и приставилъ къ работѣ на фабрикѣ, а лошадей, на которыхъ они пріѣхали, занеръ въ конюшню и морилъ тѣхъ и другихъ 8 дней голодомъ. Народъ сталъ просить его выпустить и крестьянъ, и ихъ лошадей, но купецъ не выпустилъ, такъ что крестьяне обратились къ Костромскому губернатору съ жалобой на это. Губернаторъ приказалъ лошадей выпустить, а трехъ человѣкъ-просителей, даже не распрашивая ихъ, приказалъ наказать палками. Но Углечининовъ, не довольный этимъ наказаніемъ, самъ пріѣхалъ въ Костромскую Управу Благочинія и тѣхъ же, наказаныхъ уже губернаторомъ, самъ наказалъ плетьми и обрилъ бороды и головы; кромѣ того, приказавъ привести изъ вотчины двухъ крестьянъ, дядю и племянника онъ отдалъ ихъ въ солдаты. Такая жестокая расправа переполнила чашу терпѣнія даже крѣпостныхъ крестьянъ, и они отправили государю жалобу на своего владѣльца.

Жалоба была подана, разсмотрѣна и генералъ-прокуроръ потребовалъ отъ Углечининова объясненія на нее. Въ этомъ объясненіи послѣдній, отрицая справедливость жалобы крестьянъ, говоритъ, что причиной волненія его крестьянъ были «разнес-

шіеся слухи, будто бы крестьяне, помѣщикамъ принадлежащіе, имѣютъ учинитьсѧ свободными».

II относительно выборныхъ отъ крестьянъ Углечинипова, подававшихъ прошеніе, были посланы Куракинымъ губернатору и губернскому предводителю дворянства предписанія, что «Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ ихъ простить и отпустить въ ихъ жилища, куда и приказано имъ явиться. А какъ можетъ случиться, что за отлучку ихъ будетъ съ нихъ взысканіе отъ правительства, помѣщика или и самихъ крестьянъ, то Ваше Превосходительство благоволите приказать означенныхъ просителей принять въ начальственное покровительство и отъ наказанія или отъ какого либо притѣсненія конечно защитить» [1]).

Та же причина—тяжелое экономическое положеніе—съ одной стороны, надежда, если не освободиться отъ власти помѣщика, то хотя облегчить себѣ ее при новомъ государѣ—съ другой, заставила и крестьянъ кн. Гондурова Луховскаго уѣзда подать прошеніе государю съ описаніемъ тѣхъ поборовъ, которые беретъ съ нихъ помѣщикъ. Деньгами въ 1796 году взялъ кн. Гондуровъ съ нихъ, 157 д., 1109 р., въ рекруты приказалъ привезти 9 чел., но отдалъ одного, не извѣстно за какія души, а остальныхъ возвратя, собралъ за нихъ съ крестьянъ по 1 р. съ души. Ежегодно помѣщикъ собираетъ пряжи по 600 талекъ длиною по 9 верш. да сверхъ того беретъ по 1 р. съ человѣка, а со всѣхъ ежегодно требуетъ къ себѣ по 2 человѣка. Кн. Куракинымъ было послано предписаніе губернатору защитить подававшаго это прошеніе отъ крестьянъ кн. Гондурова [2]).

Послѣднее волненіе въ Костромской губерніи было въ Варнавинскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Осташихѣ, въ вотчинѣ Дурова, крестьяне котораго жаловались на тяжелые поборы со стороны своего владѣльца. Въ прошломъ, 1796 г., напр., онъ кромѣ обычнаго ежегоднаго оброка въ размѣрѣ 10 р. съ души потребовалъ за всѣхъ, кто только могъ пойти въ рекруты, съ

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. II.

[2]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. II.

ихъ отцовъ выкупъ, объявивъ, что если кто не внесетъ выкупа, то тотъ лишится сына. Какъ ни было тяжело, кое какъ собрали деньги, кто запявъ ихъ у сосѣдей, кто продавъ скотину, и внесли помѣщику одни по 50 р., другіе по 70 р., иные даже по 100 р. Но Дурову собранныхъ такимъ путемъ 1200 р. было мало. Онъ отобралъ у имѣвшихъ двухъ или трехъ сыновей по одному человѣку, а всего 70 чел., увезъ съ собою и сталъ продавать въ рекруты. 8 человѣкъ уже продалъ разнымъ помѣщичьимъ крестьянамъ, а 62 чел. пока у него, и за нихъ онъ подати потребовалъ съ остальныхъ крестьянъ. Въ нынѣшнемъ, 1797 г., собравъ уже съ крестьянъ 12 рублевый оброкъ съ души, Дуровъ сталъ вымогать съ нихъ же въ зачетъ будущихъ лѣтъ еще 1500 рублей [1]).

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. II

9. Московская губернія.

Волненія крестьянъ въ Московской губерніи были сравнительно слабы и выразились въ немногочисленныхъ отдѣльныхъ случаяхъ.

Въ селѣ Лужникахъ Серпуховскаго уѣзда, принадлежавшемъ коллеж. совѣт. Маслову, жившему въ Москвѣ, была суконная фабрика, на которой работали его крѣпостные. 28 декабря 1796 г. на этой фабрикѣ произошло возмущеніе рабочихъ противъ своего смотрителя. Какъ сообщилъ Масловъ губернскому прокурору, рабочіе, прибивъ жестоко смотрителя и 6 рабочихъ, его защищавшихъ, изломавъ станы и испортивъ сукно, ушли, неизвѣстно куда. О причинѣ такого разгрома его фабрики Масловъ донесъ, что рабочіе его объявили, что они уже не крѣпостные его, Маслова, а ихъ берутъ въ казну и сдѣлаютъ вольными людьми.

По разслѣдованіи этого возмущенія черезъ земскаго исправника губернскимъ прокуроромъ А. Петровымъ-Солововo оказалось, какъ онъ доноситъ генералъ-прокурору, что рабочіе съ фабрики Маслова ушли самовольно «отъ дурного и скуднаго помѣщикомъ ихъ содержанія», они всѣ направились въ Москву для принесенія жалобы, но часть, не дойдя до Москвы, возвратилась обратно, такъ какъ не имѣла зимней одежды, часть же явилась въ Москву, откуда по приказанію главнокомандующаго была выслана въ вотчину. 19 же человѣкъ еще не возвратились и неизвѣстно, куда ушли. «Въ вотчинѣ же и на фабрикѣ никакого неистовства во время всего онаго случая не происходило. Смотрителю побоевъ и фабрики разоренія не было, о семъ донесенное помѣщикомъ оказалось неосновательнымъ».

Помѣщикъ Масловъ былъ призванъ главнокомандующимъ, и ему послѣднимъ было сдѣлано надлежащее наставленіе «въ разсужденіи лучшаго содержанія людей своихъ».

Несомнѣнно, что во время всего этого движенія крестьянъ помѣщики, напуганные имъ, а иные въ раздраженіи на крестьянъ, могли преувеличивать волненія крестьянъ, приписывая послѣднимъ многое изъ того, чего на самомъ дѣлѣ и не было. Разсказанный случай принадлежитъ къ числу послѣднихъ.

Одновременно съ сообщеніемъ Маслова о безпорядкахъ на его фабрикѣ получено было губернскимъ прокуроромъ извѣстіе о волненіяхъ крестьянъ графа Льва Кирилловича Разумовскаго въ его вотчинахъ Можайскаго уѣзда. Какъ видно изъ рапорта земскаго исправника Московскому губернатору, крестьяне отказались отъ повиновенія управляющему гр. Разумовскаго, говоря, что какой то проѣзжій имъ сказалъ, что всѣ деревни будутъ взяты въ казенное вѣдомство, «отчего испугавшись» онъ, исправникъ, пріѣхалъ въ Москву и принесъ жалобу на ослушаніе крестьянъ. При этомъ онъ представилъ въ судъ 29 чел. зачинщиковъ. Послѣ строгаго разслѣдованія на мѣстѣ черезъ командированнаго туда губернскаго стряпчаго Воейкова и на судѣ, при разбирательствѣ виновности представленныхъ исправникомъ 29 человѣкъ, выяснилось, какъ доносилъ губернскій прокуроръ А. Петровъ-Соловово генералъ-прокурору кн. Куракину, что крестьяне и не думали начинать волненій съ цѣлью отказаться отъ повиновенія помѣщику. Причиной же отказа въ повиновеніи управляющему и нежеланія исполнить его приказанія послужило то обстоятельство, что помѣщикъ, имѣя обширный винокуренный заводъ и содержаніе на откупѣ питейныхъ сборовъ, «не довольно, кажется, занимаетъ себя внутреннимъ крестьянъ и дѣлъ своихъ распорядкомъ». Помѣщикъ все управленіе своими вотчинами ввѣрилъ отставному капитану Григоровичу, который тяжкими по строенію заводскихъ плотинъ и другими работами, перевозкой дровъ, развозомъ вина, сборомъ неумѣренныхъ денежныхъ и хлѣбныхъ податей довелъ большую часть крестьянъ «до сущей бѣдности»,

которая и заставляла крестьянъ неоднократно просить какъ управляющаго, такъ и самого помѣщика объ облегченіи положенія. Но всѣ ихъ просьбы оставались безъ отвѣта.

Въ этомъ году къ этому хроническому обремененію крестьянъ непосильными работами и поборами присоединилъ управляющій еще и особое чрезмѣрное требованіе. Потребовался хлѣбъ на винокуренный заводъ, а такъ какъ за крестьянами былъ хлѣбъ въ недоимкѣ, то по предписанію помѣщика, какъ говоритъ управляющій, велѣлъ онъ возить хлѣбъ на заводъ изъ житницъ и магазиновъ крестьянскихъ, чтобы такимъ образомъ взыскать недоимку. Но крестьяне, у которыхъ въ прошломъ году былъ недородъ хлѣба и которые въ виду этого просили уже помѣщика о сложеніи съ нихъ хлѣбной недоимки, не повиновались приказу управляющаго и послали нарочныхъ къ своему помѣщику съ просьбой смѣнить управляющаго и отмѣнить приказъ о перевозкѣ крестьянскаго хлѣба на заводъ. Въ этомъ все ослушаніе крестьянъ гр. Разумовскаго и заключалось.

Въ виду этого губернскій прокуроръ никого изъ арестованныхъ исправникомъ 29 человѣкъ не находилъ виновнымъ, но «въ уваженіе нынѣшнихъ обстоятельствъ (всеобщаго движенія крестьянъ) и для примѣра другимъ» онъ находилъ нужнымъ нѣкоторыхъ наказать плетьми, а остальнымъ вмѣнить въ наказаніе содержаніе подъ стражей и всѣхъ отправить домой.

По приговору Палаты суда и расправы 7 человѣкъ должны были быть наказаны плетьми, но приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе, такъ какъ вслѣдствіе доклада объ этомъ дѣлѣ генералъ-прокурора государю, было получено Московскимъ военнымъ губернаторомъ И. П. Архаровымъ съ нарочнымъ фельдъ-егеремъ Высочайшее именное повелѣніе, по которому Архаровымъ 31 января 1797 г. всѣмъ 29 крестьянамъ гр. Разумовскаго «по сдѣланіи приличнаго увѣщанія и крѣпкаго подтвержденія» было объявлено Всемилостивѣйшее прощеніе, и они отпущены были въ тотъ же день домой.

6 февраля объ исполненіи повелѣнія кн. Куракинымъ было доложено государю [1]).

По жалобѣ, поданной Московскому губернатору кн. Долгорукову дворовымъ человѣкомъ Сергѣевымъ на своего помѣщика Коломенскаго уѣзда Мѣщанинова отъ имени его крестьянъ, Мих. Мих. Измайловымъ было черезъ мѣстнаго земскаго исправника на мѣстѣ произведено разслѣдованіе, по которому оказалось, что на своей суконной фабрикѣ Мѣщаниновъ рабочимъ—своимъ крестьянамъ, платежа денегъ не производитъ да сверхъ того отягощены они очень сборомъ съ нихъ денегъ при рекрутскихъ наборахъ, такъ что, можетъ быть, какъ заявили нѣкоторые крестьяне, пошлютъ они на помѣщика жалобу въ Петербургъ. Такъ какъ неповиновенія крестьянъ помѣщику не оказалось, то Измайловъ, донося обо всемъ вышеизложенномъ кн. Куракину для доклада государю, сообщаетъ и о тѣхъ мѣрахъ, которыя онъ думаетъ принять, если онѣ будутъ одобрены государемъ, чтобы не дать разгорѣться волненію крестьянъ.

Именно, М. М. Измайловъ предписалъ Московскому губернатору, чтобы послѣдній, призвавъ Мѣщанинова, потребовалъ отъ него объясненія, и если онъ дѣйствительно долженъ крестьянамъ за работу, то заплатилъ бы; если же ничего не долженъ, то объявить объ этомъ крестьянамъ.

Что же касается намѣренія крестьянъ послать прошеніе въ Петербургъ, то «предписалъ я, пишетъ Измайловъ, подтвердить имъ Высочайшій Его Императорскаго Величества всенародно опубликованный отъ 12 декабря прошлаго года указъ, чтобы тѣ, кои имѣютъ нужду подавать какія либо жалобы или прошенія, не инако то дѣлали, какъ каждый отъ себя, не подписываясь больше одного человѣка». На это донесеніе послѣдовала слѣдующая резолюція Императора Павла:

«Его Императорское Величество, апробовавъ сдѣланное Михаиломъ Михайловичемъ опредѣленіе, повелѣть соизволилъ объ исполненіи онаго сдѣлать къ Михаилу Михайловичу Измайлову должное отношеніе. Куракинъ. Января 23 дня 1797 г.» [2]).

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 6.

[2]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. I, № 1.

Волненія среди крестьянъ кол. сов. Н. С. Давыдова въ вотчинахъ его въ Клинскомъ и Волоколамскомъ уѣздахъ, въ селѣ Алферовскомъ съ деревнями выразились въ прошеніи, которое было подано государю выборнымъ крестьянъ, Терентіемъ Максимовымъ, и въ которомъ послѣдній рисуетъ картину положенія крестьянъ Давыдова.

«Всемилостивѣйшій Государь! начинаетъ прошеніе Максимовъ, хотя Божескій законъ, естественное право и Высочайшія повелѣнія обязуютъ каждаго имѣть должное повиновеніе господамъ своимъ, что нами во всей точности и исполняется, а господа не инако должны поступать со своими подчиненными, какъ отцы съ дѣтьми своими, но напротивъ того открылись слѣдующія обстоятельства»: Давыдовъ смотрѣлъ на своихъ крестьянъ, которыхъ у него было около 300 д., далеко не какъ на дѣтей и поступалъ съ нимъ не по родительски.

Оброкъ крестьяне должны были платить ему каждые мужъ и жена по 15 руб. и давать по одной, а иногда и болѣе, подводѣ въ Москву съ разными припасами; каждая душа должна была дать 2 четверика ржи, $1^1/_2$ ячменя и 2 четвер. овса, а каждая «мужняя жена» по 15 арш. холста, по курицѣ, кромѣ того два крестьянина съ женами по одному барану. Въ 1792 г. продалъ Давыдовъ въ рекруты во Владимірскую губернію 6 человѣкъ, въ 1795 году въ Тверскую губернію продалъ для той же цѣли 9 чел.; въ этомъ, 1797 г. изъ своей вотчины «гонялъ» два раза по 20 человѣкъ во Владиміръ для продажи въ рекруты.

Съ тѣхъ же, кто не соглашался итти, собиралъ рекрутскія деньги по 50, 100 и по 200 рублей. «А сверхъ того отбиралъ отъ мужей молодыхъ женъ, отъ отцовъ дочерей не для чего иного, какъ только для одного блудодѣянія»; если же женъ и дочерей не давали, скрывая ихъ, то Давыдовъ истязалъ мужей и отцовъ, брилъ имъ бороды и головы. Билъ онъ и вообще всѣхъ своихъ крестьянъ немилосердно, «отъ чего мы приведены передъ сторонними людьми въ посрамленіе, отъ господина же пришли въ совершенную нищету и убожество».

«Не видя же ни съ которой стороны защитника, могущаго внимать нашему жалостному состоянію, а тѣмъ болѣе боясь еще сугубыхъ притѣсненій отъ нашего господина Давыдова, заканчиваютъ свое прошеніе крестьяне, принужденными нашлись прибѣгнуть подъ высокое покровительство Вашего Императорскаго Величества и въ лицѣ всѣхъ крестьянъ Всеподданнѣйше просить: воззри, Всемилостивѣйшій Государь, на повергающихся съ глубочайшимъ благоговѣніемъ крестьянъ, повелите Монаршимъ своимъ указомъ быть намъ на обрядѣ другихъ крестьянъ, находящихся за владѣльцами, которые не отягощаютъ ихъ излишними поборами» [1]).

Такое же тяжелое матеріальное положеніе съ одной стороны, злоупотребленіе своей властью администраціи по отношенію къ крестьянамъ съ другой, испытывали и крестьяне Аммоса Прокоповича Демидова, деревни Аммосовки Никитскаго уѣзда. «Всеавгустѣйшій Монархъ! Всемилостивѣйшій Государь! Неносное разореніе и безпредѣльное насиліе суть виною воспріемлимой смѣлости всеподданнѣйшими пасть передъ тронъ Вашего Императорскаго Величества, не изыскавъ иныхъ средствъ избѣгнуть нашей бѣдственной гибели!» Такъ въ началѣ своего прошенія объясняютъ крестьяне причины, которыя заставили ихъ обратиться къ государю съ жалобой на своего помѣщика. Далѣе въ прошеніи крестьяне разсказываютъ о своемъ положеніи у Демидова. Демидовъ купилъ ихъ на вывозъ у ихъ прежняго владѣльца Полторацкаго въ количествѣ 34 д. муж. пола и 23 д. жен. пола и поселилъ въ разстояніи 7 верстъ отъ прежняго мѣстопребыванія, сельца Барыбина, на такой землѣ, «которая не имѣла никакихъ произрастаній земныхъ плодовъ». Но затѣмъ Демидовъ купилъ у Полторацкаго и ту землю, на которой эти крестьяне жили. Тогда послѣдніе стали просить Демидова переселить ихъ обратно, на ихъ прежнее мѣсто. Но Демидовъ отказалъ имъ въ этомъ, поселивъ тамъ другихъ своихъ крестьянъ. Кромѣ того Демидовъ, будучи женатъ и въ преклонномъ возрастѣ, «беретъ себѣ въ наложницы отъ отцовъ дочерей еще въ незрѣломъ возрастѣ и отъ мужей молодыхъ

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985., ч. I., № 32.

лѣтъ женъ». Одна женщина, Агафья Исаева, черезъ него такъ болѣла, что уже полгода не имѣетъ «никакого тѣлеснаго движенія»; сопротивлявшихся отцовъ и мужей онъ мучилъ побоями, а одного крестьянина, который не далъ на поруганіе своей жены, отдалъ въ солдаты. Объ этомъ крестьяне неоднократно жаловались причту его же, Демидова, села Разступова, но духовенство не вмѣшивалось въ это дѣло, боясь мщенія помѣщика. Не видя ни откуда себѣ защиты, крестьяне рѣшили жаловаться государю, но помѣщикъ узналъ объ этомъ и вытребовалъ исправника для наказанія крестьянъ. Исправникъ сталъ допрашивать крестьянъ о причинахъ ихъ волненія. Крестьяне разсказали ему все то, что они привели въ прошеніи, при чемъ къ допросу привлечены были имъ и потерпѣвшія «отъ непстовства» помѣщика Степанида Лукьянова, Марфа Петрова и Агафья Исаева; четвертой же въ это время въ деревнѣ не случилось. Хотя на этомъ допросѣ подтвердилось все то, на что крестьяне жаловались, однако исправникъ, не сдѣлавъ никакого «резона», уѣхалъ, а возвратившись на третій день, арестовалъ трехъ крестьянъ, перевязалъ имъ руки и отправилъ въ городъ, Степаниду же Лукьянову и Марфу Петрову отправилъ съ выбраннымъ Демидовымъ крестьяниномъ въ церковь, какъ будто для того, чтобы онѣ присягой подтвердили свои показанія противъ помѣщика, а на самомъ дѣлѣ онѣ въ церкви были обвѣнчаны съ ожидавшими ихъ тамъ двумя крестьянами. Послѣ этого исправникъ снова уѣхалъ, но вскорѣ пріѣхалъ въ третій разъ, хотѣлъ всѣхъ крестьянъ пересѣчь за ихъ будто-бы буйство и непослушаніе, и только переговоривши съ крестьянами, увидѣлъ, что ни о какомъ буйствѣ не можетъ быть и рѣчи, и наказаніе отмѣнилъ, взявъ только снова трехъ человѣкъ, которыхъ и держалъ въ городѣ въ заключеніи три недѣли. Наконецъ, явился засѣдатель, привезъ съ собою скованныхъ, взятыхъ раньше исправникомъ, крестьянъ, перевязалъ 13 чел. и сталъ допрашивать по одиночкѣ, при чемъ крестьяне подтвердили свои прежнія показанія. Три дня лежали они у помѣщика связанными до пріѣзда послѣдняго изъ Москвы. Демидовъ приказалъ ихъ развязать и отпустить,

«чѣмъ и кончилось, заключаютъ крестьяне, рѣшеніе господина Серпуховскаго засѣдателя». Демидовъ же разослалъ изъ деревни 5 семей крестьянскихъ въ разныя другія свои вотчины.

Чаша терпѣнія крестьянъ переполнилась, и они, составивъ прошеніе государю съ описаніемъ всѣхъ своихъ бѣдъ, отправили его въ Петербургъ. Изъ нашихъ документовъ видно, что «избранному отъ всего міра» крестьянину Михаилу Аникіеву, отправленному въ Петербургъ, удалось подать прошеніе: кн. Куракинымъ было послано предписаніе губернатору и губернскому предводителю дворянства озаботиться о томъ, чтобы онъ не подвергался наказанію за подачу прошенія [1]).

Въ этой расправѣ помѣщика со своими крестьянами поражаетъ съ одной стороны полный произволъ помѣщика, а съ другой не менѣе полная беззащитность крестьянъ. Достаточно было услышать помѣщику только о намѣреніи крестьянъ жаловаться на него, какъ онъ возвелъ это въ бунтъ противъ его власти и потребовалъ вмѣшательства власти. Власть въ лицѣ исправника и засѣдателя вполнѣ раздѣляетъ взглядъ помѣщика и въ своихъ дѣйствіяхъ проявляетъ рядъ поступковъ, всю безосновательность которыхъ отлично понимаютъ крестьяне. Беззащитность крестьянъ была полная: они обращаются къ своему духовенству, но оно ничѣмъ не можетъ помочь, даже если бы и хотѣло, и крестьяне знаютъ, почему: «боясь мщенія помѣщика». Къ администраціи обратиться,—но они знаютъ, что малѣйшая жалоба на помѣщика сочтется за бунтъ и вызоветъ жестокія наказанія.

Наконецъ, послѣдней волной движенія крестьянъ Московской губерніи была жалоба крестьянъ прапорщика Ник. Вас. Плахова, Клинскаго уѣзда, сельца Логинова и деревни Баранцевой на своего помѣщика.

Самымъ тяжелымъ для крестьянъ было требованіе съ нихъ непрестанной работы: «до тѣхъ поръ работаемъ, жалуются крестьяне, пока всю его работу отправимъ, какъ покосъ, такъ и сѣвъ весь отсѣемъ». Крестьянамъ для собствен-

---

[1]) Ibid. № 2985, ч. II.

ныхъ такихъ же работъ оставалось время, въ которое ничего подобнаго нельзя уже было сдѣлать.

Поборы были также чрезмѣрны: съ вѣнца помѣщикъ требуетъ 1 барана, 10 курицъ, 50 яицъ, со всякой бабы по 30 арш. холста и по 4 мотка нитокъ, времени же на все это не даетъ: зимой такъ же, какъ и лѣтомъ, крестьяне все свое время должны отдавать помѣщику, при чемъ работа производится круглый годъ: и въ большіе праздники и въ воскресенья. Всѣхъ крестьянъ у Плахова было 48 д., а платить государственныхъ налоговъ приходится за 103 д., такъ какъ 55 д. было дворовыхъ. Не мудрено, что крестьяне пришли въ полное разореніе, тѣмъ болѣе, что единственнымъ источникомъ дохода для нихъ было хлѣбопашество, такъ какъ господинъ на заработки никого никуда не отпускаетъ. Если же кто не уплатитъ положеннаго оброка, у того продается корова и т. п. Отъ такой тяжелой жизни 13 чел. бѣжало, а одинъ, доведенный до полнаго разоренія, удавился. Ко всему этому Плаховъ еще отличался развратной жизнью, имѣлъ наложницъ изъ крестьянокъ, одна изъ которыхъ такъ била прислуживающую 15-лѣтнюю дѣвочку, что та не вынесла побоевъ и бросилась въ воду. Наконецъ, Плаховъ, будучи страстнымъ охотникомъ, имѣлъ много охотничьихъ собакъ, «отъ которой охоты мы всѣ осквернились всякою скверностью», такъ какъ крестьянамъ приходилось всегда дежурить на псарномъ дворѣ по очереди по два человѣка. Въ заключеніе своей жалобы крестьяне представляли себя на милость государя дѣлать съ ними, что угодно, «что только соизволите Ваше Императорское Величество чинить, а у показаннаго господина своего Плахова жить намъ никакъ не возможно».

Кн. Куракинъ послалъ на основаніи этого прошенія предписанія Московскимъ губернатору и губернскому предводителю дворянства о защитѣ подававшаго прошенія, Дементія Кузьмина, и Плахову требованіе отъ него отвѣта «въ разсужденіи жалобы на него» [1]).

---

[1]) Ibid. № 2985, ч. II.

10. Вологодская губернія.

Въ Вологодской губерніи волненія крестьянъ обнаружились прежде всего въ вотчинахъ полковницы Поздѣевой Кадниковскаго уѣзда.

Въ ночь на 1 января 1797 года, какъ пишетъ Поздѣевъ Лопухину въ Петербургъ, сообщая объ этихъ волненіяхъ, до 70 чел. крестьянъ съ полѣньями вломились въ домъ и убили бы его, если бы Поздѣевъ, не потерявъ присутствія духа, не вышелъ къ нимъ и силой убѣжденія не заставилъ ихъ удалиться. На другой день, боясь повторенія такого насилія, онъ поѣхалъ въ Кадниковъ, откуда привезъ съ собою исправника и двухъ старыхъ солдатъ, единственныхъ, какіе нашлись въ городѣ. Исправникъ сталъ приводить волость къ присягѣ государю и во время ея арестовалъ начинщиковъ бунта, но вся волость, въ которой было до 1000 душъ, возмутилась этимъ, взятые были освобождены, а самъ исправникъ едва спасся бѣгствомъ отъ смерти. Волненіе среди крестьянъ распространилось и захватило еще двѣ волости, въ которыхъ было около 3000 д. крестьянъ.

Въ Вологдѣ, сообщаетъ дальше Поздѣевъ, на Новый годъ такое было стеченіе народа и духовенства, какого никогда и не запомнятъ, такъ какъ ожидали, что читать будутъ указы о вольности крестьянъ и объ уменьшеніи налоговъ на соль и вино. «Крестьяне въ ожиданіи таковой мнимой вольности во многихъ мѣстахъ не платятъ оброковъ своимъ господамъ, а особливо дожидались этого указа о вольности въ Новый годъ» [1]). Увѣренность собравшагося народа въ этомъ была такъ велика,

[1]) Вспомнимъ, что и въ Олонецкой губерніи среди крестьянъ Полѣнова ходили тѣ же слухи объ освобожденіи крестьянъ и именно на Новый годъ.

что когда этого не случилось, то въ народѣ стали говорить, что «нарочно не распечатываютъ таковыхъ о вольности крестьянъ указовъ».

Волненія среди крестьянъ его жены и сосѣднихъ помѣщиковъ, по мнѣнію Поздѣева, произошли «по распространившейся въ здѣшнемъ краю сильной молвѣ, что дѣлается нынѣ присяга государю для того, чтобы впредь не быть за помѣщиками».

Крестьяне Поздѣева, отказавшись отъ повиновенія помѣщику, рѣшили послать прошеніе государю объ освобожденіи ихъ отъ помѣщичьей власти.

Прошеніе было подписано за крестьянъ семинаристомъ Вологодской семинаріи, сыномъ мѣстнаго дьячка, Григоріемъ Коропацкимъ, по приказанію его отца. Онъ же написалъ Яковлеву и Алексѣеву, двумъ выборнымъ для подачи прошенія, проходное письмо, чтобы ихъ по дорогѣ не задержали и изъ Петербурга не выслали «до исправленія ихъ надобностей».

Первые годы владѣнія ими, пишутъ въ прошеніи крестьяне, Поздѣевъ, которому принадлежатъ они уже въ теченіе 18 лѣтъ, бралъ съ нихъ сносные оброки и требовалъ умѣренной работы на него, но вотъ 10 лѣтъ тому назадъ онъ у себя въ вотчинѣ построилъ стеклянный заводъ, и съ этого времени начинается крестьянское разоренье. Сверхъ всѣхъ прежнихъ работъ крестьяне должны были каждый мужчина отъ 15 до 70 лѣтъ ежегодно поставлять на заводъ по 30 саж. дровъ и по 30 четвертей золы; но они и это исполняли, пока силъ хватало, но такъ какъ число крестьянъ постоянно убывало— 15 душъ самъ помѣщикъ перевезъ въ другія мѣста, многихъ продалъ въ рекруты, другіе убѣжали отъ невыносимыхъ тягостей, а на заводъ требовалось то же самое количество дровъ и золы, то помѣщикъ произвелъ новую раскладку, по которой съ каждаго человѣка въ прежнихъ предѣлахъ возраста требовалось теперь еженедѣльно по 3 саж. дровъ и по 3 четверти золы, а такъ какъ крестьяне не въ состояніи были выполнить такого требованія, то помѣщикъ сѣкъ неисправныхъ «немилосердно».

31 декабря 1796 г., напр., Поздѣевъ, явившись на заводъ, сталъ брить головы рабочимъ и думалъ пересѣчь всѣхъ.

Крестьяне возмутились и отказались отъ работы. 4 января явился исправникъ и въ церкви, гдѣ приносили присягу крестьяне всей волости, выславъ всѣхъ остальныхъ и оставивъ только Поздѣевскихъ, арестовалъ изъ послѣднихъ 15 чел. Но когда вели ихъ, связанныхъ, въ домъ Поздѣева, они, «убоясь смертельнаго наказанія и безвиннаго», развязали другъ друга и разошлись.

«Того ради пріемлемъ смѣлость, заключаютъ свое прошеніе крестьяне, трудить Ваше Императорское Величество, дабы благоволено-бъ было сіе всенижайшее прошеніе Всемилостивѣйше принять и погибающихъ отъ мраза и глада обиженныхъ людей въ Ваши Всемилостивѣйшія нѣдра принять; а мы, нижайшіе, желаемъ какъ Богу, такъ и Вашему Императорскому Величеству служить. Генваря 5 дня 1797 года».

Почти полное разореніе Поздѣевскихъ крестьянъ удостовѣряли и свидѣтели, сосѣдніе крестьяне, которые показали: «пришли (крестьяне) въ крайнюю бѣдность, неимѣющи у себя дневнаго пропитанія, равножъ одѣянія и обуванія, скитающіеся въ мірѣ, лишающіеся своихъ крестьянскихъ работъ, домы и поля у нихъ пришли въ запустѣніе».

Прошеніе крестьянъ не дошло до Императора Павла, такъ какъ въ Вологдѣ посланные были схвачены, и прошеніе у нихъ отобрали.

Но государь зналъ объ этомъ движеніи крестьянъ въ Вологодской губерніи по письму Поздѣева Лопухину, и послѣдовала резолюція на докладъ по этому дѣлу кн. Куракина: «Его Императорскому Величеству докладывано 20 января 1797 г. (Мѣры) для укращенія ихъ дѣйствій Его Величество принять изволить на себя. Куракинъ».

Для прекращенія волненій Императоромъ Павломъ въ Вологодскую губернію былъ посланъ генералъ-фельдмаршалъ кн. Н. В. Репнинъ, въ распоряженіе котораго изъ Москвы былъ отправленъ батальонъ съ двумя орудіями. 30 января кн. Репнинъ, какъ сообщаетъ Вологодскій губернаторъ Шетневъ кн. Куракину, въ Вологдѣ производилъ разслѣдованіе волненій, для чего были къ нему призваны крестьяне Поздѣева и другихъ вла-

дѣльцевъ, принимавшихъ участіе въ этомъ движеніи. Кн. Репнину удалось, не прибѣгая къ военной силѣ, убѣдить ихъ въ несбыточности ихъ мечтаній—освободиться отъ крѣпостной зависимости, и когда крестьяне принесли повинную, то кн. Репнинъ объявилъ имъ отъ имени Императора прощеніе, «съ подтвержденіемъ, дабы на будущее время тщились заслужить проступокъ свой исполненіемъ воли Его Императорскаго Величества совершеннымъ послушаніемъ своимъ помѣщикамъ, въ противномъ же случаѣ за неисполненіе онаго подвергнутъ себя строжайшему наказанію по законамъ».

Выше мы видѣли, что въ волненіяхъ Поздѣевскихъ крестьянъ принимали участіе дьячекъ и его сынъ, Вологодскій семинаристъ. По этому поводу Поздѣевъ обратился къ Вологодскому Архіерею съ письмомъ, въ которомъ, сообщая объ этомъ участіи, проситъ послѣдняго никакихъ прошеній отъ крестьянъ жены его и его собственныхъ о назначеніи кого бы то ни было въ церковь Михаила Архангела, что на Кубенищѣ, безъ подписи его и жены не принимать, а дьячка наказать. [1])

Въ Никольскомъ уѣздѣ волненіе крестьянъ произошло въ Кемской волости, въ вотчинѣ бригадира Давыдова, гдѣ крестьяне 19 янв. 1797 г., во главѣ съ старостой, объявили приказчику, разыскивавшему съ крестьянами, приведенными имъ изъ другихъ вотчинъ, «подземныя минеральныя руды», что они на работу не пойдутъ и хлѣба ни приказчику, ни крестьянамъ, съ нимъ пришедшимъ, не дадутъ, равно какъ не хотятъ платить денежнаго и хлѣбнаго оброка за 1796 г. Исправникъ, отправившійся туда съ воинской командой, усмирилъ недовольныхъ [2]).

Не всегда и не для всѣхъ помѣщиковъ жалобы крестьянъ на нихъ государю оканчивались такъ благополучно, какъ дѣло Поздѣева. Въ послѣднемъ случаѣ помѣшало крестьянамъ добиться по крайней мѣрѣ хотя разслѣдованія ихъ положенія то случайное обстоятельство, что прошеніе, ими посланное

[1]) *Государст. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 11. Срав. М. Де-Пуле. Крестьянское движеніе при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ (*Рус. Арх.* 1869 г., 532—540).

[2]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 11.

Императору Павлу, вмѣстѣ съ выборными попало въ руки губернской администраціи и дальше не пошло, такъ что Императоръ Павелъ судилъ объ этомъ волненіи только по письму самого Поздѣева да по оффиціальному донесенію о немъ губернатора.

Вотъ, напр., какіе результаты имѣло для помѣщика поручика Карина волненіе его крестьянъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ. Бурмистръ вотчины Карина, Ѳока Алексѣевъ, подалъ государю отъ себя и всей вотчины въ 138 душъ прошеніе, въ которомъ крестьяне жаловались на поборы и истязанія, которымъ подвергалъ ихъ помѣщикъ.

17 сент. 1797 г. Ѳока Алексѣевъ былъ подвергнутъ въ Тайной Экспедиціи допросу, во время котораго онъ подтвердилъ все то, что было изложено въ его прошеніи: на тягло крестьяне сѣютъ ржи $1^1/_2$ четверти, овса 8 четвертей, ячменя 1 четверикъ, гороху $^1/_2$ четверика, пшеницы 1 четверикъ, льну $^3/_4$ четверика, сѣна собираютъ 20 возовъ. Изъ принадлежащаго имъ еловаго лѣса крестьяне приготовляютъ посуду, которой «семьянистые» продаютъ на 40 р. въ годъ, остальные на 20 р.

Поборы, которые платятъ они господину, распредѣляются послѣднимъ такъ: онъ, Алексѣевъ, напр., имѣя жену, сына 15 лѣтъ и четырехъ дочерей отъ 18 до 5 лѣтъ, имѣетъ 2 тягла и платитъ около 120 р. въ годъ, а у кого менѣе тяголъ, менѣе и платежа.

Кромѣ того помѣщикъ производитъ сборы за свѣчи, дрова, холстъ, дичь, сѣмена, за рекрутъ, за промѣнъ серебряной монеты, на прогоны и за содержаніе присылаемыхъ въ вотчину управителей.

Эти сборы привели крестьянъ къ полному разоренію. Если же что либо изъ этихъ сборовъ не доставлялось, то Каринъ, вызывая къ себѣ бурмистра въ Москву или въ свое село Богородское Владимірской губерніи, наказывалъ его «пещадно». Въ доказательство справедливости своей жалобы бурмистръ Алексѣевъ, ссылаясь на сосѣднихъ крестьянъ и свое духовенство, представилъ еще сверхъ того 31 приказъ помѣщика, въ которыхъ послѣдній, требуя съ крестьянъ недоимки, грозилъ имъ жестокимъ наказаніемъ, если они ихъ не внесутъ.

По объясненію Алексѣева, они всегда платили исправно и никакихъ недоимокъ за ними нѣтъ. Если же бурмистръ отрицалъ эти недоимки передъ своимъ помѣщикомъ, Карипъ наказывалъ его, какъ за неисправность и нерадѣніе.

На прошеніе Алексѣева, доложенное кн. Куракинымъ Императору Павлу, послѣдовала резолюція: «Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: разсмотрѣніе дѣла сего поручить начальствующему въ губерніи. Куракинъ. Сент. 19 дня 1797 г.».

Вологодскій губернаторъ Шетневъ, которому поручено было разслѣдованіе этого дѣла, произвелъ слѣдствіе черезъ Кадниковскаго предводителя дворянства Бердяева, который донесъ губернатору, что крестьяне господина Карина находятся въ бѣдномъ состояніи, такъ что и поля къ будущему году не всѣ засѣяны, а нѣкоторые крестьяне скота и лошадей не имѣютъ. Земли хотя у нихъ и довольно, но большую часть ея принуждены отдавать въ кортому для уплаты податей. Оброка съ души платятъ по 30 рублей. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что для всѣхъ сборовъ у крестьянъ нѣтъ опредѣленнаго времени, а должны платить тогда, когда вздумается требовать ихъ помѣщику.

Не довольствуясь свѣдѣніями о положеніи крестьянъ Карина, собранными Бердяевымъ, губернаторъ, зная, что двѣ деревни есть у Карина въ Грязовецкомъ уѣздѣ той же Вологодской губерніи, приказалъ навести справки о положеніи этихъ крестьянъ и узналъ, что и они «равномѣрно отягощены, какъ и Кадниковскіе». На основаніи всего этого губернаторъ нашелъ, что показанія повѣреннаго крестьянинъ, Фоки Алексѣева, справедливы. Что же касается самого Карина, доноситъ дальше губернаторъ кн. Куракину, то «пребывающіе здѣсь господа дворяне, кои онаго Карина знаютъ, всѣ согласно сказывали, что онъ всегда упражняется въ пьянствѣ, почему и слѣдовало бы отдать его въ опеку».

На докладъ о такомъ результатѣ разслѣдованія справедливости жалобы крестьянъ на Карина послѣдовала резолюція:

«Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: къ обезпеченію сихъ крестьянъ отъ угнетенія помѣщикомъ ихъ отдать ихъ въ опеку, о чемъ и изготовить указъ. Куракинъ. Декабря 19 дня 1797 г.». А вотъ и самый указъ:

«Указъ нашему Сенату. Вологодскаго помѣщика Карина по удостовѣренію тамошняго гражданскаго губернатора и пребывающихъ въ Вологдѣ дворянъ за невоздержанное поведеніе и угнетеніе своихъ крестьянъ отъ управленія его имѣніемъ отрѣшить и взять оное въ опеку. Подлинный подписанъ собственной Его Императорское Величество рукой: Павелъ. Въ С.-Петербургѣ 20 декабря 1797 г.».

Для Карина опека была большой и непріятной неожиданностью. Въ отчаяніи онъ пишетъ кн. Куракину полное мольбы письмо, въ которомъ проситъ ходатайствовать за него передъ государемъ объ уничтоженіи надъ нимъ опеки.

«Ваше Сіятельство! Милостивый Государь! князь Алексѣй Борисовичъ!

Отягченъ болѣзнями въ преклонности вѣка моего и готовясь къ переселенію въ вѣчность, я сраженъ по особливому несчастію моему жесточайшимъ ударомъ гнѣва Государя Императора, который воспослѣдовалъ по поводу жалобы на меня Вологодскихъ крестьянъ въ притѣсненіи». Въ опеку взяты были у Карина всѣ его имѣнія въ разныхъ губерніяхъ, въ которыхъ было у него 1453 души. Въ злополучіи своемъ, продолжаетъ Каринъ, ласкается онъ надеждой, что Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій не отрѣчется нѣчто въ оправданіе его сказать кн. Куракину. А для него и то уже составляетъ облегченіе въ его положеніи, что онъ «повѣдалъ неумытному хранителю законовъ и благодѣяніями славу себѣ создавшему вельможѣ раздирающую сердце рану».

«Воззри милостиво, сіятельный князь, заключаетъ свое письмо Каринъ, на строки сіи, отъ глубины болѣющей души начертанныя! не отрынь вопля несчастныхъ и удостой, мужъ благодѣяній, ходатайствомъ у престола за страждущаго, избавь по человѣколюбію своему меня и дочь бѣдную мою отъ

сокрушенія и гнѣва Всемилостивѣйшаго Государя Императора возвращеніемъ въ управленіе мое имѣнія моего».

Письмо это не имѣло никакихъ послѣдствій [1]).

Наконецъ, въ томъ же Кадниковскомъ уѣздѣ извѣстенъ еще случай столковенія крестьянъ со своимъ помѣщикомъ, выразившійся въ отказѣ отъ повиновенія ему его крестьянъ и въ подачѣ ими на него жалобы государю.

Въ 1790 г. купилъ помѣщикъ Лежаковъ вотчину, въ которой по послѣдней 5-й ревизіи было 161 душа. Первые три года крестьяне были на оброкѣ, котораго въ годъ платили по 15 р. съ души, при этомъ еще и работали на помѣщика, когда это нужно было. Такимъ положеніемъ крестьяне не особенно тяготились. Но черезъ три года помѣщикъ завелъ у себя суконную фабрику, на которой заставилъ работать своихъ крестьянъ и мужчинъ и женщинъ, правда, не всѣхъ, но всегда на фабрикѣ работало не менѣе 130 человѣкъ. Остальные крестьяне должны были отправляться за 20 верстъ въ с. Никольское и тамъ лѣтомъ обрабатывать землю на помѣщика, а зимой обстраивать дворъ и давать подводы. Но сверхъ всего этого всѣ крестьяне вносили и оброкъ по 6 р. съ души.

Такая работа и поборы разорили крестьянъ, и они вскорѣ не были въ состояніи уплачивать оброкъ. Тогда помѣщикъ сталъ требовать на фабрикѣ усиленной работы, задавая уроки, которые крестьяне не были въ состояніи выполнить. За это помѣщикъ наказывалъ «смертельными побоями». Такъ, вытребовавъ къ себѣ двухъ «вотчинныхъ начальниковъ», бурмистра и земскаго, онъ высѣкъ ихъ плетьми, обрилъ головы, «спалилъ» бороды, брови и рѣсницы и, наконецъ, забилъ ихъ въ колодки, оставивъ ихъ у себя до выздоровленія, дома же ихъ заколотилъ, а семьямъ сталъ выдавать съѣстные припасы помѣсячно.

Крестьяне составили жалобу и послали ее съ бурмистромъ Макаровымъ. Когда же помѣщикъ узналъ объ этомъ, онъ засадилъ въ тюрьму въ Кадниковѣ Макарова, а всѣхъ

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. I, № 18.

крестьянъ отъ 8 до 60 лѣтъ въ наказаніе заставилъ работать на фабрикѣ. Если кто либо не выполнялъ заданнаго урока, помѣщикъ такого штрафовалъ и штрафами уже собралъ съ крестьянъ до 700 руб. Находясь въ такомъ безвыходномъ положеніи, крестьяне составили новую жалобу и послали ее государю.

На докладъ о ней Императору Павлу Ю. Нелединскимъ-Мелецкимъ послѣдовала резолюція: «войти въ разсмотрѣніе» кн. Куракину справедливости этой жалобы.

По предписанію генералъ-прокурора, Вологодскій вице-губернаторъ, графъ Д. Толстой, лично обозрѣвалъ деревни Лежакова и «нашелъ крестьянъ его хотя и не въ цвѣтущемъ положеніи, однако же земли, принадлежащія имъ, засѣяны, и скотъ у нихъ имѣется, какъ-то: лошади, коровы и мелкій; и почти нѣтъ ни одного такого, котораго бы можно было назвать совершенно нищимъ». Что же касается помѣщика Лежакова, то вице-губернаторъ ничего не могъ сказать о его «свойствахъ», по краткости пребыванія его въ Вологдѣ и «по рѣдкому съ нимъ (Лежаковымъ) обращенію».

Кромѣ этого личнаго обозрѣнія положенія крестьянъ Лежакова вице-губернаторомъ, Вологодскій губернаторъ Шетневъ, по приказанію кн. Куракина, съ своей стороны, произвелъ разслѣдованіе по жалобѣ крестьянъ черезъ мѣстнаго предводителя дворянства Бердяева, который долженъ былъ дать отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1. Въ какомъ состояніи находятся крестьяне Лежакова и достаточно ли у нихъ скота? 2. Засѣяны ли у нихъ поля? 3. Хлѣбъ нынѣшняго года весь ли убранъ? 4. Сколько на человѣка высѣвается? 5. Сколько на фабрикѣ становъ? 6. По сколько человѣкъ на фабрикѣ работаетъ? 7. Непрерывно или прерываясь идетъ работа? 8. Сколько вырабатывается на станѣ половинокъ, въ какое время и есть ли возможность это количество выработать? 9. На одной ли фабрикѣ работаютъ крестьяне или сверхъ этой работы исполняютъ и другія работы на господина и уплачиваютъ ли еще и денежный сборъ? 10. Остается ли за господской работой половинное число работниковъ для домашнихъ работъ или раздѣ-

ляется время? 11. Узнать, на сколько справедливы показанія крестьянъ о двухъ надсмотрщикахъ, земскомъ и бурмистрѣ Макаровѣ, гдѣ они находятся, за что были наказаны и какъ?

По разслѣдованію Бердяева [1]) оказалось, что крестьяне Лежакова находятся «въ посредственномъ состояніи», однако онъ не нашелъ ни одного, кто не имѣлъ бы лошади, коровы и мелкаго скота. Поля къ будущему году засѣяны рожью, нынѣшняго же лѣта хлѣбъ сжать и съ поля убранъ, а часть перемолочена; ржи высѣваютъ крестьяне на новитокъ по четверти; на фабрикѣ 12 становъ, при каждомъ станѣ по 4 работника. Работа идетъ непрерывно. Сукна на каждомъ станѣ рабочіе должны выткать въ мѣсяцъ по 3 половники, въ которыхъ 150 арш. длины; что же касается того, могутъ ли рабочіе въ мѣсяцъ соткать такое количество сукна, Бердяевъ сказать не могъ, такъ какъ въ бытность его на фабрикѣ работа не производилась. Работаетъ на фабрикѣ половина мужчинъ и женщинъ, а другая половина остается дома. Если въ семьѣ три работника, то половину недѣли работаютъ въ Никольскомъ у Лежакова. Оброка не платятъ, но за каждую не доработанную въ мѣсяцъ половинку должны помѣщику уплачивать 7 р. 75 коп. Земскій и бурмистръ, которыхъ наказывалъ помѣщикъ, теперь дома и хотя подтвердили жалобу, но Бердяевъ на нихъ признаковъ истязаній не нашелъ. Макаровъ же и до сихъ поръ сидитъ въ Кадниковѣ въ тюрьмѣ. Теперь, когда на фабрикѣ не работаютъ, крестьяне ходятъ на работу къ господину по три дня въ недѣлю.

Получивъ эти свѣдѣнія отъ Бердяева, губернаторъ, не удовлетворившись ими, потребовалъ отъ Лежакова отвѣты на тѣ же вопросы.

Изъ отвѣтовъ Лежакова видно, что фабрика его существовала до іюля текущаго 1797 года, по закрытіи фабрики онъ перевелъ всѣхъ крестьянъ на барщину, на которую они ходятъ по 3 дня въ недѣлю. Работая на фабрикѣ, крестьяне не несли уже никакихъ другихъ повинностей, равно какъ ни-

---

[1]) Въ октябрѣ 1797 года.

какихъ не дѣлалось съ нихъ денежныхъ сборовъ. Въ первые два года существованія фабрики на каждомъ станѣ вырабатывалось по двѣ половинки въ мѣсяцъ, такъ какъ крестьяне еще не привыкли къ этой работѣ, а затѣмъ должны были ткать по три половинки въ мѣсяцъ. Двухъ начальниковъ, бурмистра и земскаго, пишетъ далѣе Лежаковъ, дѣйствительно онъ наказалъ, перваго за то, что допустилъ вотчину выйти изъ повиновенія ему, помѣщику, а второго «за разглашеніе якобы вольности всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ по поводу приведенія къ присягѣ». Крестьянъ своихъ не разорялъ, штрафовъ съ нихъ взыскано было не 700, а 400 р. Работой также не изнурялъ.

Такимъ образомъ, всѣ собранныя губернаторомъ свѣдѣнія указывали на сильное преувеличеніе крестьянами Лежакова тяжести своего положенія, и потому ихъ жалоба осталась безъ послѣдствій.

Но крестьяне на этомъ не успокоились. 16 декабря 1797 г. они подаютъ новое, третье по счету, прошеніе на своего помѣщика, въ которомъ повторяютъ прежнія жалобы, но такъ какъ разслѣдованіе не подтвердило этихъ жалобъ, то по резолюціи Императора прошеніе крестьянъ Лежакова было оставлено безъ послѣдствій [1]).

Участь, подобная участи Карина, постигла и другого Вологодскаго помѣщика, отставного премьеръ-маіора Башмакова.

Выборными отъ его крестьянъ Вологодскаго уѣзда села Алешова, Григорьевымъ и Яковлевымъ, 6 октября 1797 года «въ городѣ Гатчинѣ въ ящикъ просьба была положена». Въ этой просьбѣ крестьяне жаловались на своего помѣщика, что онъ ихъ принуждаетъ работать на себя всѣ дни, насплуетъ женъ и дочерей крестьянскихъ; когда же ему крестьяне пробовали возражать на его требованіе непрерывной работы, ссылаясь на указъ о 3-хъ дневной работѣ крестьянъ на помѣщика, онъ возражавшихъ билъ «нещадно», говоря: «за непослушаніе—убью до смерти! Я вамъ Богъ и Государь».

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 31.

На это прошеніе, присланное кн. Куракину Нелединскимъ-Мелецкимъ и доложенное имъ государю, послѣдовала резолюція: «развѣдываніе крестьянъ показанія поручить гражданскому губернатору. 18 октября 1797 г.»

Такъ какъ подъ прошеніемъ государю можно было по указу 12 декабря 1796 г. подписываться только одному человѣку, то хотя принесли прошеніе въ Петербургъ два выборныхъ, Григорьевъ и Яковлевъ, но одинъ, Григорьевъ, только, какъ подписавшійся подъ прошеніемъ, былъ отправленъ на родину съ обычнымъ предписаніемъ губернатору и губернскому предводителю дворянства позаботиться о безопасности просителя, другой же, Яковлевъ, съ малолѣтнимъ сыномъ остался въ Петербургѣ, не имѣя ни средствъ, ни желанія возвратиться къ своему помѣщику, отъ истязаній котораго онъ только что бѣжалъ, жить же въ Петербургѣ въ качествѣ бѣглаго было для него невыносимо.

Въ силу такихъ обстоятельствъ онъ подаетъ новое прошеніе государю, въ которомъ, объясняя, почему онъ очутился въ такомъ положеніи, сообщаетъ, что господинъ его всегда бываетъ въ немаломъ шумствѣ», на него же особенно озлобился, и вотъ по какому случаю: «дочь моя, разсказываетъ Яковлевъ, малолѣтняя, на 14 году, Евгенія, находилась въ горничныхъ, которую господинъ мой согласовалъ къ блуду, но она согласна не была. И узналъ я о томъ и пришелъ въ горницу и просилъ господина своего, чтобы дочь мою отъ блуднаго дѣла уволилъ и водой не опаивалъ; и на просьбу мою отъ питья воды уволилъ, а меня съ угрозами нещадно наказать (выгналъ)».

Испугавшись угрозъ, Яковлевъ съ Григорьевымъ отправились въ Петербургъ и подали прошеніе. Живя уже здѣсь, услышалъ онъ, что помѣщикъ, узнавъ объ ихъ уходѣ, брата Григорьева, Никиту, за то, что послѣдній не увѣдомилъ своевременно его объ уходѣ брата, безчеловѣчно избилъ, такъ что отъ этихъ побоевъ тотъ лежалъ три недѣли, причемъ помѣщикъ не довольствуясь этимъ, обрилъ ему половину головы и половину бороды, а жену и 12-лѣтнюю дочь заковалъ въ цѣпи. «За вы-

шеписанные обстоятельства Ваше Императорское Величество всеподданнѣйше прошу: благоволите меня, несчастнаго, и малолѣтняго сына моего куда заблагоразсудить соизволите».

Резолюція Императора Павла на этомъ прошеніи: «сего Яковлева переслать къ губернатору съ тѣмъ, чтобы отъ помѣщика его никакого вреда ему произойти не могло. Ноября 26 дня 1797 г.» Между тѣмъ губернаторъ по Высочайшему повелѣнію производилъ разслѣдованіе истинности показаній крестьянъ о помѣщикѣ Башмаковѣ черезъ частнаго пристава Вологодской 2-й части Воронова, который долженъ былъ «въ сосѣдственныхъ съ нимъ, Башмаковымъ, посторонних селеніяхъ» собрать отвѣты на слѣдующіе вопросы:

1. Принуждалъ ли онъ, Башмаковъ, работать на себя крестьянъ всѣ дни недѣли, исключая воскресеній?

2. Наказывалъ ли дворовыхъ людей за то, что они просили на основаніи Высочайшаго манифеста раздѣлить время для работы и обрилъ ли имъ по половинѣ головы?

3. Во время сѣнокоса говорилъ ли крестьянамъ «дерзновенныя слова»?

4. Дворовую женку Татьяну за отказъ отъ блудодѣянія съ нимъ билъ ли безчеловѣчно?

5. Дворовую дѣвку Евгенію принуждалъ ли пить воду въ наказаніе, что подобного же исполнить не согласилась?

6. Наказывалъ ли за то же самое вдову дворовую, Степаниду Михайлову, держа на цѣпи двое сутокъ, и наконецъ насильемъ выполнилъ ли свое желаніе?

На всѣ эти вопросы приставъ донесъ, что, какъ оказалось по его изслѣдованію, Башмаковъ, «упражняясь въ пьянствѣ», часто собираетъ къ себѣ церковниковъ, «людей» и крестьянъ, съ которыми и пьетъ цѣлыя ночи; «да и въ работахъ нѣтъ его хуже, урочныхъ же дней имъ не дается», и крестьяне доведены до крайней бѣдности. Что касается бритья головъ въ видѣ наказанія, то, дѣйствительно, 6 или 7 человѣкъ такимъ образомъ наказалъ. «Касательно же до похабства его съ женщинами, то и сіе производимо было». Такъ показало о Башмаковѣ большинство спрашиваемыхъ. Другіе не отвѣчали на эти

вопросы, отговаривались незнаніемъ. «Но такихъ не нашлось, пишетъ приставъ Вороновъ, кои бы сказаніе первыхъ отвергли».

Губернаторъ Шетневъ, неудовольствовавшись этимъ разслѣдованіемъ, предписалъ произвести такое же разслѣдованіе о Башмаковѣ Вологодскому уѣздному предводителю дворянства Алябьеву на томъ основаніи, какъ онъ доноситъ кн. Куракину, что Алябьевъ долженъ быть освѣдомленъ объ отношеніи Башмакова къ манифесту 5 апрѣля 1797 г., такъ какъ имъ, губернаторомъ, «во исполненіе Высочайшаго манифеста о раздѣленіи работъ предписано было господину губернскому предводителю приказать уѣзднымъ предводителямъ, дабы они имѣли наблюденіе въ своихъ округахъ, чтобы между помѣщиками и крестьянами по силѣ того манифеста въ работахъ 6 дней раздѣлялись». Отзывъ Алябьева былъ также неблагопріятенъ для Башмакова, какъ и разслѣдованіе Воронова.

Затѣмъ губернаторъ пригласилъ къ себѣ Башмакова, который на вопросы его, раздѣляетъ ли онъ время съ крестьянами въ работахъ поровну и точно ли онъ произносилъ при наказаніи нѣкоторыхъ крестьянъ «дерзновенныя слова», отвѣчалъ, что онъ такихъ изреченій никогда не говорилъ, а въ работахъ онъ время раздѣляетъ поровну и въ доказательство истинности своего показанія сослался на помѣщиковъ Федора Вараксина, Дмитрія Неелова и Илью Сѣянова.

При этомъ Башмаковъ заявилъ, что крестьянинъ его, Григорьевъ, который подалъ на него жалобу, не находился у него въ должномъ послушаніи и повиновеніи, о чемъ имъ было подано въ Вологодскій нижній земскій судъ прошеніе. Однако по справкѣ губернатора такого прошенія въ судѣ не оказалось, а было простое объявленіе Башмакова о побѣгѣ Григорьева.

Ссылка Башмакова на трехъ помѣщиковъ оказалась также неудачной для него, такъ какъ послѣдніе на запросъ губернатора письменно отвѣчали, что они о раздѣленіи Башмаковымъ времени крестьянъ для работъ ничего не знаютъ «въ разсужденіи неблизкаго съ нимъ знакомства».

«А какъ изъ вышеписаннаго, заканчиваетъ губернаторъ свое разслѣдованіе о Башмаковѣ, Ваше Сіятельство (кн. Ку-

ракинъ) усмотрѣть изволите, что помѣщикъ Башмаковъ болѣе упражняется въ пьянствѣ, слѣдовательно, и въ управленіи деревень своихъ можетъ производить непорядки, то не угодно ли будетъ приказать деревни его поручить управленію дворянской опеки». На докладъ объ этомъ послѣдовала резолюція:

«Сего Башмакова взять и содержать въ Вологдѣ подъ стражей; имѣніе же его отдать въ опеку. 9 января 1798 г.». А на слѣдующій день было подписано 2 указа о Башмаковѣ: одинъ о назначеніи надъ имѣніемъ его опеки, другой на имя кн. Куракина о содержаніи его въ Вологдѣ подъ арестомъ.

«Указъ Нашему Сенату. Имѣніе Вологодскаго помѣщика, коллежскаго ассесора Башмакова, за дѣлаемые съ крестьянъ неистовые поступки и разореніе ихъ налогами, о чемъ по изслѣдованіи доноситъ Намъ Вологодскій гражданскій губернаторъ, повелѣваемъ взять въ опеку. Павелъ. Въ С.-Петербургѣ, января 10 дня 1798 года».

Другой указъ былъ данъ на имя генералъ-прокурора, князя Куракина: «Вологодскаго помѣщика, коллежскаго ассесора Башмакова, о которомъ по изслѣдованіи доноситъ Вологодскій губернаторъ, что онъ разоряетъ крестьянъ работами безъ наблюденія опредѣленныхъ дней, а съ ихъ женами дѣлаетъ неистовства, повелѣваемъ: изъ деревни его взять и содержать въ Вологдѣ подъ арестомъ. Пребываемъ къ вамъ благосклонны. Павелъ. Въ С.-Петербургѣ, января 10 дня 1798 г.».

Прошло два года послѣ описанныхъ событій. И вотъ въ мартѣ 1800 г. Башмаковъ возбуждаетъ ходатайство передъ генералъ-прокуроромъ объ освобожденіи его «изъ подъ присмотра» и о позволеніи продать крестьянъ. «Ваше Высокопревосходительство! Милостивый государь! пишетъ Башмаковъ, вопль несчастнаго да не оскорбитъ благость сердца Вашего Высокопревосходительства, которое самъ Богъ расположилъ любить страждующее человѣчество». Третій годъ содержится онъ, пишетъ Башмаковъ далѣе, подъ присмотромъ въ Вологдѣ и оплакиваетъ свое несчастіе: «необузданная злоба нѣкоторыхъ крестьянъ монхъ достигла коварнымъ образомъ къ подножію монаршаго престола и погубила спокойствіе души моей. Я не

желаю зла имъ, потому что самъ Всевышній накажетъ ихъ злодѣяніе. Я не желаю ихъ и имѣть, потому что они подозрительны и опасны». «Единый имѣю лучъ надежды, чтобы Всемилостивѣйшій Государь позволилъ мнѣ продать ихъ по узаконенному праву и, тѣмъ удаливъ причину, отъ коей я стражду невинно, даровалъ мнѣ свободу, толико драгоцѣнную для душъ чувствительныхъ.

Великодушный предстатель! у милосерднаго престола я дерзаю какъ несчастный умолять благость души твоей объ исходатайствованіи мнѣ свободы и права на продажу дерзновенныхъ и непокорныхъ крестьянъ моихъ, чтобы не терпѣлъ я сугубаго несчастія. Поведеніе же мое и образъ моей жизни свидѣтельствуетъ безпристрастное одобреніе лучшаго благороднаго здѣсь дворянства».

Это свидѣтельство было препровождено генералъ-прокурору губернскимъ предводителемъ дворянства Еропкинымъ.

«Аттестатъ. Отъ Вологодскаго уѣзднаго предводителя и Благороднаго Общества.

Мы, нижеподписавшіеся, пребывающіе въ Вологодской губерніи симъ свидѣтельствуемъ, что коллежскій ассесоръ, Иванъ Васильевъ сынъ Башмаковъ по пребыванію его нынѣ въ Вологдѣ замѣченъ, что поведеніе имѣетъ добропорядочное, и какъ въ домашнемъ распоряженіи, такъ и во всемъ ведетъ себя, какъ благородному дворянину надлежитъ. Данъ въ Вологдѣ 1800 г. февраля 22 дня». (Слѣдуетъ 27 подписей). Только черезъ годъ прошеніе Башмакова и аттестатъ его были доложены государю и на докладѣ сдѣлана помѣтка рукой докладчика: «Высочайше повелѣно: по одобренію предводителя и дворянства освободить и имѣніе позволить продать. Февраля 28 дня 1801 года» [1]).

Дѣло о крестьянахъ Башмакова и объ ихъ помѣщикѣ является однимъ изъ интереснѣйшихъ въ вопросѣ о крестьянскомъ движеніи въ царствованіе Имп. Павла. Оно вскрываетъ одинъ изъ тѣхъ гнойныхъ нарывовъ, которыми такъ богата была наша страш-

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. I, № 22—23.

ная болѣзнь—крѣпостное право, и подробно рисуетъ предъ нами тѣ нравственныя и экономическіе причины, въ силу которыхъ крестьянамъ Башмакова стало такъ невыносимо тяжело подъ властью своего помѣщика. Съ другой стороны, оно доказываетъ намъ, что подача прошеній государю крестьянами на своихъ помѣщиковъ, дозволенная указомъ 12 декабря 1796 г., была не пустымъ звукомъ: по этимъ жалобамъ, докладываемымъ генералъ-прокуроромъ государю, всегда производились разслѣдованія, поручаемыя мѣстной власти, которыя не всегда оканчивались благополучно для жестокихъ помѣщиковъ, такъ какъ, если жалоба крестьянъ подтверждалась, то помѣщикъ несъ суровую кару, какъ это мы видимъ, въ разбираемомъ случаѣ. Наконецъ, при помощи этихъ документовъ значительно выясняется вопросъ о манифестѣ 5 апрѣля 1797 г. и о его практическомъ значеніи.

Что онъ долженъ былъ имѣть значеніе, показываетъ сообщеніе Вологодскаго губернатора, что онъ поставилъ въ обязанность уѣзднымъ предводителямъ дворянства своей губерніи слѣдить за тѣмъ, чтобы помѣщики руководились имъ въ требованіяхъ работы отъ своихъ крестьянъ. И изъ жалобы крестьянъ на Башмакова видно, что крестьяне сами хорошо были объ этомъ освѣдомлены и требованіе Башмаковымъ отъ нихъ непрерывной работы считали съ его стороны беззаконнымъ.

Наконецъ, осужденіе Башмакова по жалобѣ его крестьянъ должно было имѣть большое нравственное значеніе и для крестьянъ, и для помѣщиковъ.

Вспомнимъ, что всего годъ назадъ не только такія жалобы не могли имѣть никакого значенія, но подававшіе ихъ за самый фактъ подачи жестоко наказанные ссылались на каторгу.

Еще одна небольшая, но интересная подробность: прошеніе государю было опущено въ ящикъ въ Гатчинѣ, тотъ знаменитый ящикъ, который существовалъ въ первый годъ царствованія Павла.

11. С.-Петербургская губернія.

Въ С.-Петербургской губерніи волненія крестьянъ начались въ вотчинѣ полковника Альбрехта въ Котельской мызѣ [1]), въ деревнѣ Большой-Конецъ, гдѣ крестьянинъ Андрей Исааковъ, возвратившись въ концѣ декабря 1796 г. изъ Петербурга домой, сталъ среди своихъ односельчанъ разглашать, «якобы всѣ крестьяне помѣщичьи, состоящіе отъ С.-Петербурга въ 180 верстахъ жительствомъ, будутъ Государевы, о чемъ-де указъ на площади читанъ». Крестьяне вполнѣ повѣрили, конечно, этому извѣстію и отказались отъ повиновенія помѣщику. Началось усмиреніе, виновные въ ослушаніи подверглись суду и наказанію плетьми, но Андрей Исааковъ бѣжалъ и на судѣ не былъ. Только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ пойманъ и содержался въ оковахъ при мызѣ. Не смущаясь тѣмъ, что его первое извѣстіе не подтвердилось, теперь онъ сталъ распускать новые слухи среди крестьянъ, приходившихъ къ нему, которые волновали крестьянъ и заставляли предполагать новое среди нихъ движеніе.

Андрей Исааковъ толковалъ указъ 5 апрѣля 1797 г. о трехдневной работѣ такъ, что помѣщикъ можетъ требовать къ себѣ на работу изъ каждой семьи крестьянской, сколько бы въ ней ни находилось мужчинъ, только одного да и то на два дня въ недѣлю, а изъ женщинъ только одну на одинъ день въ недѣлю.

Однажды ночью явилась толпа крестьянъ односельчанъ болѣе 50 человѣкъ къ мѣсту заключенія Исаакова; на протесты сторожа, «опредѣленнаго къ присмотру» Исаакова, крестьяне отвѣтили, что не его это дѣло, и сторожъ съ ними «въ разсужденіи множественнаго и спорить не смѣлъ», пришедшіе взяли Исаакова со стуломъ и цѣпью, которой онъ былъ прикованъ

[1]) «Мызами называются въ Лифляндіи и Курляндіи такія селенія, въ которыхъ есть дворянскіе домы». *Болотовъ*. Записки. СПБ. 1875 г., I[3], 47, примѣчаніе.

къ стулу, и за господскимъ дворомъ, хотя и приказчикъ былъ тутъ и уговаривалъ ихъ не дѣлать этого, топоромъ разрубили цѣпь и освободили Исаакова.

Исправникъ, явившись въ Котельскую мызу, потребовалъ къ себѣ на допросъ крестьянъ, участвовавшихъ въ этомъ возмущеніи, но никто изъ нихъ къ нему не явился, такъ какъ всѣ уѣхали изъ деревни въ лѣсъ на работу.

Дальнѣйшая судьба крестьянъ Котельской мызы не извѣстна изъ нашихъ документовъ, но, конечно, въ концѣ концовъ къ повиновенію помѣщику они были приведены [1]).

7 октября 1797 года въ нижній земскій судъ арендаторомъ вотчины маіора Опитца Кумоловской мызы С.-Петербургскаго уѣзда, капитаномъ Карломъ Терепбергомъ, было подано заявленіе о непослушаніи ему крестьянъ арендуемой имъ мызы. Непослушаніе это выразилось, во 1-хъ, въ томъ, что жены крестьянъ отказались ходить на молотьбу хлѣба на томъ основаніи, что единственно только мужья ихъ обязаны три дня въ недѣлю ходить на господскую работу, а не онѣ; во 2-хъ, при возкѣ дровъ крестьяне не складывали дрова въ саженныя полѣницы, какъ имъ приказано было, а сваливали ихъ, кто гдѣ хотѣлъ; въ 3-хъ, вмѣсто того, чтобы вспахать одну десятину 5-ю лошадьми, какъ имъ приказано было, они пахали 12-ю; наконецъ, въ присутствіи его, арендатора, и другихъ крестьянъ крестьянинъ Иванъ Яковлевъ, указывая на старосту, говорилъ: «не быть тебѣ живому и суди меня за то Государь!» за то только, что староста побуждалъ ихъ къ работѣ.

Исправникъ донесъ объ этомъ Петербургскому губернатору Гревенсу и получилъ отъ него предписаніе, отправившись въ Кумоловскую мызу, объяснить крестьянамъ невѣрность пониманія ими манифеста 5 апрѣля о работѣ крестьянъ на помѣщиковъ, такъ какъ «сила сего манифеста равномѣрно исполнима должна крестьянами, какъ и ихъ женами», Ивана Яковлева предать суду за «дерзостныя слова», а всѣхъ крестьянъ вообще успокоить и привести въ повиновеніе.

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 24.

При этомъ исправникъ долженъ былъ напомнить имъ, что вѣдь недавно еще они на себѣ испытали милость государя, когда послѣ слѣдствія, произведеннаго губернаторомъ по поводу ихъ волненія, было имъ объявлено Высочайшее «начертаніе»: «Его Императорскому Величеству угодно на нынѣшній разъ Всемилостивѣйше простить имъ дерзость ихъ въ освобожденіи взятыхъ капитаномъ исправникомъ людей, подтверждая имъ наистрожайше впредь не чинить подобныхъ своевольствъ и надѣясь, что сіе прощеніе послужитъ къ вящему ихъ старанію заслужить подобную государеву милость».

На допросѣ крестьяне жаловались исправнику на тяжесть господской работы, а что касается ихъ женъ, то онѣ, «яко изъемлемы» по манифесту 5 апрѣля 1797 года, не производятъ работы. Старанія исправника разубѣдить крестьянъ не привели ни къ чему. Они ушли отъ него и не захотѣли давать никакихъ показаній. Исправнику удалось только узнать, что крестьяне отправили государю жалобу на арендатора Теренберга. Въ Кумоловскую мызу командированъ былъ эскадронъ лейбъ-кираспрскаго полка, съ помощью котораго исправникъ произвелъ разслѣдованіе этого волненія. Имъ было допрошено 24 крестьянина, изъ показаній которыхъ выяснилось слѣдующее: какъ единогласно показали крестьяне, главными среди нихъ лицами были Алексѣй Тимофеевъ и Андрей Еремѣевъ, которые и предыдущій разъ подавали жалобу государю на арендатора Теренберга за отягощеніе ихъ, крестьянъ, непосильными работами. Тогда для содержанія этихъ уполномоченныхъ собирали со всего міра два раза по 15 коп. съ тягла. И теперь такой же сборъ былъ произведенъ, и выборные отправились въ Гатчину для подачи прошенія. Прошеніе было отправлено съ общаго согласія всѣхъ крестьянъ, выборные отъ которыхъ однажды почью собрались у крестьянина Дмитріева въ дер. Нерядовой на сходку изъ деревень—Климентовой, Кумоловой, Шейкиной, Норядовой и Ворониной. Выборные метали между собою жребій, кому, кромѣ Тимофеева и Еремѣева, съ ними отправиться для подачи прошенія. Жребій палъ на крестьянъ Моисея Аниснмова и Тимофея Никифорова. Поручено было

на этой сходкѣ произвести сборъ на содержаніе выборныхъ въ размѣрѣ 10 к. съ тягла Дмитріеву; Дмитріеву успѣли собрать съ 14 осмушекъ съ каждой по 40 к.—всего 5 р. 60 к.

Кромѣ этихъ 24 допрашиваемыхъ, 39 крестьянъ на требованіе исправника дать подписку быть послушными арендатору Теренбергу отвѣтили, что «въ послушаніи арендатору быть и и отъ просителей, Тимофеева и Еремѣева, отстать и не входить съ ними въ согласіе подписки дать не хотятъ, покуда отъ нихъ извѣстій не получатъ». Только 11 человѣкъ дали исправнику требуемую подписку.

Между тѣмъ Тимофеевъ, Еремѣевъ и товарищи были уже въ Петербургѣ. Прошенія написаннаго у нихъ не было. Ища, кто бы могъ его имъ написать, встрѣтили они у Калинкинскаго моста неизвѣстнаго человѣка, судя по платью, изъ чиновниковъ, который въ литейномъ домѣ и написалъ имъ прошеніе за 3 рубля. Съ этимъ прошеніемъ крестьяне отправились въ Гатчину и опустили его въ «ковчегъ». (Очевидно, ящикъ для прошеній).

Прошеніе было подано отъ имени крестьянъ Опитца. Пока Опитцъ самъ управлялъ своей вотчиной, имъ было хорошо, пишутъ крестьяне въ этомъ прошеніи, «жили во всякомъ порядкѣ и трудолюбіи», но теперь, когда сданы арендатору Теренбергу, испытываютъ и истязанія, и разореніе. Многіе убѣжали въ силу этого, а Теренбергъ велитъ вязать женъ бѣжавшихъ и бросать ихъ въ воду, чтобы они сказали, куда скрылись ихъ мужья; кираспрамъ онъ обѣщалъ награду, если они розыщатъ бѣжавшихъ; въ отправившихся подать прошеніе грозитъ, «поставя въ болото, стрѣлять изъ ружья». Съ непослушными жестоко расправляется: одного высѣкъ кнутомъ и отправилъ въ ссылку, а другого отдалъ въ Петербургъ въ смирительный домъ. Присланъ къ нимъ былъ какой то капитанъ-исправникъ для усмиренія ихъ «яко бы за бунтъ» и приводилъ ихъ къ присягѣ арендатору (?), если же кто не шелъ, кирасиры того били, а исправникъ приговаривалъ: «лучше присягнуть, нежели палочьемъ будутъ бить».

Крестьяне были преданы суду и за сопротивленіе помѣщику и властямъ понесли суровыя наказанія: главные изъ

нихъ наказаны были кнутомъ и сосланы въ Нерчинскъ, другіе приговорены были къ различнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Но и жалоба крестьянъ на арендатора Карла Теренберга не осталась безъ послѣдствій: Теренбергъ былъ преданъ суду. Слѣдствіе, произведенное надъ нимъ, выяснило, что крестьяне были правы, жалуясь на отягощеніе работами арендаторомъ: онъ «въ противность публикованнаго сего 1797 г. апрѣля въ 5-ый день указа и по состоянію онаго держалъ крестьянъ на работѣ въ недѣлю болѣе трехъ дней». Дрова крестьяне принуждены были возить въ мѣста, иногда отстоявшія отъ Кумоловской мызы верстъ на 30, но это зачитывалось имъ, какъ самъ Теренбергъ показалъ, только въ два рабочихъ дня, а между тѣмъ крестьяне должны нарубить и, сложивъ на подводы, везти дрова, не взирая на случавшуюся непогоду, съ возвращеніемъ домой иногда на разстояніе до 60 верстъ, на все это нужно времени не два дня, а болѣе трехъ.

Кромѣ дровъ крестьяне, какъ они жаловались и чего не отвергалъ и Теренбергъ, возили еще вино въ Ораніенбаумъ за 70 верстъ отъ мызы, и за это имъ считалось два дня въ недѣлю, на самомъ же дѣлѣ они «въ разсужденіи такового дальняго разстоянія мѣста и тягости» да еще съ простоемъ и возвращеніемъ домой должны были тратить болѣе четырехъ дней.

По показаніямъ самого Теренберга и его приказчика Зейдлица, крестьяне сверхъ запашки и трудныхъ работъ ежегодно давали арендатору съ каждой «четвертушки» по 75 к., а также хлѣбъ, сѣно, солому и мѣшку да кромѣ того тѣ же крестьяне наряжались въ Петербургъ, Ораніенбаумъ и другія мѣста на разстояніе въ 70 и до 100 верстъ съ каждаго тягла, т. е. мужа съ женой, въ годъ по 5 подводъ съ зачетомъ за каждую поѣздку изъ господскихъ дней только по два дня. Съ каждаго же тягла крестьяне ходили на работу къ арендатору по три съ половиной недѣли въ годъ и зачитывалось имъ за каждую недѣлю по два же дня.

Наконецъ, изъ показаній Теренберга видно, что онъ владѣльцу Опитцу ежегодно уплачивалъ за аренду его имѣнія 9000 р., а если къ этому прибавить, что онъ и самъ прибыль

получалъ, то образуется сумма, какой ни въ коемъ случаѣ 180 душъ крестьянъ внести не могли иначе, какъ «съ крайнимъ себѣ разоренiемъ и отягощенiемъ». Палата нашла, что «сверхъ трехъ дней никакими поборами отягощать, а кольми паче брать съ нихъ деньгами, хлѣбомъ и протчимъ было недолжно». Губернаторъ Алексѣевъ, бывшiй для разслѣдованiя по первой жалобѣ крестьянъ въ Кумоловской мызѣ, изъ поданной ему записки приказчика самъ увидѣлъ, что «тѣ крестьяне обременены работой несравненно болѣе, нежели закономъ дозволено».

Хотя Теренбергъ по главному вопросу, о несоблюденiи имъ манифеста 5 апр. 1797 г., и говорилъ, что до пріѣзда губернатора въ Кумоловскую мызу этотъ манифестъ ему не былъ извѣстенъ, «но таковая отговорка къ оправданiю его служить не можетъ, потому что сей Высочайшiй указъ непремѣнно извѣстенъ каждому, ибо оный тогда же распубликованъ всенародно, а потому и невѣдѣнiемъ онаго закона никто отговариваться не долженъ».

«И такъ, заключаетъ Палата, изъ всѣхъ дѣянiй его видно, что онъ, Теренбергъ, для своей выгоды держался болѣе заключеннаго имъ съ помѣщикомъ той мызы контракта, а не силы Высочайшаго именного указа (5 апр.), ибо онъ, Теренбергъ, въ облегченiе тѣхъ крестьянъ работой съ публикованiя о томъ указа никакой отмѣны не сдѣлалъ, а продолжалъ отягощенiе тѣмъ крестьянамъ съ состоянiя того указа болѣе двухъ мѣсяцевъ».

На основанiи всего этого Палата «по силѣ Регламента гл. 50-ой, пункта 5-го [1]) и указа 1724 г. января 22, [2]) такъ

---

[1]) «Или кто по дружбѣ, или по враждѣ, или изъ взятковъ, или другихъ намѣренiй что препебрежетъ, которое ему чинить надлежало, таковымъ за преступленiе, какъ вышнимъ, такъ и нижнимъ надлежитъ чинить смертная казнь, или вѣчная на галеру ссылка съ вырѣзываниемъ ноздрей, и отнятiемъ всего имѣнiя: ежели же кто меншее преступленiе учинитъ, какъ выше писано, таковымъ за преступленiе наказанiи чинить ссылкою на галеру времянную со отнятiемъ всего или части имѣнiя, или лишенiемъ чина и тяжкимъ штрафомъ (ежели впервые) по силѣ прегрѣшенiя» Генеральный Регламентъ, стр. 37.

[2]) «Ежели какое дѣло явится по порядку правильному чисто, но та персона по инымъ окрестностямъ подозрительна, какъ то

какъ онъ, Терепбергъ, сіе преступленіе учинилъ впервые, лишить капитанскаго и поручичьяго чиновъ и впредь его, яко оказавшагося въ притѣсненіи крестьянъ, ни до какой аренды не допускать и о томъ публиковать въ вѣдомостяхъ». Контрактъ уничтожить, а крестьянъ возвратить настоящему владѣльцу. А чтобы владѣлецъ не принуждалъ означенныхъ крестьянъ къ работѣ въ недѣлю болѣе трехъ дней, взять съ него подписку. Крестьянамъ же всѣмъ объявить, чтобы они сохраняли послушаніе своему владѣльцу, «дабы тѣмъ самымъ сохранено было съ обѣихъ сторонъ должное къ законамъ повиновеніе» [1]).

Послѣдній изъ немногочисленныхъ случаевъ волненій крестьянъ Петербургской губерніи былъ въ имѣніи генералъ-маіорши Буткевичевой Лугскаго уѣзда. 300 душъ ея крестьянъ, узнавъ въ мартѣ 1797 г. отъ своего старосты Галактіонова, что госпожа ихъ потребовала кромѣ обычнаго оброка въ 10 р. съ души еще различнаго рода припасы: хлѣбъ, овесъ, горохъ, сѣмя конопляное и 800 пуд. сѣна, заволновались, и такъ какъ на отказъ помѣщицы отъ своихъ требованій не было у нихъ никакой надежды, то они рѣшили жаловаться на обремененіе ихъ поборами государю. Для принесенія жалобы на мірской сходкѣ они выбрали отъ каждыхъ 5 душъ по одному представителю, и вся толпа въ 60 чел. отправилась искать правды и милости, но дошли по Смоленской большой дорогѣ до деревни Жилиной и одумавшись возвратились.

Они избрали изъ своей среды новыхъ представителей, уже только трехъ человѣкъ, которые и пошли въ Петербургъ, но дойдя до деревни Пулково, возвратились, такъ какъ

явилось въ Гагаринновомъ розыску о слѣпленныхъ бумажкахъ, или оберъ Фискала Нестерова, что приказнымъ порядкомъ казалось чисто, а по розыску самъ повинился во многихъ дѣлахъ, и прочія дѣла тому подобныя: такихъ дѣлъ отнюдь не вершить въ коллегіяхъ, но доносить въ Сенатъ, и подозрѣніе описать, сколько могутъ». П. С. З. VII, 4433.

[1]) *Сенатскій Архивъ* 1-е отд. 5-й Департаментъ, № 184. *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, л 24.

паспортовъ не имѣли да и дорогой не нашли такого человѣка, который могъ бы написать имъ прошеніе.

Наконецъ, крестьяне нашли въ сосѣдней вотчинѣ Трусова крестьянина Конона Григорьева, который и написалъ имъ прошеніе. Съ этимъ прошеніемъ новые выборные отправились въ Петербургъ. Конечно, это волненіе крестьянъ не могло укрыться отъ старосты, и онъ донесъ о немъ въ судъ. Изъ допросовъ взятыхъ исправникомъ 14 чел. наиболѣе дѣятельныхъ и изъ приказа помѣщицы, на основаніи котораго староста началъ сборъ оброка, выяснилось, что требованіе старостой съ крестьянъ сверхъ 10-рублеваго оброка различныхъ поборовъ было результатомъ недоразумѣнія, происшедшаго отъ непониманія старостой приказа помѣщицы, такъ какъ въ послѣднемъ, хотя и говорится о сборѣ съ крестьянъ хлѣба, гороха, сѣна и т. п., но все это должно было зачесться въ сумму оброка. Въ виду того, что крестьяне, когда имъ выяснили, что помѣщица кромѣ денежнаго оброка ничего съ нихъ не требуетъ, успокоились и согласились повиноваться ей и платить оброкъ, по приговору Палаты ихъ всѣхъ освободили отъ всякаго наказанія, кромѣ Терентія Егорова, на котораго всѣ допрашиваемые указали, какъ на главнаго среди нихъ вожака, и Конона Григорьева, который писалъ для нихъ прошеніе. Первый послѣ наказанія кнутомъ былъ сосланъ въ Перчинскъ, а второй былъ наказанъ плетьми. Кромѣ того старосту Галактіанова, какъ посѣявшаго смуту среди крестьянъ непониманіемъ приказовъ помѣщицы, Палата приказала немедленно смѣнить, а самой помѣщицѣ Буткевичевой Палата постановила «объяснить съ подпиской, дабы она съ крестьянами въ работахъ не иначе поступала, какъ по волѣ Монаршей, изъявленной въ изданномъ 1797 года апрѣля 5 числа манифестѣ и протчихъ узаконеніяхъ, не причиняя имъ притѣсненія» [1]).

---

[1]) *Сенатскій Архивъ* 1-е отдѣл. 5-й Департаментъ, № 168.

12. Пензенская губернія.

Движеніе крестьянъ Пензенской губерніи въ первые же мѣсяцы царствованія новаго государя приняло обширные размѣры, охвативъ почти всю губернію и распространившись не только среди помѣщичьихъ крестьянъ, но и государственныхъ.

Генералъ-губернаторъ Нижегородскій и Пензенскій, кн. Вяземскій, сообщая о крестьянскихъ волненіяхъ кн. Куракину, пишетъ, что между крестьянами распространены слухи и толки о милостяхъ государевыхъ, вслѣдствіе чего они отказываются отъ повиновенія своимъ владѣльцамъ и не хотятъ ни работъ исполнять, ни платежа оброчныхъ денегъ производить, а въ одномъ селеніи дошло дѣло до того, что крестьяне, собравшись въ вотчинной конторѣ въ количествѣ до 200 душъ, «дерзко» объявили, что они уже не господскіе, а Его Императорскаго Величества; когда же исправникъ «о приведеніи въ повиновеніе должное прилагалъ стараніе» и нѣкоторыхъ посадилъ подъ стражу, то увидѣлъ, что толпа крестьянъ, увеличившись до 1000 человѣкъ, вооруженныхъ дрекольемъ, напала на команду и отбила взятыхъ, самъ исправникъ только бѣгствомъ спасся отъ ярости толпы.

Такія волненія, сообщаетъ далѣе кн. Вяземскій, происходятъ не только среди помѣщичьихъ крестьянъ, но и въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, во многихъ изъ которыхъ крестьяне не хотятъ платить ни хлѣбной подати, ни подушныхъ денегъ вслѣдствіе толковъ, вызванныхъ манифестомъ объ отмѣнѣ рекрутскаго набора [1]): будто уже какъ хлѣбная подать,

---

[1]) «Повелѣнымъ указомъ 13 сентября сего года рекрутскій наборъ съ 500 душъ по 5 рекрутъ, равно и опредѣленное взысканіе съ купечества деньгами, Мы на сей разъ отмѣняя, Всемилостивѣйше соизволяемъ оному набору не быть; и въ слѣдствіе того:

такъ и прошлыхъ лѣтъ денежная недоимка прощены. Во многихъ селеніяхъ подъ вліяніемъ такихъ «глупыхъ толковъ происходитъ великое упрямство и неповиновеніе».

Въ то же время и въ Нижегородской губерніи распространились слухи среди помѣщичьихъ крестьянъ, что имъ слѣдуетъ платить такой же оброкъ, какой платятъ казнѣ государственные крестьяне.

По приказанію кн. Вяземскаго былъ розысканъ одинъ «разгласитель такихъ толковъ», который «въ страхъ протчимъ» былъ наказанъ палками въ городѣ и въ селѣ, гдѣ эти слухи распространялъ. Затѣмъ кн. Вяземскій въ этомъ же донесеніи къ кн. Куракину высказываетъ свой взглядъ на причины, вызвавшія волненія крестьянъ въ его губерніяхъ, на средства, которыми правительство на мѣстѣ располагаетъ для подавленія возстаній крестьянъ противъ помѣщичьей власти и наконецъ на характеръ крестьянскаго движенія.

«Всему оному первая причина по моимъ собственнымъ розыскиваніямъ—проѣзжающіе курьеры, изъ которыхъ многіе въ пьяномъ состояніи, другіе и безъ того думавъ обрадовать народъ, сказываютъ то, что оному народу всего безцѣннѣе,—милость государя, облегчающая ихъ состояніе, и эти вздорные и простые слухи отдаютъ за истину. Къ оным ко всѣмъ курьерскимъ причинамъ находится и между мужиковъ нѣкоторая ехидная каналья, а съ другой стороны глупая тварь, которая, привязывяючись къ милостивому манифесту объ остановкѣ рекрутства, находитъ въ оном дорогу, ведущую къ ожиданію и другихъ милостивыхъ манифестовъ. Хоша все оное вздоръ и вранье, но я счелъ за нужное Ваше Сіятельство объ оном предувѣ-

1) всѣхъ рекрутъ, которые приняты, но въ полки и команды дѣйствительно еще не поступили, отпустить немедленно въ домы ихъ, исключая токмо помѣщичьихъ людей, которыхъ владѣльцы разсудятъ оставить, а крестьяне коронаго вѣдомства сами остаться пожелаютъ, или селенія, за которыя они отданы, похотятъ ихъ оставить. 2) Дѣйствительно поступившимъ въ службу Нашу остаться въ оной съ зачетомъ ихъ въ предбудущіе наборы. 3) О возвращеніи жъ складочныхъ денегъ Сенатъ имѣетъ учинить надлежащее распоряженіе». П. С. З. XXIV, 17538.

домить, тѣмъ болѣе, что съ одной стороны мѣры, которыя мы имѣемъ въ рукахъ, очень слабы: обѣ, мною управляемыя губерніи, окромя штатныхъ ротъ, далеко не комплектныхъ да гарнизону здѣшняго, которые однако-же больше похожи на инвалидовъ, чѣмъ на солдатъ, пугалища никакого нѣтъ. Съ другой стороны многіе проѣзжающіе и мнѣ знакомые увѣряютъ, что и другія губерніи больше можетъ быть, чѣмъ здѣшнія заражены ожиданіемъ милостивыхъ указовъ, а въ ожиданіи которыхъ начинаютъ мужики выходить изъ послушанія.

Оному всему былъ и прежде примѣръ: 1762-го года имянной іюля 3-го и Правительствующаго Сената для обнародованія и чтенія въ праздничные и воскресные дни въ церквахъ октября 8 числа были разосланы указы вслѣдствіе сихъ обстоятельствъ».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что и князь Вяземскій, представитель высшей администраціи, не возвышается въ своемъ взглядѣ на крестьянъ и ихъ волненія надъ обычнымъ уровнемъ взглядовъ, господствовавшихъ въ его время. Причины онъ видитъ въ такихъ случайныхъ обстоятельствахъ, какъ вѣсти, распускаемыя пьяными курьерами да слухи, зарождающіеся среди самого народа на основаніи милостивыхъ къ народу указовъ.

Что касается характера волненій, аналогію которымъ онъ видитъ въ волненіяхъ крестьянъ въ 1762 году, то въ этомъ онъ правъ, такъ какъ и тогда по поводу вступленія новаго государя на престолъ народъ надѣялся, если не на освобожденіе свое, то хотя по крайней мѣрѣ на облегченіе своего положенія.

Наиболѣе значительнымъ волненіемъ крестьянъ въ Пензенской губерніи было волненіе среди крестьянъ Краснослободскаго уѣзда села Ельниковъ въ имѣніи князя Черкасскаго, которые въ декабрѣ 1796 г. въ количествѣ болѣе 1000 душъ отказались отъ повиновенія своему помѣщику, «бывши слишкомъ отягощены работами», какъ доносилъ Пензенскій губернаторъ Гедеоновъ кн. Куракину. Крестьяне отказались было и подати вносить, такъ какъ, «надѣясь на Высочайшія милости, къ народу оказываемыя, льстились, что и подати можетъ быть

сложены будутъ». 95 человѣкъ изъ крестьянъ были взяты какъ главные зачинщики, изъ нихъ 8 человѣкъ наказаны были кнутомъ и ссылкою въ работу, а остальные плетьми.

Приговоръ этотъ нужно было привести въ исполненіе на мѣстѣ, въ селѣ Ельникахъ, и этимъ заставить остальныхъ крестьянъ признать надъ собой власть помѣщика; но въ виду того, что крестьяне, какъ доноситъ кн. Куракину губернаторъ «были всѣ единомышленниками осужденныхъ въ неповиновеніи своему помѣщику», и до сихъ поръ еще ему ни платежа деньгами, ни работъ не исправляютъ, губернское правленіе признало необходимымъ «для удержанія ихъ на случай отъ нихъ какого либо упорства и приведенія ихъ нижнимъ земскимъ судомъ въ должное помѣщику повиновеніе, имѣть въ томъ мѣстѣ воинскую команду».

Для этой цѣли туда была отправлена рота солдатъ. Болѣе мѣсяца стояли солдаты въ с. Ельникахъ, пока крестьяне наконецъ были усмирены, какъ объ этомъ донесъ кн. Куракину губернаторъ [1]).

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 5.

13. Ярославская губернія.

Волненія крестьянъ Ярославской губерніи начались въ концѣ декабря 1796 года. Именно, въ это время генералъ-губернаторъ Ярославскій и Костромской Лопухинъ получилъ извѣстіе, что крестьяне Рыбинскаго уѣзда вотчины капитана Михаила Власьева, села Балабанова, отказались отъ повиновенія своему помѣщику, не желая платить наложенный на нихъ оброкъ и исполнять требуемыя съ нихъ работы. По приказанію генералъ-губернотора нижній земскій судъ, въ полномъ составѣ отправившись въ село Балабаново, произвелъ тамъ слѣдствіе, которое выяснило, какъ показали староста, выборный, сотскій и земскій, что съ крестьянъ за одинъ годъ взято оброка съ ревизской души по 37 руб. да сверхъ оброка въ два года собрано было съ 347 душъ 4000 руб. Крестьяне, не имѣя возможности уплачивать такія сборы, послали въ Петербургъ двухъ изъ своихъ крестьянъ съ просьбой къ помѣщику объ уменьшеніи ихъ оброка. Если же помѣщикъ не облегчитъ ихъ, повѣренные должны были подать жалобу государю на ихъ владѣльца. Генералъ-губернаторъ нашелъ этотъ оброкъ «дѣйствительно отяготительнымъ», тѣмъ болѣе, что, какъ ему было сообщено, село Балабаново не имѣетъ «особливыхъ выгодъ». Лопухинъ хотѣлъ на основаніи 84 статьи Учрежденія для управленія губерній [1]) «обуздать въ семъ случаѣ господина Власьева», но исполнить этого лично не могъ, такъ какъ Власьевъ жилъ въ Петербургѣ. «Въ виду этого, пишетъ Лопухинъ въ своемъ донесеніи кн.

[1]) «Какъ Государеву намѣстнику благочиніе или полиціи градская и сельская подчинены, то онъ имѣетъ присѣкать всякого рода злоупотребленія, а напаче роскошь безмѣрную и разорительную, обуздывать излишества, безпутства, мотовство, тиранство и жестокости. Учрежденія для управленія губерній СПБ. 1786 г., 19.

Куракину, почелъ обязанностью моею донести объ этомъ Вашему Сіятельству къ свѣдѣнію на случай, когда подлинно отъ сказанныхъ крестьянъ подана будетъ Его Императорскому Вечеству жалоба» [1]).

Эта жалоба была выборными крестьянъ Власьева, Леонтьевымъ и Михайловымъ, дѣйствительно подана государю.

«Всеавгустѣйшій монархъ! Всемилостивѣйшій Государь! пишутъ крестьяне въ своей жалобѣ, всему свѣту извѣстны изливаемыя отъ престола Вашего Императорскаго Величества на всѣхъ вѣрноподанныхъ отеческія щедроты и премудрымъ установленіемъ каждый получаетъ спокойствіе».

Далѣе крестьяне подробно перечисляютъ, какіе поборы беретъ съ нихъ помѣщикъ: по поводу рекрутскаго набора взялъ Власьевъ съ крестьянъ по 5 руб.—всего 1735 руб., да въ теченіе 1795 и 1796 г.г. оброчныхъ денегъ уплатили ему крестьяне 19,154 руб., да «на разныя поѣздки сошло со всего общества 1642 руб. и разными нападками взято 2000 руб.». А всего за 2 года съ 347 душъ помѣщикомъ собрано 24,531 р. Поборы «дѣйствительно отяготительные!».

«Въ каковыхъ горчайшихъ положеніяхъ, продолжаютъ крестьяне, принужденными нашлись утруждать Васъ, Всеавгустѣйшій Монархъ, повелите, Всемилостивѣйшій Государь, ограничить неистовства господина нашего Власьева или взять въ казенное Вашего Императорскаго Величества вѣдомство; нѣтъ иного спасенія, какъ только отъ Высокомонаршаго престола Вашего! Всемилостивѣйшій Государь! защити безвинныхъ и неимущихъ никакого покровительства. Не смѣли бы спмъ обременять Вашего Императорскаго Величества, но бѣдность наша вопіетъ къ престолу Вашему, та самая, что нѣтъ силъ и возможности отъ таковыхъ, налагаемыхъ отъ господина нашего Власьева тяжкихъ податей. Вашего Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго Государя, вѣрноподанный, отъ крестьянъ повѣренный, Андрей Михайловъ».

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 9.

Призванный для допроса къ генералъ-прокурору Андрей Михайловъ выяснилъ слѣдующія подробности положенія крестьянъ Власьева. Кромѣ казенныхъ податей крестьяне обложены въ пользу помѣщика оброкомъ въ суммѣ 24 р. 83 к. съ души въ годъ. Сверхъ того въ рабочее время онъ требуетъ съ нихъ рубки лѣса; если же кто не захочетъ или не можетъ, то долженъ заплатить 3 р. 30 к. съ души. Неоднократно они обращались къ помѣщику съ просьбами облегчить ихъ положеніе, не всегда были «большимъ числомъ и безчеловѣчно отъ него наказываемы».

Крестьяне-челобитчики были отпущены домой съ обычнымъ по резолюціи государя предписаніемъ губернатору и губернскому предводителю дворянства озаботиться о безопасности просителей со стороны властей, помѣщика и крестьянъ, а Власьеву было предложено кн. Куракинымъ дать отвѣтъ на эту жалобу на него крестьянъ.

Власьевъ не замедлилъ отвѣтомъ, въ которомъ утверждаетъ, что ему платятъ крестьяне только по 15 р. съ души да и изъ этого оброка онъ за 1797 г. не только ничего еще не получилъ, «по видя ихъ противъ себя взбунтовавшихъ, ничего съ нихъ и не требовалъ».

Интересна заключительная часть письма, изъ которой видно, что эти требованія отъ помѣщиковъ со стороны генералъ-прокурора безопасности подававшимъ прошеніе государю и болѣе мягкаго отношенія къ своимъ крестьянамъ и облегченія ихъ положенія, извѣстное значеніе имѣли. Не забудемъ, что слѣдить за отношеніемъ такихъ помѣщиковъ къ крестьянамъ поручалось губернаторамъ и предводителямъ дворянства. А къ этому нужно прибавить еще возможность попасть подъ опеку, что, какъ мы уже видѣли, случалось не рѣдко. «Осмѣливаюсь увѣрить Ваше Сіятельство, что я за долгъ поставлю взять его (подававшаго прошеніе) подъ особое свое покровительство и постараюсь показать ему всѣ знаки человѣколюбія и снисхожденія, такъ равно постараюсь успокоить и протчихъ крестьянъ, оказавшихъ противъ меня свое неудовольствіе. Донеся о семъ, пребываю съ глубочайшимъ къ особѣ Вашей

высокопочитаніемъ и преданностью Михаилъ Власьевъ. Мая 5 дня 1797 года» [1]).

Въ Ярославской губерніи были волненія крестьянъ еще во многихъ вотчинахъ.

Въ Петровскомъ уѣздѣ въ вотчинѣ кригсъ-комиссара Петра Демидова крестьяне отказались отъ уплаты помѣщику денежнаго и хлѣбнаго оброка, выбрали на мѣсто назначеннаго помѣщикомъ бурмистра своего и отправили въ Петербургъ двухъ изъ своихъ крестьянъ, Михайлова и Федорова, для подачи жалобы на помѣщика за обремененіе ихъ оброкомъ. Явившемуся къ нимъ исправнику крестьяне сообщили, что ни отъ повиновенія помѣщику, ни отъ платежа оброковъ они не отказывались, но они разорены непомѣрными оброками и изнурены непосильными работами, почему и объявили себя вотчинному правителю неимущими, а не непослушными. Въ силу такого своего положенія они послали въ Петербургъ жалобу на помѣщика.

Изъ Петровскаго же уѣзда отъ помѣщика Николая Рудакова получено было нижнимъ земскимъ судомъ извѣщеніе, что у него въ вотчинѣ въ селѣ Ивановскомъ крестьяне взбунтовались. Исправникъ отправился туда и выяснилъ, что крестьяне, не отказываясь отъ повиновенія помѣщику, послали въ Петербургъ двухъ выборныхъ для подачи жалобы на своего помѣщика за изнуреніе ихъ поборами и работами. О возможности же подачи такого прошенія они слышали отъ священника села Георгіевскаго Семенова.

Ярославское губернское правленіе, сообщая въ Ростовскую духовную консисторію объ участіи священника Семенова въ подачѣ прошенія крестьянами, просило послѣднюю послать священнику предписаніе никуда не отлучаться съ мѣста жительства, такъ какъ его могутъ потребовать въ судъ.

Наконецъ, въ томъ же Петровскомъ уѣздѣ у помѣщицы капитанши Авдотьи Керновой крестьяне, по извѣстію ея приказчика, вышли изъ повиновенія. По слѣдствію оказалось, что крестьяне, правда, послали въ Петербургъ жалобу на помѣщи-

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. II.

цу, но отъ повиновенія не отказывались. Жаловались же они на увеличеніе оброка, котораго раньше собиралось съ нихъ 600 р., а теперь помѣщица повысила его до 900 р.

Сообщая обо всѣхъ этихъ случаяхъ волненій крестьянъ въ губерніи кн. Репнину, который былъ назначенъ въ Ярославскую губернію для усмиренія крестьянъ, губернаторъ кн. Урусовъ добавляетъ:

«Всѣ помянутые крестьяне отъ воли и послушанія помѣщикамъ своимъ не отрекаются, но почитаютъ тягостнымъ для себя наложенный оброкъ и подобное тому. Въ таковомъ случаѣ и не предвижу нужды въ воинской командѣ для усмиренія ихъ и приведенія въ послушаніе помѣщикамъ ихъ, а надѣюсь, что во всякое должное послушаніе привесть можетъ земскій судъ».

Кн. Репнинъ вслѣдъ за усмиреніемъ крестьянъ Поздѣева въ Вологодской губерніи 3 февраля отправился съ этой же цѣлью въ Ярославскую губернію, но его въ Ростовѣ 5 февраля нагналъ курьеръ съ Высочайшимъ повелѣніемъ ѣхать въ Орловскую губернію для усмиренія крестьянъ Апраксина и Голицыной. Кн. Репнинъ такимъ образомъ только проѣхалъ Ярославскую губернію, ничего не успѣвъ сдѣлать для подавленія крестьянскаго движенія. Но онъ былъ освѣдомленъ о томъ, что дѣлается въ губерніи, такъ какъ приведенный выше рапортъ кн. Урусовымъ былъ доставленъ первоначально кн. Репнину, а послѣднимъ уже пересланъ кн. Куракину съ слѣдующимъ донесеніемъ:

«Спѣша въ Орелъ, посылаю Вашему Сіятельству, не имѣя времени и копіи у себя оставить, рапортъ ко мнѣ въ оригиналѣ Ярославскаго господина губернатора. Хотя онъ и думаетъ, что нѣтъ надобности въ военныхъ командахъ для приведенія въ должное повиновеніе ослушныхъ помѣщикамъ крестьянъ, судя о томъ по ихъ совершенной покорности Правительству, однако, имѣя теперь въ тѣхъ самыхъ окружностяхъ баталіонъ, изъ Москвы пришедшій, дабы не давать таковымъ непослушаніямъ упорностью и примѣромъ быть для другихъ деревень къ подобному же и дабы изъ того самого не сочли

ослушники себѣ нѣкотораго повода оставленія въ ослушаніи, что войска были въ окружности, и имъ однако же подтвержденія не сдѣлано, чтобы они повиновались помѣщикамъ, то приказалъ нѣкоторому числу того баталіона расположиться въ тѣхъ деревняхъ и объявить имъ Высочайшую волю, чтобы они были въ должномъ у помѣщиковъ послушаніи; впрочемъ ни до какихъ строгихъ мѣръ войскамъ доходить не приказано, да и нужды въ томъ, уповаю, конечно не будетъ, а велѣно, коль скоро тѣ крестьяне въ послушаніе помѣщикамъ придутъ, что, надѣюсь, въ скорости послѣдуетъ, оставить ихъ спокойными и итти въ назначенный имъ путь. Князь Николай Репнинъ. 5 февраля 1797 г.».

Донесеніе это вмѣстѣ съ приложеннымъ при немъ рапортомъ кн. Урусова было доложено кн. Куракинымъ Императору Павлу. Императоръ остался доволенъ распоряженіями кн. Урусова и кн. Репнина, какъ это видно изъ собственноручной замѣтки на этомъ донесеніи кн. Куракина:

«Его Императорскому Величеству докладывано 16 февраля и полученъ Высочайшій отзывъ, что таковыя свѣдѣнія Его Величеству извѣстны уже и что учиненными распоряженіями Его Величество доволенъ» [1]).

Въ Угличскомъ уѣздѣ произошло волненіе крестьянъ у помѣщиковъ Угрюмовыхъ. Къ сожалѣнію, мы о немъ знаемъ только по одному прошенію крестьянъ, никакихъ другихъ документовъ не сохранилось. Но разсказъ крестьянъ о своемъ положеніи прибавляетъ нѣсколько новыхъ чертъ къ той картинѣ крестьянскаго движенія при Павлѣ I, которую мы уже знаемъ, и потому съ этимъ прошеніемъ нужно познакомиться.

Всѣхъ крестьянъ у Угрюмовыхъ было 838 душъ, жившихъ въ селахъ Васильевѣ и Горкахъ съ деревнями.

Ихъ повинности заключались въ слѣдующемъ: они должны были платить оброка по 4 руб. съ души, всего—3352 руб., за неисполненіе плотничьей работы на помѣщиковъ уплачивали 650 руб., за непряденье льна 400 руб., за освобожденіе отъ рубки лѣса—1500 р., за малину и грибы—40 р.; къ этимъ

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 9.

денежнымъ сборамъ прибавлялись сборы продуктами—крестьяне обязаны были ежегодно давать господамъ 264 барана, 838 куриць и 8380 яицъ. Кромѣ этихъ повинностей дѣти должны были работать на полотняной фабрикѣ и стекляномъ заводѣ помѣщиковъ, а взрослые подвозить къ фабрикѣ и заводу необходимые припасы при разстояніяхъ часто въ 60 верстъ и болѣе.

Такъ какъ крестьянамъ было очень тяжело выплачивать мелочные сборы и совершать такіе дальніе переѣзды, то по ихъ просьбѣ всѣ повинности были помѣщиками замѣнены денежнымъ обракомъ по 20 р. съ души. Но это продолжалось не долго, такъ какъ безъ крестьянъ фабрика, заводъ и сельскія работы стали, и Угрюмовы снова потребовали отъ крестьянъ прежней работы, не убавивъ однако оброка. Не малую тягость также для крестьянъ представляли пріѣзды господъ со псовой охотой, при чемъ съ ними бывало до 70 лошадей и до 150 собакъ. Во время такихъ пріѣздовъ крестьяне тратили на содержаніе помѣщиковъ ржи 6 четвертей, овса 70 четвертей, много сѣна и другихъ припасовъ. «Но мы, пишутъ крестьяне, всѣ тягости и несносныя обиды терпѣливо сносили и со слезами оплакивали, не имѣя гдѣ получить помощи и защищенья. Нынѣ Господь Вседержитель послалъ Помощника и Покровителя намъ, грѣшнымъ, и всему міру». Крестьяне рѣшили жаловаться на своихъ помѣщиковъ государю. Но послѣдніе узнали объ этомъ и обвинили крестьянъ въ бунтѣ; пріѣхалъ исправникъ и, арестовавъ 9 крестьянъ, увезъ ихъ съ собою. За исправникомъ явились двѣ роты солдатъ и въ теченіе 10 дней «сѣкли всѣхъ крестьянъ плетьми смертно, неизвѣстно за что, только приговаривали: «не подавай Государю прошенія».

Часть крестьянъ помѣщики переселили въ другія свои вотчины, остальныхъ разорили, отнявъ у нихъ скотъ, хлѣбъ и т. п. Свое прошеніе государю крестьяне заканчиваютъ мольбою «не лишить своего отеческаго милосердія, защитить и помиловать отъ пребезмѣрной таковой печали разоренія [1]).

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. I, № 32.

14. Владимірская губернія.

Крестьянское движеніе во Владимірской губерніи началось въ концѣ 1796 г. въ вотчинѣ помѣщика поручика Соленикова, въ селѣ Зиновьевѣ и дер. Податневой Александровскаго уѣзда, волненіемъ его крестьянъ, которыхъ было 238 душъ, выразившимся въ отказѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ повиновеніи помѣщику и въ посылкѣ прошенія государю съ жалобой на отягощеніе работой.

Соленіковъ, явившись въ свою вотчину, обратился въ нижній земскій судъ съ просьбой привести въ послушаніе его крестьянъ. Исправникъ отправился къ Соленикову, собралъ крестьянъ и на вопросъ о причинѣ неповиновенія получилъ отъ нихъ отвѣтъ, что въ повиновеніи своемъ они помѣщику не отказываютъ, но что они терпятъ полное разореніе вслѣдствіе работъ на его фабрикѣ, не дающихъ имъ возможности заниматься какъ слѣдуетъ хлѣбопашествомъ. Дворовые люди заявили исправнику, что и они не въ состояніи дольше выносить своего положенія, такъ какъ помѣщикъ ихъ очень скудно содержитъ. Ни исправникъ, ни явившійся по рапорту исправника правителю Владимірской губерніи Лазареву совѣтникъ губернскаго правленія Извольскій, ни рота солдатъ Ряжскаго полка, расквартированная по дворамъ крестьянскимъ ничего съ крестьянами не могли сдѣлать; къ такимъ же результатамъ пришли, несмотря на всѣ свои усилія, другой совѣтникъ правленія Старошершавинъ и Александровскій предводитель дворянства Баскаковъ, которые послѣдовательно, одинъ за другимъ, были командируемы въ вотчину Соленикова. Крестьяне стояли на своемъ: повиноваться они будутъ помѣщику, но они все таки не довольны на него за отягощеніе работами и скудное содержаніе. Было взято по указанію помѣщика 10 чел. и заклю-

чено въ Смирительный домъ въ Александровскѣ, но и арестъ крестьянъ не принудилъ остальныхъ «сдѣлаться довольными своимъ помѣщикомъ».

На всѣ увѣщанія крестьяне отвѣчали согласіемъ повиноваться помѣщику, но на самомъ дѣлѣ этого повиновенія не оказывали, и это ставило всѣхъ старавшихся объ успокоеніи крестьянъ въ большое затрудненіе. Лучше всего такое положеніе дѣла видно изъ донесенія предводителя дворянства Баскакова, который такъ доноситъ губернатору о результатахъ своей командировки въ вотчину Соленикова:

«Упорность крестьянъ состоитъ токмо въ томъ, что они не отступаютъ отъ грубозатвердѣлаго мнѣнія своего о подачѣ просьбы и по оной остаются въ непремѣнномъ упованіи освободиться отъ повинностей помѣщика. Помѣщикъ же ихъ Соленниковъ неудовольствіе свое на дворовыхъ людей и крестьянъ объясняетъ слѣдующимъ: 1) что дворовые люди безъ спросу его сами собою наряжаютъ крестьянъ на фабричную работу; 2) при отпускѣ отъ него въ Москву бумаги для домашняго расхода оной ничего не оставили; 3) въ бытность у него г.г. совѣтниковъ губернскаго правленія сколь ни были ими увѣщаемы о приведеніи ихъ въ должное повиновеніе и о прошеніи у него прощенія—не согласились и о бытіи въ послушаніи подписки не дали; 4) послѣ сего при находящемся съ воинскою командою поручикѣ дворовые люди сказали, чтобъ и не трудились ихъ увѣщевать до возвращенія посланныхъ отъ нихъ съ просьбою». На требованіе помѣщика подтвердить клятвой, что «будутъ ему во всемъ послушны и никакого злого умысла какъ на него, такъ и на всю его фамилію имѣть не будутъ», ни крестьяне, ни дворовые люди не согласились» [1]).

Между тѣмъ, пока происходили всѣ эти переговоры, крестьяне подъ ихъ покровомъ составили новое прошеніе государю, такъ какъ о судьбѣ перваго они не имѣли до сихъ поръ никакихъ свѣдѣній, и съ этимъ прошеніемъ послали своего вы-

---

[1]) *Труды Владимірской Ученой Арх. Ком.* I, Матеріалы, 28.

борнаго, Герасима Федорова. Въ этомъ прошеніи крестьяне снова излагаютъ свои жалобы на помѣщика.

Послѣдній, жалуются крестьяне, несмотря на ихъ неоднократныя просьбы, ничѣмъ не хочетъ имъ помочь, а между тѣмъ вслѣдствіе неурожая имъ питаться нечѣмъ. Мало того, помѣщикъ, не оказывая имъ никакой помощи, еще томитъ ихъ непрестанной работой у себя на фабрикѣ: «всегда находимся, денно и ночно, на его работѣ, даже и воскресныхъ и праздничныхъ дней не имѣемъ, а всегда поголовно въ работѣ». Крестьяне хотѣли отправиться на заработки въ города, но помѣщикъ не далъ имъ паспортовъ, такъ какъ они ему самому нужны на фабрикѣ. «И такъ мы, бѣдные, и остались безъ всякаго пропитанія; а работу его исправляемъ безъ всякаго огурства».

Положеніе дворовыхъ людей, которыхъ помѣщикъ заставлялъ работать на фабрикѣ, было еще хуже. Они, каждые мужъ и жена, получаютъ въ мѣсяцъ три четверика ржи, четверикъ овса, денежнаго жалованья въ годъ на платье и обувь 6 руб. да еще 1 руб. за то, что работаютъ въ праздничные дни. На дѣтей ничего не дается до 15 лѣтъ. А отъ 15 до 18 лѣтъ дается только по одному четверику въ мѣсяцъ ржи съ овсомъ. Живутъ дворовые люди въ одной избѣ по 6 и болѣе семей, при чемъ на нихъ всѣхъ одна печь. Вслѣдствіе такой скудости крестьянамъ приходится часто обращаться къ мірскому подаянію. Узнавъ, что они послали прошеніе государю, продолжаютъ крестьяне, помѣщикъ пожаловался на нихъ въ судъ какъ на бунтовщиковъ и ослушниковъ, однако изъ разбора дѣла на мѣстѣ судомъ этого не оказалось, тогда въ досадѣ нѣкоторыхъ крестьянъ онъ обрилъ, поставилъ въ деревню солдатъ и еще больше сталъ притѣснять крестьянъ.

Среди нашихъ документовъ сохранился мірской приговоръ крестьянъ Соленикова, данный ими своимъ двумъ выборнымъ, подававшимъ первое прошеніе. Приводимъ его дословно въ виду его типичности.

«1797 г. мѣсяца января 19 дня Владимірскаго намѣстничества, Александровской округи, вотчины господина поручика

Николая Васильева сына Соленикова села Зиновьева и деревни Податневой староста Елисей Ивановъ, села Зиновьева бурмистръ Терентій Николаевъ и всѣ той вотчины крестьяне на валовомъ сходѣ сей приговоръ дали, а именно, въ томъ, что господинъ на насъ крайне нападаетъ и разоряетъ, для проходу въ С.-Петербургъ крестьянамъ Якову Никифорову и Алексѣю Семенову, всѣ нижепоименованные крестьяне (слѣдуетъ имена и фамиліи 39 крестьянъ), при господской фабрикѣ работные люди, а именно: мастеръ Григорій Лукьяновъ, подмастерье Иванъ Степановъ, да еще подмастерье Макаръ Яковлевъ, при черпаньи и отдѣленіи бумаги мастеръ Василій Андреевъ; рядовые его работные люди при фабрикѣ, черпальщики и валяльщики (слѣдуютъ имена и фамиліи 33 рабочихъ). И мы, вышеписанные крестьяне и всѣ дворовые люди дали сей приговоръ вышеозначеннымъ крестьянамъ, Якову Никифорову и Алексѣю Семенову, для проходу въ С.-Петербургъ для мірской надобности въ томъ, что они, показанные крестьяне, не бѣглые и не подозрительные, словомъ сказать, добрые люди, и никакихъ дѣлъ публичныхъ за ними не имѣется. Въ томъ мы, всѣ вышеозначенные крестьяне, приговоръ и дали. А сей приговоръ писалъ приходской дьячекъ, Василій Егоровъ по просьбѣ старосты и всѣхъ крестьянъ, по ихъ прошенію и руку приложилъ».

Второе прошеніе крестьянъ достигло своей цѣли. На докладѣ объ этомъ и о другихъ такихъ же прошеніяхъ рукой докладчика кн. Куракина записана слѣдующая Высочайшая резолюція: «Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть, призвавъ крестьянъ, кроткимъ образомъ внушить имъ дерзость поступка ихъ противъ помѣщиковъ своихъ, коимъ они прежде были послушны и таковыми быть должны; представить имъ жестокость справедливаго наказанія по законамъ, если они въ чемъ либо доносятъ неправду или сами противъ помѣщиковъ виновны, между тѣмъ снисходительно наклонять ихъ къ раскаянію и должному повиновенію помѣщикамъ. Въ разсужденіи же самихъ помѣщиковъ отписать къ нимъ, что или собственная неумѣренность въ образѣ ихъ домоуправленія или слабый присмотръ за прикащиками суть слѣд-

ствіями какъ для нихъ, такъ и для правительства къ заботѣ и безпокойствамъ и что единая умѣренность въ поступкахъ противъ ихъ крестьянъ и собственную имъ пользу и успокоеніе правительству доставить можетъ». Генералъ-прокуроромъ было потребовано объясненіе отъ Соленикова по поводу на него жалобы крестьянъ, а губернатору было имъ предписано произвести разслѣдованіе.

Въ своемъ объясненіи Соленниковъ отрицаетъ всѣ тѣ тягости, на которыя жаловались его крестьяне, указывая, что единственной причиной жалобы является желаніе крестьянъ пріобрѣсть свободу.

Между тѣмъ Лазаревъ на основаніи приказанія генералъ прокурора послалъ секретное предписаніе губернскому предводителю дворянства А. Кузьмину-Караваеву «о сдѣланіи немедленной справки черезъ сосѣдственныхъ дворянъ Покровской округи о помѣщикѣ той же округи поручикѣ Николаѣ Соленниковѣ въ притѣсненіи и разореніяхъ жалующагося на него крестьянина Герасима Федорова съ общаго съ прочими его крестьянами и дворовыми людьми согласія, справедлива ли та ихъ жалоба», при чемъ послѣдній долженъ былъ отобрать мнѣнія о Солениковѣ у сосѣдей его по слѣдующимъ вопросамъ:

1. Крѣпостныхъ своихъ крестьянъ всякій ли день поголовно, даже и въ праздничные и воскресные дни, посылаетъ на господскую свою работу?

2. Когда былъ у его крестьянъ неурожай, посылалъ ли онъ ихъ всѣхъ на свою работу, производившуюся на бумажной его фабрикѣ?

3. Его крестьяне и дворовые люди, работающіе всегда на фабрикѣ, на какія средства живутъ? Не ходятъ ли по міру?

4. Рабочіе на фабрикѣ сколько получаютъ въ мѣсяцъ хлѣба и какое и отъ кого имѣютъ платье, обувь и прочее?

5. По шести ли семей живутъ дворовые люди въ одной избѣ, имѣющей одну только печь, или сколько именно?

6. На какой мельницѣ имѣетъ бумажную фабрику, на своей ли крѣпостной или на отдающейся съ платежемъ оброка?

7. Не имѣютъ ли его дворовые люди и крестьяне отъ господина своего, поручика Соленикова, какихъ либо притѣ-

снепій и разоренія, противныхъ Высочайшимъ закопамъ и благомыслящему человѣчеству?

Эти вопросы вполнѣ исчерпываютъ прошеніе крестьянъ и отъ отвѣтовъ на нихъ сосѣднихъ помѣщиковъ зависѣло то или другое отношеніе правительства къ крестьянамъ. Отвѣты были отобраны отъ пяти помѣщиковъ—отъ кол. ассес. Жукова, бригадира И. А. Булгакова, бригадира П. А. Булгакова, лейбъ-гвардіи прапорщика П. П. Поливанова и отставного прапорщика Н. А. Протопопова. Всѣ отвѣты были въ высшей степени благопріятны Солепикову, напр., Жуковъ пишетъ, что Солепиковъ не только въ праздничные, но и въ будничные дни поголовно крестьянъ никогда не посылалъ на работу и не посылаетъ, господскую же работу производятъ безъ всякаго для себя отягощенія. Прежде въ помощь фабричнымъ крестьяне, правда, посылались на фабрику, но по очереди и по небольшому числу, но теперь крестьяне совсѣмъ на фабрику не посылаются.

Дворовые люди, работающіе на фабрикѣ, не только сами, но и дѣти ихъ получаютъ хлѣбъ соотвѣтственно своему возрасту. Годового жалованья они получаютъ, смотря по работѣ, отъ 10 до 18 рублей, выдается имъ и платье зимнее и лѣтнее. Жуковъ не только не видѣлъ крестьянъ Солепикова просящими милостыню, но никогда объ этомъ и не слышалъ. Живутъ дворовые люди, работающіе на фабрикѣ, въ двухъ флигеляхъ, одинъ длиною въ 24 арш., шириной въ 12 арш., другой такой же длины, а шириной въ 9 арш., съ одной большой семейной печью въ каждомъ, въ каждомъ флигелѣ находятся «только по 6 семей».

Фабрика устроена у Солепикова на трехъ мельницахъ, изъ которыхъ двѣ его собственныя, а третья казенная, и онъ беретъ ее ежегодно въ аренду. «Какъ дворовымъ людямъ, заканчиваетъ свое показаніе Жуковъ, такъ и крестьянамъ никакого отъ господина ихъ противныхъ законамъ притѣспепій и разореній никогда не было и не состоитъ; а напротивъ же сего чинитъ имъ великодушное снисхожденіе,

умѣряя ихъ во многихъ случаяхъ, происходящихъ по большей части отъ пьянства и дракъ». Или вотъ отзывъ бригадира И. А. Булгакова. «Онъ (Солениковъ) поведенія весьма хорошаго и хозяйство его по моей у него бытности въ порядкѣ; а объ дворовыхъ людяхъ и крестьянахъ, чтобы они были въ бѣдности, въ разореніи и ходили бы по міру, я въ моемъ селеніи не видалъ и не слыхалъ и къ онымъ отъ господина ихъ противныхъ Высочайшимъ законамъ притѣсненій и разореній я не слыхивалъ». Такіе же отзывы дали и остальные сосѣди. Губернскій предводитель дворянства, представляя всѣ эти отзывы губернатору, съ своей стороны прибавилъ, что и по его личнымъ опросамъ дворянъ, знающихъ Соленикова, послѣдній оказывается «человѣкомъ добропорядочнымъ».

Результатомъ произведеннаго слѣдствія было преданіе суду Герасима Федорова «за двоекратное утружденіе Его Императорскаго Величества Государя Императора дерзновеннѣйшими и недѣльными на помѣщика своего просьбами». По приговору суда Герасимъ Федоровъ былъ наказанъ въ с. Зиновьевѣ 30 ударами кнута и сосланъ въ Екатеринбургъ въ рудники [1]).

Но у Соленикова, несмотря на всю очень благопріятную для него внѣшнюю обстановку всего этого дѣла, съ внутренней стороны, повидимому, далеко не все обстояло такъ благополучно. На это указываетъ то, напр., обстоятельство, что крестьяне были правы, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ своей жалобы, которые прямо подтверждаются свидѣтельствомъ опрошенныхъ сосѣдей, напр., содержаніе въ одномъ помѣщеніи съ одной печью 6 семей. На отсутствіе такого благополучія среди крестьянъ Соленикова, какое рисуетъ самъ помѣщикъ въ своемъ отвѣтѣ генералъ-прокурору и сосѣди—помѣщики, указываетъ еще и намекъ въ письмѣ сенатора Лазарева Соленикову, въ которомъ первый пишетъ: «Обстоятельства всего происшествія, о которыхъ имѣю точное свѣдѣніе, понуждаютъ меня подать Вамъ совѣтъ, дабы Вы въ управленіи людей и крестьянъ своихъ, въ пропитаніи ихъ и во всемъ

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. II.

какъ ихъ, такъ и семейства ихъ содержаніи держались болѣе правилъ, въ законахъ Божескихъ и гражданскихъ предписанныхъ. Въ противномъ случаѣ должно Вамъ вѣдать, что законъ и правосудное, а притомъ и милосердное правительство не оставляетъ никогда угнетенныхъ людей безъ защиты и покровительства» [1]).

Это письмо было написано Лазаревымъ сейчасъ послѣ того, какъ онъ отъ командированныхъ имъ исправника и двухъ совѣтниковъ получилъ донесенія.

Почти въ одно время съ волненіемъ крестьянъ у Соленикова обнаружилось волненіе среди крестьянъ кн. М. Ф. Енгалычева Переяславль-Залѣсскаго уѣзда села Святого.

15 лѣтъ тому назадъ, жалуются крестьяне въ своемъ прошеніи, поданномъ государю, они были куплены кн. Енгалычевымъ, и съ того времени начались ихъ бѣдствія. Помѣщикъ началъ съ того, что отнялъ у нихъ пахотную землю и угодья, оставивъ имъ только «по 6 четвертей въ полѣ, а въ двухъ потомужъ», да и то въ самыхъ неудобныхъ мѣстахъ, вывозимый ими на эту свою землю для удобренія «припасъ» помѣщикъ приказывалъ перевозить на свою землю, равно собиралъ у нихъ хлѣбъ, озимый и яровой, если былъ хорошій урожай.

Кромѣ того онъ обложилъ своихъ крестьянъ денежнымъ оброкомъ въ размѣрѣ 4 р. съ мужчины и 4 руб. 50 коп. (?) и 5 арш. холста съ каждой женщины. Осенью и весною крестьяне съ женами должны расчищать сѣнной покосъ помѣщика; ежегодно выкармливаютъ для него же 10 свиней; по уборкѣ его хлѣба всѣ должны отправляться на своихъ лошадяхъ въ сельцо Михальцы Юрьевской округи, другую вотчину кн. Енгалычева, и оставаться тамъ для господской работы мѣсяца по 3 и болѣе даже безъ содержанія, такъ что крестьянамъ приходится питаться мірскимъ подаяніемъ.

Послѣдней несправедливостью помѣщика по отношенію къ крестьянамъ была принудительная покупка ими у помѣщика

---

[1]) *Труды Владимірской Уч. Арх. Ком.*, I, Матеріалы, 29.

600 бревенъ по 10 к. каждое, нарубленныхъ ими же въ лѣсу помѣщика по его приказанію, при чемъ порубка производилась 3 года назадъ, за это время бревна сгнили; если же кто не въ состояніи внести деньги за бревна, у того отбирается рогатый скотъ. Подъ прошеніемъ подпись повѣреннаго крестьянъ кн. Енгалычева, Логина Григорьева. Къ этому прошенію былъ приложенъ слѣдующій приговоръ всѣхъ крестьянъ на его подачу.

«1796 года, декабря — дня Владимірскаго намѣстничества, Переяславль-Залѣсской округи, вотчины капитана князя Михаила Фролова сына Енгалычева села Святого староста Степанъ Евдокимовъ, крестьяне (слѣдуютъ имена и фамиліи 16 крестьянъ), будучи на мірскомъ сходѣ согласно приговорили ѣхать въ Санктъ-Петербургъ того села крестьянамъ Василію Понкратьеву и Логину Григорьеву и просить Его Императорское Величество въ томъ, что означенный господинъ нашъ причиняетъ намъ крайнія обиды (слѣдуетъ то, что извѣстно уже намъ изъ прошенія). Таковыми его нападками и причинилъ намъ крайнюю обиду и привелъ во всекрайнѣйшую скудость и розореніе, въ чемъ и посторонніе люди о его происшествіяхъ могутъ свидѣтельствовать ясно, и утверждаемся въ вышеизложенномъ на жительствующихъ во опомъ нашемъ селѣ вотчины помѣщика Станкевича крестьянъ, и для уясненія просьбы вышеписанныхъ крестьянъ сей мірской приговоръ и данъ, и во всемъ для хожденія по сему дѣлу мы имъ вѣримъ, и что они учинятъ, ни въ чемъ спорить и прекословить не будемъ. А сей приговоръ и просьбу писалъ Переяславскаго нижняго земскаго суда копіистъ Осипъ Федоровъ сынъ Соколовъ, къ сему мірскому приговору того же села священникъ Петръ Алексѣевъ вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ, старосты Семена Евдокимова съ крестьянами, по ихъ прошенію руку приложилъ, того же села сотскій, вотчины господина поручика Станкевича крестьянинъ его, Никита Трофимовъ съ крестьянами, свидѣтельствую, сельца Григорьева сотскій, вотчины господина тайнаго совѣтника Гагарина крестьянинъ, Федоръ Герасимовъ съ крестьянами, свидѣтельствую, села Святого священникъ Петръ Алексѣевъ свидѣтельствую».

Прошеніе и приговоръ крестьянъ кн. Енгалычева вызвали со стороны генералъ-прокурора обычные предписанія губернатору и губернскому предводителю дворянства о защитѣ подававшихъ прошеніе выборныхъ крестьянъ и требованіе отъ помѣщика отвѣта на жалобу на него съ предложеніемъ быть по отношенію къ крестьянамъ внимательнѣе и справедливѣе [1]).

Въ этомъ же уѣздѣ произошло волненіе крестьянъ бригадира Ивана Ильича Муханова въ селѣ Успенскомъ съ деревнями, гдѣ крестьянъ было 157 душъ.

Выбравъ изъ своей среды повѣреннымъ крестьянина Власа Яковлева, крестьяне послали его въ Петербургъ съ просьбой къ государю. Въ своемъ прошеніи крестьяне жалуются на обремененіе ихъ налогами и работами. 12 человѣкъ изъ нихъ Муханову платятъ оброкъ по 25 р. каждый, да сверхъ того по 5 р. отдѣльно каждый же «за издѣліе». Остальные обязаны заниматься на помѣщика хлѣбопашествомъ и уборкой сѣна, такъ что для работы на себя не остается времени, да кромѣ того должны давать по 6 подводъ на тягло въ Москву, при чемъ, если кому либо нельзя, то приходится нанимать, а это стоитъ лѣтомъ 1 р. 50 к. одна подвода, а въ распутицу— 4 р., если же помѣщикъ потребуетъ лишнія подводы, то платитъ за нихъ по 50 к. за каждую. Хлѣбъ для посѣва они берутъ у помѣщика, при чемъ за каждую взятую четверть хлѣба должны отдать четверть съ черверикомъ. Эти поборы при отсутствіи возможности вслѣдствіе постоянной господской работы систематическаго веденія своего хозяйства и заставили крестьянъ просить «о семъ нашемъ прошеніи милостивое рѣшеніе учинить и покрыть насъ, бѣдныхъ, покровомъ своимъ».

По докладу кн. Куракина Императоръ Павелъ положилъ слѣдующую резолюцію: «дать знать губернатору, дабы онъ секретнѣйше узналъ объ обстоятельствахъ, просителемъ изъясненныхъ, и въ случаѣ ложнаго крестьянина Яковлева показанія, поступить съ нимъ по законамъ».

Владимірскій губернаторъ, получивъ предписаніе произвести разслѣдованіе о положеніи крестьянъ Муханова, поручилъ

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. II.

это разслѣдованіе Переяславскому земскому исправнику Коробову, который въ своемъ рапортѣ губернатору донесъ, что онъ отправился въ вотчину Муханова и нашелъ положеніе его крестьянъ несоотвѣтствующимъ тому положенію, какое рисовали крестьяне въ своемъ прошеніи: онъ видѣлъ стада скота рогатаго и лошадей, поля засѣянныя «и обѣщающія отрадный урожай». Разспросивъ о работахъ, узналъ, что онѣ не отяготительны, такъ, напр., крестьяне работаютъ на помѣщика только половину времени, а половину работаютъ на себя. Такого поверхностнаго разслѣдованія исправника было достаточно, чтобы ложность показаній крестьянъ о своемъ положеніи была доказана, и Власъ Яковлевъ, какъ ложный доноситель, былъ преданъ суду, [1]) а съ крестьянъ, приведенныхъ въ повиновеніе при помощи войска, была взята подписка слѣдующаго содержанія: «1797 г. іюня 2 дня мы, нижеподписавшіеся, Переяславской округи Залѣсской вотчины статскаго совѣтника Ивана Ильича Муханова, разныхъ деревень крестьяне, а именно (слѣдуютъ имена и отчества) подписуемся въ томъ, что впредь возмущеніемъ и заговорами, равно какъ прошеніями на означенныхъ господъ нашихъ и никаковою ослушностью противиться никогда не будемъ, и во всемъ, что принадлежитъ до воли ихъ, а нашего крестьянскаго повиновенія повиноваться будемъ и во увѣреніе всего того цѣлуемъ крестъ и Евангеліе Спасителя нашего, и если нами за симъ что либо противу нарушенія тишины и спокойствія и неповиновеніе означеннымъ нашимъ господамъ предпринято будетъ, въ таковомъ случаѣ подвергаемъ себя всей строгости законовъ и за нарушеніе той данной нами клятвы да накажетъ насъ Богъ какъ въ сей, такъ и въ будущей жизни» [2]).

Крестьяне Палицыной, жившіе въ трехъ дворахъ въ количествѣ 10 душъ въ дер. Сараевой, подали государю на свою помѣщицу жалобу. Въ своемъ прошеніи крестьяне жалуются на тяжелые поборы, которые беретъ съ нихъ помѣщица:

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. I, № 8.

[2]) *Труды Владимірской Ученой Арх. Ком.* 1903 г., V, Матеріалы, 29.

имъ приходится платить подушныя и рекрутскія деньги не только за себя, но и за восемь душъ дворовыхъ людей, приписанныхъ къ нимъ; оброкъ они платятъ по 20 руб. съ вѣнца; съ каждой души женскаго пола, молодая или старая женщина, даже съ дряхлыхъ старухъ берется за холстъ по 4 рубля, съ каждаго вѣнца по барану съ овчиной; со всѣхъ пяти вѣнцовъ 1/2 пуда коровьяго масла и по 200 яицъ. Кромѣ всѣхъ этихъ поборовъ крестьяне по требованію помѣщицы должны были исправлять разныя полевыя работы въ другихъ отдаленныхъ ея деревняхъ: пахать землю, возить навозъ, косить траву, жать хлѣбъ, такъ что крестьянамъ для ихъ собственныхъ работъ времени почти не оставалось. Соблюдая исключительно свои интересы и не считая, очевидно, за таковые интересы своихъ крестьянъ, Палицына отняла у нихъ лучшія сѣнокосныя мѣста и взамѣнъ дала на столько болотистыя, что «во время дождевное приступить къ сѣнокосу совсѣмъ не возможно». Ко всѣмъ этимъ тягостямъ прибавляется еще и возка лѣса и сѣна.

«Того ради Ваше Императорское Величество, заключаютъ крестьяне свое прошеніе, вѣрноподанные ваши крестьяне просимъ по вышеозначеннымъ обстоятельствамъ учинить намъ Милостивѣйшій Вашъ указъ, какъ Вы заблагоразсудить изволите, ибо мы просьбы своей ограничить не можемъ, и предаемъ себя въ Высокомонаршую власть Вашу». По этому прошенію произведено было разслѣдованіе черезъ Переяславль-Залѣсскаго уѣзднаго предводителя дворянства Поливанова. По разслѣдованію послѣдняго оказалось, что хотя крестьяне Палицыной платятъ ей оброка дѣйствительно по 20 р. и производятъ господскую полевую работу, но луговъ помѣщица у нихъ не отнимала, а обмѣнены эти луга были 15 лѣтъ назадъ ея мужемъ, крестьяне же землею и сѣнокосомъ довольны. «Повѣнечныхъ денегъ ей (помѣщицѣ) не давали, да лѣтъ съ 16 и свадебъ не было», пишетъ между прочимъ Поливановъ. Съ этими вѣнцами, о которыхъ упоминаютъ крестьяне въ своемъ прошеніи и подъ которыми разумѣютъ просто тягло, происходитъ недоразумѣніе. Поливановъ принялъ ихъ за вѣнцы, употребляемые при вѣнчаніи. Вообще же, заключаетъ свое раз-

слѣдованіе предводитель дворянства, крестьяне Палицыной находятся въ хорошемъ состояніи.

На основаніи этого отзыва прошеніе крестьянъ Полицыной было оставлено безъ послѣдствій [1]).

Въ теченіе мая 1797 года волненія крестьянъ въ Переяславскомъ уѣздѣ произошли въ вотчинахъ еще слѣдующихъ владѣльцевъ: *кн. М. А. Шаховской*, въ с. Архангельскомъ, Калитеево тожъ, *Н. Н. Аврамовой*, въ с. Фетисовѣ, Никитское тожъ, дер. Игнатовѣ, Коленовѣ, Конатовѣ и Воскресенской, *М. В. Митькова*, въ с. Забѣлинѣ, *Михневой*, въ с-цѣ Медвѣдковѣ, *Е. И. Герасимовой*, въ с. Толмачевѣ, *Селивановой*, въ с-цѣ Вескахъ, *Д. И. Барыковой* съ дѣтьми въ с-цѣ Горкахъ, *Макарова* въ с. Петровскомъ, *кн. А. С. Волконскаго*, въ с-цѣ Макаровѣ съ деревнями, *М. Н. Сверчкова*, въ дер. Калинкинѣ, *В. В. Головина*, въ с. Масяковѣ съ деревнями. *Д. И. Муханова*, въ дер. Березинѣ, *Г. С. Товарова*, въ с-цѣ Копюковѣ, *гр. Н. А. Уваровой*, въ с-цѣ Пахиревѣ.

Всѣ эти волненія были усмирены при помощи войска—былъ посланъ изъ Ярославля кн. Горчаковымъ полковникъ гр. Остерманъ съ двумя ротами солдатъ и одной пушкой—но къ силѣ оружія не было необходимости прибѣгать: крестьяне при одномъ появленіи солдатъ изъявили покорность.

Въ этихъ волненіяхъ принимали участіе мѣстные священно-и-церковнослужители: крестьянамъ кн. Волконскаго прошеніе писалъ с. Макарова дьячекъ Карпъ Алексѣевъ, а руку прикладывалъ этого же села діакопъ Василій Ивановъ; крестьянамъ же помѣщика Сверчкова писалъ прошеніе пономарь Лукьянъ Алексѣевъ, а свидѣтельствовалъ священникъ с. Калинкино Андрей Сергѣевъ. Участіе священника с. Корелы выразилось главнымъ образомъ въ томъ, что онъ, приглашенный крестьянами на сходъ въ с-цо Дубну, говорилъ крестьянамъ, «что онъ постарается помѣщиковъ просить и поговорить, чтобы они ихъ, крестьянъ, не трогали, но чтобы они въ работахъ

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. I, № 14.

были послушны». Всѣ эти священно-и-церковнослужители были отправлены въ Переяславскій уѣздный судъ «къ общему сужденію» [1]).

У отставного гвардіи прапорщика М. Т. Лялина среди его крестьянъ, которыхъ было 126 д., въ дер. Ключахъ Юрьевскаго уѣзда началось волненіе по слѣдующему поводу, очень типичному для крестьянскихъ волненій того времени: былъ какъ то изъ деревни Ключей крестьянинъ Семенъ Никитинъ по прозванію Чувашовъ въ г. Юрьевѣ, гдѣ ему нужно было получить изъ казначейства квитанцію за внесенныя туда подушныя деньги.

Здѣсь на торгу отъ мужиковъ онъ услышалъ «о публикованномъ указѣ, коимъ-де повелѣно подавать просьбы на Всевысочайшее Его Императорскаго Величества имя въ разсужденіи отягощенія отъ помѣщиковъ работой и оброкомъ и сдѣлаться черезъ то вольными». Семенъ Чувашевъ досталъ копію съ этого указа [2]) и привезъ къ себѣ въ деревню. Скоро этотъ указъ сдѣлался всѣмъ извѣстенъ, и крестьяне, собравшись на сходъ, рѣшили составить приговоръ и послать прошеніе государю съ жалобой на своего помѣщика. Для подачи прошенія выбрали двухъ повѣренныхъ: Семена Чувашева и Осипа Тимофеева, которымъ были вручены собранные между крестьянами 30 р. на путевые расходы.

Для составленія приговора просили пріѣхать села Дубенокъ священника Николая Иванова, а руку приложить пригласили священника села Лычева Василія Петрова, что оба священника пріѣхавши и сдѣлали, при чемъ священникъ Николай Ивановъ, написавъ приговоръ, «привелъ ихъ къ образу въ единомысліи, въ чемъ они и прикладывались, чтобы стоять за одно».

Лялинъ, узнавъ о затѣваемой крестьянами подачѣ прошенія прислалъ изъ другого сельца Осанкова старосту съ приказомъ схватить и привести къ нему Семена Чувашева и Осипа

---

[1]) *Труды Владимірской Учен. Арх. Ком.*, V, Матеріалы, 7—23.
[2]) Указъ 12 дек. 1796 г.

Тимофеева, но крестьяне не позволили увести ихъ, и вслѣдъ за этимъ Чувашевъ и Тимофеевъ отправились въ Москву.

Въ своемъ прошеніи, составленномъ отъ имени одного лица Семена Никитина (Чувашева) съ товарищами, крестьяне жаловались на притѣсненія помѣщика и свое разореніе, которое они отъ этихъ притѣсненій испытываютъ.

Въ 1795 г., пишутъ крестьяне, отдалъ Лялинъ изъ своихъ крестьянъ двухъ въ рекруты и сталъ съ крестьянъ требовать за отданныхъ 600 руб., но крестьяне не хотѣли отдавать этихъ денегъ, такъ какъ Императоромъ Павломъ былъ изданъ манифестъ, отмѣнявшій рекрутскій наборъ. Помѣщикъ, несмотря на это, все таки взыскалъ съ крестьянъ эти деньги, а за то, что они не хотѣли ему ихъ уплатить, наиболѣе сопротивлявшимся обрилъ головы и посадилъ ихъ на цѣпь.

Вообще же помѣщикъ, жалуются дальше крестьяне, заставляетъ постоянно на себя работать, а ихъ собственныя поля остаются не убранными во время, что конечно ихъ разоряетъ. Въ виду всего этого они просили защиты и покровительства. Къ прошенію былъ приложенъ и приговоръ, составленный 3 февраля 1797 г. отъ имени старосты дер. Ключей, Григорія Ильина, и 18 представителей крестьянъ; въ этомъ приговорѣ крестьяне пишутъ:

«Мы, мірскіе люди, всѣ до одного человѣка, выбрали и возлюбили двухъ человѣкъ, крестьянъ Семена Никитина и Осипа Тимофеева, ходить имъ за мірской нуждой, куда намъ послѣдуетъ, и намъ, всѣмъ мірскимъ людямъ, имъ вѣрить, а имъ, выборнымъ, стараться за міръ по христіанской должности, какъ случится. Къ сему заручному письму села Дубенки престарѣлый священникъ, Николай Ивановъ, по прошенію вышеписанныхъ крестьянъ руку приложилъ. Той же вотчины соединенной съ вышеписанными нами заручными крестьянами деревни Осанковой соединенные крестьяне по тому же согласію идутъ, а именно (имена и фамиліи 9 крестьянъ), тоже заручную даютъ свою подпись».

Узнавъ о волненіи, поднявшемся среди его крестьянъ, Лялинъ обратился въ нижній земскій судъ съ просьбой усмирить

ихъ. Исправникъ явился въ с. Ключи и, собравъ крестьянъ, сталъ ихъ увѣщевать быть послушными своему помѣщику, но успѣха никакого не имѣлъ, крестьяне объявили, что вслѣдствіе отягощенія ихъ работой они не хотятъ повиноваться своему помѣщику и отправили просьбу на него государю. При этомъ крестьяне «чинили исправнику и господину своему великія грубости и неучтивства»; двухъ изъ нихъ исправникъ хотѣлъ было арестовать «для къ сужденію по законамъ», но остальные «до сего не допустили, а объявили, чтобы ихъ брали всѣхъ»; исправникъ, не имѣя возможности силой привести свое намѣреніе въ исполненіе, возвратился въ городъ для донесенія губернатору о случившемся.

Вслѣдъ за нимъ сами явились въ городъ 12 крестьянъ, наиболѣе оказавшихъ сопротивленіе исправнику и помѣщику, и исправникомъ были отправлены въ Юрьевскій уѣздный судъ.

Губернаторъ приказалъ исправнику немедленно опубликовать среди крестьянъ манифестъ 29 января о повиновеніи крестьянъ своимъ помѣщикамъ и отпустить «сообразно съ Высочайшей волей и отеческимъ милосердіемъ» всѣхъ арестованныхъ домой безъ всякаго наказанія, прочтя имъ манифестъ и взявъ съ нихъ подписку въ томъ, что какъ они, такъ и ихъ односельчане «помѣщику своему навсегда останутся послушными и всякія налагаемыя отъ него на нихъ крестьянскія повинности отправлять будутъ безъ малѣйшаго сопротивленія».

Между тѣмъ, пока все это происходило у крестьянъ дер. Ключей, ихъ выборные, Семенъ Чувашовъ и Осипъ Тимофеевъ, шли къ Москвѣ, куда и прибыли на первой недѣлѣ Великаго поста. Государь въ Москву еще не пріѣхалъ. Такъ какъ они видовъ на жительство не имѣли, безъ которыхъ въ городѣ жить нельзя было, то обитали они или на окраинахъ города или въ близъ лежащихъ селеніяхъ. Когда же прибылъ государь въ Москву, а съ нимъ и придворная конюшня, крестьяне отыскали писаря придворной конюшни, Ивана Попова, который и написалъ имъ прошеніе. Заплатили они ему за это 2 р. и прощаясь поднесли вина, «причемъ и сами выпили». Съ этимъ прошеніемъ они отправились къ

Петровскому дворцу, у котораго «поставленъ былъ ящикъ ради положенія просьбъ». Вынувъ изъ платка прошеніе, Семенъ Чувашовъ, отъ имени котораго и «только его одного» съ товарищами написано было прошеніе, положилъ его съ мірскимъ приговоромъ въ ящикъ. «Отъ многихъ тутъ стоявшихъ мужиковъ» услышали они, что просьбы изъ ящика вынимаетъ Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій и за резолюціей нужно являться черезъ недѣлю. Чувашовъ черезъ недѣлю былъ у Нелединскаго-Мелецкого, и послѣдній сказалъ ему, что просьба его отправлена къ генералъ-прокурору кн. Алексѣю Борисовичу Куракину; отъ послѣдняго черезъ секретаря было отвѣчено Чувашову, что его просьба препровождена къ совѣтнику Тайной Экспедиціи, фамиліи котораго онъ не помнилъ, къ нему и проводилъ его солдатъ. Отъ совѣтника Чувашовъ получилъ билетъ, въ которомъ было написано, «чтобы итти въ здѣшній губернскій городъ Владиміръ и что въ разсужденіи утружденія просьбой Его Императорское Величество прощаетъ, и помѣщикъ съ меня за отлучку взыскивать не долженъ, но повелѣвалось по сему помѣщику и мірскимъ людямъ въ уваженіе принять изъявленное прощеніе отъ Его Императорскаго Величества». Это чрезвычайно любопытное описаніе крестьяниномъ-ходакомъ выполненія имъ его миссіи сдѣлано было Чувашовымъ на допросѣ, которому онъ и его товарищи были подвергнуты по предписанію губернатора Н. С. Рунича губернскимъ предводителемъ дворянства А. А. Кузьминымъ-Коровaевымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ по приказанію генералъ-прокурора, призвавъ крестьянъ къ себѣ, «добрыми увѣщаніями старался вразумить ихъ», послѣ чего, когда они изъявили раскаяніе въ своемъ неповиновеніи помѣщику, были отпущены домой, къ помѣщику, «который и доставитъ имъ, прибавляетъ губернаторъ въ донесеніи ген.-прокурору, всякое спокойствіе».

По требованію генералъ-прокурора, Лялинъ долженъ былъ дать отвѣтъ по поводу жалобы на него его крестьянъ. Отрицая всякую вину свою въ смыслѣ угнетенія и разоренія крестьянъ, онъ между прочимъ пишетъ: «мятежный поселившійся въ нихъ духъ въ прошломъ февралѣ мѣсяцѣ обнаружился: они отказа-

лись мнѣ отъ повиновенія и разныя дѣлали грубости»; вскорѣ впрочемъ крестьяне раскаялись въ этомъ и сдѣлались послушными, но это случилось уже послѣ того какъ Семенъ Чувашовъ отправился въ Москву съ просьбой. Чувашовъ же, по объясненію Лялина, имѣлъ особыя причины быть недовольнымъ помѣщикомъ, такъ какъ вся его семья «развращенная», и онъ постоянно боится, что его сыновья будутъ отданы въ солдаты, но несмотря на это, прибавляетъ Лялинъ, «въ точности потщусь исполнить секретное повелѣніе Вашего Сіятельства, объявленное мнѣ черезъ господина губернскаго предводителя, и какъ онъ, такъ и все его семейство не почувствуетъ нимало моего негодованія, тѣмъ паче, что хотя можетъ быть и описали они меня жестокимъ, я самъ нималой склонности не имѣю наказывать кромѣ самой необходимой нужды, приказчики же мои отнюдь того дѣлать не смѣютъ, потому что самъ живу въ тѣхъ деревняхъ».

Одновременно съ волненіемъ крестьянъ дер. Ключей взволновались крестьяне Лялина же въ другой его вотчинѣ, въ сельцѣ Осанковѣ, Суздальскаго уѣзда, но съ усмиреніемъ крестьянъ Ключей утихло волненіе, и въ Осанковѣ [1]).

Въ томъ же Юрьевскомъ уѣздѣ одновременно съ волненіями крестьянъ Лялина началось движеніе крестьянъ кригсъ-комиссара Петра Демидова, которыхъ у него было 2400 д. въ селахъ Турабьевѣ, Мирославлѣ и деревняхъ. И въ этомъ случаѣ волненія начались вслѣдствіе экономическаго угнетенія крестьянъ помѣщикомъ, требованія отъ нихъ непосильныхъ работъ, поводомъ же къ отказу въ повиновеніи и подачѣ просьбы государю явилась «народная молва, будто бы всякому позволено подавать Его Величеству жалобы на господъ своихъ и просить милости» [2]).

Причины, побудившія крестьянъ Демидова жаловаться на своего помѣщика, подробно выясняются ими въ прошеніи, поданномъ государю.

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. II. *Труды Владимірской Учен. Арх. Ком.* I, Матеріалы, 32—36.

[2]) Указъ 12 декабря 1796 г.

«Всемилостивѣйшій Государь! начинаютъ свое прошеніе крестьяне, Всевысочайшее Твое повелѣніе о неприношеніи на помѣщиковъ жалобы, а находиться всегда въ повиновеніи, конечно бы должно быть выполняемо, но совершенная гибель села нашего Турабьева принуждаетъ насъ повергнуться къ священнѣйшимъ стопамъ Твоимъ и просить объ удостоеніи выслушаніемъ правоты, нами описанной ниже». Демидовъ, ихъ помѣщикъ, переселившись изъ города къ себѣ въ вотчину, «устремилъ свои мысли на единое свое увеселеніе и забавы». Крестьяне должны были построить ему обширный домъ на каменномъ фундаментѣ съ флигелями и другими службами. Но помѣщикъ потребовалъ, чтобы при домѣ былъ устроенъ и садъ, для котораго крестьяне на своихъ лошадяхъ возили камень, кирпичъ, известь, алебастръ, лѣсъ и «разныя деревья», рыли колодцы, водой изъ которыхъ поливали садъ «денно и нощно», въ саду производили разныя работы: «изрытіе земли на уравненіе, ископаніе прудовъ и канавъ», проведеніе дорожекъ («пришпектовъ»). Всѣ эти постройки и работы, конечно, были очень тяжелы для крестьянъ, такъ какъ все это производилось ими безвозмездно и было сверхъ оброка, который они продолжали платить, какъ было установлено; но еще для нихъ тягостнѣе было то обстоятельство, что помѣщикъ подъ усадьбу и садъ отнялъ у нихъ 275 десятинъ луговой и пахотной земли, а такъ какъ земля было очень неровная, то прежде чѣмъ устраивать на ней помѣщичій дворъ, крестьянамъ пришлось ее всю выравнять. Мало того, въ 25 верстахъ отъ Турабьева, въ Петровскомъ уѣздѣ, у того же Демидова есть другое село, Яковлевское, при которомъ онъ держитъ конскій заводъ. Крестьяне с. Турабьева вмѣстѣ съ Яковлевскими должны были возводить каменныя постройки для этого завода и выравнивать площадь для конскаго бѣга.

Вслѣдствіе такихъ работъ крестьянамъ никогда не удается во время ни собрать хлѣба, ни засѣять его. Кромѣ этихъ работъ, которыя приходится производить всѣмъ сообща, Турабьевскіе крестьяне безсмѣнно должны были поставлять помѣщику 50 каменщиковъ, 80 плотниковъ и столяровъ, 40 пильщиковъ,

50 рабочихъ на кирпичный заводъ, 70 въ садъ безъ всякой платы на своемъ содержаніи и инструментахъ, да для возки воды 25 лошадей. Теперь же приказано имъ соединить два пруда въ одинъ въ 300 саж. длины и 150 саж. ширины и устроить двѣ плотины.

Еще прежде рѣшенія подать просьбу государю крестьяне просили нѣсколько разъ у своего приказчика Правдина разрѣшенія отправиться въ Москву къ помѣщику просить объ облегченіи отъ работъ, но приказчикъ имъ не позволилъ этого.

Тогда крестьяне «сдѣлали общенародное о томъ согласіе, кое продолжая между собою недѣли съ три», отправились въ с. Скомово, гдѣ по ихъ просьбѣ священникъ Федоръ Ивановъ, отслуживъ имъ молебенъ Спасителю, Богоматери и всѣмъ Святымъ, «отворя царскія двери и взнеся крестъ и евангеліе», привелъ ихъ всѣхъ «въ единомысліи къ цѣлованію».

Отправивъ послѣ этого съ прошеніемъ государю своихъ выборныхъ во главѣ съ Федоромъ Карповымъ, отъ имени котораго и прошеніе было написано, крестьяне объявили приказчику, что они больше господскихъ работъ, связанныхъ съ содержаніемъ сада, не исполняютъ, отрѣшили отъ должности Правдина, двухъ земскихъ, выборнаго и другихъ должностныхъ лицъ, поставленныхъ помѣщикомъ, и взяли въ свое вѣдѣніе денежныя суммы, которыя находились въ вотчинномъ правленіи, и всѣ письменныя дѣла. Крестьяне не позволили Правдину никого изъ нихъ посылать къ помѣщику съ извѣстіемъ о случившемся, такъ что послѣдній долженъ былъ самъ поѣхать въ Москву къ Демидову и въ Юрьевъ, чтобы подать въ судъ жалобу на крестьянъ.

Юрьевскій исправникъ сейчасъ же явился на мѣсто происшествія, но его увѣщанія не привели ни къ чему. На донесеніе о происшедшемъ правителю губерніи Лазареву исправникъ получилъ предписаніе отъ него по снятіи допроса на судѣ съ арестованныхъ, которыхъ было 91 чел., и по прочтеніи имъ манифеста 29 января 1797 г. «сообразно съ Высочайшей волей и отеческимъ милосердіемъ отпустить въ домы ихъ, не дѣлая никакого наказанія», «обязавъ ихъ под-

пиской» за себя и остальныхъ крестьянъ въ послушаніи помѣщику; самому же исправнику ѣхать въ вотчину Демидова и приказать приказчику Афанасьеву хранить деньги и имущество помѣщика, а священника с. Скомова, «подавшаго видимый поводъ къ возмущенію народа, черезъ нижній земскій судъ отослать въ Суздальскую Духовную консисторію за стражею, препроводя въ оную и допросъ его въ оригиналѣ».

Между тѣмъ Ивану Карпову удалось подать просьбу, и въ отвѣтъ на нее Демидовъ получилъ отъ генералъ-прокурора требованіе отвѣта по поводу угнетенія своихъ крестьянъ, а губернаторъ и губернскій предводитель дворянства предписаніе озаботиться защитой подававшаго прошеніе, Ивана Карпова. Демидовъ въ письмѣ къ генералъ-прокурору, отрицая отягощеніе имъ своими требованіями крестьянъ, причиной ихъ волненія выставляетъ «ложно истолкованную ими вольность».

Лазаревъ, отвѣчая генералъ-прокурору, пишетъ, что Ивана Карпова онъ беретъ подъ свое покровительство и о томъ же увѣдомляетъ Юрьевскаго дворянскаго предводителя [1]).

Наконецъ, въ Юрьевскомъ же уѣздѣ волненіе обнаружилось среди крестьянъ кн. А. А. Прозоровскаго 21 апрѣля 1797 г. въ с. Желѣзовѣ. Крестьяне принесли присягу передъ образомъ стоять всѣмъ за одно и не выдавать другъ друга и затѣмъ, выбравъ двухъ изъ своихъ, послали ихъ съ жалобой на своего помѣщика къ государю. Жалоба ихъ заключалась въ томъ, что часть земли, бывшей въ ихъ распоряженіи, была отрѣзана на господина, мало у нихъ сѣнокоса, требуютъ съ нихъ чистки канавъ вокругъ лѣса, запрещаютъ пасти въ лѣсу скотъ. Но и отправивъ выборныхъ, крестьяне не отказывались отъ господскихъ работъ, а изъявили полную готовность ихъ исполнять. Уѣздный предводитель дворянства, отправившійся въ с. Желѣзово по предписанію губернатора, убѣдить крестьянъ дать подписку въ томъ, что они будутъ въ безусловномъ послушаніи у своего помѣщика, не былъ въ состояніи, такъ

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. II. *Труды Владимірской Учен. Арх. Ком.*, I, Матеріалы, 30—36.

какъ крестьяне, «не взирая ни на что, учинили упорство и сопротивленіе». 8 человѣкъ были арестованы предводителемъ и представлены въ судъ. Полное усмиреніе крестьянъ было произведено полковникомъ гр. Остерманомъ, явившимся въ с. Желѣзово во главѣ двухъ ротъ солдатъ: крестьяне изъявили полную покорность, въ чемъ отъ нихъ была взята подписка. Одновременно съ волненіемъ у кн. Прозоровскаго происходило волненіе крестьянъ помѣщика Касагова, куда также предводитель дворянства долженъ былъ отправиться, но этого не попадобилось, такъ какъ они были усмирены нижнимъ земскимъ судомъ [1]).

Отдѣльные случаи волненій въ Юрьевскомъ уѣздѣ мы встрѣчаемъ еще среди крестьянъ слѣдующихъ помѣщиковъ:

Н. А. Богданова, въ с-цѣ Щедринѣ, *Н. П. Макарова*, въ с. Богословскомъ, *П. П. Извольской*, въ с. Федоровскомъ и с-цѣ Звенцовѣ, *М. И. Мусина-Пушкина*, въ с-цѣ Елецъ, гр. *П. Б. Толстова*, кн. *Е. А. Одоевской*, въ с. Николаевскѣ и дер. Хорошевкѣ, *А. И. Винова*, въ с. Касаговѣ и с-цѣ Озерцы, *А. Кузьмина-Караваева*, въ с. Спасскомъ, дер. Новой, Дашки, Курицынѣ, Васильки, Климентьинѣ, Лапушки, Тюрякинѣ, Кривцовой, Нефедовкѣ, *Извольскаго*, въ с. Вошнѣ и дер. Дворяткинѣ. Эти волненія быстро прекращались, какъ только появлялся среди волнующихся крестьянъ гр. Остерманъ съ двумя ротами солдатъ [2]).

Въ Гороховскомъ уѣздѣ въ вотчинѣ подполковника И. А. Гончарова крестьяне его въ количествѣ 1010 душъ, заселявшіе с. Мугрѣево съ деревнями, отказались отъ повиновенія своему помѣщику. Самъ помѣщикъ жилъ въ другой своей вотчинѣ, въ Калужской губерніи, за 600 верстъ отъ Мугрѣево, а здѣсь управлялъ крестьянами и господскимъ хозяйствомъ приказчикъ, Иванъ Михѣевъ. Въ теченіе своего 7—лѣтняго управленія Михѣевъ

---

[1]) *Труды Владимірской Ученой Арх. Ком.*, I, Матеріалы, 46—48, V, Матеріалы, 6—7.

[2]) Ibid. V, Матеріалы, 8—10.

сильно озлобилъ противъ себя крестьянъ крайней жестокостью и разорительными поборами. Крестьяне попытались было пожаловаться на приказчика своему господину, но послѣдній вмѣсто разбора жалобы приказалъ просителей пересѣчь и отдалъ въ солдаты, а о Михѣевѣ выразился: «я на его васъ всѣхъ не промѣняю». Послѣ такого отвѣта крестьянамъ ничего не оставалось, какъ терпѣливо переносить свое положеніе. А это положеніе было дѣйствительно тяжелымъ, «сверхъ мѣръ человѣчества».

При производствѣ слѣдствія о волненіи Мугрѣевскихъ крестьянъ у нихъ въ числѣ другихъ бумагъ была отобрана написанная на имя помѣщика какъ бы вѣдомость проступковъ Михѣева, возбуждавшихъ противъ себя негодованіе крестьянъ, или какъ сами крестьяне называютъ эту вѣдомость, «доказательства отъ всего міру на прикащика Ивана Михѣева въ непорядкахъ его». Эти «непорядки» перечислены въ 18 пунктахъ, изъ нихъ главнѣйшіе слѣдующіе: за малѣйшую вину Михѣевъ сѣчетъ виновныхъ «нещадно», а 4 человѣкъ засѣкъ розгами до смерти, именно, Алексѣя Михайлова за то, что, будучи на господской работѣ, просилъ приказчика отпустить его сходить домой за хлѣбомъ, приказчикъ не позволилъ, Михайловъ ушелъ самовольно ночью и утромъ пришелъ на работу черезъ два часа послѣ переклички; Василія Иванова за недоплаченные два рубля оброка, а вѣрнѣе за противорѣчіе приказчику на сходѣ; полѣсовщика Андрея Емельянова въ отсутствіе по болѣзни котораго въ теченіе двухъ дней была совершена порубка лѣса; Марію Трофимову, мужъ которой былъ псаремъ, за то, что два щенка околѣли. Хотя мужъ тоже былъ наказанъ, но остался живъ, а жена его умерла подъ розгами. Другихъ крестьянъ онъ наказывалъ такъ жестоко, что «нынѣ не могутъ какъ вашихъ господскихъ, такъ и своихъ крестьянскихъ работъ работать», поименный списокъ которыхъ тутъ же приводится. Много случаевъ приводятъ крестьяне насилія Михѣева надъ женщинами, сопровождавшагося проявленіемъ самаго дикаго произвола, напр., «господскаго двора доказала скотница Дарья Маринина, что ее Михѣевъ изнасильни-

чалъ и жилъ съ нею блудно, и она показала, что много разъ отъ него отбивалась, за то ее 17 разъ, скинувъ сарафанъ, въ рубашкѣ до крови сѣкъ нещадно, также и мужа 7 разъ за тожъ самое». Браки между крестьянами Михѣевъ устраивалъ самъ, если же кто изъ отцовъ или матерей приходилъ къ нему просить разрѣшенія для сына или дочери на бракъ «поволный», то за такую просьбу наказывалъ розгами «нещадно» и держалъ на цѣпи по 3—4 дня. Михѣевъ, пользуясь, повидимому, неограниченнымъ довѣріемъ помѣщика, держалъ себя съ крестьянами крайне недоступно. Если кто либо изъ крестьянъ по его же приказу или по собственной нуждѣ являлся въ контору и не заставалъ тамъ Михѣева, то къ дому его не смѣлъ подойти, хотя бы сутки пришлось ожидать. То же самое бывало и съ мірскимъ сходомъ, когда ждать Михѣева приходилось съ утра до вечера, такъ какъ доложить ему никто не рѣшался, а безъ себя онъ запрещалъ что либо рѣшать. Чтобы распоряжаться болѣе самовластно, Михѣевъ никогда никакихъ приказовъ помѣщика не сообщалъ крестьянамъ, равно какъ и имъ запрещалъ писать прошенія помѣщику.

Жена Михѣева была ему очевидно подъ пару, такъ какъ и ея поступки носили такой же характеръ произвола и насилія; она, напр., выбирала на гумнѣ ленъ самый лучшій и заставляла вдовъ и сиротъ прясть на себя, а Михѣевъ раздавалъ остальнымъ крестьянамъ худшій ленъ прясть на господъ и требовалъ такого же количества пряжи, что и съ лучшаго льна, но такъ какъ этого «никакими силами напрясть не можно», то онъ бабъ сѣкъ «нещадно, скиня сарафаны». Даже вещами, принадлежавшими церкви, Михѣевъ съ женой не пренебрегали: отъ нихъ не поступила въ церковь «гарнитура на завѣсу къ царскимъ вратамъ», купленная Михѣевымъ на церковныя деньги.

Цѣлыхъ 7 лѣтъ крестьяне переносили такое управленіе съ крѣпостническою терпѣливостью, но настало новое царствованіе, вездѣ пошли толки о любви новаго государя къ народу, что подтверждалось и милостями народу, обнародованными въ рядѣ указовъ въ первые же мѣсяцы новаго царствованія, и на-

дежда на освобожденіе отъ Михѣева вспыхнула въ измученныхъ сердцахъ крестьянъ Гончарова. Крестьяне рѣшили подать жалобу на Михѣева государю и для этой цѣли послали 27 января 1797 года своего выборнаго, Василія Гашина, въ Петербургъ. Въ этой жалобѣ крестьяне, прося избавить ихъ отъ Михѣева, который на смерть засѣкъ 4-хъ человѣкъ, добавляютъ: «не къ кому было намъ прибѣгнуть, а теперь, слыша отъ Вашего Императорскаго Величества щедрыя милости, и мы къ Вашему Императорскому Величеству прибѣгаемъ, взирая на стопы Ваши, щедрой милости просимъ. Смилуйся, Государь, и пожалуй, на семъ моемъ прошеніи учини милостивую свою резолюцію. Уже намъ, бѣднымъ, не къ кому стало прибѣгнуть, развѣ тебѣ, Государя». Это время было тѣмъ болѣе удобнымъ для составленія жалобы и посылки выборнаго, что Михѣевъ отправился къ помѣщику съ годовымъ отчетомъ по вотчинѣ. Въ его же отсутствіе крестьяне рѣшили избавиться отъ него пока своими средствами. Какъ только Михѣевъ подъѣхалъ къ господскому дому, крестьяне, уже ожидавшіе его здѣсь, напали на него, избили и посадили на цѣпь. Объ этомъ узналъ мѣстный исправникъ, которому крестьяне на вопросъ, по какому праву они такъ поступили: отвѣчали; «по словесному отъ господина своего приказу».

По донесеніи исправникомъ о случившемся губернскому правленію, послѣднее приказало объявить крестьянамъ, чтобы они немедленно везли Михѣева къ своему господину. Гончаровъ былъ очень удивленъ, увидѣвъ передъ собою избитаго приказчика, такъ какъ ничего подобнаго ни письменно, ни устно онъ не приказывалъ крестьянамъ. Какъ догадывался помѣщикъ и повидимому справедливо, крестьяне придумали и арестъ Михѣева и его отправленіе къ господину съ тою цѣлью, чтобы безъ него «по своей волѣ сдѣлать упорное противъ своего помѣщика неповиновеніе и отбыть отъ послушанія». Оставшись безъ приказчика, крестьяне сами стали распоряжаться въ вотчинѣ: они отрѣшили всѣхъ должностныхъ лицъ, какія были при Михѣевѣ, какъ-то: цѣловальника, конюховъ, скотниковъ, птичницъ, назначивъ другихъ, а старостой выбрали Ивана Гашина.

Только 20 апрѣля явился въ Мугрѣево повѣренный Гончарова, Сергѣй Тарасовъ, который нашелъ, что крестьяне совершили цѣлый рядъ самовольныхъ поступковъ, заключавшихся въ назначеніи новыхъ должностныхъ лицъ безъ согласія помѣщика, въ захватѣ въ свое завѣдываніе господскаго имущества, въ расхищеніи господскаго хлѣба, при чемъ Тарасовъ выражалъ опасеніе, чтобы такому же расхищенію не подвергнулись и деньги, хранившіяся при домовой конторѣ. На основаніи всего этого Тарасовъ просилъ губернатора усмирить крестьянъ, а старосту Ивана Гашина, «яко начальника бунта» и 15 крестьянъ, «первыхъ его сообщниковъ къ бунту», заключить въ Смирительный домъ. На самомъ дѣлѣ, крестьяне, избавившись отъ Михѣева, успокоились и никакихъ безчинствъ, а тѣмъ болѣе расхищенія господскаго добра себѣ не позволяли. Въ этомъ отношеніи очень характернымъ является эпизодъ съ хлѣбомъ, на расхищеніе котораго жалуется Тарасовъ. Въ числѣ бумагъ, отобранныхъ у крестьянъ во время слѣдствія по этому дѣлу, оказалось три приговора, постановленныхъ ими на мірскихъ сходкахъ.

Вотъ что объ этомъ «расхищеніи» хлѣба въ одномъ изъ нихъ говорится:

«1797 года апрѣля 13 дня Мугрѣевской вотчины всѣ крестьяне отъ мала и до велика, бывъ на мірскомъ сходѣ, приговорили: взаимообразно взять на пропитаніе хлѣба аржаного и овсянаго, аржаного по 2, а овса 1-му четверику, къ которому отъ конторы для раздачи приступить командиры безъ приказу господина не посмѣли и міру такъ объявили, то міромъ, несмотря на то, сказали, что въ силу господского повелѣнія намъ де взять слѣдуетъ, а естли не взять, развѣ голодомъ помереть, и для сбору онаго хлѣба отъ каждаго селенія поруки подпишемъ, что намъ міромъ, безъ всякаго отрицанія, доставить такъ, какъ и прежде, бездоимочно, а чего, Боже сохрани, неурожаю, за который мы должны ему, государю господину своему, деньги взнести, по какой цѣнѣ онъ, государь, заблагоразсудитъ, въ чемъ старостѣ, Ивану Григорьеву, сей мірской приговоръ и дали. Къ сему мірскому приговору села Мугрѣева

Николаевскій священникъ, Иванъ Андреевъ, по прошенію старосты, Ивана Григорьева, и всѣхъ мірскихъ людей руку приложилъ».

Изъ этого приговора видно, какъ бережно крестьяне относились къ хлѣбу помѣщика и если рѣшили воспользоваться имъ, то въ силу крайней необходимости, потому что иначе «развѣ голодомъ помереть». Этотъ приговоръ тотъ же вексель, который крестьяне дали на себя господину.

Изъ другого приговора видно, что подача жалобы на Михѣева государю и посылка съ нею Василія Гашина явились результатомъ рѣшенія всѣхъ крестьянъ села Мугрѣева «съ селы и деревнями»; въ этомъ же приговорѣ есть любопытное постановленіе, указывающее, какъ тяжело для крестьянъ было лишеніе свободы выбора при вступленіи въ бракъ: «Еще о свадьбахъ, которыя сосватались полюбовно, — вѣнчать безпрепятственно дозволяемъ».

На основаніи предписанія губернатора исправникъ и уѣздный предводитель дворянства съ вытребованной отъ Гороховскаго городничаго командой въ 13 человѣкъ отправились въ с. Мугрѣево усмирить крестьянъ, водворить порядокъ, который требовалъ Тарасовъ, и арестовать указываемыхъ Тарасовымъ 15 крестьянъ.

24 мая явилась комиссія въ Мугрѣево и приступила къ увѣщаніямъ крестьянъ. Послѣдніе въ отвѣтъ заявили, что «помѣщику своему и волѣ его не противны и работу его отправляютъ». И дѣйствительно это такъ, замѣчаютъ отъ себя предводитель и исправникъ въ рапортѣ губернатору, только крестьяне не хотятъ имѣть надъ собою присмотръ со стороны помѣщика. Когда имъ предложили перемѣнить старосту, они объявили, что «имъ и этотъ хорошъ». Когда же исправникъ попытался арестовать намѣченныхъ крестьянъ, то остальные «единогласно закричали, что они не дадутъ никого изъ своей собратіи, сказавъ при томъ, что и умереть всѣ готовы». Во время этихъ объясненій крестьяне объявили исправнику, что ими послана жалоба государю, на которую они ожидаютъ «рѣшенія». Что касается причины волненія, то хотя крестьяне и выражали сильное неудовольствіе противъ Михѣева за жестокія наказанія

и разорительные поборы, но по мнѣнію исправника и предводителя, основанному на опросѣ сосѣдей, «работа и оброкъ по крестьянскому состоянію соразмѣрны ихъ тягамъ и силѣ, а наказаніе также по винѣ каждаго». Скорѣе причиной волненія нужно считать «одно только буйство, желаніе учиниться свободными и послѣдованіе въ вольнодумствѣ другимъ, оказавшимъ уже въ прочихъ губерніяхъ и уѣздахъ подобные сему поступки». Исправникъ и предводитель пришли къ убѣжденію, что усмирить крестьянъ можно только силой. На основаніи ихъ рапорта губернаторъ предписалъ Владимірскому коменданту отрядить маіора Стромилова съ двумя ротами солдатъ, съ двумя пушками и «со всѣмъ воинскимъ парядомъ» въ с. Мугрѣево, куда приказалъ отправиться снова исправнику и предводителю, чтобы соединенными силами усмирить крестьянъ. Маіору Стромилову въ особомъ секретномъ ордерѣ губернаторъ рекомендовалъ больше всего стараться подѣйствовать на крестьянъ увѣщаніями, къ оружію же не прибѣгать, «доколѣ развѣ самая неизбѣжная крайность къ тому принудитъ». Но въ послѣднемъ случаѣ увѣдомить его, губернатора, и тогда онъ лично явится въ Мугрѣево.

Къ военной силѣ для приведенія крестьянъ въ повиновеніе помѣщику не пришлось прибѣгать. «Всѣ единогласно принесли свою покорность и увидѣли настоящее свое преступленіе», какъ сказано въ донесеніи губернатору. При разслѣдованіи кромѣ 15 человѣкъ, указанныхъ Тарасовымъ и уже отосланныхъ въ Смирительный домъ, наиболѣе виновными было признано еще 8 человѣкъ, которыхъ Тарасовъ просилъ отправить туда же. Отъ крестьянъ были отобраны показанія по этому дѣлу. Въ этихъ показаніяхъ крестьяне отрекаются отъ всякой солидарности съ старостой, Иваномъ Гашинымъ, и 7 другими крестьянами, которые одни только послали прошеніе государю съ сыномъ старосты, Василіемъ Гашинымъ. Староста, показывали крестьяне, обольстилъ ихъ надеждой на то, что они будутъ государевы, «и какъ во всемъ хищномъ намѣреніи своемъ содѣлалъ корыстною для себя добычею простыя сердца наши, бывъ первымъ похитителемъ оныхъ, тогда дѣ-

лалъ изъ всего міра уже, (что) хотѣлъ». Также отреклись крестьяне отъ всякаго участія и въ составленіи второго прошенія. Что же касается сопротивленія, оказаннаго крестьянами исправнику въ первый пріѣздъ его, то «по песмыслію нашему думали, что господинъ исправникъ безъ повелѣнія начальства самъ собой пришелъ съ командой въ вотчину».

Изъ сопоставленія этихъ показаній крестьянъ съ ихъ же приговорами, не трудно видѣть, что первыя были даны подъ сильнымъ давленіемъ отбиравшихъ показанія властей. Вотъ что, напр., говорится въ одномъ изъ приговоровъ о посылкѣ въ Петербургъ Василія Гашина для подачи жалобы на Михѣева: ....«всѣ оной (Гончарова) вотчины крестьяне приговорили:....2-е, просить на его, Михѣева, въ Петербургъ къ Государю Императору Павлу Петровичу Василій Гашинъ за подписаніемъ священническихъ рукъ по уголовному дѣлу въ наказаніи трехъ крестьянъ и женки, которые имъ, Михѣевымъ, плетьми засѣчены, отчего и померли..... а ежели онъ, Михѣевъ, пріѣдетъ (отъ Гончарова, куда уѣхалъ съ отчетомъ) и станетъ кого изъ конторскихъ, старосту Стрепова, земскаго или изъ дворовыхъ бить и увѣчить, то его безъ всякой боязни сковать и содержать до сходу нашего мірского во всякой осторожности, а болѣе наблюдать того конторнымъ сторожамъ и ткачамъ, за что мы всѣмъ міромъ отвѣчать будемъ».

Между тѣмъ теперь при производствѣ разслѣдованія объ этомъ именно прошеніи и о посылкѣ его крестьяне показываютъ: «безъ вѣдома нашего и безъ просьбы, и когда ту просьбу послали съ нарочнымъ въ Петербургъ, о томъ совсѣмъ міръ былъ не извѣстенъ».

Донося объ усмиреніи крестьянъ Гончарова кн. Куракину, губернаторъ проситъ его «означеннаго Василія Гашина яко вреднѣйшаго соблазнителя своихъ товарищей», а вмѣстѣ съ нимъ и двухъ крестьянъ, позднѣе отправленныхъ въ Петербургъ, «приказать сыскавъ за стражей во Владиміръ препроводить», такъ какъ такимъ путемъ по мнѣнію губернатора надеждамъ крестьянъ Мугрѣева будетъ положенъ конецъ.

Посмотримъ, что же дѣлалъ все это время въ Петербургѣ Василій Гашинъ.

18 февраля Василій Гашинъ опустилъ жалобу въ ящикъ въ Павловскѣ и сталъ навѣдываться въ канцелярію Нелединскаго-Мелецкаго. Отъ этого времени сохранилось 3 письма Гашина къ своимъ односельчанамъ, въ которыхъ онъ сообщаетъ о ходѣ дѣла. Въ первомъ письмѣ отъ 19 февраля онъ пишетъ, что 18 февраля подалъ просьбу, но резолюціи еще не получилъ «за множествомъ прошеній». Что же касается его, Гашина, то «я за васъ готовъ голову свою положить и какъ сила моя будетъ, стараться готовъ». Прошла недѣля, и Гашинъ снова извѣщаетъ своихъ земляковъ о дѣлѣ, но шлетъ такія же неутѣшительныя вѣсти, какъ и въ первомъ письмѣ. «Подана моя просьба, пишетъ онъ, февраля 18 числа. По отпускѣ сего письма ровно недѣля, еще я ея не получилъ, потому что много больно подано, щетомъ 1205 просьбъ». Но кромѣ этихъ фактическихъ свѣдѣній о результатѣ его миссіи Василій Гашинъ старался въ своихъ письмахъ нравственно вліять на земляковъ, укрѣпить ихъ въ рѣшеніи удалить отъ себя Михѣева. Такъ, напр., въ этомъ же письмѣ онъ пишетъ: «и ежели какія отъ Михѣева будутъ нападки, и вы другъ друга не выдавайте, стойте всѣ за одно... Авось Богъ и избавитъ отъ единого злодѣя. Потерпите немного и впредь ожидайте отъ меня писемъ». Онъ проситъ дядюшку Кондратія написать ему: «мнѣ хочется провѣдать о вашемъ здоровьи и что у васъ тамъ дѣлается и въ какихъ обстоятельствахъ Михѣевъ. А ежели какія отъ него будутъ нападки, и вы мнѣ припишите объ ономъ, какъ можно, или человѣка ко мнѣ пришлите, а я стараться буду, поколь сила моя будетъ, до послѣдней капли крови моей». Между тѣмъ время шло, наступила Пасха, государь уѣхалъ въ Москву на коронацію, а дѣло Василія Гашина не подвинулось. Послѣ Пасхи пишетъ онъ третье письмо къ себѣ на родину.

«Еще васъ, государь мой батюшка, увѣдомляю, сообщаетъ Гашинъ, теперь отъ государя вышли манифесты, чтобы господа крестьянъ своихъ въ воскресные дни на работу не гоняли, а

работать бы три дня на господина въ недѣлю, а три дня на себя, болѣе не работать, а объ оброкѣ еще ничего не вышло. А впредь что будетъ, о томъ неизвѣстенъ. А что будетъ, о томъ писать буду... А знайте о мнѣ, что я денегъ съ собою взялъ не много, а деньги у меня всѣ подходятъ, а ежели государь пріѣдетъ, то мнѣ за дѣломъ ходить не съ чѣмъ».

Но когда возвратился изъ Москвы государь, и Гашинъ справился въ канцеляріи Нелединскаго-Мелецкаго о судьбѣ своего прошенія, ему объявили, что прошенія его не могутъ отыскать. Между тѣмъ крестьяне долго не получая отъ него извѣстій, рѣшили 25 мая «на валовомъ мірскомъ сходѣ ѣхать въ Питеръ, къ Василію Гашину» новымъ выборнымъ, Ивану Григорьеву и Ивану Лукьянову, которые и явились въ Петербургъ только 18 іюня. Они привезли съ собою новое прошеніе, въ которомъ крестьяне, повторяя жалобы на Михѣева перваго прошенія, просятъ защиты отъ новаго управляющаго, Сергѣя Тарасова, «который нынѣ чинитъ также неспосныя обиды и хочетъ команду изъ города поднять и насъ кнутомъ пересѣчь, а оставшихъ вывести на 600 верстъ на желѣзный заводъ, и хвалится всѣхъ насъ до конца разорить и говоритъ, что вамъ-де государь ни въ чемъ не поможетъ. А мы положенный отъ господина нашего оброкъ и всякія работы работаемъ безъ отрицанія». Эту вторую «просьбу», какъ показалъ Гашинъ на допросѣ въ Тайной Экспедиціи, онъ опустилъ въ тотъ же ящикъ 19 іюня, а когда 26 іюня пришелъ въ канцелярію «для выправки объ оной», то здѣсь ему сказали, что все дѣло ихъ отправлено къ Владимірскому губернатору, а ему предложили итти домой, въ вотчину; онъ съ Григорьевымъ и Лукьяновымъ и намѣренъ былъ такъ поступить, но не успѣлъ, такъ какъ они всѣ были арестованы и отправлены къ губернатору. Это послѣднее случилось по приведенному уже нами выше представленію губернатора кн. Куракину о высылкѣ изъ Петербурга Василія Гашина.

Изъ слѣдствія, произведеннаго командированными въ Мугрѣево лицами, изъ бумагъ, отобранныхъ у крестьянъ, губернаторъ не могъ не видѣть, что отношенія между крестьянами и

ихъ управляющимъ, Михѣевымъ, въ высшей степени обострились.

Въ виду этого онъ секретно предписалъ предводителю дворянства призвать тайно Тарасова и указать ему, что если Михѣевъ снова будетъ управляющимъ въ Мугрѣево, то нельзя ожидать отъ крестьянъ долгаго спокойствія, «ибо по ненависти къ оному Михѣеву легко можетъ впредь воспослѣдовать новое зловредное неустройство». Чтобы крестьяне успокоились, губернаторъ рекомендовалъ назначить управляющимъ человѣка «миролюбиваго, справедливаго и незлобиваго».

Что касается самого Тарасова, то по мнѣнію губернатора онъ «болѣе уже самовластія употребляетъ, нежели имѣетъ довѣрія», требуя «излишней жестокости въ наказаніи». Тарасовъ кромѣ 15 ранѣе названныхъ имъ крестьянъ предназначилъ къ наказанію еще 8 человѣкъ. Поэтому губернаторъ опасался, «дабы немалого числа людей вдругъ отсылкой не возродилъ какъ къ себѣ, такъ и къ господину своему отъ всей вотчины подобной же ненависти, а потому, чтобъ не навлекъ и послѣдствія непріятнаго». Только въ сентябрѣ 1798 года дѣло крестьянъ Гончарова было рѣшено въ уѣздномъ судѣ, но какъ рѣшено, объ этомъ свѣдѣній не сохранилось.

Въ только что разсказанномъ волненіи крестьянъ Гончарова дѣятельную роль играло мѣстное духовенство.

Такъ, напр., одинъ приговоръ за крестьянъ по ихъ просьбѣ скрѣпленъ подписями двухъ священниковъ с. Мугрѣева, Ивана Андреева и Андрея Васильева, и священника с. Малой Лампы, Петра Михайлова. Другой приговоръ подписанъ тѣмъ же священникомъ с. Мугрѣева, Иваномъ Андреевымъ. Третій приговоръ скрѣпленъ священниками Иваномъ Андреевымъ и Львомъ Федоровымъ. Особенно дѣятельное участіе, повидимому, принималъ въ дѣлахъ крестьянъ послѣдній священникъ, Левъ Федоровъ. Когда въ Мугрѣево въ первый разъ явился исправникъ для усмиренія крестьянъ и уѣхалъ, ничего не добившись, крестьяне послали «объявленіе» губернатору, въ которомъ жаловались на дѣйствія исправника; исправникъ, пишутъ крестьяне, старался ихъ помирить съ Михѣевымъ, для чего часто

собиралъ ихъ, что очень тяготило крестьянъ въ виду рабочей поры, обвинялъ ихъ въ бунтѣ, когда они и не думали бунтовать.

Эту жалобу доставили во Владиміръ два крестьянина, которые были арестованы и на допросѣ показали, что «просьбу сочинялъ и писалъ села Спасскаго, Мугрѣева тожъ, священникъ Левъ». По показанію крестьянъ послѣ ихъ усмиренія этотъ же священникъ говорилъ имъ, что онъ «всѣмъ случающимся впредь притѣсненіямъ отъ какого либо начальства будетъ свидѣтелемъ». Вообще, священники с. Мугрѣева дѣятельно поддерживали свою паству, «они, какъ писали въ рапортѣ губернатору исправникъ и предводитель дворянства, съ начала бунта не малымъ подвигомъ служили въ развращеніи глупаго народа, въ продолженіе жъ онаго были подкрѣпленіемъ несбыточной надежды ихъ, отчего никакія убѣжденія въ должный порядокъ не сильны были привести безъ страху». На основаніи этого разслѣдованія объ участіи священниковъ с. Мугрѣева въ волненіи крестьянъ уѣзднымъ судомъ рѣшено было сообщить въ Вязниковское духовное правленіе, чтобы оно распорядилось прислать ихъ въ судъ «въ самоскорѣйшемъ времени». Они нѣсколько разъ подвергались допросу на судѣ, но какой конецъ имѣло все это дѣло, за отсутствіемъ документовъ неизвѣстно [1]).

Если большія вотчины выражали часто недовольство своимъ положеніемъ отказомъ отъ повиновенія помѣщику, сопровождая свой отказъ иногда и вооруженнымъ сопротивленіемъ, то небольшія вотчины тяжесть своего положенія, которая иногда бывала невыносимѣе, чѣмъ положеніе крестьянъ крупныхъ владѣльцевъ, выражали въ болѣе скромныхъ формахъ: оставаясь въ повиновеніи у владѣльца, посылали горькую жалобу на свои тягости государю.

Вотъ, напр., что пишутъ въ своемъ прошеніи, которое было подано государю, крестьяне дер. Рыковой Вязниковскаго уѣзда, принадлежавшіе Александрѣ Николаевнѣ Елагиной. Всѣхъ ихъ съ дѣтьми 53 д. муж. пола и 61 д. жен. п.

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 16.
Труды Владимірской Уч. Арх. Ком., IV, Матеріалы, 16—53.

«По силѣ Всевысочайшаго Вашего Императорскаго Величества именного за собственноручнымъ подписаніемъ сего 1797 г. января 29 дня указа всякое повиновеніе и послушаніе съ платою же оброка имъ (супругамъ Елагинымъ) и прочаго положенія чинили и чинимъ всегда», но помѣщица, не довольствуясь этимъ, «чинитъ крестьянамъ незаконно несносное и нестерпимое всякое отягощеніе и разореніе». Кромѣ обычнаго оброка въ 6 р. съ души, помѣщица, часто пріѣзжая къ нимъ съ семействомъ и живя у нихъ по недѣлямъ на всемъ готовомъ отъ крестьянъ, вводитъ послѣднихъ въ большой расходъ, такъ какъ каждый такой пріѣздъ стоитъ крестьянамъ около 100 руб., что при небольшомъ ихъ числѣ ложится на каждаго тяжелымъ бременемъ. При этомъ помѣщица, если узнаетъ, что у кого либо изъ крестьянъ есть деньги, не стѣсняясь средствами, отбираетъ деньги; такъ, у двухъ своихъ крестьянъ «усильствомъ и черезъ побои» она отняла у одного 300 руб., у другого—100 руб. Мало этого, владѣлица, повидимому не желая имѣть крестьянъ, продаетъ ихъ, но не всѣхъ вмѣстѣ, а порознь, какъ найдетъ для себя выгоднѣе, недавно она продала 13 д. мужск. пола да 15 д. женск. пола, а оброкъ за проданныхъ требуетъ съ оставшихся. Распродавая же крестьянъ, Елагина хотѣла взять съ нихъ все, что только можно было, и способами, какія только могли привести ее къ этой цѣли; очень характернымъ является приказъ помѣщицы старостѣ, прекрасно рисующій отношеніе ея къ своимъ крестьянамъ.

«Владимірскаго намѣстничества, Вязниковской округи, деревни Рыковой старостѣ Николаю Филиппову. Ты, староста будешь наказанъ, что оброку сполна не послалъ. То я тебѣ приказываю, получа сіе, непремѣнно весь недобранный оброкъ собрать и съ Казакова 10 р. и тотчасъ два пуда льна, и все сіе тотчасъ собравъ, ѣхать ко мнѣ непремѣнно. Также и съ Прохора Иванова за дочь 40 р. Если у него нѣтъ денегъ, то продай что изъ его имѣнія и деньги мнѣ доставь; еще объявп крестьянамъ, а именно: Тимофею Алексѣеву, Михаилу Григорьеву и Мартыну Петрову, чтобы они за дочерей своихъ платили по 50 р. И ты, взявши оныя деньги, всѣ собравъ, не

мѣшкавъ всѣ, ко мнѣ пріѣзжай. А съ тобою этимъ дѣвкамъ пошлю отпускныя. А если же они, оные крестьяне, откажутся, то ты этихъ всѣхъ трехъ дѣвокъ вези ко мнѣ непремѣнно сюда и вышеписанные деньги: съ Прохора 40, съ Казакова 10 и недобранный оброкъ и два пуда льна. Все сіе непремѣнно ко мнѣ доставь въ самой скорости. А если отцы за дѣвокъ заплатятъ деньги по 50 р., то и эти 150 р. за трехъ дѣвокъ привези непремѣнно, а не заплатятъ денегъ, то вези ко мнѣ дѣвокъ. Еще если продадутся крестьяне Евдокимъ Сысоевъ и Евдокимъ Васильевъ съ семьями и Марья вдова съ Макаромъ, отдаю ихъ помѣщикамъ, если проданы, ты справься въ Вязникахъ. Сему вѣрь и исполни. Александра Елагина. А вы всѣ ищите себѣ всею деревнею купца, а то вамъ хуже, что я васъ порознично продамъ. Старайтесь искать купца, а меня увѣдомьте. А я тебя, староста, жду. Ты пріѣзжай немедленно, а то будешь наказанъ».

Прошеніе крестьянъ, къ которому былъ приложенъ и этотъ приказъ, было доложено Императору Павлу и на основаніи резолюціи было предписано Владимірскому губернатору произвести разслѣдованіе о положеніи крестьянъ Елагиной. Послѣдній передалъ это дѣло губернскому предводителю дворянства, который въ свою очередь поручилъ его Вязниковскому уѣздному предводителю дворянства Алексѣеву. Алексѣевъ по разслѣдованіи нашелъ, что положеніе крестьянъ Елагиной хорошее, что 12 душъ ею дѣйствительно продано на вывозъ, а тринадцатый отданъ въ рекруты. Отъ этого положеніе остальныхъ только улучшилось, такъ какъ оставшіеся пользуются землею проданныхъ. Съ одного своего крестьянина Елагина взяла 350 р., но за то обѣщала поставить за его семейство, въ которомъ 7 душъ мужск. пола, рекрута. Наконецъ, дѣвки, о которыхъ упоминаютъ въ своемъ прошеніи крестьяне и за которыхъ помѣщица наспльственно якобы требуетъ выкупа, угрожая ихъ продать отдѣльно, находятся въ деревнѣ при отцахъ.

На основаніи этого разслѣдованія жалоба крестьянъ Елагиной была оставлена безъ послѣдствій [1]).

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. I. № 14.

Среди прошеній, поданныхъ Императору Павлу крестьянами, сохранилось прошеніе на помѣщика Владимірской губерніи, Захара Васильевича Суханова, его крѣпостной, Меланіи Ивановой. Оно заключаетъ въ себѣ одинъ только фактъ, но этотъ фактъ ярко рисуетъ безпомощность крестьянъ и полный произволъ помѣщика.

Сухановымъ были сданы въ рекруты его крестьяне, которые оставили многочисленныя семьи, причемъ сдаваемыхъ «господа, пишетъ Иванова, представляютъ Вашему Императорскому Величеству охотниками, а они невольники и оставили малолѣтнихъ своихъ дѣтушекъ у кого четверо и пятеро и семеро и остались отцы и матери старые» [1]).

Иногда крестьяне, не мечтая уже объ освобожденіи отъ помѣщичьей власти и не выходя изъ повиновенія ей, просятъ государя только объ облегченіи своей участи.

Такое прошеніе подалъ крестьянинъ помѣщика Никифора Хитрово, Кондратій Андреевъ, отъ имени своихъ односельчанъ, который говоритъ въ прошеніи, что пока они принадлежали полковницѣ Глѣбовой, имъ жилось спокойно, и они были довольны, но когда достались Хитрово, ихъ положеніе совершенно перемѣнилось: не только не видятъ никакой къ себѣ «отеческой милости», но испытываютъ одни жестокія наказанія часто по самымъ ничтожнымъ поводамъ. «Мы же, прибавляютъ крестьяне, Вашему Императорскому Величеству и господину нашему служить не отрекаемся, чтобы только онъ съ нами какъ надобно отцу съ дѣтьми обходился».

Такъ какъ крестьяне были неграмотны, то «къ просьбѣ священникъ Михаилъ Соколовскій руку приложилъ» [2]).

Однимъ изъ наиболѣе часто встрѣчающихся поводовъ къ жалобамъ на помѣщиковъ былъ развратъ послѣднихъ. Напр., крестьяне Булгакова Суздальскаго уѣзда, села Законецъ, жалуются на послѣдняго за притѣсненія «немилосердными побоями, дабы мы жертвовали прихотямъ его нашими дочерьми» [3]).

---

[1]) Ibid. № 2985, ч. I, № 32.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid. № 2985, ч. I, № 13.

Въ Шуйскомъ уѣздѣ крестьянскія волненія извѣстны только въ двухъ вотчинахъ: у помѣщика секундъ-маіора Ошанина и у помѣщицы порутчицы Алалыкиной, которыя произошли въ концѣ января 1797 года. Слѣдствіемъ, произведеннымъ исправникомъ, усмирявшимъ крестьянъ, было выяснено, что «отъ крестьянъ развратъ и непослушаніе помѣщикамъ своимъ» были результатомъ слуха, очень распространеннаго въ то время среди народа, о повелѣніи подавать прошенія государю всѣмъ, кто недоволенъ своими господами. На основаніи этого слуха крестьяне рѣшили просить государя освободить ихъ отъ власти помѣщиковъ, у которыхъ имъ «жить трудно и тягостно». Исправникомъ крестьяне были усмирены.

Крестьянское движеніе иногда выражалось въ такихъ мягкихъ формахъ, что даже администрація не находила въ дѣйствіяхъ крестьянъ ничего предосудительнаго и отказывала помѣщикамъ въ ихъ просьбѣ усмирять крестьянъ. Такъ было, напр., въ вотчинахъ помѣщиковъ братьевъ Константиновыхъ Меленковскаго уѣзда, въ селахъ Урваповѣ и Рѣшномъ и въ деревняхъ Язовкѣ, Елиной и Шохиной.

Въ началѣ марта 1797 года крестьяне помѣщика Дмитрія Константинова числомъ 76 душъ рѣшили подать прошеніе государю съ жалобой на своего помѣщика за чрезмѣрные поборы и «жестокіе побои плетьми до кровавыхъ ранъ немилостивно». Помѣщикъ, жалуются въ прошеніи крестьяне, заставляетъ ихъ работать на него все время, такъ что свои работы имъ приходится производить по ночамъ и въ воскресные дни.

Съ каждыхъ двухъ душъ ежегодно онъ беретъ по барану, по курицѣ, по 4 ф. коровьяго масла и по 20 яицъ; съ женъ и дѣтей собираетъ по 2 ф. малины и черники; холста самаго тонкаго по 10 арш., пряжи по 2 тальки. Деньгами беретъ по 3 рубля накладныхъ и оброку по четверть рубля съ души. По ночамъ на караулѣ должно быть 2 челов., если кто либо изъ карауливщихъ зимой взойдетъ въ караульную избу погрѣться, помѣщикъ за это заставляетъ дежурить безъ очереди 10 ночей и наказываетъ плетьми; боясь такихъ наказаній, 4 мужчины и одна женщина бѣжали неизвѣстно куда, а помѣщикъ

взыскиваетъ съ братьевъ бѣжавшихъ по 10 руб. за каждаго. Въ заключеніе крестьяне просили «кромѣ реченнаго помѣщика Дмитрія Константинова опредѣлить, куда Его Императорское Величество соизволитъ». Съ этимъ прошеніемъ крестьяне отправили въ Москву двухъ выборныхъ. Помѣщикъ, узнавъ объ этомъ, обратился въ Меленковскій нижній земскій судъ съ жалобою на своихъ крестьянъ, обвиняя ихъ «въ намѣреніи отложиться ему отъ должнаго повиновенія», которое, правда, въ работахъ крестьяне ему оказываютъ, но подушныя деньги, напр., отказались собрать и «отозвались противъ сего неимущими». Меленковскій уѣздный предводитель по порученію правителя губерніи Лазарева произвелъ разслѣдованіе этого волненія, которое выяснило, что изъ двухъ посланныхъ въ Москву одинъ возвратился, а другой остался въ Москвѣ ожидать результата подачи прошенія. Остальные крестьяне находятся въ должномъ у помѣщика повиновеніи, всегда являются къ нему, когда онъ ихъ требуетъ, караулятъ по ночамъ его дворъ, внесенныя за нихъ помѣщикомъ подушныя деньги обязуются заплатить, какъ только заработаютъ ихъ на заводахъ, къ работамъ по обработкѣ земли на господина готовятся приступить. Предводителю не удалось только взять отъ крестьянъ подписку «о бытіи въ должномъ у помѣщика послушаніи» и убѣдить ихъ согласиться на приложеніе рукъ къ сдѣланному допросу, такъ какъ крестьяне боялись, что «дачею рукъ сдѣлаютъ помѣщику одобреніе и послѣ сами останутся виновными». По вопросу о томъ, «отчего болѣе крестьяне возымѣли смѣлость» подавать просьбы на помѣщика государю, предводителю удалось узнать, что «приходскіе священники не въ надлежащей силѣ даютъ смыслъ объявленному имъ отъ духовнаго правительства Высочайшему Его Величества повелѣнію, состоящемуся въ 12 день декабря прошлаго 1796 г., о подачѣ жалобъ или прошеній не инако, какъ каждый отъ себя, не подписываясь болѣе одного человѣка».

Въ тѣхъ же селахъ и деревняхъ жили крестьяне и другого брата, Ивана Константинова, въ количествѣ 126 душъ. Они также отправили въ Москву 11 апрѣля выборнаго съ прошеніемъ государю, въ которомъ жалуются на отягощеніе

ихъ помѣщикомъ поборами, работой и требованіемъ въ далекія мѣста подводъ. И они, какъ и крестьяне Дмитрія Константинова, оставаясь теперь въ полномъ повиновеніи у помѣщика, отказались только дать подписку въ томъ, что они будутъ ему послушны, и приложить руки къ допросамъ. Это обстоятельство въ связи съ посылкой крестьянами жалобы на своего помѣщика въ глазахъ послѣдняго было достаточнымъ основаніемъ для обвиненія своихъ крестьянъ въ бунтѣ противъ него.

Дворянскій засѣдатель, на мѣстѣ разслѣдовавшій это происшествіе, донесъ суду, что крестьяне помѣщику повинуются и готовы приступить къ работамъ на господина по хлѣбопашеству, когда эти работы начнутся.

На основаніи этого разслѣдованія судъ постановилъ, что такъ какъ крестьяне никакого явнаго ослушанія своему помѣщику не оказываютъ, то судъ «на требованіе въ наказаніе и усмиреніе сихъ крестьянъ по одной только впредь чаемости подпорутчикомъ Константиновымъ отъ нихъ неповиновенія воинской команды (дать) рѣшиться и не можетъ» [1]).

Въ Покровскомъ уѣздѣ волненіе крестьянъ обнаружилось въ вотчинѣ помѣщика Митькова, въ селѣ Васильевскомъ и въ деревнѣ Тонково.

Крестьяне послали 12 апрѣля выборнаго въ Москву съ жалобой на своего помѣщика за изнуреніе ихъ работами. При объясненіи по этому поводу между помѣщикомъ и крестьянами послѣдніе «съ азартомъ кричали непомѣрно». Когда помѣщикъ замахнулся было на нихъ палкой, одинъ крестьянинъ, «взявъ его за воротъ», оттолкнулъ, чѣмъ его «яко помѣщика и обезчестили». Боясь, чтобы крестьяне не причинили ему чего либо еще худшаго, помѣщикъ обратился въ судъ съ просьбой усмирить его крестьянъ. Правитель губерніи Лазаревъ командировалъ Покровскаго предводителя дворянства въ Васильевское съ воинской командой для усмиренія крестьянъ. Увѣщанія предводителя съ чтеніемъ и толкованіемъ манифеста 29 января не привели къ успокоенію крестьянъ, которые

[1]) *Труды Владимірской Уч. Арх. Ком.*, I, Матеріалы, 36—42.

«бунтовали и съ совершенною непокорливостью и невѣжествомъ противъ него кричали». Крестьяне отказались дать подписку, что они будутъ послушны помѣщику, такъ какъ они послали государю жалобу на своего господина. Предводитель арестовалъ 7 человѣкъ и отослалъ ихъ въ Покровскій уѣздный судъ [1]).

Въ Покровскомъ уѣздѣ были еще волненія крестьянъ въ вотчинахъ слѣдующихъ помѣщиковъ:

М. П. Прокудина, въ с-цѣ Фуникова Гора и дер. Хмѣлевой, *В. Отяева*, въ с. Давыдовскомъ, дер. Лычевѣ и Марьиной, *А. А. Бехтѣева*, въ с. Дубкахъ и дер. Троицы, Лавреповой, Мелинокъ и Сукмановѣ, *П. И. Бехтѣевой*, въ с. Дубкахъ съ дер., *В. А. Кузьминой-Караваевой*, въ дер. Очепѣ, Марковой, Новинки, Мышлинѣ и Калининой, *Е. А. Ладыженской*, въ с-цѣ Калининѣ, *В. А. Акинфова*, въ с. Завалинѣ съ дер., *А. Черницовой*, *Г. Беречинскаго*, *П. Крупехина*, *Е. А. Цвиленевой*, въ с. Авдотьинѣ, *кн. Куракина*, въ с. Новомъ и *Нелединскаго-Мелецкаго*, въ с. Ильинскомъ.

Во всѣхъ этихъ вотчинахъ крестьяне при одномъ появленіи солдатъ изъявляли покорность; исключеніе составили только крестьяне с. Давыдовскаго, которые при появленіи солдатъ «не токмо, чтобъ дать вниманіе увѣщанію, но, буйственно всѣ единогласно закричавъ: «дубъемъ ихъ!» бросились на роту и приняли должное воздаяніе за ихъ дерзость: одинъ убитъ, нѣсколько раненыхъ, а прочіе захвачены были».

Гр. Остерманъ, усмирявшій волновавшихся крестьянъ, въ письмѣ къ губернатору Руничу нападеніе на солдатъ со стороны крестьянъ с. Давыдовскаго объясняетъ намѣреніемъ послѣднихъ перевязать роту и представить ее въ городъ, такъ какъ они были убѣждены, что гр. Остерманъ «подкупленъ отъ господъ, а не по волѣ Государя моего хожу» [2]).

Во Владимірскомъ уѣздѣ отказались отъ повиновенія крестьяне помѣщицы фонъ-Бергъ въ сельцѣ Внуковѣ, гдѣ ихъ было всего 24 души. 24 апрѣля, разсказываетъ помѣщица въ

---

[1]) *Труды Владимірской Уч. Арх. Ком.* I, Матеріалы, 45—46.
[2]) Ibid, V, Матеріалы, 9—11.

Переселенческое Упр. Библиотека № Г. У. З. и З.

прошеніи, поданномъ ею правителю губерніи Лазареву, крестьяне работали на господскомъ дворѣ и вдругъ, бросивъ работу, взбунтовались. На вопросъ помѣщицы о причинѣ этого, крестьяне, «стоя въ шапкахъ, безъ всякой благопристойности, грубымъ и азартнымъ образомъ», объявили ей, что они уже больше не принадлежатъ ей, такъ какъ «отъ Его Императорскаго Величества состоялся указъ быть вольными и ни отъ кого независящими, да и она бы отъ нихъ задобра убиралась».

Когда Владимірскій предводитель дворянства по порученію правителя губерніи явился во Внуково и въ присутствіи собранныхъ имъ сосѣднихъ помѣщичьихъ крестьянъ и священника с. Малахова, духовными дѣтьми котораго были внуковскіе крестьяне, сталъ спрашивать ихъ о причинѣ волненія, крестьяне объявили, что они всѣ господскія работы исполняютъ, помѣщицѣ повинуются, но работать на себя помѣщица принуждаетъ такъ много, что у нихъ на свои работы не остается времени; кромѣ того они слишкомъ обременены всякими поборами, земли же имѣютъ мало.

Работы ихъ на госпожу состоятъ въ слѣдующемъ: они сѣютъ озимаго хлѣба 20 четвертей, ярового вдвое, за дровами ѣздятъ за Клязьму, а между тѣмъ свой лѣсъ есть около господскаго двора; каждая баба обязана дать холста 20 арш. или пряжи 10 талекъ да мотка два нитокъ; кромѣ того помѣщица собираетъ барановъ, цыплятъ, по сотнѣ съ вѣнца яицъ, по нѣсколько фунтовъ масла коровьяго. Эти работы и поборы принудили крестьянъ послать прошеніе государю съ жалобой на свою помѣщицу. Сосѣди-крестьяне удостовѣрили, что крестьяне фонъ-Бергъ «бѣдные своимъ состояніемъ». Увѣщанія предводителя Рагозина и чтеніе манифеста 29 января способствовали успокоенію крестьянъ, такъ что они даже дали подписку въ томъ, что они «никогда противъ своей помѣщицы никакого буйства не дѣлали и работу господскую отправляютъ и отправлять будутъ по законамъ и также всякую повинность соразмѣрно ихъ возможности и силамъ нести обязываются, а буде и за сею подпискою какое будебъ отъ нихъ непослушаніе явилось, то они подвергаютъ себя силѣ законовъ».

Но, повидимому, эта подписка не удовлетворила помѣщицу, которая снова просила губернатора усмирить ея крестьянъ, наказать 6 человѣкъ наиболѣе виновныхъ, а двухъ изъ нихъ послѣ наказанія заключить въ Смирительный домъ на мѣсяцъ. Земскимъ исправникомъ по распоряженію губернатора просьба помѣщицы была удовлетворена, но въ Смирительный домъ былъ заключенъ только одинъ изъ крестьянъ, такъ какъ другой для подачи прошенія отправился въ Москву и ко времени усмиренія крестьянъ еще не возвратился [1]).

Другой случай волненія крестьянъ во Владимірскомъ уѣздѣ произошелъ въ маѣ 1797 г., въ имѣніи полковника А. Лопухина, по просьбѣ котораго губернаторъ приказалъ послать въ имѣніе военную команду въ 20 человѣкъ солдатъ съ офицеромъ. Съ командой отправился дворянскій засѣдатель, который, какъ онъ доноситъ нижнему земскому суду, «неповинующихся реченному господину Лопухину крестьянъ въ должное ему послушаніе привелъ». [2])

Наконецъ, у помѣщика Г. А. Владыкина въ его вотчинѣ, с. Выновѣ, крестьяне, «незнаемо отъ чего какъ сами отложились отъ должнаго повиновенія, такъ и другихъ также вотчины крестьянъ возмущаютъ, не имѣя ни малѣйшихъ отъ его (помѣщика) налоговъ и другихъ въ работахъ притѣсненій». По этому донесенію Владыкина губернатору, послѣдній приказалъ земскому исправнику Булгакову съ воинской командой въ 20 человѣкъ отправиться въ Выново и «стараться наиприлежно внушать имъ (крестьянамъ) и неоднократно прочитывать Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе, отъ 29 генваря состоявшееся», послѣ чего привести крестьянъ въ должное помѣщику послушаніе. Какъ доносилъ губернатору 13 мая 1797 г. исправникъ, крестьяне Владыкина «въ должное господину ихъ послушаніе приведены» [3]).

Владимірскій губернаторъ П. С. Руничъ, извѣщая генералъ-прокурора о ходѣ крестьянскаго движенія въ своей гу-

[1]) *Труды Влад. Уч. Арх. Ком.*, I, Матеріалы, 42—45.
[2]) Ibid. V, Матеріалы, 5—6.
[3]) Ibid. V, Матеріалы, 29—30.

берніи, сообщилъ, что съ 5 мая по 10 іюня крестьянъ въ волненіи было 11,000 душъ.

По его мнѣнію общей причиной волненій было то, что «сіи несмысленные люди впали въ заблужденіе по посторонннмъ внушеніямъ, жалуясь при томъ на излишнія и отяготительныя работы и утѣсненія вотчинныхъ управителей».

О ролп духовенства онъ говоритъ: «приходскіе поны тутъ же вмѣшались въ возмущеніе крестьянъ. О сихъ послѣднихъ я писалъ къ епархіальному архіерею и предалъ ихъ на его судъ и опредѣленіе» [1]).

---

[1]) *Государств. Архивъ.* VII разрядъ № 2985, ч. I, № 14.

15. Бѣлорусская губернія.

Движеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ Бѣлорусской губерніи, начавшееся еще въ концѣ 1796 г., въ половинѣ января слѣдующаго года вспыхнуло одновременно во многихъ мѣстахъ съ такой силой, что цѣлые уѣзды сплошь были въ полномъ возстаніи и пришлось въ очень частыхъ случаяхъ прибѣгать къ помощи войскъ.

Первое волненіе поднялось въ имѣніи полковника Лазаря Текелли, въ деревнѣ Прибытки, Суражскаго уѣзда, которую онъ получилъ по наслѣдству отъ брата Петра Текелли.

13 янв. 1797 г. крестьяне, которыхъ у него было 663 д., объявили помѣщику, что они повиноваться ему не будутъ, а хотятъ записаться въ казенные крестьяне, такъ какъ достались они брату его за службу. Волненіе крестьянъ вскорѣ приняло такой характеръ, что помѣщикъ принужденъ былъ до успокоенія крестьянъ уѣхать въ сосѣднее чужое имѣніе. Полоцкое намѣстническое правленіе предписало немедленно Суражскому нижнему земскому суду отправиться къ Текелли и привести его крестьянъ въ повиновеніе помѣщику.

А между тѣмъ изъ сосѣдняго Городецкаго уѣзда отъ исправника Любощинскаго получено было извѣстіе, что тамъ въ вотчинѣ помѣщика Петра Древича, Загоряны, изъ крестьянъ его, которыхъ было 648 душъ, человѣкъ 50 съ дубьемъ въ рукахъ явились къ помѣщику въ домъ и стали ругать «немилосердно» какъ самого помѣщика, такъ и управляющаго, угрожая, что если кто либо изъ нихъ вздумаетъ теперь вмѣшиваться въ хозяйство, отдавая тѣ или другія распоряженія, они того убьютъ, такъ какъ теперь они имѣютъ другого помѣщика. И сюда намѣстническое правленіе командировало членовъ Городецкаго нижняго земскаго суда для усмиренія крестьянъ.

Въ то же время началось волненіе въ сосѣднемъ имѣніи гр. Соллогуба, гдѣ крестьянъ было до 10000 душъ, по тревожныя вѣсти продолжали приходить въ правленіе и изъ другихъ уѣздовъ.

Такъ, напр., изъ Невельскаго уѣзда мѣстный исправникъ прислалъ донесеніе, въ которомъ сообщалъ о вышедшихъ изъ повиновенія крестьянахъ помѣщика Панкратьева, находившихся подъ управленіемъ маіора Ершова, въ количествѣ 103 душъ.

Такъ какъ крестьяне отказались платить слѣдуемый съ нихъ оброкъ, ссылаясь на какой то указъ, читанный въ городѣ Невелѣ, то маіоръ Ершовъ приказалъ всѣмъ крестьянамъ Панкратьева собраться 18 января въ дер. Носково. Сюда же прибылъ и Ершовъ съ приходскимъ священникомъ. На вопросъ Ершова, почему они не хотятъ платить оброкъ, крестьяне отвѣчали, что въ Невелѣ читанъ былъ указъ, которымъ «велѣно приносить жалобу на отягощеніе своего помѣщика». Тогда Ершовъ попросилъ священника прочитать этотъ указъ, но это на крестьянъ не подѣйствовало, такъ какъ они объявили затѣмъ, что платить имъ нечѣмъ; маіоръ Ершовъ, «вышедъ изъ терпѣнія», одного изъ крестьянъ ударилъ, на что остальные крестьяне закричали: «всѣхъ не перебьешь»! Заключая изъ этого «отзыва», что среди крестьянъ существуетъ «заговоръ къ бунту», маіоръ уѣхалъ и обратился къ правленію, прося дать средства усмирить крестьянъ.

Въ тотъ же день было получено извѣстіе отъ помѣщицы Дурново, что крестьяне ея (81 д.) «всѣ безъ остатку взбунтовались» и что она проситъ ихъ усмирить. Въ Невельскомъ нижнемъ земскомъ судѣ, такъ какъ большинство его членовъ было разослано правленіемъ въ разныя мѣста для усмиренія крестьянъ, оставались только сельскій засѣдатель Корейва и секретарь суда Куксинскій, которымъ и было предписано отправиться въ вотчину Дурново, взявъ съ собою у городничаго двухъ солдатъ и экземпляръ печатнаго указа 12 декабря 1796 г.

Когда явились Корейва и Куксинскій къ Дурново, то узнали отъ нея, что ея крестьяне именно теперь всѣ собрались вмѣстѣ въ ея же деревнѣ Лахново на какое то совѣщаніе.

Едва только засѣдатель и секретарь пріѣхали въ ту деревню, какъ были окружены толпой крестьянъ съ дубинами въ рукахъ, которые кричали: «бей до смерти»! Секретарь началъ было говорить имъ, что они пріѣхали отъ суда прочитать царскій указъ, но крестьяне, не слушая его, продолжали кричать: «вонъ пойдите всѣ изъ деревни»! и набросившись на всѣхъ пріѣхавшихъ, стали бить «безъ пощады, отъ коихъ побоевъ у всѣхъ находятся багровые съ опухолью знаки». Отъ дальнѣйшихъ побоевъ, а можетъ быть и смерти они спаслись бѣгствомъ. Сверхъ этого у солдатъ отнято было 2 ружья, одинъ тесакъ, 2 штыка и сума съ патронами.

Кромѣ извѣстій объ этихъ безпорядкахъ, правленіе получило еще извѣстіе о безпорядкахъ у другихъ помѣщиковъ, крестьяне которыхъ, оставивъ дома свои, «бродятъ по городу и уѣзду для сысканія писцовъ къ написанію имъ прошеній къ Его Императорскому Величеству на своихъ помѣщиковъ».

Изъ Невельскаго же уѣзда помѣщикомъ Федоромъ Патеромъ была прислана просьба въ правленіе усмирить его крестьянъ (150 д.), которые 22 января утромъ ворвались къ нему въ домъ и «съ азартомъ» стали кричать ему, что если онъ хотя къ одному изъ нихъ прикоснется, то они убьютъ его. Затѣмъ разграбили его движимость, серебро, мебель, платье, лошадей, скотъ и т. п. Вышли изъ повиновенія и крестьяне помѣщика Шильдера, отказавшись исполнять приказанія своего управляющаго и пославъ двухъ изъ своихъ съ прошеніемъ въ Петербургъ.

Между тѣмъ исправникъ, отправившійся къ Дурново для усмиренія крестьянъ, не нашелъ тамъ никого, такъ какъ часть ушла въ Петербургъ, а другая въ Полоцкъ жаловаться на помѣщицу. Сообщая объ этомъ, исправникъ просилъ назначить ему въ помощь военную команду, тѣмъ болѣе, что и у многихъ другихъ помѣщиковъ въ уѣздѣ крестьяне вышли изъ повиновенія.

Правленіе командировало Полоцкой губернской роты командира маіора Риттера, которому было предписано вмѣстѣ съ исправникомъ, отправившись въ мѣста возмущенія, стараться привести крестьянъ въ послушаніе и арестовать главныхъ

«зачинщиковъ», отнюдь никого не наказывая и не огорчая, «ибо онъ, маіоръ Риттеръ, посланъ не для употребленія строгости, но для усмиренія едиными словами».

Въ то же время началось волненіе среди крестьянъ (121 д.) помѣщика Николая Патера, которые такъ же, какъ и у брата его, Федора Патера, пришли къ своему помѣщику и, разграбивъ всю его движимость, самого помѣщика выгнали изъ дома, продержавъ предварительно его трое сутокъ подъ карауломъ. Такимъ же образомъ поступили крестьяне и другого сосѣдняго помѣщика, Сысоева, разграбивъ господское добро и заключивъ подъ стражу приказчика.

Маіоръ Риттеръ, отправившись въ вотчины помѣщиковъ Патеровъ, гдѣ уже былъ исправникъ, по дорогѣ заѣхалъ въ вотчину Михайловскаго, гдѣ крестьяне (267 д.) тоже вышли изъ повиновенія. Собравъ крестьянъ, Риттеръ сталъ имъ доказывать всю незаконность ихъ поведенія, но крестьяне рѣшительно объявили ему: «у насъ посланъ въ Петербургъ, то до возврату его еще будемъ помѣщика слушать, однако дровъ на винокуреніе, ни въ городъ ему возить не станемъ». Потерявъ надежду добиться большаго чего нибудь, Риттеръ продолжалъ путь къ Патерамъ. Здѣсь Риттеръ также старался подѣйствовать на крестьянъ силой убѣжденія, но результатовъ никакихъ не добился. Крестьяне на угрозы его отвѣчали: «ничего намъ не будетъ, ибо Государь дозволилъ просить на отяготительныхъ помѣщиковъ, да уже отъ насъ и посланъ съ прошеніемъ къ Государю»! Когда же Риттеръ спросилъ, кто это имъ наговорилъ, крестьяне отвѣтили: «міръ о томъ знаетъ и отвѣчать будетъ». Затѣмъ стали кричать ему, чтобы онъ убирался вонъ, угрожая ему въ противномъ случаѣ худыми послѣдствіями. Но Риттеръ, продолжая ихъ уговаривать, требовалъ у нихъ повиновенія помѣщику по крайней мѣрѣ до возвращенія посланнаго, но и на это крестьяне отвѣчали: «пускай помѣщикъ живетъ дома, мы будемъ служить ему по волѣ нашей, но повиноваться ему по прежнему ничуть не станемъ». Самого Риттера крестьяне называли самозванцемъ, самовольно къ нимъ пріѣхавшимъ, и требовали

у него указа, а когда Риттеръ въ опроверженіе ихъ словъ издали показывалъ указъ о своемъ назначеніи, они объявили указъ фальшивымъ. Послѣ этого вновь выбранный ими самими староста закричалъ «съ великимъ азартомъ: вонъ миръ»! и вдругъ всѣ стали расходиться, не отвѣчая даже на приказанія Риттера остаться еще.

Убѣдившись, что здѣсь ничего не подѣлаешь съ упорствомъ крестьянъ, съ ихъ убѣжденіемъ въ своей правотѣ, въ законности своего образа дѣйствій, Риттеръ и исправникъ отправились въ вотчину Сысоева. Но у крестьянъ Сысоева (288 д.) пріемъ ихъ ожидалъ еще худшій, чѣмъ у Патеровъ. Едва только они пріѣхали, какъ крестьяне, не давъ Риттеру и слова сказать, стали кричать одни: «убьемъ его до смерти»! другіе: «пѣтъ, вытащимъ за волосы»! Риттеръ, будто не слыша этихъ угрозъ, сталъ убѣждать крестьянъ прекратить волненіе, но въ это время староста закричалъ: «вонъ миръ! становитесь рядомъ»! Всѣ сейчасъ же вышли изъ комнатъ и остановились во дворѣ. Риттеръ вслѣдъ за ними вышелъ съ цѣлью продолжать свои увѣщанія, но крестьяне отвѣчали ему, что они повиноваться никому не будутъ до возвращенія ихъ посланныхъ къ государю.

Все принадлежавшее помѣщику крестьяне раздѣлили между собою: хлѣбъ, вино и т. п.; приказчика заключили подъ стражу. Съ большимъ трудомъ выпросивъ лошадей, Риттеръ и исправникъ выѣхали изъ вотчины Сысоева. Весь край былъ въ возстаніи, такъ что они не имѣли возможности послать въ въ Невель рапортъ, такъ какъ не могли найти подходящаго нарочнаго да и опасно было, что рапортъ отобьютъ. А тѣмъ временемъ, пока это происходило, въ намѣстническомъ правленіи все накоплялись донесенія о новыхъ волненіяхъ крестьянъ.

Объ этомъ доносили: помѣщикъ Петръ Бобятинскій (85 д.), управитель маіора Швейковскаго (234 д.), шляхтичъ Михаилъ Селецкій, Андрей (74 д.) и Петръ (58 д.) Истомины, «да и много еще слышно, сообщалъ Невельскій исправникъ, что сговариваются къ подобному возмущенію, и безъ сомнѣнія заключить можно, что если не пресѣчется посредствомъ воин-

скихъ командъ волнующійся повсюду народъ, то и во всемъ уѣздѣ послѣдуетъ подобное».

Полоцкое намѣстническое правленіе пригласило въ свое присутствіе главные чины палатъ—уголовной, гражданской и казенной и совмѣстно съ ними выработало подробную программу дѣйствій для подавленія этого движенія; было постановлено:

1. Послать къ помощнику коменданта приказъ командировать изъ здѣшняго гарнизоннаго полка 100 чел. рядовыхъ съ «расторонными» офицерами въ Невельскій уѣздъ, гдѣ исправникъ расположитъ команду въ бунтующихъ селеніяхъ.

2. Со стороны правленія въ Невельскомъ уѣздѣ находиться для уговариванья крестьянъ маіору Риттеру.

3. Послѣдній долженъ читать слѣдующій указъ правленія: «Намѣстническое правленіе, имѣющее попеченіе о сохраненіи въ губерніи тишины и спокойствія, съ прискорбіемъ извѣстясь, что въ семъ уѣздѣ нѣкоторыхъ помѣщиковъ по наученію видно такихъ людей, кои не думаютъ объ общемъ добрѣ, но о своей только корысти, возмущены крестьяне противъ своихъ помѣщиковъ нѣкакимъ вымышленнымъ отъ злодѣя толкомъ указа, къ успокоенію возмущенныхъ душъ отправя нарочнаго въ Невельскій уѣздъ господина маіора Риттера, не успѣло въ своемъ намѣреніи и потому принуждено расположить по квартирамъ воинскую команду, требуя и пріумноженія оной въ случаѣ нужды. Но какъ подданные Всемилостивѣйшаго нашего Императора Павла Петровича, Самодержца Всероссійскаго, обязаны повиноваться священной его волѣ, которая въ томъ состоитъ, чтобы всякій былъ въ томъ состояніи, въ какое опредѣлило его Божеское Провидѣніе, помѣщикъ есть та особа, котораго Монархъ пожаловалъ своей милостью, и крестьянинъ обязанъ ему повиновеніемъ. И такъ, намѣстническое правленіе, посылая людей къ успокоенію ослушныхъ крестьянъ, симъ указомъ, писаннымъ подъ именемъ Всемилостивѣйшаго Императора съ печатью намѣстническаго правленія на черномъ сюргучѣ по продолжающемуся трауру, уговариваетъ ихъ, усовѣщеваетъ, Императорскимъ Именемъ приказываетъ успокоиться, быть по-

слушными и подданными своимъ помѣщикамъ и добрыми земледѣльцами; въ противномъ случаѣ наведутъ они на себя гнѣвъ Всемилостивѣйшаго Государя. Покорная голова не подвержена наказанію. Успокойтесь и будьте послушны законамъ Государевымъ».

4-й пунктъ особенно интересенъ, такъ какъ можетъ отчасти служить объясненіемъ недовѣрія крестьянъ къ представителямъ власти.

4. «Означенному маіору и воинской командѣ, поступая съ благоразумной тихостью, успокаивая подольщенную чернь, стараться скрытымъ образомъ узнать о зачинщикахъ и, при удобномъ случаѣ безъ шуму забирая ихъ, отсылать подъ караулъ въ Уѣздные Суды для сужденія по законамъ».

5. Располагаться такъ, какъ если бы вблизи находился непріятель.

6. Командѣ вести себя тихо, никого напрасно не обижая.

7. Просить Псковскаго и Смоленскаго военнаго губернатора Философова подать помощь «по сему крайнему и необходимому обстоятельству» откомандированіемъ по одному эскадрону изъ полковъ, расположенныхъ въ Великолуцкомъ и Порецкомъ уѣздахъ, въ сосѣдніе—Бѣлорусскій, Себежскій, Невельскій и Суражскій уѣзды.

8. Присылать какъ можно чаще рапорты о происходящемъ.

9. «Въ сихъ рапортахъ писать самое дѣло, не стараясь объ украшеніи слога».

10. Исправники должны объявить священникамъ, чтобы каждый изъ нихъ старался отговаривать своихъ прихожанъ отъ всякихъ волненій.

11. Въ Невельскій уѣздъ къ отряду въ 100 чел. пѣхоты присоединить конныхъ 10 чел.

Пока составлялась эта программа, пока приводилась въ исполненіе, движеніе, разростаясь, охватывало все новые и новые раіоны. 2 февраля отъ графини Сиверсовой изъ Суражскаго уѣзда, гдѣ у нея была вотчина Вышедки, была получена жалоба на отказъ крестьянъ отъ повиновенія, а когда къ нимъ явился

исправникъ и потребовалъ ихъ къ себѣ для увѣщеванія, то никто не пришелъ, а только заявили, что управителя лишатъ жизни. Того же числа повѣренный «генералъ-аншефши, баронши Миллерши-Закомельской», маіоръ Каленіусъ заявилъ, что крестьяне (1834 д. Велижскаго уѣзда) возмутились «съ непослушаніемъ и нетерпѣніемъ къ смертоубійству его, Каленіуса», при чемъ крестьяне говорили: «мы вольные».

Прибывши туда, исправникъ и военная команда во главѣ съ полковникомъ нашли толпу крестьянъ человѣкъ въ 600. Возбужденіе толпы было очень сильное: крестьяне поносили ругательствами свою помѣщицу, управителя и полковника. Больше всѣхъ возбуждалъ крестьянъ къ неповиновенію Велижскій мѣщанинъ, Максимъ Турикъ, съ своимъ отцомъ Гавріиломъ Турикомъ и канцеляристомъ Ласкитъ, внушавшій крестьянамъ, что именной указъ (29 января) о прекращеніи крестьянскаго бунта и указъ о наказаніи подпоручика Федосѣева, [1]) фальшивы и выдуманы полковникомъ, а указъ есть о вольности крестьянъ. Часть крестьянъ была наказана на мѣстѣ, 7 чел. арестованы и отправлены къ суду.

Тамъ же, въ вотчинѣ графа А. А. Безбородко, началось волненіе крестьянъ, при чемъ толпа крестьянъ болѣе, чѣмъ въ 300 человѣкъ, пройдя на господскій дворъ, остановила винокуреніе, а отъ управляющаго, приставя къ нему караулъ въ 15 человѣкъ, потребовала тѣхъ денегъ, что онъ получилъ съ нихъ въ видѣ оброка.

Въ Невельскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ капитанъ-поручика Наплавкова, 200 человѣкъ крестьянъ, напавъ на его домъ, начали кричать: «наша тецерь воля по той причинѣ, что священникъ прихода Долгова читалъ имянной указъ о вольности нашей». А священникъ Великолуцкаго уѣзда, погоста Оконъ, доносилъ исправникъ, разглашалъ: «государя не имѣемъ, а этотъ государь не государь, потому что не короновался»[2]). Губернскій прокуроръ Любощинскій писалъ о крестьянскихъ волненіяхъ:

[1]) См. IV главу.

[2]) Ср. П. С. З. XXIV, 17958.

«Сія злоумышленность разошлась по всѣмъ бунтовщикамъ, такъ что возмущеніе сильно часъ отъ часу умножается».

И дѣйствительно, къ извѣстнымъ уже намъ прибавились волненія въ вотчинахъ Ѳеклы Даревской, Розаліи Блюмберговой, Людвига Зброжки, генералъ-поручика Михельсона, Лускиной, Собакина, Лосовскаго, Язьпеньскаго, Ходасевича, Ивана Хрѣновскаго, пановъ Сокольниковскихъ, Леонтьевой, Родиной и Башша; Велижскаго уѣзда—Апухтина, Нѣмчинова и Погоскаго; Себежскаго уѣзда—генерала Германа (421 д.), генер. Нащокина (729 д.), кн. Кантакузена (1084 д).

Но эти волненія, несмотря на свою многочисленность, были скоро усмирены, и 27 февраля 1797 года губернскій прокуроръ Любощинскій донесъ кн. Куракину, что въ Бѣлорусской губ. все спокойно и новыхъ волненій не возникаетъ [1]).

Наиболѣе типичнымъ волненіемъ крестьянъ въ Бѣлорусской губ. является волненіе крестьянъ помѣщика Рысинскаго (1056 д.) въ Себежскомъ уѣздѣ въ вотчинѣ Рыково, находившейся вслѣдствіе залога въ банкѣ въ опекунскомъ управленіи Ульяновскаго.

Возбужденіе крестьянъ было такъ велико, что небольшую команду выгнали, офицера и опекуна Ульянцкаго связали, били, отняли собранный съ нихъ оброкъ и хотѣли даже отправить въ Петербургъ, такъ были увѣрены въ уничтоженіи своей зависимости отъ помѣщиковъ. Намѣстническимъ правленіемъ былъ отправленъ для усмиренія уѣздный стряпчій Некрасовъ и послано было предписаніе явиться туда же части Динабургскаго пѣхотнаго полка. Между тѣмъ волненіе распространилось и на сосѣднюю вотчину помѣщика Корсака, Войлино, крестьяне котораго, 1019 душъ, объявивъ управляющему, что никакимъ приказаніямъ повиноваться не будутъ, отобрали у него ключи отъ амбаровъ и стали сами въ вотчинѣ хозяйничать. Они соединились съ Рыковскими крестьянами и, чтобы сильнѣе закрѣпить союзъ, принесли общую присягу въ томъ, что вмѣстѣ будутъ отражать воинскія команды: они считали себя вольными.

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, №2 918, № 14. *Сенатскій Архивъ* 1-й Департаментъ, № 130.

Некрасовъ, явившись въ Рыково, черезъ войта объявилъ крестьянамъ, чтобы они на слѣдующій день явились къ нему для выслушанія указа. Утромъ собрались крестьяне въ количествѣ до 400 чел. Прежде чѣмъ начать чтеніе указа, Некрасовъ спросилъ ихъ о вѣрности государю и, получивъ утвердительный отвѣтъ «отъ всѣхъ единогласно», приступилъ къ чтенію указа 29 января 1797 г.

Несмотря на двукратное чтеніе этого указа, Некрасовъ «ничего въ умахъ ихъ полезнаго поселить не возмогъ». Въ переговорахъ съ крестьянами онъ узналъ только причину ихъ нежеланія признавать надъ собою власть помѣщика. Именно, причиной этого нежеланія, по словамъ самихъ крестьянъ, было то, что «приводимы они были къ одной присягѣ въ вѣрности и подданствѣ къ Его Императорскому Величеству равно, какъ и паны, т. е. господа ихъ, а потому и считаютъ себя на равнѣ съ ними вольными и кромѣ Государя ни отъ кого независящими». При этомъ крестьяне ссылались на то, что «и при занятіи сего края къ таковой присягѣ не приводимы были, а потому и считали себя панамъ своимъ крѣпостными, а по учиненной оной (присягѣ) теперь вольными, а дабы яснѣе въ томъ увѣриться, то послали отъ себя съ прошеніями къ Его Императорскому Величеству жалобы на своихъ помѣщиковъ съ нарочными ходаками, до возвращенія которыхъ не приступятъ они ни къ какому повиновенію и послушанію, считая всѣ насылаемые указы, противъ ихъ публикуемые, ложными, яко по просьбѣ ихъ помѣщиковъ въ Полоцкѣ подаваемые, а не отъ самого Государя выходящіе; уповаютъ съ ходаками получить милости». Въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней Некрасовъ собралъ еще 3 сходки, на которыхъ толковалъ крестьянамъ указъ, и собиралъ бы ихъ еще, но крестьяне, пишетъ въ рапортѣ Некрасовъ, «наконецъ наскучивъ моими увѣщеваніями, противными ихъ уму и волѣ, болѣе приходить не стали». Между тѣмъ Некрасовъ услышалъ, что въ сосѣдней вотчины Войлино крестьяне грабятъ господское добро. Бросившись туда, на господскомъ дворѣ онъ дѣйствительно засталъ толпу крестьянъ чел. въ 500, вооруженныхъ дубинами, которые требовали

отъ управляющаго возвращенія оброчныхъ денегъ. Некрасовъ сталъ указывать крестьянамъ на незаконность ихъ образа дѣйствій, «ибо симъ они явно нарушаютъ вѣрность ихъ присяги, Всемилостивѣйшему Государю Нашему учиненной, которую они недавно торжественно признавали». Едва удалось удержать крестьянъ отъ грабежа, доносилъ Некрасовъ.

А тѣмъ временемъ, пока онъ читалъ крестьянамъ одинъ и тотъ же манифестъ, явилось 100 чел. солдатъ Динабургскаго полка съ маіоромъ Гельдгепомъ во главѣ, и Некрасовъ, уже опираясь на вооруженную силу, снова сталъ читать этотъ манифестъ. Крестьяне молчали. Когда же онъ потребовалъ отъ нихъ выдачи «начинщиковъ», то всѣ закричали, что они всѣ начинщики, что они знаютъ, что всѣ крестьяне теперь только государевы, которому и присягали, и что до возвращенія своихъ ходоковъ работать на помѣщиковъ не будутъ, что команда подкуплена господиномъ ихъ Рысинскимъ и что они ея не боятся. Дѣло было пока оставлено, а въ это время явились еще 3 эскадрона гусаръ, и съ ихъ помощью виновные были тутъ же наказаны и приведены въ повиновеніе помѣщику. То же самое было и въ вотчинѣ Войлино [1]).

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. I, № 19.

16. Тверская губернія.

Крестьянское движеніе въ Тверской губерніи, уступая въ интенсивности движенію въ другихъ губерніяхъ, отличается обширностью района, имъ захваченнаго.

Какъ доносилъ Тверской губернаторъ Поликарповъ, «здѣшней губерніи многихъ уѣздовъ помѣщичьи крестьяне отъ ложныхъ между собою разглашеній выходятъ изъ повиновенія господамъ и даже повсемѣстно толкуютъ, что Государь Императоръ приказываетъ имъ быть казенными, и кто де успѣетъ попросить, тотъ будетъ вольный». Вслѣдствіе такихъ слуховъ крестьяне наперерывъ другъ передъ другомъ отправляли выборныхъ своихъ въ Петербургъ для подачи жалобъ государю на своихъ помѣщиковъ. На попытки же со стороны помѣщиковъ и полиціи заставить ихъ признавать надъ собою власть помѣщиковъ, они не только никакихъ «вразумленій не пріемлютъ, но и оказываютъ грубости». Губернаторъ, не видя возможности справиться своими силами, «безъ довольной команды», съ этимъ движеніемъ, все разроставшимся, при чемъ въ иныхъ мѣстахъ число волновавшихся доходило до нѣсколькихъ тысячъ, просилъ кн. Куракина предоставить въ его распоряженіе такую команду.

Волненія дѣйствительно распространились во многихъ уѣздахъ: въ Калязинскомъ уѣздѣ—въ вотчинахъ секундъ-маіора Петра Буховецкаго, помѣщика Сергѣя Ромашева, помѣщиковъ братьевъ Змѣевыхъ, въ Бѣжецкомъ — кол. асс. Алексѣя Дивова, контролера Прохора Лѣпнягова, помѣщика Андрея Мышенкова, генералъ-маіора Петра Демыщева, помѣщика Савелова, кн. Козловскаго, бригадирши Дубининой и стат. сов. Олсуфьева; въ Краснохолмскомъ — секундъ-маіоровъ Николая, Ивана, Дмитрія и флота капитанъ-лейтенанта Сергѣя Зыбиныхъ, графа Д. А. Зубова и помѣ-

щика Окупева; въ Тверскомъ—маіора Самарина, помѣщицы Телепневой, помѣщицы Козицкой; въ Старицкомъ—надв. сов. Головина, корнета Поликарпова, артиллеріи маіора Лѣтина, подпоручика Петра Тыртова, князей Мещерскихъ, гвардіи прапорщика Николая Изведенова, помѣщицы Елены Давыдовой, кол. сов. Казнакова и бригадира Нѣмцова; въ Новоторжскомъ—маіора Сергѣя Тыртова, доктора Рындова, помѣщицы дѣвицы Власовой, прапорщицы Жеребцовой, помѣщицы Мусиной-Пушкиной и маіорши Кочуковой; въ Корчевскомъ—генералъ-маіора Жеребцова, помѣщика Павлова, помѣщицы Ехемзиной, помѣщиковъ Татаринова и Калымова; въ Зубцовскомъ—бригадира Федора Нѣмцова; въ Ржевскомъ—надв. сов. Чашникова; въ Осташковскомъ—подпоручика Ляхова. Въ этотъ перечень не вошли еще многочисленные случаи сравнительно небольшихъ по количеству возставшихъ волненій, которыя мѣстной администраціи удалось подавить своими силами. Въ виду всего этого не будетъ преувеличеніемъ сказать, что вся Тверская губернія была охвачена одновременно въ январѣ 1797 года крестьянскимъ движеніемъ. Но какъ быстро вспыхнуло это возстаніе, также быстро оно и потухло. 24 февраля 1797 г. губернаторъ доносилъ кн. Куракину, что «въ Тверской губерніи бунтующихся крестьянъ нѣтъ болѣе» [1]).

Для характеристики положенія крестьянъ въ Тверской губерніи въ царствованіе Императора Павла приведемъ нѣсколько любопытныхъ прошеній крестьянъ государю. Крестьяне Старицкаго уѣзда сельца Бродово, принадлежавшіе отставному бригадиру Федору Глѣбовичу Нѣмцову, жаловались въ своемъ прошеніи государю на своего помѣщика. Пока, пишутъ крестьяне, ихъ помѣщикъ жилъ въ Иркутскѣ, гдѣ былъ губернаторомъ, вдали отъ нихъ, они чувствовали себя спокойно, такъ какъ исправно вносили положенный съ нихъ оброкъ и исполняли необходимыя господскія работы. Но съ того времени, какъ Нѣмцовъ оставилъ службу и поселился въ Бродово, ихъ жизнь стала невыносимой.

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 13.

«Онъ впалъ въ неистовство и ведетъ жизнь свою безпутно». Жена не была въ состояніи выносить «таковые неистовые его поступки и зловредныя дѣянія» и уѣхала отъ него въ свои вотчины. Всѣхъ крестьянъ у него по нынѣшней 5 ревизіи 400 д., на всѣхъ, не исключая старыхъ и малыхъ, палагаются «необычайные» оброки: тѣ, кто на тяглѣ, платятъ по 10 р. оброка, но кромѣ того исполняютъ всякія безпрерывныя господскія работы. Кто же не хочетъ ходить на господскія работы, тотъ долженъ платить по 50 руб. оброка, а съ иныхъ беретъ до 200 руб. и болѣе. Если отказываются платить, подвергаются истязаніямъ: Нѣмцовъ брѣетъ бороды, головы, наказываетъ плетьми «нещадно». Но неволѣ, чтобы не испытывать такого позора и мученій, если требуемыхъ денегъ нѣтъ, занимаютъ у сосѣдей, и тѣмъ хозяйство людей зажиточныхъ все болѣе разоряется, и многіе уже впали въ нищету. А между тѣмъ Нѣмцовъ человѣкъ богатый: съ мѣста своего служенія онъ вывезъ 10 пуд. серебренной руды, которую и хранитъ въ своемъ имѣніи. «Повелите, Всемилостивѣйшій Государь, означенному господину нашему, Федору Глѣбовичу Нѣмцову, съ насъ оброкъ править сравненный противъ прочихъ владѣльцевъ, а требуемый имъ нынѣ ему воспретить» [1]).

А вотъ жалоба крестьянъ Мусиной-Пушкиной Новоторжскаго уѣзда сельца Калиново на свою помѣщицу, поданная государю. Подъ управленіемъ мужа нынѣшней ихъ госпожи они благоденствовали, сообщаютъ крестьяне въ своемъ прошеніи, но когда послѣ него взяла управленіе крестьянами въ свои руки его жена, крестьяне пришли въ полное розореніе. Кромѣ оброка въ 7 рублей помѣщица потребовала, чтобы крестьяне 3 раза въ недѣлю ходили на ея работу, если же бывало этого мало, она держитъ ихъ и всю недѣлю, не заботясь о томъ, что у крестьянъ самихъ хлѣбъ осыпается или гніетъ.

Сверхъ всего этого каждые мужъ и жена должны представить по лучшему барану, по двѣ курицы, по 40 яицъ и по одной индѣйкѣ, при чемъ послѣднюю должны откармливать

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. I, № 32.

своимъ же хлѣбомъ, а если она пропадетъ, то взыскивается 1 рубль. По праздникамъ заставляетъ пилить лѣсъ, каждый долженъ напилить 30 тесницъ; крестьяне должны производить винокуреніе, и каждый обязанъ представить ей 1/2 в. вина; если она выдастъ 3 мѣры хлѣба, то долженъ каждый доставить ей ведро вина, а если вино будетъ ею признано плохимъ, то взымаетъ вмѣсто вина по 6 р. за ведро. На крестьянъ же возложена обязанность платить за дворовыхъ рекрутскія и подушныя деньги, а также за исправленіе каретныхъ колесъ, телѣгъ, даже за деготь. Женщины обязаны представить по 10 арш. сукна, если же оно будетъ плохого качества, то деньгами взыскивается по 1 р. 50 к. Когда для помѣщицы нужны рабочіе въ другія вотчины, она посылаетъ туда крестьянъ и держитъ ихъ тамъ до 10 недѣль и болѣе.

Свое прошеніе крестьяне заканчиваютъ такъ: «Великій Монархъ! мы не преслушники закона и законной власти, но Всемонаршимъ Вашего Императорскаго Величества словомъ повелите либо съ нами поступать вышеупомянутой владѣлицѣ соразмѣрно силамъ нашимъ, либо взять подъ Свое покровительство; ибо мы не есть первые, которые, ревнуя справедливости закона и обрадованные восшествіемъ на Всероссійскій престолъ столь давно ожидаемаго нами Императора, осмѣлились утруждать, но изъ числа, какъ уповаемъ, послѣднѣйшихъ! Истинный Отецъ отечества! мы не есть противники законамъ Вашего Императорскаго Величества, но единственно просимъ, что возможно созразмѣрно силамъ нашимъ по волѣ Вашей» [1]).

Такія же жалобы на экономическое угнетеніе и истязанія проходятъ и въ другихъ прошеніяхъ крестьянъ государю на своихъ помѣщиковъ. Эти жалобы, всѣ доложенныя государю, какъ это было и во всѣхъ другихъ случаяхъ, никогда не оставались безъ послѣдствій: всегда на нихъ слѣдовали резолюціи Императора Павла, по которымъ разслѣдованіе спра-

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. I, № 32.

ведливости жалобъ поручалось губернаторамъ тѣхъ губерній, откуда были жалобщики.

Напр., жаловались крестьяне Поздѣева Тверской же губерніи на отнятіе у нихъ всей земли, на изпуреніе на работахъ, неумѣренные поборы и несносные побои. На докладъ объ этомъ Императоръ Павелъ положилъ слѣдующую резолюцію: «изслѣдовать сіе дѣло черезъ губернатора, предписавъ ему имѣть надлежащую въ производствѣ того осторожность» [1]).

Или, напр., крестьяне дѣвицъ Власовыхъ жаловались на отягощеніе работами и налогами, на продажу изъ вотчины ихъ за дворцовыхъ и экономическихъ крестьянъ въ рекруты.

На это прошеніе послѣдовала резолюція:

«Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ отправить просителя къ гражданскому губернатору для изслѣдованія точнымъ образомъ относительно ихъ помѣщицъ и поступить по законамъ въ случаѣ лжи. Куракинъ. Іюня 28 дня 1797 г.» [2]).

---

[1]) Ibid. № 2985, ч. I, № 15.
[2]) Ibid. № 2985, ч. I, № 15.

17. Нижегородская губернія.

Крестьянскія волненія въ Нижегородской губерніи начались въ Балахнинскомъ уѣздѣ въ вотчинѣ кн. Д. Е. Цицianова и жены его, въ с. Катункахъ съ деревнями. Въ началѣ февраля крестьяне объявили управляющему, что они повиноваться болѣе ему не будутъ и оброкъ платить отказываются, такъ какъ они послали просьбу государю объ освобожденіи ихъ отъ помѣщичьей власти.

Увѣщанія земскаго исправника и чтеніе имъ крестьянамъ манифеста 29 января не оказали на послѣднихъ никакого дѣйствія: «духъ общаго неповиновенія имъ, исправникомъ, между ними былъ весьма замѣченъ». Губернаторъ послалъ для приведенія крестьянъ въ должное повиновеніе совѣтника губернскаго правленія Ребиндера съ соотвѣтствующей инструкціей и двумя ротами солдатъ. Ребиндеръ созвалъ въ Катункахъ сходъ, на которомъ крестьяне послѣ долгихъ убѣжденій Ребиндера, подкрѣпленныхъ видомъ солдатъ, согласились повиноваться помѣщику и дать въ томъ подписку. При этомъ было арестовано 4 чел. зачинщиковъ. Но эта была только половина дѣла. Предстояло къ тому же склонить и остальныхъ крестьянъ кн. Цицianова, жившихъ въ сосѣднихъ деревняхъ. Эти крестьяне на сходѣ, собранномъ Ребиндеромъ на слѣдующій день и состоявшемъ болѣе, чѣмъ изъ 500 «самыхъ лучшихъ» крестьянъ, оказались менѣе сговорчивыми, чѣмъ крестьяне с. Катунки. Они объявили Ребиндеру, что оброка платить не будутъ и требуемой имъ подписки въ послушаніи не дадутъ «до воспослѣдованія на посланную отъ нихъ къ Его Императорскому Величеству просьбу Высочайшаго рѣшенія, дѣлая при томъ и разныя неистовства». Нижегородскій губернаторъ А. Львовъ рѣшилъ самъ ѣхать въ Катунки, гдѣ передъ собранными крестьянами наказалъ 4-хъ изъ нихъ, выступившихъ изъ толпы и жаловавшихся на тяжелый

оброкъ, а 8 чел., указанныхъ Ребиндеромъ, какъ зачинщиковъ, приказалъ арестовать и отправить въ судъ. Остальные крестьяне изъявили полное раскаяніе и дали подписку въ повиновеніи.

Почти одновременно обнаружились волненія крестьянъ въ Ардатовскомъ уѣздѣ у ген.-поручика кн. И. И. Одоевскаго; здѣсь былъ преданъ суду одинъ человѣкъ; крестьяне были усмирены безъ помощи военной силы. [1])

Въ Сергачскомъ уѣздѣ, въ селѣ Кошкаревѣ, въ вотчинѣ кн. Б. П. Козловскаго крестьяне вышли изъ повиновенія своему владѣльцу и послали государю жалобу на помѣщика. Въ ней крестьяне жалуются на свою крайнюю бѣдность, до которой доведены господскими поборами и работой. 60 человѣкъ изъ нихъ, пишутъ крестьяне, вслѣдствіе бѣдности пошли по міру и не возвратились. Отъ оставшихся помѣщикъ требуетъ такъ много работы, что они не имѣютъ для себя даже воскресныхъ и праздничныхъ дней. Работа, напр., заключается въ томъ, что за 15 верстъ всѣ и старые и малые выгоняются носить глину кузовами.

Поборы въ такомъ размѣрѣ взымаются: съ взрослыхъ по 4 четверика орѣховъ, съ малолѣтнихъ по 2 четвер., хмѣлю по 20 фунт., мяса свинаго по 20 фунт., по гусю, барану, по три курицы и по 40 яицъ и къ этому еще требуется масла коровьяго. Кромѣ того крестьяне обязаны ѣздить на винокуренный заводъ за 13 верстъ, при чемъ каждый долженъ въ день сдѣлать три такихъ поѣздки, кто же не успѣетъ, «немилосердно» наказывается. Безпрерывная работа на помѣщика такъ разорила крестьянъ, что большая часть ихъ не имѣетъ своего хозяйства, и ежедневно человѣкъ 50 отправляются за мірскимъ подаяніемъ. Кромѣ того помѣщикъ занимался продажей своихъ крестьянъ въ рекруты, такъ, въ 1795 году онъ продалъ 15 человѣкъ.

Эта жалоба крестьянъ, поданная въ апрѣлѣ 1797 года, вызвала со стороны генералъ-прокурора требованіе отъ губернатора разслѣдованія ея. 2 сентября того же года губернаторъ на основаніи слѣдствія, произведеннаго земскимъ комиссаромъ,

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 15.

отвѣтилъ, что крестьяне кн. Козловскаго работаютъ на господина своего въ недѣлю 3 дня безъ всякихъ побоевъ и увѣчій, а остальные дни на себя; правда, земли у нихъ недостаточно, такъ какъ на тягло приходится по 1 десятинѣ въ 3-хъ поляхъ. Мірскимъ подаяніемъ питаются не всѣ, а только 16 человѣкъ, одни по старости, другія по вдовству, такъ какъ они не имѣютъ земли, но за то не несутъ они ни оброка, ни господскихъ работъ. Относительно всѣхъ живущихъ подаяніемъ губернаторомъ было предписано нижнему земскому суду, чтобы имъ пропитаніе давала вотчина и не допускала до хожденія по міру. Этимъ донесеніе о волненіяхъ крестьянъ кн. Козловскаго и оканчивается.

Нельзя въ отвѣтѣ губернатора не замѣтить желанія иные пункты смягчить, другіе совсѣмъ оставить безъ отвѣта. Самый главный пунктъ обвиненія, поставленный крестьянами первымъ въ своемъ прошеніи, это вопросъ о числѣ дней работы на помѣщика. Прошеніе подавалось послѣ изданія закона о 3-хъ дневной работѣ. И крестьяне въ немъ жалуются на несоблюденіе этого закона ихъ помѣщикомъ: какъ была работа на помѣщика непрерывной, такою и осталась «А мы, жалуются крестьяне, на господской работѣ ни дня, ни ночи не имѣемъ, ни воскресныхъ дней, ни торжественныхъ Вашего Императорскаго Величества дней». На этотъ пунктъ прежде всего и губернаторъ отвѣчаетъ: «оные крестьяне работаютъ на господина своего въ недѣлю 3 дня, а прочіе на себя, но безъ всякихъ побоевъ и увѣчій», спѣшитъ увѣрить губернаторъ.

Трудно допустить, чтобы крестьяне такъ безъ мѣры лгали, да и вся послѣдующая картина ихъ житья, которую они такъ безхитростно рисуютъ, доказываетъ, что эти крестьяне дѣйствительно доведены работой и всякими поборами до крайности; но вотъ факты, которые и губернаторъ не могъ скрыть: земли на тягло у крестьянъ было только по 1 десятинѣ въ трехъ поляхъ, да и то не у всѣхъ: на такое количество земли и безъ поборовъ и оброка нельзя прожить; или что часть крестьянъ питалась мірскимъ подаяніемъ.

Наконецъ, на нѣкоторые пункты губернаторъ уклонился отъ отвѣта, напр., въ вопросѣ о поборахъ или о продажѣ

крестьянъ въ рекруты. А между тѣмъ для центральнаго правительства это былъ единственный путь провѣрки жалобъ крестьянъ. Жалоба крестьянъ кн. Козловскаго на основаніи этого донесенія губернатора оставлена безъ послѣдствій, а подавшій ее крестьянинъ Балалаевъ преданъ суду за «ложный» доносъ на своего помѣщика [1]).

Въ Лукояновскомъ уѣздѣ волненіе крестьянъ было въ маѣ 1797 г. въ селѣ Маресевѣ, принадлежавшемъ Воронцову.

Крестьяне, числомъ 390 душъ, отправивъ къ государю прошеніе, отказались повиноваться помѣщику. Убѣжденія исправника не могли поколебать ихъ рѣшенія. Тогда губернаторомъ былъ въ с. Маресево командированъ совѣтникъ Яковлевъ, а въ помощь ему была дана рота солдатъ. Яковлевъ «едиными кроткими увѣщаніями и внушеніемъ имъ долга въ должное послушаніе и повиновеніе помѣщику крестьянъ привелъ», 7 же человѣкъ изъ нихъ по указанію помѣщика были при всѣхъ наказаны батогами. Этимъ волненіе и закончилось, такъ какъ крестьяне выразили «чистосердечное раскаяніе».

Между тѣмъ прошеніе крестьянъ, въ которомъ они жаловались на «неспосный» оброкъ, поборы и разореніе, было доложено государю, и ген.-прокуроромъ было предписано Нижегородскому губернатору произвести разслѣдованіе по этому дѣлу. Послѣдній поручилъ мѣстному предводителю дворянства Зиновьеву «узнать безъ всякой огласки отъ самихъ крестьянъ того совѣтника Воронцова о ихъ теперешнемъ положеніи, господскихъ работахъ и другихъ повинностяхъ, заѣхавъ въ то селеніе подъ предлогомъ проѣзда въ другое мѣсто и не давая примѣтить имъ о причинѣ своего пріѣзда». Зиновьевъ такъ и поступилъ. «Въ показанномъ селѣ Маресевѣ, доноситъ онъ губернатору, подъ видомъ проѣзжаго я былъ и, остановясь случайно у крестьянина Матвѣя Макарова, ввелъ его непримѣтнымъ ему образомъ о работахъ и о протчихъ крестьянскихъ господину ихъ повинностяхъ въ матерію». Такимъ путемъ Зиновьевъ узналъ, что три года назадъ крестьяне, состоя на оброкѣ, имѣли въ своемъ

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. I, № 12.

распоряженіи всѣ земли и угодья с. Маресева. Пахотной земли на тягло они имѣли слишкомъ по 2 десятины въ каждомъ полѣ; съ луговъ сѣна на тягло доставалось отъ 50 до 60 возовъ, имѣли лѣсъ въ достаточномъ количествѣ, также рыбныя ловли и 2 мукомольныя мельницы на р. Рудиѣ. За все это крестьяне платили оброка по 30 р. съ тягла.

Но теперь помѣщикъ, имѣя въ виду, что крестьяне уплачивали ему оброкъ деньгами, которыя они получали съ излишка пахатной земли и луговъ, сдаваемыхъ ими въ аренду сосѣднимъ крестьянамъ, предложилъ имъ или оброкъ въ 50 р. или «состоять на пздѣльи». Крестьяне выбрали послѣднее, вслѣдствіе чего за исключеніемъ лѣса, который остался въ распоряженіи крестьянъ, земля и луга были раздѣлены пополамъ: одна половина обрабатывается на помѣщика, другая на себя. «Господская работа, кромѣ праздниковъ и воскресныхъ дней, на него, господина, хотя и ежедневно производится, но не всѣми вообще, а попеременно половиною опыхъ» (крестьянъ). Другихъ сборовъ никакихъ не бываетъ. «Познавъ изъ откровенности сей нужное къ существу дѣла (ему) препорученнаго», Зиновьевъ обратилъ вниманіе, «какъ на наружный домовой ихъ пристрой, такъ и на все протчее», и нашелъ, что дома у крестьянъ Воронцова порядочные, скота довольно, «всякая крестьянская исправа безнуждна», хлѣба на гумнахъ достаточно. «Сообразя же все, заканчиваетъ свое донесеніе Зиновьевъ, по самой сущей справедливости заключаю, что жалоба Его Императорскому Величеству, помянутаго села отъ крестьянина принесенная, дѣйствительно ложная».

На докладъ объ этомъ Императору Павлу послѣдовала резолюція: «Дѣло сіе оставить безъ дальнѣшаго производства. Декабря 19 дня 1797 года» [1]).

Въ Горбатовскомъ уѣздѣ обнаружилось волненіе среди крестьянъ с. Кубаева, принадлежавшихъ помѣщицѣ Дружининой. Форма волненія была обычная: отправивъ жалобу на помѣщицу государю съ односельчаниномъ своимъ Федоровымъ,

[1]) *Государств. Архивъ* VII рязрядъ, № 2918, № 15 и № 2985, ч. I, № 22—23.

крестьяне отказались повиноваться помѣщицѣ. Они жаловались на обремененіе постоянной господской работой и на тяжесть оброка, который они платили по 20 руб. съ вѣнца, и другихъ поборовъ.

Въ своемъ докладѣ объ этой жалобѣ государю генералъ-прокуроръ прибавляетъ: «при объявленіи же ему (повѣренному Федорову) Всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества указа отъ 5 апрѣля о дняхъ для крестьянскихъ работъ, отвѣтствовалъ онъ, будто оный не исполняется». На докладъ этотъ послѣдовала резолюція: «Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ дѣло сіе надлежащимъ порядкомъ изслѣдовать».

Порядокъ же изслѣдованія подобнаго рода дѣлъ заключался въ томъ, что генералъ-прокуроръ предписывалъ мѣстному губернатору произвести разслѣдованіе даннаго дѣла. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Нижегородскій губернаторъ поручилъ предводителю дворянства Горбатовскаго уѣзда справедливость жалобы крестьянъ Дружининой «узнать отъ самыхъ ея крестьянъ и отъ сосѣдей самыми скрытными и отъ всякихъ догадокъ удаленными способами». Какъ разслѣдовалъ это дѣло предводитель дворянства, мы не знаемъ, но донесъ онъ слѣдующее: онъ не могъ узнать точнаго количества крестьянской земли, но ему извѣстно, что на тягло у нихъ высѣвается по 6 осьминъ. Сѣна при урожаѣ накашивается на тягло же по 8 возовъ. Что касается рабочихъ дней крестьянъ, то прежде раздѣленія дней не было и для работы на помѣщицу и на себя опредѣленнаго времени не назначалось, а теперь крестьяне работаютъ три дня въ недѣлю на помѣщицу и столько же на себя. Кромѣ обработки 37 десятинъ помѣщичьей земли 33 крестьянскихъ тягла обязаны дать помѣщицѣ съ каждаго тягла два фунта масла, 20 яицъ, за барана деньгами 1 р. 20 к., женщины за холстъ по 2 р. каждая. Качествомъ земля помѣщицы и крестьянъ одинакова, невыгодная сторона земли послѣднихъ заключается только въ томъ, что она дальше отъ села, и крестьяне за дальностью разстоянія лишены возможности свою землю удобрять. Остальные кресть-

яне Дружининой состоятъ на оброкѣ, котораго платятъ по 20 р. съ тягла, сверхъ того съ каждаго изъ нихъ взымается по 1 р. 20 к. за барана и по 2 р. за холстъ. Но вообще крестьяне оброчные зажиточнѣе барщинныхъ крестьянъ. Эти результаты разслѣдованія были доложены Императору Павлу, который далъ резолюцію: «Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ дѣло сіе оставить, а ложнодоносителя отдать въ судъ» [1]).

Въ Перевозскомъ уѣздѣ волненія крестьянъ были у помѣщика премьеръ-маіора Д. З. Евлашова. У него было нѣсколько вотчинъ, часть ихъ была въ Пензенской губерніи. Отъ имени всѣхъ крестьянъ была подана государю жалоба на помѣщика крестьяниномъ дер. Калининой Никитинымъ. Въ своемъ прошеніи крестьяне жаловались, что помѣщикъ въ теченіе 1794, 1795 и 1796 годовъ продалъ изъ нихъ въ рекруты разнымъ помѣщикамъ 130 душъ, въ числѣ которыхъ было 4 чел. такихъ, за которыхъ взялъ у отцовъ ихъ деньги, за двухъ по 700 руб., за третьяго—600 руб. и за четвертаго—400 руб., съ тѣмъ, чтобы ихъ не продавать. Такая массовая продажа крестьянъ имѣла своимъ слѣдствіемъ кромѣ того, что семьи проданныхъ были пущены по міру, еще и разореніе остальныхъ крестьянъ, такъ какъ послѣднимъ пришлось платить за проданныхъ и государственные повинности и помѣщичій оброкъ и другіе поборы, которые остались въ тѣхъ же размѣрахъ. Въ виду этого крестьяне еще въ декабрѣ 1796 г. подавали жалобу на своего помѣщика за эту продажу крестьянъ въ рекруты вопреки изданному Императоромъ Павломъ указу Нижегородскому и Пензенскому генералъ-губернатору, но «по просьбамъ нашимъ, прибавляютъ крестьяне, ничего не воспослѣдовало». Въ заключеніе своей жалобы крестьяне просили государя запретить Евлашову продажу его людей, если же ему нужны будутъ деньги и другимъ путемъ онъ не будетъ въ состояніи ихъ достать, то пусть продаетъ семьями или цѣлыми селеніями; при такомъ способѣ продажи не будутъ по крайней мѣрѣ оставаться вдовы и сироты, которыя должны

---

[1]) Ibid. № 2985, ч. I, № 31.

жить мірскимъ подаяніемъ, да и остальнымъ крестьянамъ не нужно будетъ отправлять государственныхъ и господскихъ повинностей за проданныхъ. Оставшихся же послѣ тѣхъ, которые уже проданы въ рекруты, отцовъ, малолѣтнихъ дѣтей, матерей и женъ, просятъ крестьяне, пусть возьметъ помѣщикъ на свое содержаніе, чтобы они не странствовали и не нищенствовали.

По поводу этой жалобы генералъ-прокуроромъ было потребовано объясненіе отъ Евлашова, которое послѣдній поспѣшилъ представить 4 іюня 1797 года. Въ началѣ объясненія Евлашовъ, отвергая вообще справедливость жалобы его крестьянъ на свое тяжелое положеніе, прежде всего указываетъ на то, что крестьяне на него работаютъ только три дня, а остальное время на себя. Оброка съ дер. Калининой ежегодно имъ собирается 1000 р., которые крестьяне платятъ очень охотно, по крайней мѣрѣ ему не заявляли о тяжести оброка, всѣхъ же крестьянъ въ этой деревнѣ 123 д., изъ которыхъ продано съ 1792 г. только 15 д., а не 130. Да и проданы были крестьяне, пишетъ Евлашовъ, не въ рекруты, а за ихъ «дерзкое поведеніе», такъ какъ они «разными своими пороками нестерпимимы сдѣлались въ обществѣ моихъ крестьянъ». Въ своемъ требованіи объясненія на жалобы крестьянъ генералъ-прокуроръ писалъ Евлашову, какъ напр., Андрееву и другимъ помѣщикамъ: «не могу я оставить Вамъ безъ замѣчанія и того, что или собственная неумѣренность въ образѣ Вашего домоправленія или слабый присмотръ за прикащиками суть причинами какъ для Васъ, такъ и для правительства къ заботѣ и безпокойствамъ, отъ коихъ единая умѣренность въ поступкахъ противу Вашихъ крестьянъ собственную Вамъ пользу и успокоеніе правительству доставить можетъ, о чемъ всемѣрно стараться вы должны». Отвѣчая на это, Евлашовъ пишетъ, что управленіе его вотчинами устроено хорошо, такъ какъ кромѣ старосты въ каждой деревнѣ у него есть еще одинъ для всѣхъ крестьянъ приказчикъ, человѣкъ хорошаго поведенія, за которымъ онъ, Евлашовъ, самъ постоянно слѣдитъ. Крестьяне всѣ, за исключеніемъ Никитина, всегда были довольны своимъ помѣщикомъ. Довольство свое

крестьяне Евлашова выразили оригинальнымъ образомъ: они прислали своему помѣщику двѣ письменныя благодарности за его отеческія о нихъ заботы и попеченіе. Эти письма Евлашовъ въ оригиналѣ приложилъ къ своему объясненію. Въ заключеніе послѣдняго онъ пишетъ: «при чемъ осмѣливаюсь донести Вашему Сіятельству, что въ непремѣнномъ и точномъ исполненіи отеческаго Вашего мнѣ предписанія объ умѣренности правленія моихъ крестьянъ и присмотрѣ за приказчиками потщусь наиприлежнѣйше и болѣе усугубить мое стараніе и попеченія, не упуская изъ виду ни малѣйшей къ обличенію ихъ выгоды на пользу ихъ и общую».

Изъ приложенныхъ къ этому объясненію Евлашовымъ писемъ первое было отъ крестьянъ дер. Калининой, въ которомъ они изъявляютъ свою благодарность помѣщику за его заботы о нихъ и свидѣтельствуютъ о его отеческой къ нимъ милости.

«Мы находились и теперь находимся отеческой къ намъ Вашей милостью всѣ довольны, почему и просимъ Васъ, Государя, всеподданнѣйшіе рабы Ваши сію нашу письменную благодарность принять, за что и на вѣкъ нашъ одолжаемся и съ дѣтьми нашими вѣчными богомольщиками».

Еще болѣе наивно и по замыслу и по формѣ другое письмо уже отъ имени всѣхъ крестьянъ: Перевозской округи все той же дер. Калининой, Арзамасской—села Сыченокъ и Саранской—села Евлашова. Свое письмо крестьяне начинаютъ съ донесенія о побѣгѣ дер. Калининой двухъ крестьянъ—Клима Никитина и Антипа Яковлева, т. е. ихъ же выборныхъ, отправленныхъ ими же съ прошеніемъ въ Петербургъ.

О нихъ «всѣ міромъ утверждаемъ, что они и до сего зловреднаго намъ намѣренія и Вашихъ не помня къ нимъ отеческихъ милостей находились въ дурныхъ качествахъ, праздности, лѣности и пьянствѣ и въ крестьянскій бытъ неспособные. Но по милости твоей къ намъ неоднократно они были въ проступкахъ прощаемы, но они, позабывъ оное твое милосердіе, учинили побѣгъ. Мы того не знали и согласія не имѣли, то всѣ мы Вашу Милость просимъ въ число сообщества въ ихъ намѣреніи насъ не причислять и не оставить насъ милостями

своими господскими, которыми мы до сего и нынѣ пользуемся во всѣхъ нашихъ крестьянскихъ трудахъ и за то благодаримъ и во всемъ остаемся довольными». И въ первомъ и особенно во второмъ письмѣ слишкомъ ясна цѣль, ради которой эти письма написаны. Она сквозитъ въ каждой строчкѣ, и можно только удивляться наивности Евлашова, придумавшаго такое средство убѣдить ген.-прокурора въ благодеяніи своихъ крестьянъ, какъ письменное засвидѣтельствованіе его же крестьянами отеческаго къ нимъ съ его стороны отношенія.

Кромѣ содержанія этихъ писемъ и употребленія, какое изъ нихъ сдѣлалъ Евлашовъ, приложивъ къ своему объясненію, доказательствомъ, что они были заказаны и написаны для этой именно цѣли, служитъ еще и хронологическое сопоставленіе: первое письмо писано между 15 мая, такъ какъ въ немъ упоминается о письмѣ помѣщика, заслушанномъ крестьянами на мірскомъ сходѣ отъ этого числа, и 4 іюня, когда было написано объясненіе Евлашова, другое письмо имѣетъ своей датой— 26 мая. Между тѣмъ прошеніе было подано до 9 апрѣля, что видно изъ того, что хотя на немъ самомъ нѣтъ даты, но генералъ-прокуроръ 9 апрѣля предписываетъ Нижегородскому губернатору Львову по повелѣнію Императора Павла «наивѣрнѣйше узнавъ, доставить свѣдѣнія, подлинно ли продалъ премьеръ маіоръ Евлашовъ 130 душъ изъ крестьянъ своихъ въ рекруты». По произведенному губернаторомъ разслѣдованію оказалось, что Евлашовымъ продано разнымъ лицамъ крестьянъ 49 человѣкъ, которые отъ покупателей за ихъ вотчины были сданы въ рекруты.

На докладъ объ этомъ государю послѣдовала слѣдующая резолюція: «Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: предписать губернатору, чтобы за таковую продажу *которая не иначе могла сдѣлаться, какъ съ условіемъ для освобожденія отъ законнаго положенія*, Евлашова призвать въ городъ Нижній и двѣ недѣли содержать подъ арестомъ пристойнымъ. Куракинъ. Іюня 9 дня 1797 г.». 29 іюля губернаторъ сообщилъ ген.-прокурору, что имъ былъ вызванъ Евлашовъ изъ Москвы, гдѣ онъ жилъ, въ Нижній 15 іюля, и съ этого дня въ испол-

неніе Высочайшаго повелѣнія въ теченіе двухъ недѣль, т. е. до 29 іюля, былъ содержанъ подъ арестомъ «пристойнымъ» и 29 іюля изъ подъ ареста освобожденъ [1]).

Послѣднее волненіе крестьянъ въ Нижегородской губерніи было въ деревнѣ Румянцевой, Нижегородскаго уѣзда, принадлежавшей помѣщику Лукѣ Серебряникову. Крестьяне подали жалобу на своего помѣщика, обвиняя его «въ несносныхъ поборахъ и разореніи». Отъ Серебрянникова ген.-прокуроръ потребовалъ объясненія по этому поводу. Серебрянниковъ въ своемъ отвѣтѣ не находитъ себя виновнымъ въ отягощеніи крестьянъ, такъ какъ онъ ведетъ хозяйство такъ же, какъ и остальные помѣщики. Да и не успѣлъ бы этого сдѣлать вслѣдствіе того, что эту деревню купилъ только въ 1795 г., причиной же неудовольствія противъ него крестьянъ послужили съ одной стороны «общее возмущеніе и разглашеніе», а съ другой— то обстоятельство, что до перехода къ нему крестьяне жили на оброкѣ, а онъ перевелъ ихъ на барщину, «что всѣмъ вообще крестьянамъ непріятно и почитаютъ они отягощеніемъ» [2]).

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. II.
[2]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. II.

18. Рязанская губернія.

Волненія въ Рязанской губерніи прежде всего обнаружились въ Пронскомъ уѣздѣ на двухъ игольныхъ фабрикахъ и желѣзодѣлательномъ заводѣ среди мастеровыхъ, принадлежавшихъ отставному гвардіи прапорщику Хлѣбникову. Всѣхъ мастеровыхъ здѣсь было до 3000 д., и понятно, что волненіе среди нихъ сразу же приняло громадные размѣры. Первоначально оно выразилось, какъ и въ большинствѣ подобныхъ случаевъ, въ отказѣ повиноваться приказчикамъ и въ посылкѣ къ государю выборныхъ съ жалобой на владѣльца. Исправникъ, вызванный приказчиками, волненія прекратить не былъ въ состояніи и, испуганный его размѣрами, поспѣшилъ донести объ этомъ губернатору.

Послѣдній лично отправился на фабрики усмирять рабочихъ. Произведя разслѣдованіе причинъ недовольства мастеровыхъ, губернаторъ убѣдился, что виновато въ немъ дурное управленіе фабриками.

Мастеровые не получали мѣсяца за два и болѣе слѣдуемой имъ за работу платы, имъ приходилось по требованію приказчиковъ производить работу, къ ихъ мастерству не имѣющую никакого отношенія и сильно ихъ отягощавшую, напр., они должны были рубить лѣсъ, пережигать дерево на уголь и т. п. Наконецъ, мастеровымъ было строго запрещено покупать муку у себя на селѣ на торгу по вольной цѣнѣ, а обязаны были брать ее у одного изъ приказчиковъ, Ивана Михайлова, и за цѣну, какую онъ назначитъ, которая всегда бывала выше базарной. Къ этимъ причинамъ присоединилась еще и «мечтательная вольность», для достиженія которой они послали 3 выборныхъ къ государю съ просьбой «возстановить ихъ въ первобытное состояніе», такъ какъ они считали себя потом-

ками дворянъ и разночинцевъ, Петромъ Первымъ приписанныхъ къ этимъ фабрикамъ, что было подтверждено Екатериной II.

Губернаторъ, стараясь увѣрить ихъ въ несбыточности ихъ надеждъ, обѣщалъ имъ принять мѣры къ устраненію недобросовѣстной эксплуатаціи ихъ приказчиками и съ этой цѣлью запретилъ послѣднимъ задерживать плату мастеровымъ, посылать ихъ на постороннюю работу и принуждать покупать муку только въ опредѣленномъ мѣстѣ и за болѣе дорогую цѣну; слѣдить же за исполненіемъ всего этого поручилъ мѣстному исправнику. Мастеровые, казалось, успокоились и даже дали подписку губернатору, что новаго волненія подымать не будутъ. Губернаторъ, возвратившись въ Рязань, предложилъ губернскому правленію послать черезъ Петербургское губернское правленіе, (такъ какъ Хлѣбниковъ жилъ въ Петербургѣ) предписаніе немедлено уплатить заработанныя уже деньги мастеровымъ и впредь ни въ какомъ случаѣ платы за работу не задерживать, не заставлять рабочихъ производить постороннюю работу и не принуждать покупать хлѣбъ у приказчика за дорогую цѣну.

Это волненіе было въ февралѣ 1797 года, а въ іюнѣ того же года мастеровые поднялись снова, какъ доносилъ губернаторъ, «бывъ возбуждены отъ неблагомыслящихъ по возстановленію независимости своей и свободы».

По предписанію губернатора Пронскій исправникъ отправился къ Хлѣбникову для ареста главнаго виновника безпорядковъ, мастероваго Сидора Спичкова. Но оказалось, что Спичковъ, узнавъ о пріѣздѣ исправника, бѣжалъ съ фабрики, «почему и взята его жена» и представлена въ судъ, доносилъ исправникъ губернатору. Вслѣдъ затѣмъ отправился туда же засѣдатель, но на его убѣжденія, сопровождавшіяся чтеніемъ соотвѣтствующихъ указовъ, мастеровые отвѣчали: «мы таковыхъ указовъ не слушаемъ; а возьми кого изъ насъ, такъ самъ живъ отсель не выѣдешь». Засѣдатель возвратился ни съ чѣмъ. Тогда Пронскій нижній земскій судъ рѣшилъ отправиться для усмиренія мастеровыхъ въ полномъ своемъ составѣ. Прибывъ въ с. Ново-Спасское, Столицы тожъ, судъ собралъ понятыхъ— 12 чел. благородныхъ, 13 чел. крестьянъ, и приблизившись

съ ними къ фабрикѣ, увидѣлъ, какъ мастеровые, въ числѣ которыхъ былъ и Спичковъ, «съ совершеннымъ презорствомъ изъ мастеровыхъ комнатъ пометавшись», убѣжали съ фабрики и собрались толпою невдалекѣ. Съ этой толпой судъ вступилъ въ переговоры, требуя выдачи главныхъ зачинщиковъ въ количествѣ 9 человѣкъ. Но мастеровые отказались ихъ выдать, а относительно читанныхъ указовъ объявили, что они ихъ не слушаютъ и слушать не будутъ. Не ограничиваясь этимъ, они пригрозили всѣхъ пріѣхавшихъ ихъ усмирять побить, послѣ чего «съ совершенною грубостью и съ произнесеніемъ ругательствъ» ушли въ поле. Такъ какъ уже наступала ночь, то всѣ дѣйствія суда прекратились для того, чтобы возобновиться на слѣдующій день. Утромъ при сборѣ понятыхъ засѣдатель замѣтилъ на колокольнѣ «подающаго сомнѣніе» мастерового, который имъ былъ доставленъ суду и подвергнутъ допросу. Оказалось, что онъ посланъ на колокольню бунтующими съ тѣмъ, чтобы, когда понятые будутъ собраны и начнутъ «чинить къ забранію кого либо приступъ», онъ ихъ увѣдомилъ, и они могли заблаговременно скрыться. На допросѣ между прочимъ выяснилось, что бунтующіе очень озлоблены на приказчика Ивана Николаева и говорили: «у насъ теперь просьба объ облегченіи отъ налагаемыхъ работъ и прочаго подана, то съ приказчикомъ Иваномъ Николаевымъ можно уже и подраться». Дѣло усмиренія судомъ мастеровыхъ происходило слѣдующимъ образомъ: такъ какъ судъ узналъ, что послѣднихъ въ мастерскихъ нѣтъ, а всѣ они въ полѣ, то онъ и отправился къ нимъ вмѣстѣ съ понятыми вдоль рѣки Итьи. За судомъ бѣжали жены и дѣти мастеровыхъ и кричали во весь голосъ, предупреждая своихъ объ опасности. Мастеровые, видя, что ихъ убѣжище открыто, выскочили изъ ржи, гдѣ они попрятались, и соединившись въ плотную толпу, ободряли другъ друга: «ребята сюда! стойте дружно! не робѣйте! и никто не поддавайся»! Но судъ съ понятыми все таки успѣлъ поймать трехъ человѣкъ. При видѣ такого рѣшительнаго образа дѣйствій со стороны суда мастеровые, сообразивъ, что ихъ всѣхъ такимъ образомъ переловятъ, бросились отъ суда къ рѣкѣ Итьи, пере-

плыли ее и приказали женамъ и дѣтямъ бить въ набатъ и принести имъ колья и дубины, что тѣми и было исполнено. Бунтовщики, вооружившись, стали у своихъ домовъ и начали кричать: «подите сюда! мы васъ попотчуемъ!». Судъ, видя, что бунтующіе не только не успокаиваются, но приходятъ болѣе и болѣе «въ азартность и безпорядокъ и совершенную отчаянность», что выражалось между прочимъ въ томъ, что многіе изъ нихъ стояли съ дубинами въ рукахъ нагіе, такъ какъ сбросили съ себя платье, переправляясь черезъ рѣку смутился и рѣшилъ, ничего дальнѣйшаго не предпринимая донести объ всемъ губернатору. Послѣдній лично отправился на фабрики, вытребовавъ туда же 4 роты Выборгскаго пѣхотнаго полка. Ночью, въ заранѣе опредѣленный часъ, всѣ селенія съ мастеровыми-крестьянами были войсками оцѣплены, и утромъ всѣ бунтующія села увидѣли себя отрѣзанными другъ отъ друга. Губернаторъ отправилъ на желѣзодѣлательный заводъ предсѣдателя палаты суда и расправы Тютчева, на игольную фабрику въ с. Столицы бывшаго предсѣдателя верхняго земскаго суда полковника Шипилова, на другую игольную фабрику совѣтника правленія Кафтырева, а самъ отправился на главный заводъ «для приглашенія ихъ вразумительнѣйше къ повиновенію». Для достиженія этого, такъ какъ мастеровые все таки не изъявили покорности, убѣждавшіе прибѣгнули къ хитрости: они послали одинъ другому сказать, что занятое ими селеніе принесло повинную, «дабы ослабить дерзость и надежду на сообщниковъ каждаго», чѣмъ и достигли цѣли: крестьяне, упавъ на колѣни, закричали: «виноваты Богу и Государю». Вслѣдъ за этимъ зачинщики на мѣстѣ же были наказаны, а остальнымъ было сдѣлано строгое соотвѣтствующее внушеніе, чѣмъ волненія и закончились.

Одновременно съ этими волненіями произошли безпорядки на стеклянной фабрикѣ и желѣзномъ заводѣ содержателя Боленса въ Спасскомъ уѣздѣ. Губернаторъ командировалъ туда предсѣдателя верхняго земскаго суда полковника Шипилова. Послѣдній, прибывъ на заводы, узналъ отъ мастеровыхъ, что причиной ихъ волненія служитъ неисправность полученія слѣ-

думой имъ платы и притѣсненія со стороны управляющаго; что они жаловались самому содержателю на это, когда онъ пріѣзжалъ на заводы, но ихъ жалобы оставались безъ послѣдствій. Шипиловъ уговорилъ мастеровыхъ снова приняться за работу, обѣщая имъ полное удовлетвореніе по ихъ жалобамъ. Губернаторъ предложилъ губернскому правленію немедленно предписать Боленсу, жившему въ Москвѣ, «самоскорѣйше выполнить все положенное закономъ для таковыхъ людей», а рабочимъ его черезъ нижній земскій судъ дать знать, чтобы они, въ случаѣ неудовлетворенія содержателемъ заводовъ какихъ либо ихъ законныхъ требованій, приносили жалобу въ установленномъ судебномъ мѣстѣ.

Положеніе мастеровыхъ, страдавшихъ отъ явной несправедливости ихъ хозяина и его управляющаго обратило на себя вниманіе Императора Павла. На докладъ кн. Куракина послѣдовала резолюція: «Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ содержателя заводовъ Боленса по жительству его въ Москвѣ здѣсь призвать мнѣ къ себѣ для внушенія ему справедливости противу тѣхъ людей, которые на заводѣ его въ работники употребляются, о чемъ ему письмомъ дать знать. Куракинъ. Марта 31 дня 1797 г.» [1])

Въ Михайловскомъ уѣздѣ волненіе крестьянъ было въ вотчинѣ подпоручика И. Н. Сазонова, въ с. Нюховецъ. Объ этомъ волненіи мы узнаемъ только изъ прошенія его крестьянъ и изъ «объясненія», на него представленнаго Сазоновымъ ген.-прокурору.

Крестьяне въ своей жалобѣ обвиняютъ помѣщика въ пьянствѣ, въ насиліи надъ женщинами, въ разграбленіи имущества крестьянъ, напр., у подавшаго прошеніе, Иванова, отнялъ двухъ лошадей и 39 колодокъ пчелъ.

Въ своемъ отвѣтѣ Сазоновъ отрицаетъ справедливость этихъ обвиненій, объясняя жалобу на него Иванова желаніемъ избавиться отъ помѣщичьей власти [2]).

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 18.
[2]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. II.

Въ Рязанской губерніи были еще крестьянскія волненія въ Скопинскомъ уѣздѣ въ вотчинахъ генералъ-поручика Фаминцева и бригадирши Дубянской и въ Касимовскомъ уѣздѣ въ вотчинѣ бригадирши Давыдовой. Но эти волненія скоро утихли «по принятымъ въ то же мгновенье приличнымъ мѣрамъ», какъ доноситъ генералъ-прокурору Рязанскій губернаторъ [1]).

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 18.

19. Оренбургская губернія.

Общее возбужденіе, охватившее крѣпостное крестьянство въ первые мѣсяцы царствованія Императора Павла, не могло не отразиться, конечно, и на заводскихъ крестьянахъ, среди которыхъ тѣ же надежды на освобожденіе или по крайней мѣрѣ на облегченіе своего положенія вспыхнули съ такой же силой.

Первое по времени въ Оренбургской губерніи волненіе заводскихъ крестьянъ началось на Кусянскомъ заводѣ Троицкаго уѣзда, принадлежавшемъ заводчикамъ Лушниковымъ. 20 человѣкъ выборныхъ заводскихъ крестьянъ въ февралѣ 1797 года ушли съ завода, избивъ на заводѣ пытавшихся задержать ихъ по приказанію заводского начальства, и направились къ Уфѣ. Дорогою они съ успѣхомъ отразили попытки захватить ихъ со стороны посланныхъ за ними въ погоню съ завода и были арестованы только исправникомъ, который и представилъ ихъ Оренбургскому губернатору князю Баратаеву. На вопросъ послѣдняго о причинѣ ихъ побѣга съ завода, крестьяне отвѣчали, что шли они въ Уфу съ жалобой на свое начальство «въ угнетеніе ихъ работами и въ недостаточномъ произвожденіи заработныхъ денегъ и хлѣба». Губернаторъ приказалъ препроводить арестованныхъ въ Троицкій нижній земскій судъ для производства разслѣдованія справедливости жалобы крестьянъ. На допросѣ выяснилось, что главной причиной ихъ побѣга съ завода было желаніе узнать въ Уфѣ, «нѣтъ ли въ полученіи Высочайшаго соизволенія отъ работъ заводскихъ крестьянъ и объ оставленіи ихъ государственными повелѣнія».

Судъ засѣдалъ на заводѣ и произвелъ слѣдствіе о бѣгствѣ этихъ 20 чел. и объ угнетеніи заводскихъ крестьянъ работою. Остальные крестьяне, прекративъ работы, стали собираться толпой въ 100—150 чел. передъ зданіемъ, гдѣ засѣдалъ судъ, и, требуя освобожденія арестованныхъ, жаловались на приказчика Моисеева, который ихъ изнурилъ работой и не

выплачивалъ имъ заработанныхъ денегъ. Несмотря на увѣщанія суда, крестьяне силой освободили заключенныхъ, угрожая заковать исправника и сжечь зданіе, гдѣ происходилъ судъ. Тогда исправникъ приказалъ сосѣднимъ Башкирскому и Мещерякскому старшинамъ прислать—первому 60 чел. вооруженной команды, второму—40, а къ губернатору послалъ рапортъ, въ которомъ, описывая волненіе крестьянъ, просилъ выслать воинскую команду. Губернаторъ, боясь, чтобы волненіе не приняло слишкомъ большихъ размѣровъ, отправился лично на заводъ. Но для усмиренія волновавшихся было достаточно 100 чел. башкиръ и мещеряковъ, при появленіи которыхъ волненіе сразу утихло, при чемъ были взяты подъ стражу не только освобожденные 20 чел., но и новые 10 чел., наиболѣе виновные въ только что бывшемъ волненіи.

Когда явился на заводъ губернаторъ, тамъ было уже все спокойно. Но губернаторъ нашелъ, что нѣкоторые уступки крестьянамъ слѣдуетъ сдѣлать и предложилъ владѣльцамъ увеличить заработную плату, уменьшить цѣну хлѣба, отпускаемаго рабочимъ изъ заводскихъ магазиновъ и проявить «непремѣнное попеченіе о пропитаніи по тѣлеснымъ недугамъ престарѣлыхъ и малолѣтнихъ, работать не могущихъ».

Другое волненіе заводскихъ крестьянъ было въ Бугульминскомъ уѣздѣ на мѣдноплавильномъ заводѣ корнета Глазова въ мартѣ 1797 г. Выразилось оно въ отказѣ крестьянъ работать на заводѣ. Для разслѣдованія причинъ волненія и усмиренія крестьянъ губернаторомъ былъ командированъ совѣтникъ губернскаго правленія Штольцъ, который, по прибытіи съ исправникомъ на заводъ, потребовалъ къ себѣ всѣхъ крестьянъ. Но явились изъ 400 рабочихъ только 31 человѣкъ, которыхъ Штольцъ съ исправникомъ и увѣщевалъ; отъ нихъ онъ узналъ, что заводскими крестьянами послана государю просьба съ выборными о принятіи ихъ въ государственные крестьяне.

Вмѣстѣ съ тѣмъ предполагая, что можетъ со стороны остальныхъ крестьянъ встрѣтить сопротивленіе, Штольцъ послалъ за крестьянами сосѣднихъ деревень, чтобы имѣть возлѣ себя понятыхъ. Когда же къ заводу стали сходиться вытребованные понятые, за-

водскіе крестьяне «азартнымъ образомъ и съ крикомъ» объявили, что взять они себя не дадутъ, и отступая передъ понятыми къ заводу, отбивались отъ нихъ палками, скрытыми до тѣхъ поръ подъ одеждой. Это энергичное сопротивленіе поставило Штольца въ затрудненіе, такъ какъ онъ избѣгалъ вооруженнаго столкновенія, и потому онъ рѣшилъ ждать отвѣта отъ губернатора, которому обо всемъ случившемся послалъ донесеніе. Губернаторъ рѣшилъ самъ ѣхать на заводъ для усмиренія крестьянъ, предписавъ маіору Веделю и исправнику собрать въ ближайшихъ деревняхъ военную команду изъ башкиръ и мещеряковъ. Исправникъ собралъ этой команды до 400 чел., во главѣ которой и явился до пріѣзда губернатора въ принадлежащую тому заводу деревню Богуславскую. Ни одного крестьянина онъ здѣсь не нашелъ, такъ какъ они были съ заводскими крестьянами на заводѣ. Послѣдніе всѣ были вооружены дрекольемъ, иные топорами и копьями. Произошло вооруженное столкновеніе, крестьяне не устояли, должны были принести повинную и выдать зачинщиковъ. Только что закончилось это усмиреніе, какъ къ заводу стали подходить толпы вооруженныхъ также дрекольемъ крестьянъ изъ принадлежавшей заводу другой деревни Кирнигачь, но увидя, что всякое сопротивленіе уже сломлено, сами на него не рѣшились и изъявили такую же покорность, какъ и ихъ товарищи. Къ пріѣзду губернатора все уже было кончено. Какъ выяснилось изъ разслѣдованія губернатора, причиной волненія заводскихъ крестьянъ была недостаточность платы за работу, а крестьянъ, живущихъ въ деревняхъ и занимающихся хлѣбопашествомъ, обремененіе господскими работами, такъ что на веденіе своего хозяйства у нихъ не оставалось времени.

При провѣркѣ этихъ жалобъ крестьянъ губернаторъ узналъ, что заводскіе рабочіе получаютъ заработной платы въ день отъ 6 до 8 коп., но денегъ заработанныхъ не получаютъ, а берутъ хлѣбъ у помѣщика по цѣнѣ 25 к. за пудъ. Но кромѣ этого рабочіе имѣли возможность работать на себя въ праздничные дни и въ воскресенья, почему нѣкоторые, хотя и небольшое, но имѣли хлѣбопашество. Такимъ образомъ въ луч-

шемъ случаѣ мастеровой на заводѣ Глазова зарабатывалъ въ мѣсяцъ около 2 руб., въ годъ 24 рубля.

Но еще хуже положеніе было крестьянъ, жившихъ въ деревняхъ, принадлежавшихъ тому же Глазову. Обязанность ихъ состояла въ непрерывной работѣ на помѣщика, которая заключалась въ рубкѣ дровъ, въ разработкѣ руды, въ приготовленіи угля, въ возкѣ различныхъ матеріаловъ для завода. Платы хотя и не получаютъ, пишетъ губернаторъ, но взамѣнъ ея не платятъ уже никакихъ другихъ оброковъ и податей государственныхъ, которыя выплачиваетъ за нихъ помѣщикъ. Для собственной же работы онъ оставляетъ имъ воскресные и праздничные дни да во время уборки хлѣба и травы по три и по четыре дня.

На допросахъ крестьянъ, произведенныхъ губернаторомъ, выяснились также обстоятельства, сопровождавшія посылку выборныхъ съ прошеніемъ къ государю и начало волненія. Для отправки выборныхъ было собрано по 1 р. съ каждой мужской души, для успѣшнаго же сопротивленія помѣщику и властямъ крестьяне заключили условіе между собою «другъ друга не выдавать, а умирать вмѣстѣ», въ чемъ выборные отъ крестьянъ приносили присягу. Отбившись отъ попятыхъ Штольца, крестьяне очень ободрились и говорили: «когда отбились отъ нынѣшней команды, то и впредь поддаваться не будемъ и живы въ руки до возвращенія повѣренныхъ не дадимся».

Несмотря на то, что губернаторъ находилъ мастеровыхъ и крестьянъ Глазова хорошо обезпеченными, онъ, какъ сообщаетъ генералъ-прокурору въ своемъ донесеніи, предписалъ Глазову «въ разсужденіи дороговизны нынѣ на всѣ жизненные припасы для безбѣднаго продовольствія» повысить плату за работу на заводѣ, что владѣлецъ тотчасъ же и исполнилъ. Относительно же крестьянъ губернаторъ приказалъ Глазову давать имъ три дня въ недѣлю для собственныхъ ихъ работъ. За соблюденіемъ этихъ предписаній Глазовымъ онъ приказалъ слѣдить мѣстному исправнику, ровно какъ и за тишиной и спокойствіемъ на заводѣ [1]).

---

[1]) *Государств. Архивъ.* VII разрядъ, № 2918, № 12.

Наконецъ, извѣстенъ еще случай волненія въ Уфимскомъ уѣздѣ крестьянъ-башкиръ, принадлежавшихъ прапорщику Тевкелеву. Началось волненіе съ того, что человѣкъ тридцать его крестьянъ верхомъ, вооруженныхъ ружьями, подъѣхавъ къ усадьбѣ помѣщика саженей на 50, стали стрѣлять въ нее. Помѣщикъ и его приказчикъ «тихимъ образомъ» спаслись бѣгствомъ въ сосѣднія селенія. Нападавшіе удалились. На другой день помѣщикъ отправилъ 10 чел. изъ своихъ дворовыхъ людей въ дер. Ново-Балтачеву, гдѣ жили бунтовщики, чтобы узнать о размѣрахъ бунта. Но узнать ничего не удалось, такъ какъ крестьяне поймали двухъ изъ посланныхъ и жестоко ихъ избили, а остальные бѣжали. Между тѣмъ волненіе разросталось. Возставшіе крестьяне схватили старосту и еще 9 чел. крестьянъ, оставшихся вѣрными своему помѣщику, связали, избивъ предварительно, и заключили подъ стражу. Тогда Тевкелевъ обратился въ Уфимскій нижній земскій судъ съ просьбой объ усмиреніи его крестьянъ. Судъ командировалъ для этого засѣдателя Булатова, предписавъ ему въ случаѣ надобности потребовать себѣ на помощь команды изъ башкиръ и мещеряковъ. Булатовъ собралъ эти команды и во главѣ ихъ отправился въ бунтующую деревню. Саженяхъ въ 100 отъ деревни онъ остановился и послалъ въ нее крестьянина помѣщика Тевкелева пригласить къ нему для переговоровъ бунтующихъ, давъ посланному для безопасности 8 чел. изъ бывшей съ нимъ команды. Крестьяне уже ожидали его, собравшись толпой и вооруженные. Они объявили, что «они ни мало не хотятъ никому повиноваться и быть послушными, а ежели кто отважится приступить къ нимъ для взятія виновныхъ усильнымъ образомъ, то первому ему и съ нимъ бывшимъ пули въ лобъ, а особливо исправнику или засѣдателю. Лучше согласятся они всѣ умереть, нежели самимъ добровольно отдаться въ руки тирановъ». Булатовъ, получивъ такой отвѣтъ, рѣшилъ подождать, не раскаются ли крестьяне, и черезъ часъ снова послалъ для ихъ увѣщанія крестьянина, самъ видимо не отваживаясь появиться въ мятежной деревнѣ. Но и во второй разъ крестьяне такъ же рѣшительно объявили, «что живыми въ руки никому

не дадутся, да и кто посягнетъ на нихъ, того не оставятъ въ живыхъ, и лучше желаютъ всѣ умереть, чѣмъ повиноваться господской власти». Между тѣмъ къ Булатову на помощь явился еще отрядъ башкиръ въ 50 чел., и онъ въ третій разъ попытался черезъ посланнаго уговорить крестьянъ смириться.

Но и эти переговоры привели къ тѣмъ же результатамъ, какъ и въ двухъ предыдущихъ случаяхъ. Къ своимъ прежнимъ отвѣтамъ крестьяне прибавили только: «до тѣхъ поръ не хотимъ быть никому послушными, а паче въ повиновеніи господскомъ, покуда не получимъ отъ Государя Императора на посланное отъ насъ къ нему съ нарочными тремя человѣками прошеніе Высочайшаго Его Императорскаго Величества указа, и потому бы убирались въ цѣлостп».

Такъ какъ Булатовъ не имѣлъ разрѣшенія употребить въ дѣло оружіе, то для устрашенія бунтующихъ онъ приказалъ своимъ командамъ изъ башкиръ и мещеряковъ стать во фронтъ передъ селеніемъ. Видъ выстроившагося войска на крестьянъ произвелъ дѣйствіе обратное тому, на какое расчитывалъ Булатовъ. Очевидно, крестьяне увидѣли въ этомъ намѣреніе Булатова напасть на нихъ, такъ какъ, «не убоясь ихъ движенія», съ крикомъ бросились на войско, стрѣляя изъ ружей и луковъ. Команда дрогнула и обратилась въ бѣгство. Пробѣжавъ съ версту, бѣгущіе остановились было, но увидѣвъ скачущихъ на лошадяхъ за ними бунтующихъ крестьянъ, «паки сдѣлали ретираду», какъ выразился въ рапортѣ Булатовъ. Послѣдній, по его словамъ, нѣсколько разъ пытался остановить свою команду и едва самъ спасся вслѣдствіе «усталости лошади и необыкновенной верховой ѣзды». Преслѣдовавшіе на бѣгу стрѣляли и нѣкоторыхъ ранили, а трехъ отставшихъ били цѣпами и кольями. При этомъ попавшихся къ нимъ въ руки грабили, отбирая «конскія сѣдельныя вещи и оружіе». Наступившая ночь прекратила преслѣдованіе.

Булатовъ, убѣдившись, что онъ не въ состояніи ничего сдѣлать, распустилъ свою команду и возвратился въ Уфу, гдѣ и донесъ рапортомъ о случившемся. Губернское правленіе поручило разслѣдованіе дѣла и усмиреніе крестьянъ Уфимскаго

уѣзднаго суда судьѣ Самойлову, при чемъ разрѣшило ему взять съ собой изъ Уфы казацкій отрядъ отъ 50 до 100 чел. Подъ такимъ прикрытіемъ Самойловъ явился въ Ново-Болтачеву, гдѣ крестьяне на его увѣщанія «съ дерзкой суровостью» отвѣчали, что они допросамъ подвергаться не желаютъ, ровно какъ не желаютъ никому повиноваться. Если же Самойловъ, угрожали они, прибѣгнетъ къ какому нибудь насилію, то они поступятъ и съ нимъ, какъ съ засѣдателемъ Булатовымъ. «Убирайся, говорили они, убирайся, покуда цѣлъ, и никогда не ѣзди, а то будетъ худо». Но Самойловъ приказалъ казакамъ захватить наиболѣе виновныхъ, и это вызвало вооруженное столкновеніе, во время котораго были ранены изъ ружей два казака, а изъ крестьянъ два было убито. Такой результатъ столкновенія испугалъ крестьянъ; одни сѣли на заранѣе приготовленныхъ лошадей, другіе пѣшкомъ, и бѣжали въ степь и лѣса. Но казакамъ все таки удалось захватить 8 чел. изъ бунтующихъ. Кромѣ того они освободили изъ заключенія двухъ крестьянъ, оставшихся вѣрными своему помѣщику. Послѣдніе разсказали, что въ этомъ бунтѣ кромѣ крестьянъ Тевкелева принимаетъ участіе «многое число и сторонннхъ людей, помогавшихъ законопротивнымъ ихъ противу начальства поступкамъ». Это указаніе очень любопытно, но, къ сожалѣнію, въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ разъясненій по этому вопросу. Столкновеніемъ съ отрядомъ Самойлова волненіе крестьянъ Тевкелева и закончилось. Наиболѣе виновные были преданы суду, а помѣщику Тевкелеву губернское правленіе по приказанію губернатора «съ подпиской подтвердило, чтобы и онъ съ большею осторожностью по праву ихъ ему принадлежности пользовался ихъ управленіемъ свойственно человѣческой нѣжности» (!) [1]).

---

[1]) *Сенатскій Архивъ* 1-е Отд. 5-го Департам., № 287.

20. Выборгская губернія.

Въ Выборгской губерніи за изслѣдуемый періодъ былъ одинъ только случай волненія крестьянъ, насколько можно судить по нашимъ документамъ.

Именно, въ началѣ февраля 1797 года въ Кексгольмскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ отставного артиллерійскаго маіора барона Фридерикса, крестьяне отказались повиноваться своему помѣщику, требуя отъ него заключенія новаго контракта. Жалоба помѣщика и прошеніе крестьянъ, поданное послѣдними черезъ повѣреннаго въ губернское правленіе, были по указу послѣдняго разсмотрѣны уѣзднымъ судомъ.

Уѣздный судъ нашелъ, что баронъ Фридериксъ «отъ крестьянъ своихъ ничего излишняго не требуетъ» и постановилъ, чтобы крестьяне исполняли всѣ работы и платили подати помѣщику по заключенному между ними контракту. Но крестьяне отказались повиноваться этому постановленію и по поводу новой жалобы помѣщика губернаторъ отправился въ его вотчину, гдѣ лично усмирилъ крестьянъ [1]).

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 17.

21. Саратовская губернія.

Въ Саратовской губерніи движеніе крестьянъ обнаружилось только въ двухъ пунктахъ: въ Царицинскомъ уѣздѣ, въ селѣ Отрада, въ имѣніи жены стат. совѣт. Н. В. Смирнова, и въ Вольскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Барсаковкѣ, въ имѣніи гвардіи капитанъ-поручика Д. В. Писарева.

Волненіе крестьянъ Смирновой началось въ мартѣ 1797 г. Причиной его послужилъ, по донесенію губернатора генералъ-прокурору, разнесшійся «слухъ о вольности», выразилось волненіе въ томъ, что болѣе 40 крестьянъ и дворовыхъ людей Смирновой явились въ Царицинъ къ коменданту генералъ-маіору фонъ-Цетельману съ жалобой на свою помѣщицу за скудное содержаніе и угнетеніе работами, объявивъ при этомъ, что хотятъ послать просьбу «къ отбывательству отъ подданства помѣщицѣ». Комендантъ отправилъ жалобщиковъ домой, и вслѣдъ за ними поѣхалъ туда же дворянскій засѣдатель нижняго земскаго суда, которымъ 10 чел. были арестованы и преданы суду, а остальные усмирены.

Эти 10 человѣкъ были судимы въ Камышинскомъ уѣздномъ судѣ и приговорены къ наказаніямъ (изъ донесенія не извѣстно, къ какимъ). Во время суда надъ ними выяснилось, что въ то время, какъ арестованные сидѣли подъ стражей, къ одному изъ нихъ, дворовому человѣку, Ивану Антонову, приходилъ тайно крестьянинъ, его односельчанинъ, Ипполитъ Архиповъ, и Антоновъ написалъ отъ лица всѣхъ крестьянъ просьбу, съ которой Архиповъ и другой крестьянинъ, Яковлевъ, выбранные міромъ ходаками и снабженные деньгами, въ тотъ же день отправились въ Петербургъ къ государю.

Таково оффиціальное донесеніе ген.-прокурору Саратовскаго губернатора Ланского о волненіи крестьянъ Смирновой.

А вотъ, что они въ прошеніи сами говорятъ о себѣ и о своемъ волненіи. До 1794 г. крестьяне с. Отрады принадлежали генералъ-поручику Никитѣ Аоанасьевичу Бекетову. Въ этомъ году Бекетовъ умеръ. Имѣніе его перешло къ его дочери, бывшей замужемъ за Смирновымъ. Послѣдній на третій день вступилъ въ управленіе имѣніемъ и сразу же показалъ себя очень строгимъ и требовательнымъ владѣльцемъ.

На господскую работу онъ требовалъ всѣхъ крестьянъ, оставляя дома только такихъ «малыхъ ребятъ, которые и слѣда себѣ не могли знать». Оставленные безъ призора, дѣти расползались въ разныя стороны, и одинъ мальчикъ утонулъ.

Задумалъ помѣщикъ мальчиковъ учить грамотѣ, непонятливыхъ привязывалъ ремнями и билъ «немилосердно». Одинъ изъ учениковъ, не выдержавъ побоевъ, вырвался съ ремнями изъ дома и, бросившись въ воду, погибъ.

На господской работѣ крестьяне дошли до изнуренія. Смирновъ отнялъ у крестьянъ, которыхъ по послѣдней ревизіи 361 душа, всю пахотную землю и всѣ сѣнокосы. Пашетъ онъ въ лѣто болѣе 200 десятинъ, сѣна собираетъ до 4000 возовъ, имѣетъ 3000 головъ скота, три сада и три водяныхъ мельницы. Работу во всѣхъ этихъ угодьяхъ исполняли крестьяне, при чемъ помѣщикъ заставлялъ работать въ сильные морозы не только взрослыхъ, но и дѣтей 6—8 лѣтъ.

Положеніе женщинъ было не легче. Днемъ онѣ исполняли различныя «наружныя» работы, а ночью должны были прясть, такъ какъ отъ каждой изъ нихъ, молодой и старой, требовалось въ недѣлю представить по 2 тальки шерстяной пряжи. Если же за недѣлю не сработаетъ этого урока, то должна работать въ воскресенье. А между тѣмъ нѣтъ силы исполнить такую работу. Неисполнившихъ помѣщикъ при себѣ на конскомъ заводѣ заставлялъ сѣчь. Часть женщинъ работаетъ у него на фабрикѣ, гдѣ имъ также даются непосильные уроки, съ которыми онѣ справиться не въ состояніи. По приказанію помѣщика ихъ за это запираютъ на ночь въ пустыя казармы съ дѣтьми, а домашнія работы не исполняются, даже хлѣба испечь некогда. Отъ беременныхъ женщинъ требуется

такая же работа до послѣдняго дня, такъ что многія родили мертвыхъ дѣтей, а въ послѣднее лѣто у 10 женщинъ были выкидыши; изъ роженицъ трое умерло. Въ доказательство справедливости послѣднихъ фактовъ крестьяне просили сдѣлать справку у приходскаго священника. Объ этомъ же крестьяне сообщали при допросахъ Царицынскому нижнему суду.

Положеніе дворовыхъ было, пожалуй, еще болѣе тяжелымъ. Они исполняютъ такія же работы, какъ и крестьяне, содержатся же слѣдующимъ образомъ: каждый получаетъ на мѣсяцъ по два пуда, но не муки, а однихъ отрубей, три раза просѣянныхъ сквозь сито, и только: не дается ни крупъ, ни соли. А на одежду мужу, женѣ и дѣтямъ полагается жалованья въ годъ отъ 6 до 9 рублей.

Для крестьянъ были еще очень тяжелы почные караулы, на которые выгонялось каждую ночь по 10 человѣкъ изъ крестьянъ и дворовыхъ и по 2 лошади. Случалось, что зимой въ сильный морозъ кто либо сходилъ съ своего поста погрѣться, такого господинъ, постоянно провѣрявшій караулы, на другой день жестоко наказывалъ.

Ни воскресныхъ, ни праздничныхъ дней крестьяне при такой безпрерывной работѣ не имѣли. Какимъ самоуправствомъ отличался Смирновъ, видно изъ слѣдующаго факта: у него возникла ссора съ помѣщикомъ Всеволодомъ Андреевичемъ Всеволожскимъ изъ за крестьянъ послѣдняго, жившихъ въ сельцѣ Образцовѣ, Астраханскаго уѣзда. Смирновъ послалъ въ Астрахань своего повѣреннаго, Егора Чекалова, съ приказаніемъ доставить въ село Отраду тѣхъ изъ крестьянъ Всеволожскаго, кто только ему попадется, что послѣднимъ и было исполнено: онъ захватилъ 6 челов. мужчинъ и женщинъ, которые были имъ представлены своему помѣщику, а помѣщикъ мужчинамъ обрилъ головы и всѣхъ заключилъ подъ стражу.

«Такъ какъ, пишутъ крестьяне въ своемъ прошеніи государю, Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было, ежели кто имѣетъ нужду писать просьбы и жалобы къ Вашему Императорскому Величеству (можетъ подавать ихъ, но не иначе какъ отъ одного человѣка), то мы имѣли нужду, и

написали грамоту Вашему Императорскому Величеству», но Смирновъ узналъ объ этой жалобѣ, отнялъ ее у крестьянъ и просилъ Царицынскій нижній земскій судъ пріѣхать для усмиренія его крестьянъ, а коменданта Царицына прислать команду изъ казаковъ. Земскій судъ при казакахъ собралъ крестьянъ и, допросивши ихъ, объявилъ, что если они не успокоятся, то всѣ будутъ высѣчены, 10 же человѣкъ были арестованы и отправлены въ тюрьму сначала въ Царицынъ, а затѣмъ были отосланы въ Камышинскій нижній судъ.

Это прошеніе было подано, но не привело ни къ какимъ результатамъ, даже не было произведено разслѣдованія, такъ какъ обыкновенно такія разслѣдованія поручались губернаторамъ, и ихъ отзывы имѣли рѣшающее значеніе, а въ данномъ случаѣ мнѣніе губернатора было извѣстно еще до подачи прошенія [1]).

Въ одно время съ крестьянами Смирновой взволновались крестьяне Писарева. Причины волненія они сами объясняютъ въ прошеніи, поданномъ государю. Всѣхъ крестьянъ въ с. Барсаковкѣ было 134 души. Денежнаго оброка они въ годъ платили 1000 руб., но сверхъ того осетра и бѣлуги 10 пудовъ, стерляди — 2 пуда, икры паюсной — 20 фунт., зернистой — 20 фунт., мыла — 6 пуд. Но помѣщикъ, недовольствуясь оброкомъ и поборами, потребовалъ отъ своихъ крестьянъ рекрутскихъ денегъ 2400 руб. Когда староста объявилъ крестьянамъ объ этомъ требованіи господина, послѣдніе единогласно отказались отъ уплаты этихъ денегъ, говоря: «намъ таковой несносной суммы взять негдѣ, мы и такъ отягощены наложеннымъ на насъ оброкомъ, хотя насъ и дѣтей нашихъ всѣхъ отдавай въ рекруты». Помѣщикъ, несмотря на такой рѣшительный отказъ, снова и строгимъ образомъ подтвердилъ старостѣ требованіе этихъ денегъ; тогда староста, видя невозможность удовлетворить господина и боясь его, бѣжалъ въ Москву съ прошеніемъ на него государю отъ имени всѣхъ крестьянъ, которое 15 апрѣля 1797 года и было тамъ опущено въ ящикъ.

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, №№ 20 и № 2985, ч. II.

На основаніи этого прошенія ген.-прокуроромъ было послано предписаніе Саратовскому губернатору Ланскому произвести разслѣдованіе по дѣлу объ отягощеніи поборами Писаревымъ своихъ крестьянъ. Губернаторъ поручилъ это дѣло мѣстному земскому комиссару.

Между тѣмъ Писаревъ, узнавъ, что отъ его крестьянъ черезъ старосту подана на него жалоба государю, потребовалъ въ наказаніе съ нихъ 3000 р., угрожая старостѣ, если онъ не взыщетъ съ крестьянъ этой суммы, отдать дѣтей его въ рекруты. Получивъ этотъ приказъ, староста созвалъ крестьянъ, и такъ какъ исполнить требованіе господина они не могли, то рѣшено было снова жаловаться государю.

На эту жалобу послѣдовала Высочайшая резолюція: «взять надлежащую справку и доложить». На основаніи ея генералъ-прокуроръ вторично предписываетъ Ланскому произвести разслѣдованіе по дѣлу Писарева и его крестьянъ.

Но пока происходила эта переписка, Писаревъ продалъ свою вотчину поручику Алексѣю Горянову, «за которымъ крестьяне пребывали спокойно», какъ сообщилъ генералъ-прокурору вмѣсто разслѣдованія Саратовскій губернаторъ.[1])

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2885, ч. I, № 7.

22. Смоленская губернія.

Въ мартѣ 1797 года начались волненія крестьянъ въ Смоленской губерніи. Первымъ по времени было волненіе среди крестьянъ оберъ-провіантмейстера Алонкина Гжатскаго уѣзда, села Милякова съ деревнями.

Эти крестьяне были куплены Алонкинымъ 13 лѣтъ тому назадъ. Съ перваго же года владѣнія онъ обложилъ ихъ 6-рублевымъ ежегоднымъ оброкомъ съ души, а кромѣ того они обязаны были ежегодно обработать на него 600 дес., во время же, свободное отъ этой работы, заставлялъ и мужчинъ и женщинъ копать пруды, чистить сады и т. п. Работа была тяжелая, а помѣщикъ еще увеличивалъ ея тягость мучительными наказаніями, которымъ подвергалъ всѣхъ безъ различія пола за малѣйшую вину. Случалось, что беременныя женщины подъ побоями рождали мертвыхъ младенцевъ. Вслѣдствіе этого изнуренія отъ работы на помѣщика всѣ крестьяне пришли «въ нищее братство». Когда же крестьяне обратились къ нему съ просьбою облегчить ихъ тягости, «стали просить, пишутъ крестьяне въ своей жалобѣ на Алонкина государю, милости отъ него, онъ на это намъ показалъ свою милость», именно, съ каждаго двора потребовалъ явиться къ нему по одному человѣку и такъ жестоко всѣхъ ихъ наказалъ, что нѣкоторые отъ побоевъ умерли: дер. Хабиной—Максимъ Федотовъ, дер. Починокъ—Григорій Калининъ, дер. Дроздовой—Дарья Аристова. Отъ побоевъ же родили мертвыхъ младенцевъ дер. Дмитріевой—Авдотья Васильева, дер. Бубецкой—Авдотья Ефимова, дер. Шетенки—Дарья Афанасьева. Алонкинъ, такъ жестоко обращаясь со своими крестьянами, угрожалъ имъ еще большими жестокостями: «я васъ вскорѣ всѣхъ выказню! что и выполнилъ, добавляютъ крестьяне, 32 семьи въ край разорилъ и развезъ

по разнымъ мѣстамъ и фабрикамъ». Послѣднимъ по времени актомъ самоуправства Алонкина было присвоеніе имъ фруктоваго сада крестьянина Семенова, который послѣднему приносилъ до 100 рублей дохода въ годъ.

Эта жалоба была подана государю выборнымъ отъ крестьянъ 30 марта 1797 года. Но прежде чѣмъ послѣдовало по ней какое нибудь разслѣдованіе, крестьяне подали новое прошеніе на своего помѣщика, въ которомъ сообщали, что помѣщикъ ихъ, узнавъ о подачѣ на него жалобы, «сдѣлался еще пуще прежняго немилосерднымъ». Наканунѣ Троицына дня силою отнялъ онъ у крестьянъ хлѣбъ изъ засѣкъ, деньги и холстъ. Когда же кто являлся къ нему съ просьбою о возвращеніи отнятого, помѣщикъ жалобщика подвергалъ жестокому наказанію кнутомъ. Мстя крестьянамъ за подачу на него жалобы, Алонкинъ не позволилъ имъ засѣвать пашни, а себѣ заставилъ засѣять 100 дес. яровымъ хлѣбомъ. «Того ради, заключаютъ крестьяне свое прошеніе, Ваше Императорское Величество всеподданѣйше проспимъ, благоволи, Всемилостивѣйшій Государь, насъ взять въ казну!».

Кн. Куракинымъ на основаніи Высочайшаго повелѣнія было предписано Смоленскому губернатору произвести разслѣдованіе по этой жалобѣ и если окажется жалоба ложной, предать повѣреннаго крестьянъ, Терентія Миронова, суду. Губернаторъ поручилъ это разслѣдованіе Гжатскому уѣздному суду, на основаніи рапорта котораго донесъ генералъ-прокурору 8 октября 1797 г.: «по изслѣдованію оказалось, что крестьяне оберъ-провіантмейстера Алонкина, чтобы были изнуряемы поборами и разоряемы помѣщикомъ, не показали, а признались довольными».

Терентій Мироновъ за ложное донесеніе былъ преданъ суду, осужденъ, наказанъ кнутомъ и сосланъ въ вѣчную работу въ Нерчинскъ. Такъ печально окончилась для мірского ходака его миссія.

Сравнивая прошеніе крестьянъ съ ихъ отвѣтомъ Гжатскому земскому суду объ ихъ положеніи и объ отношеніи къ нимъ Алонкина, видимъ полную противоположность въ пока-

заніяхъ крестьянъ: въ первомъ случаѣ они жалуются на крайнее отягощеніе и поборы со стороны помѣщика, во второмъ — они сами даютъ показаніе, что они имъ довольны.

Когда же крестьяне говорили правду? Не трудно догадаться, что въ первомъ случаѣ.

Рѣшивъ жаловаться на помѣщика и отправивъ съ такой жалобой своего выборнаго, крестьяне отказались повиноваться помѣщику. Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній объ усмиреніи крестьянъ и о послѣдствіяхъ ихъ волненія для нихъ самихъ, но что это усмиреніе было и волненіе было подавлено вооруженной силой, видно изъ того краткаго сообщенія, которое дѣлаетъ губернаторъ М. М. Философовъ Императору Павлу въ своемъ общемъ донесеніи 16 іюня 1797 года о крестьянскихъ волненіяхъ въ Смоленской губерніи. Именно, онъ пишетъ: «для приведенія ихъ (крестьянъ Алонкина) въ должное повиновеніе велѣлъ я Курскому пѣхотному полку отрядить одну вооруженную роту при штабъ-офицерѣ».

Ясно, что когда Гжатскій земскій судъ обратился къ крестьянамъ Алонкина съ вопросомъ, довольны ли они своимъ помѣщикомъ, то крестьяне и не могли иначе отвѣтить, какъ только въ утвердительномъ смыслѣ.[1])

Одновременно съ крестьянами Алонкина началось волненіе крестьянъ помѣщицы Анны Вульфовой, жившихъ близъ имѣнія Алонкина. Крестьянъ у Вульфовой было всего 13 душъ. Ихъ экономическое положеніе было настолько неудовлетворительно, что Гжатскій исправникъ, явившійся на слѣдствіе въ имѣніе Вульфовой, въ своемъ рапортѣ губернатору выразился о нихъ: «крестьяне Анны Вульфовой въ крайнемъ находятся убожествѣ, коимъ принужденъ онъ, исправникъ, уже покупать на сѣмена хлѣбъ своими деньгами». Смоленскій военный губернаторъ Философовъ отправилъ для производства слѣдствія о причинахъ такого положенія крестьянъ Вульфовой совѣтника Зеленаго, въ то же время приказавъ казенной палатѣ отпускать крестьянамъ хлѣбъ изъ находившихся вблизи имѣнія

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. I, № 4.

Вульфовой казенныхъ запасныхъ магазиновъ. Совѣтникъ Зеленый нашелъ крестьянъ «въ самомъ бѣдномъ положеніи, даже рубахъ, одежды и пропитанія не имѣютъ». Причиной же служило отягощеніе помѣщицей ихъ поборами и работой. Вульфова, несмотря на требованіе совѣтника, отказалась давать крестьянамъ хлѣбъ на пропитаніе. По донесеніи объ всемъ этомъ Философову, послѣдній приказалъ гражданскому губернатору Аршеневскому взять деревню Вульфовой «въ казенный присмотръ подъ управленіе дворянской опеки», при чемъ изъ доходовъ часть должна была выдаваться госпожѣ только на самое необходимое, а остальное должно было употребляться на улучшеніе состоянія крестьянъ: «для поправленія крестьянъ и приведенія ихъ въ настоящій бытъ». [1])

Въ томъ же Гжатскомъ уѣздѣ обнаружилось волненіе среди крестьянъ бригадира Артемьева. И здѣсь поводъ къ волненію возникъ на почвѣ экономическихъ отношеній. Помѣщикъ бралъ съ крестьянъ по 12 руб. ежегоднаго оброка, между тѣмъ какъ Головинъ, прежній владѣлецъ, у котораго купилъ ихъ Артемьевъ, бралъ съ нихъ всего 7 рублей. Этотъ 12-рублевый оброкъ ложился очень тяжело на экономическое состояніе крестьянъ, но кромѣ оброка они должны были постоянно работать въ пользу владѣльца, даже въ воскресные дни: «а какъ есть, говорятъ въ своемъ прошеніи крестьяне, отъ Вашего Императорскаго Величества запрещеніе въ воскресные дни работать и почитать ихъ праздниками, а мы и единаго дня не преминуемъ безъ господской работы».

Рѣшивъ подать государю жалобу на своего помѣщика, крестьяне задумали для этого воспользоваться проѣздомъ Императора Павла изъ Москвы въ Смоленскъ, на каковомъ пути, они знали, будетъ ночевка въ Вязьмѣ. Выборный крестьянъ, Леонъ Фроловъ, для этой цѣли отправился въ Вязьму, гдѣ онъ «такъ обробѣлъ», что не подалъ жалобы и возвратился домой. Между тѣмъ Артемьевъ узналъ «черезъ злыхъ людей» объ этой неудачной попыткѣ крестьянъ жало-

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 27.

ловаться на него и сталъ еще болѣе ихъ притѣснять, главнаго же жалобщика, Фролова, «смертельно» наказалъ и обстригъ ему голову и бороду, а жену его съ 4-мя дѣтьми продалъ въ Тульскую губ. въ Ефремовскій уѣздъ г-жѣ Сухожиловой. Тогда крестьяне рѣшили послать жалобу свою въ Петербургъ все съ тѣмъ же Фроловымъ. Послѣдній въ Гатчинѣ опустилъ ее въ ящикъ. Жалоба достигла цѣли. Кн. Куракинъ доложилъ ее государю и послѣдовала резолюція: «дѣло сіе поручить разсмотрѣть губернатору. Ноября 12 дня 1797 г.».

Смоленскій губернаторъ поручилъ разслѣдованіе справедливости жалобы крестьянъ Артемьева предводителю дворянства и земскому исправнику. Послѣдніе донесли губернатору, что дѣйствительно до 1797 г. оброкъ крестьянъ былъ въ 12 руб. да кромѣ того положено было съ 2-хъ тяголъ одна подвода для привоза изъ Тульской губерніи зимою хлѣба. Если же не брались подводы, то вмѣсто нихъ взималось по 5 руб. Лѣтомъ помѣщикъ посылалъ крестьянъ въ другую свою вотчину, въ с. Величево, въ 15 верстахъ отъ Тарасовки, для уборки сѣна и хлѣба на одну недѣлю.

Съ 1797 года все это отмѣнено, и крестьне посажены на «господское хлѣбопашество», для котораго изъ 2-хъ тяголъ одно опредѣлено работать на владѣльца, а другое на себя. Но такъ какъ такое положеніе еще не установлено окончательно, тѣмъ болѣе, что и земли не хватаетъ на всѣхъ, то временно собирается съ крестьянъ съ двухъ сохъ или тяголъ по четверти ржи и овса, по четверику ячменя, конопли и крупы, по 10 ф. пеньки, по одному барану, гусю, поросенку, курицѣ, по 20 яицъ и по 10 ф. свѣжины. Сверхъ того возятъ крестьяне дрова и лѣсъ въ Величево. Каждая женщина должна напрясть изъ собственнаго льна семь талекъ. Для себя крестьяне сѣютъ хлѣбъ на тягло осьмины по 4 и соотвѣтственное количество высѣваютъ ярового, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ по недостатку своей земли арендуютъ пахотную землю и луга у сосѣднихъ владѣльцевъ. По воскреснымъ днямъ ни своихъ, ни господскихъ работъ крестьяне не производятъ «и принуждены къ тому отъ господина не бываютъ».

Губернаторомъ этотъ рапортъ былъ препровожденъ къ кн. Куракину, а послѣднимъ былъ доложенъ Императору. Результатъ доклада былъ записанъ кн. Куракинымъ: «Государь Императоръ дѣло сіе приказалъ оставить безъ дальнѣйшаго изслѣдованія, а просителя сего отдать помѣщику, о чемъ и написать къ губернатору. Куракинъ».

Жалоба крестьянъ Артемьева заключала въ себѣ два пункта: обремененіе непосильнымъ оброкомъ и требованіе работы на помѣщика въ воскресные дни вопреки манифесту 5 апрѣля 1797 г. Разслѣдованіемъ губернатора черезъ предводителя дворянства и земскаго исправника было установлено, что оброкъ помѣщикомъ уничтоженъ переводомъ крестьянъ на барщину, можетъ быть, подъ вліяніемъ жалобы крестьянъ государю, а къ работѣ въ воскресные дни, какъ доносили объ этомъ губернатору слѣдователи, помѣщикъ крестьянъ не принуждалъ. Жалоба вслѣдствіе этого осталась безъ послѣдствій.

Но не безъ послѣдствій она была для подававшаго ее Леона Фролова. Въ канцеляріи генер.-прокурора ему было приказано отправиться въ Смоленскъ къ губернатору для водворенія на старомъ мѣстожительствѣ. Изъ Смоленска его отправили въ Гжатскій земскій судъ, которымъ подъ росписку онъ былъ отданъ помѣщику Артемьеву. Послѣдній заковалъ его въ кандалы, обстригши предварительно половину головы и бороды. Въ заключеніи Фроловъ провелъ 4 недѣли. Затѣмъ помѣщикъ, вручивъ ему запечатанный конвертъ, приказалъ отправиться въ Тульскую губ. къ помѣщицѣ Сухожиловой, къ которой были отосланы имъ же раньше его жена и дѣти. «И я сему устрашился», пишетъ Фроловъ въ прошеніи, гдѣ описываетъ свои злоключенія, и вмѣсто исполненія воли помѣщика явился въ Гжатскій земскій судъ съ жалобой на господина. Исправникъ задержалъ его, а Артемьеву написалъ «любительно». Послѣдній пріѣхалъ, привезъ жену Фролова и трехъ дѣтей и всѣхъ ихъ отдалъ въ подарокъ исправнику, оставивъ 4-ую дочь Фролова у себя. Исправникъ, призвавъ Фролова, сталъ уговаривать его: «ты теперь мой крестьянинъ и будь мнѣ слуга». Но Фроловъ отвѣчалъ: «я тебѣ не слуга, а я посланъ отъ Его Императорскаго

Величества и также отъ Смоленскаго губернатора на старое жительство и къ старому господину». Въ отвѣтъ на это исправникъ отослалъ его на свой дворъ и «немилосердно» наказалъ плетьми. «И по нынѣ имѣю признаки», пишетъ Фроловъ. Затѣмъ исправникъ отправилъ его въ Смолепскъ, гдѣ онъ былъ преданъ суду и осужденъ на основаніи жалобы на него господина за буйство и дерзости къ ссылкѣ въ Екатеринбургъ на суконную фабрику. Съ дороги онъ бѣжалъ и подалъ новую жалобу на помѣщика за жестокое и несправедливое съ нимъ обращеніе. По этой жалобѣ ген.-прокуроромъ былъ сдѣланъ запросъ Смоленскому губернатору; послѣдній объяснилъ, что проситель дѣйствительно по суду приговоренъ къ ссылкѣ въ Екатеринбургъ, такъ какъ помѣщикъ Артемьевъ отказался его держать за буйное поведеніе и неповиновеніе. Чѣмъ окончилось все это дѣло, за отсутствіемъ данныхъ не извѣстно [1]).

Крестьяне помѣщицы по отцу Вороновой, по мужу Ваулиной, Гжатскаго уѣзда, села Колычева, въ своемъ прошеніи, поданномъ черезъ выборныхъ, Пароена Леонова и Трофима Семенова, жалуются вообще на угнетеніе ихъ помѣщицею и на обираніе крестьянъ управителемъ и старостою, послѣдніе, напр., по поводу рекрутскаго набора требовали съ крестьянъ рекрутскихъ денегъ 300 руб. и къ этой суммѣ взыскивали, «чтобы составить полнаго рекрута», еще 200 рублей. Когда же одинъ изъ крестьянъ отъ лица всѣхъ замѣтилъ старостѣ: «нынѣ мы слышали, что рекрутскій наборъ Ваше Императорское Величество Всемилостивѣйше изволили повелѣть отмѣнить», то оба, и староста и управитель, стали бить его и заключили въ оковы. «А прочія господскія подати, заключаютъ крестьяне свое прошеніе, хотя оныя и тягостны, однако безпрекословно платимъ».

Любопытна подпись подъ прошеніемъ: «Вмѣсто Семенова неграмотнаго писалъ прошеніе и руку приложилъ бывшій Гжатской округи уѣздный стряпчій, титулярный совѣтникъ Иванъ Матвѣевъ».

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. I, № 25.

Отвѣтомъ на это прошеніе было требованіе 9 апр. 1797 года отъ Ваулиной ген.-прокуроромъ объясненія черезъ губернатора по поводу жалобы на нее крестьянъ, при чемъ Ваулина увѣдомлялась, что подававшіе прошеніе, Пароенъ Леоновъ и Трофимъ Семеновъ, по Всевысочайшему соизволенію прощены и отпущены въ свои жилища съ тѣмъ, чтобы явились къ помѣщицѣ. Отъ губернскаго же предводителя дворянства Потемкина Ваулина получила извѣщеніе, что ему ген.-прокуроромъ предписано подававшихъ государю на нее жалобу крестьянъ взять подъ свое покровительство, чтобы они ни отъ нея, Ваулиной, ни отъ пославшихъ ихъ крестьянъ не подвергались никакому преслѣдованію, никакимъ взысканіямъ.

Ваулина представила ген.-прокурору подробное объясненіе, въ которомъ, отрицая справедливость жалобы крестьянъ на отягощеніе со стороны ея оброками и работами, сообщаетъ, что съ каждаго тягла на помѣщичью работу употребляется только половина работниковъ, а другая половина остается свободной для исполненія своихъ собственныхъ работъ. Денежнаго сбора крестьяне никакого не платятъ, кромѣ рекрутскаго да и то съ пособіемъ помѣщицы. Такъ велось дѣло еще при покойномъ ея мужѣ въ теченіе 24 лѣтъ, такъ и она въ теченіе 5 лѣтъ своего вдовства ведетъ его безъ всякихъ измѣненій.

«И я отъ нихъ никакого ни на кого ропота не слыхала», пишетъ Ваулина.[1])

То, что вызывало у Ваулиной горестное недоумѣніе, для насъ вполнѣ понятно. Допустимъ, что въ теченіе этихъ 29 лѣтъ помѣщица и крестьяне жили, что называется, душа въ душу. Но вотъ настало царствованіе Императора Павла. Рядъ указовъ имѣлъ въ виду интересы крестьянъ. Новый государь очевидно благоволилъ къ крестьянамъ. Надежда на свободу, скрытая гдѣ то глубоко въ крестьянскихъ сердцахъ, зашевелилась и потребовала выхода. Тѣ условія жизни, какъ, напр., у Ваулиной, которыя прежде считались хорошими, становятся невыносимыми, и крестьяне съ своей точки зрѣнія правы, жалуясь на тяжесть своего положенія.

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, ч. II.

Если вообще крѣпостнымъ крестьянамъ тяжело жилось, то тѣмъ болѣе должны были испытывать тяжесть крѣпостной зависимости тѣ изъ нихъ, которые недавно сравнительно лишились свободы. Конечно, они хватаются за малѣйшую возможность возвратить ее.

Въ такомъ положеніи мы видимъ крестьянъ Порѣцкаго уѣзда села Каспли, которые въ количествѣ 211 душъ до 5 марта 1797 г. входили въ составъ дворцовой волости, а съ этого числа въ силу Именного указа стали принадлежать полковнику Ивану Адамовичу. Отъ этого дѣла сохранилось только одно прошеніе крестьянъ, въ которомъ они жалуются, что ихъ новый помѣщикъ обложилъ ихъ оброкомъ въ 2 р. 50 к. съ души, забралъ къ себѣ въ домъ для услугъ мальчиковъ дворовыхъ людей и, самое главное, вывезъ «изъ хлѣбнаго Вашего Императорскаго Величества магазина ссыпанный нашими крестьянами разный хлѣбъ: ржи—36 четвертей, овса—25 четв., гречихи—25 четв. По какому повелѣнію оный хлѣбъ взялъ, о семъ крестьяне свѣдѣнія не имѣютъ, а мы останемся безъ всякаго (на случай нужды) пропитанія» [1]).

Крестьяне помѣщика Бѣльскаго уѣзда Селицкаго возстали противъ своего помѣщика въ іюнѣ 1797 года, но, какъ можно судить по донесенію ген.-прокурору губернскаго прокурора Новало-Швыйковскаго, Бѣльскимъ нижнимъ земскимъ судомъ приведены были въ прежнее повиновеніе помѣщику. Два «начальствующіе» крестьянина, Евстафій Яковлевъ и Григорій Фадѣевъ, были арестованы и отосланы въ уѣздный судъ. Тотъ же Новало-Швыйковскій донесъ ген.-прокурору о волненіи крестьянъ отставного прапорщика Полуехтова Смоленскаго уѣзда, дер. Боровки. Это волненіе произошло въ августѣ 1797 года и было гораздо серьезнѣе, чѣмъ у Селицкаго. Усилія исправника Ловейки не привели къ удовлетворительнымъ результатамъ. Губернаторъ командировалъ въ его распоряженіе отрядъ въ 60 солдатъ, съ помощью которыхъ только волненіе было усмирено, при чемъ 6 крестьянъ, какъ зачинщики волненія,

---

[1]) *Государств. Архивъ.* VII разрядъ, № 2985, ч. I, № 32.

и священникъ села Могутова были арестованы и отданы подъ судъ, а остальные крестьяне были наказаны плетьми на мѣстѣ. Поводомъ къ волненію и къ аресту священника послужило то обстоятельство, что, какъ показали крестьяне на допросѣ, священникъ послѣ литургіи въ церкви читалъ имъ указъ, «дабы крестьянамъ по воскреснымъ днямъ не работать и помѣщикамъ своихъ крестьянъ не наказывать». [1])

Крестьяне помѣщика Бѣльскаго уѣзда, поручика Николая Нахимова, въ концѣ ноября 1797 г. рѣшили просить у государя объ облегченіи своего положенія. Съ этой цѣлью выборные ихъ въ числѣ 7 человѣкъ отправились къ одному солдатскому сыну, жившему въ этомъ же уѣздѣ, который и написалъ имъ жалобу государю отъ имени всѣхъ крестьянъ Нахимова.

Эта жалоба однимъ изъ выборныхъ, Пароеномъ Ивановымъ, была подана въ Петербургѣ, но не была принята, и крестьяне по возвращеніи посланнаго снова обратились къ тому же солдатскому сыну; жалоба была написана вторично, но теперь уже отъ лица Парѳена Иванова, который и понесъ ее въ Петербургъ. Эта вторая жалоба была принята и ген.-прокуроромъ доложена Императору Павлу.

Въ докладѣ кн. Куракинъ пишетъ: «По Высочайшему повелѣнію Вашего Императорскаго Величества отъ стат. сов. Нелединскаго-Мелецкаго прислано ко мнѣ прошеніе Смоленской губерніи крестьянина Парѳена Иванова, который и самъ, ко мнѣ явясь, приноситъ жалобу на помѣщика Нахимова». Крестьяне жаловались, что Нахимовъ требовалъ отъ нихъ работы даже въ праздничные дни, 120 душъ изъ нихъ перевелъ въ Малороссію, и этимъ переводомъ совсѣмъ ихъ разорилъ, «дѣлаетъ непстовства» съ ихъ женами и особенно съ малолѣтними дочерьми, отчего многія изъ послѣднихъ умерли.

Нѣсколько лѣтъ назадъ крестьянинъ Саленковъ жаловался на помѣщика въ судъ, но на судѣ вмѣсто разбора дѣла судили самого Саленкова и сослали въ ссылку.

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 27.

На этомъ докладѣ записана слѣдующая резолюція Императора Павла: «Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ разсмотрѣніе сего дѣла поручить господину Философову. Куракинъ». Слѣдствіе по этой жалобѣ было произведено Смоленскимъ губернаторомъ черезъ Бѣльскій земскій судъ, разсмотрѣвъ которое Первый Департаментъ Суда и Расправы «нашелъ доносъ означеннаго крестьянина (Пароена Иванова) ложнымъ и потому опредѣлилъ, наказавъ его въ вотчинѣ кнутомъ, отослать въ Нерчинскъ въ работу» [1]).

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. I. № 27.

23. Кіевская губернія.

Въ Кіевской губерніи крестьянскія волненія обнаружились въ мартѣ 1797 г. въ двухъ пунктахъ: въ мѣстечкѣ Дымерѣ и въ деревнѣ Костюженкѣ. Крестьяне Дымера, принадлежавшіе старостѣ Голіевскому, отказались ему повиноваться, опираясь на мѣщанское право, которое ихъ «отъ того освобождаетъ». Соотвѣтствующая просьба объ освобожденіи ихъ отъ власти помѣщика была подана крестьянами въ губернское правленіе, которое опредѣлило передать въ судъ для разбора просьбу крестьянъ, а до тѣхъ поръ предписало имъ быть по прежнему въ повиновеніи у помѣщика. Староста же по опредѣленію правленія обязанъ былъ смягчить свои требованія по отношенію къ крестьянамъ. Но крестьяне, не ожидая судебнаго разбирательства, «возмечтавъ о своей свободѣ», отказались повиноваться помѣщику, къ нимъ присоединились крестьяне деревни Кастюженки. «Для внушенія имъ ихъ обязанности и отвращенія отъ заблужденія» губернаторомъ отправлены были къ возмутившимся директоръ Экономіи Невѣровскій и окружной смотритель Кругловъ. Когда же увѣщанія этихъ лицъ не подѣйствовали, была отправлена штатная команда, при которой крестьяне Кюстюженки принесли повинную и признались, что къ возмущенію ихъ побудили Дымерскіе крестьяне, изъ которыхъ было взято подъ стражу и предано суду 19 человѣкъ, а для усмиренія остальныхъ въ Дымерѣ была расположена рота Кіевскаго гренадерскаго полка [1]).

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 19.

24. Казанская губернія.

Въ Казанской губерніи крестьянское движеніе хотя, повидимому, не имѣло широкаго распространенія, судя потому, что среди нашихъ источниковъ сохранилось одно только свидѣтельство этого рода, но и его одного достаточно, чтобы судить о характерѣ этого движенія. Свидѣтельство это заключается въ жалобѣ на свою помѣщицу крестьянъ Чистопольскаго уѣзда, сельца Тырчи, вотчины поручицы Акулины Гавриловны Масловой. Крестьяне черезъ своего повѣреннаго, односельчанина Михаила Моисеева, жалуются на разореніе вслѣдствіе чрезмѣрныхъ поборовъ помѣщицы, а именно, денежнаго оброка съ души берется съ нихъ по 15 руб., каждый долженъ вспахать, засѣять и убрать на нее десятину ржи; изъ столоваго запаса каждый изъ крестьянъ обязанъ дать мяса свиного 10 фунт. и поросенка, каждая баба—масла коровьяго 5 ф., холста—30 арш., бѣли по талькѣ, шерсти пряденой и сученой по 2 фунта. Когда крестьяне привозятъ помѣщицѣ въ Москву, гдѣ она живетъ, оброкъ и запасъ, то она держитъ ихъ по полугоду и году, а за кормъ съ каждой лошади беретъ по три рубля; въ концѣ концовъ лошадей продаетъ, деньги же беретъ себѣ и такимъ образомъ въ теченіе 5 лѣтъ она продала 26 лошадей. Крестьянъ не кормитъ совсѣмъ, такъ что имъ приходится просить по улицамъ Христа ради. Съ голода умерло два мужика и одна дѣвка.

Съ тѣхъ же крестьянъ, что на тяглой работѣ, помѣщица беретъ сверхъ тяглаго оклада еще денежнаго оброка съ тягла по 6 руб. Если кто изъ ея крестьянъ задумаетъ жениться, то долженъ явиться съ невѣстой къ ней въ Москву, гдѣ и вѣнчаются, а лошадей она продаетъ въ свою пользу. И теперь, жалуются крестьяне, 6 человѣкъ явились къ ней съ запасомъ

и денежнымъ оброкомъ на четвертой недѣлѣ Великаго поста: госпожа отобрала у нихъ лошадей и продала, а эти 6 человѣкъ, не получая отъ нея никакого содержанія, ходятъ по дворамъ за милостыней. Положеніе дворовыхъ у такой госпожи еще было хуже. Имъ, правда, выдавалось содержаніе, но... по 1/4 ф. хлѣба въ сутки на человѣка, и больше ничего; что-же касается одежды и обуви, то изъ нея ничего не получаютъ, такъ что имъ постоянно приходится питаться мірскимъ подаяніемъ.

«Всемилостивѣйшій Государь! благоволите приказать показанной госпожѣ нашей, отъ которой мы не отрекаемся, также и управителю ея, чтобы они содержали насъ, какъ и прочіе господа содержатъ своихъ крестьянъ, и какъ голодомъ, такъ и холодомъ насъ не морила, излишнихъ податей съ насъ не брала и тѣмъ бы насъ въ конечное разореніе не привела, отчего бы мы въ состояніи были платить Вашему Императорскому Величеству подати и себѣ имѣть пропитаніе. Всемилостивѣйшій Государь! просимъ Ваше Императорское Величество о сей нашей жалобѣ отеческое рѣшеніе учинить. Мартъ 1797 года» [1]).

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. I, № 32.

25. Воронежская губернія.

Генералъ-адъютанту Ѳ. В. Растопчину Императоромъ Павломъ были пожалованы въ числѣ другихъ милостей въ Воронежской губерніи, въ Бобровскомъ уѣздѣ, крестьяне, жившіе въ трехъ селахъ: въ Верхней Тойдѣ, Аннѣ и Масаловкѣ. Растопчинъ отправилъ въ апрѣлѣ 1797 года отставного поручика Василія Сергѣева въ эти села объявить крестьянамъ, что они будутъ не оброчные, а барщинные и чтобы «они принимались за хлѣбопашество». Сергѣевъ былъ въ Верхней Тойдѣ, Аннѣ и пріѣхалъ наконецъ въ Масаловку. Во всѣхъ трехъ селахъ крестьяне отвѣтили на этотъ приказъ ихъ новаго господина согласіемъ, самого же Сергѣева «приняли хорошо». Но часовъ черезъ пять послѣ его пріѣзда въ Масаловку сюда собрались крестьяне изъ Верхней Тойды и Анны, всего болѣе 700 душъ, и потребовавъ къ себѣ Сергѣева, объявили ему, что они «не хотятъ упражняться въ земледѣліи и исполнять волю ихъ господина», при чемъ одинъ изъ крестьянъ въ гнѣвѣ «стучалъ пальцемъ въ грудь» Сергѣева. Когда увѣщанія Сергѣева не подѣйствовали на крестьянъ, онъ, боясь какого нибудь насилія съ ихъ стороны, предложилъ имъ письменно изложить свое несогласіе и свои требованія, которыя онъ передастъ владѣльцу. Обманъ удался. Крестьяне повѣрили ему и отправились къ своему приходскому священнику, жившему въ этомъ же селѣ. Послѣдній вскорѣ вмѣстѣ съ крестьянами пришелъ къ Сергѣеву и спросилъ его: «мужики меня просятъ написать имъ бумагу, такъ что въ ней писать?» Сергѣевъ отвѣчалъ: «что хотите, то и пишите». Священникъ съ крестьянами удалился, а Сергѣевъ, котораго пока оставили въ покоѣ, тайно ночью бѣжалъ изъ Масаловки въ Анну, откуда, такъ какъ и тамъ нашелъ «таковое же возмущеніе», поѣхалъ въ Верхнюю Той-

ду. Здѣсь онъ увидѣлъ «великую» толпу крестьянъ въ сильномъ возбужденіи, а среди толпы жившаго въ этомъ же селѣ отставного подпоручика Зюзина, который при Сергѣевѣ подошелъ къ управляющему, отставному маіору Мельгунову, и сказалъ послѣднему: «Вы требуете отъ мужиковъ подписки, что они не хотятъ слушаться? когда хотите, я вамъ оную отъ нихъ напишу».

При этомъ, по увѣренію Сергѣева, онъ говорилъ, обращаясь къ крестьянамъ, что если они будутъ на оброкѣ, то помѣщикъ не можетъ ихъ ни продать, ни заложить; а если будутъ на пашнѣ, и то и другое будетъ имѣть право сдѣлать да и указъ такой «при отказѣ ихъ за господина» былъ читанъ.

Видя крестьянъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, Сергѣевъ и Мельгуновъ рѣшили уѣхать изъ села, чтобы дать знать суду и помѣщику о неповиновеніи крестьянъ. Подъ предлогомъ необходимости получить письма въ Бобровѣ оба они уѣхали въ городъ, гдѣ на другой день въ домѣ городничаго увидѣли двухъ крестьянъ, въ которыхъ узнали «самыхъ главныхъ бунтовщиковъ,» пришедшихъ съ написаннымъ и подписаннымъ рукой Зюзина приговоромъ крестьянъ селъ Верхней Тойды и Масаловки для полученія на годъ паспортовъ въ Москву и Петербургъ. По просьбѣ Сергѣева оба крестьянина были арестованы городничимъ, а самъ Сергѣевъ уѣхалъ въ Москву для донесенія обо всемъ случившемся Растопчину.

Растопчинъ, выслушавъ Сергѣева, отправилъ его къ кн. А. Б. Куракину, снабдивъ слѣдующимъ письмомъ.

«Voici mon homme d'affaire. Il faudra que vous le pardonniez de se presenter en frac, quand vous saurez que les paysans ont pris son uniforme. J'ai donné ce matin à M-r Nelidow une forme de l'oukaze que l'on devait expedier au régiment de la Petite Russie a Orel, et il en a parlé à l'empereur qui a ordonné de le lui donner à signer demain. Il a fait un qui pro quo. Je joins une petite Note. Et je vous pris de me faire savoir demain ce qu'il en sera. J'ai d' honneur de vous saluer et de vous souhaiter une bonne Nuit, car je vais me coucher».

Кромѣ этого Растопчинъ о неповиновеніи своихъ крестьянъ послалъ, повидимому, къ Нелидову, очень любопытное письмо, въ которомъ онъ высказываетъ свой взглядъ на участіе въ крестьянскихъ волненіяхъ духовенства.

«Въ пожалованныхъ мнѣ деревняхъ въ Воронежской губерніи крестьяне, по пріѣздѣ къ нимъ управителя, прогнали его. Ихъ взбунтовалъ живущій тамъ отставной подпоручикъ Зюзинъ и къ нему по обыкновенію присталъ попъ. Губернаторъ послалъ взять подъ караулъ Зюзина и попа; а двое изъ начальниковъ между крестьянами сидятъ въ городѣ Бобровѣ въ тюрьмѣ. Прошу повелѣть въ Малороссійскій Кирасирскій полкъ, который въ Орлѣ и отъ сихъ деревень разстояніемъ въ 250 верстахъ, чтобы въ нихъ послать два эскадрона и тамъ побыть нѣсколько времени».

На основаніи извѣстія, полученнаго кн. Куракинымъ отъ Ѳ. В. Растопчина о волненіи крестьянъ послѣдняго и о возмущеніи ихъ Зюзинымъ, генералъ-прокуроръ предписалъ Воронежскому губернатору Новикову разслѣдовать дѣло о неповиновеніи крестьянъ, а Зюзина съ присланнымъ курьеромъ прислать къ нему. 29 апрѣля 1797 г. губернаторъ передалъ курьеру Зюзина, о крестьянскомъ же волненіи сообщилъ, что Бобровскій нижній земскій судъ отправился въ деревни Растопчина, гдѣ на допросахъ крестьяне единогласно показали, что «приказано имъ производить отъ управителя господина ихъ хлѣбопашество, то они до тѣхъ поръ, пока отъ господина своего получатъ письменное приказаніе, не дѣлаютъ. Денежный же оброкъ давать не отрекаются и управителю кромѣ опаго во всемъ послушны; бунта и упорства противъ управителя никакого не дѣлали и дѣлать не намѣрены».

Тѣмъ не менѣе 2 арестованныхъ въ Бобровѣ крестьянина и 20 другихъ, признанныхъ наиболѣе виновными, были преданы суду и присуждены Воронежской Палаты суда и расправы 1-мъ департаментомъ къ жестокимъ наказаніямъ: два первыхъ къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ каторжную работу, а 20 чел. были наказаны плетьми. Дѣло это было за-

кончено въ теченіе мѣсяца, такъ какъ приговоръ состоялся уже 2-го іюня 1797 г.

Гораздо дольше и болѣе сложнымъ и серьезнымъ образомъ шло дѣло Зюзина. Привезенный изъ Воронежа къ кн. Куракину, Зюзинъ былъ отосланъ въ Тайную Экспедицію, гдѣ ему были предложены слѣдующіе вопросные пункты:

1. Какъ его зовутъ, сколько лѣтъ отъ роду, съ какого времени на службѣ и когда въ отставкѣ?

2. Давно ли и почему жилъ въ деревнѣ Верхней Тойдѣ?

3. Зналъ ли онъ о пожалованіи генералъ-адъютанту Растопчину этихъ деревень?

4. Что побудило вмѣшаться его въ толпу волнующихся крестьянъ и что онъ имъ совѣтовалъ?

5. О какой подпискѣ говорилъ онъ маіору Мельгунову, которую отъ имени крестьянъ хотѣлъ написать?

6. На какомъ основаніи говорилъ онъ о разницѣ въ положеніи крестьянъ барщинныхъ и оброчныхъ, какой указъ объ этомъ былъ читанъ въ церкви, кѣмъ и когда?

7. Какой приговоръ писалъ онъ бунтующимъ крестьянамъ и какъ онъ осмѣлился вмѣшиваться въ дѣла, его совсѣмъ не касавшіяся?

Изъ опредѣленныхъ, точныхъ, хотя и краткихъ, отвѣтовъ на эти вопросы Зюзина выяснилось, что отъ роду ему было 37 лѣтъ, былъ онъ изъ солдатскихъ дѣтей, въ службѣ былъ съ 1777 года, въ отставкѣ съ 1791 года. Въ дер. Верхней Тойдѣ жилъ онъ, выйдя въ отставку, у своего отца, отставного солдата, а съ 1796 г. былъ нанятъ крестьянами «для письменныхъ дѣлъ». О пожалованіи деревень Ростопчину онъ, конечно, зналъ. Что касается участія его въ волненіи крестьянъ и подписки, о которой онъ спрашивалъ Мельгунова, то дѣло это происходило такъ.

10 апрѣля былъ присланъ управляющимъ въ деревни, пожалованныя Ѳ. В. Растопчину, маіоръ Александръ Мельгуновъ, который явился въ с. Верхнюю-Тойду и въ теченіе трехъ сутокъ о чемъ-то толковалъ съ крестьянами, что для Зюзина осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ въ этихъ совѣща-

ніяхъ онъ не принималъ участія. На четвертый день староста пригласилъ Зюзина на сходъ, гдѣ крестьяне стали просить его написать заявленіе отъ нихъ, которое будто бы требуетъ управляющій, что они «на пахоту не желаютъ, а желаютъ на оброкъ».

Чтобы выяснить этотъ вопросъ, и отправился Зюзинъ къ Мельгунову, котораго спросилъ: «прикажите ли написать отъ крестьянъ къ Вамъ подписку, что они не желаютъ на пахоту, а желаютъ на оброкъ»? Мельгуновъ на это отвѣтилъ: «подписка мнѣ не нужна, я и слову вѣрю». О различіи положенія крестьянъ барщинныхъ и оброчныхъ онъ, пишетъ Зюзинъ, никогда не говорилъ, равно какъ не говорилъ ни о какомъ указѣ по этому поводу.

Что же касается писаннаго имъ приговора отъ крестьянъ для полученія паспортовъ выборнымъ, отправлявшимся къ владѣльцу съ просьбой «о положеніи ихъ на оброкъ», то въ этомъ случаѣ по его мнѣнію онъ поступилъ правильно, такъ какъ крестьяне посылали своихъ выборныхъ къ своему господину, а не къ чужому.

На докладъ государю о Зюзинѣ, сдѣланный кн. Куракинымъ на основаніи приведенныхъ отвѣтовъ, послѣдовала слѣдующая резолюція: «отослать Зюзина къ суду для поступленія по законамъ. 2 мая 1797 г.».

По этой резолюціи дѣло о Зюзинѣ было передано въ 1-й департаментъ Воронежской Палаты суда и расправы. Обвинялся онъ въ возмущеніи крестьянъ Ѳ. В. Ростопчина на основаніи доноса объ этомъ въ судъ управляющаго маіора Мельгунова.

Съ этими обвиненіями мы уже знакомы по вопроснымъ пунктамъ Зюзину въ Тайной Экспедиціи. Къ нимъ Мельгуновъ прибавилъ еще, что онъ «мимоходомъ» слышалъ, что Зюзинъ съ нѣсколькими ослушниками изъ крестьянъ намѣревался ѣхать къ государю съ просьбой о защитѣ противъ помѣщика. Кромѣ этого матеріала для суда надъ Зюзинымъ Палата располагала еще двумя рапортами солдата Любимова, въ одномъ изъ которыхъ послѣдній доносилъ, что, отправившись по инструкціи ему данной, къ Зюзину, чтобы его представить въ судъ, встрѣтилъ

со стороны Зюзина ослушаніе, такъ какъ послѣдній заявилъ, что онъ въ судъ «за домашними недосугами» явиться не можетъ. Инструкцію, которую ему представилъ солдатъ, оставилъ у себя, говоря, что она принадлежитъ ему. Во время этого посѣщенія Зюзина солдатъ замѣтилъ близъ его двора множество собравшихся крестьянъ. Другимъ рапортомъ тотъ же солдатъ доносилъ, что онъ вторично былъ судомъ командированъ къ Зюзину, уже съ понятыми, для ареста Зюзина и снова засталъ большую толпу крестьянъ близъ его дома, но самого Зюзина, хотя и обыскалъ его домъ, нигдѣ не нашелъ, и гдѣ онъ находился, ни отъ кого узнать не могъ.

На предъявленные ему обвинительные пункты Зюзинъ далъ такіе отвѣты, какъ и въ Тайной Экспедиціи, ѣхать же къ государю съ выборными крестьянами никогда не собирался. Явиться въ судъ по требованію посланнаго солдата не могъ дѣйствительно по домашнимъ обстоятельствамъ, при второмъ появленіи солдата съ понятыми его не было дома, такъ какъ онъ ѣздилъ въ лѣсъ «для рубки на посуду обручей». Собранія же крестьянъ близъ его двора никогда не было. Эти свои показанія Зюзинъ «при чтеніи и на священническомъ увѣщаніи утвердилъ». Такъ какъ отвѣты Зюзина опровергали обвиненія Мельгунова, то отъ послѣдняго судъ потребовалъ доказательства его обвиненія Зюзина въ возмущеніи крестьянъ.

Но Мельгуновъ «ничего яснаго и обстоятельнаго къ винѣ онаго Зюзина» не представилъ, а только, настаивая на своемъ обвиненіи, утверждалъ, что «чинимое имъ, Зюзинымъ, запирательство есть стремленіе скрыть свою виновность и къ оправданію его служить не можетъ». Онъ Зюзина увѣщевалъ, писалъ Мельгуновъ, не возмущать крестьянъ, напоминая ему наказанія, какія за это слѣдуютъ, и судьбу подпоручика Федосѣева. [1]) Когда Зюзину были предъявлены эти новыя обвиненія, онъ отъ всего этого отрекся: не слышалъ отъ Мельгунова такихъ увѣщаній да и не могъ слышать, потому что не подавалъ къ нимъ повода. При этомъ Зюзинъ просилъ дать

[1]) См. IV главу.

ему очистительную присягу. Но Палата не нашла нужнымъ подвергать Зюзина присягѣ по силѣ Воинскаго процесса 2-й части 5 главы 5-го, 6-го съ отдѣленіями и 7-го пунктовъ. [1]) Эта полная бездоказательность обвиненій Мелгунова и объясненія, которыя далъ на нихъ Зюзинъ, привели судъ къ убѣжденію въ невинности Зюзина, Мельгуновъ же на Зюзина «учинилъ донось не по сходству» Воинскаго устава 148 артикула [2]) и процесса II части 1-й главы 2-го пункта [3]), а его обвиненіе не доказано ни однимъ «изъ 4-хъ родовъ доказовъ, означенныхъ того же процесса 1-й главы, 6-го пункта въ 1, 2, 3, и 4

---

[1]) 5 пунктъ—«Также отвѣтчика къ такой присягѣ принуждать не надлежитъ развѣ причина ево однимъ свидѣтелемъ очищена, или имѣетъ еще въ полуподозрѣніи».

6 п.—«Между прочимъ послѣдующія причины, когда злое дѣйство учинено, въ подозрѣніи имѣются: 1) Когда отвѣтчикъ бѣжать вознамѣрится; 2) Когда съ другими злодѣями въ компаніи былъ; 3) Ежели онъ напередъ сего равныя же чинилъ злыя дѣйства; 4) Когда на опыхъ, которыхъ прежде того обидѣлъ, грозился; 5) Ежели онъ передъ судомъ двоякое учинилъ доношеніе и будетъ свои слова толковать инако; 6) Буде онъ въ другихъ мѣстахъ признаетъ нѣчто изъ своихъ дѣйствъ, или тѣмъ похвалится; 7) Или когда достовѣрный свидѣтель при томъ присудственъ былъ».

7 п.—«Токмо судьямъ не надлежитъ вскорѣ онаго къ присягѣ принуждать, но прежде всемѣрно трудиться чрезъ иные способы правду извѣдать, понеже сія присяга презираема и осторожности достойна есть». Артикулъ воинскій съ краткими толкованіями и съ процессами. СПБ. 1787 г. 322 и 324.

[2]) «Челобитчикъ имѣетъ челобитье свое право доносить, и остерегать себя, чтобъ ничего не прибавлять, чего доказать не можетъ, что подлинно учинено; а ежели не правое челобитье учинитъ, то и онъ наказанъ будетъ равно какъ и другіе». Ibid., 174.

[3]) «Паче всего надлежитъ челобитчику жалобы свои исправно доказать, ибо ежели челобитчикъ онаго, о чемъ онъ жалобу приноситъ, доказать не можетъ, то можетъ потомъ отвѣтчикъ отъ суда освобожденъ быть. Будежъ оное дѣло тяжкаго есть обвиненія, и челобитчикъ онаго доказать не могъ, тогда надлежитъ его противъ Уложенія наказать». Ibid., 292.

отдѣленіяхъ»[1]). Невинность Зюзина для Палаты была ясна и «при тончайшемъ изслѣдованіи», во время слѣдствія надъ крестьянами, виновными въ неповиновеніи помѣщику: какъ бы ни мало принималъ участія Зюзинъ въ безпорядкахъ крестьянъ, но это участіе непремѣнно открылось бы, но ни одинъ изъ крестьянъ даже не упомянулъ о Зюзинѣ. Волненіе же крестьянъ Растопчина произошло, какъ видно изъ ихъ собственныхъ показаній, отъ того, что управляющій Мельгуновъ не объявилъ имъ, что его распоряженіе о барщинѣ есть приказаніе ихъ господина.

На основаніи этого разслѣдованія Палата оправдала Зюзина. «А по всѣмъ вышеписаннымъ резонамъ и по статьѣ Воинскаго процесса 2-ой части 5 главы 9-го пункта[2]), учинить его, Зюзина, отъ сего дѣла свободнымъ безъ всякаго штрафа».

За то Мельгунову за неосновательный донось, «дабы онъ впредь былъ осмотрительнѣе и безъ ясныхъ доказательствъ никакихъ протестовъ не дѣлалъ», долженъ былъ быть сдѣланъ по приговору Палаты въ присутствіи суда строгій выговоръ. И кромѣ того Зюзину было отъ суда объявлено, что если онъ отъ Мельгунова «чувствуетъ обиду», то можетъ на Мельгунова на основаніи законовъ жаловаться, гдѣ слѣдуетъ, особо. Все дѣло о Зюзинѣ было доложено Императору Павлу и вызвало слѣдующую резолюцію: «оставить сіе дѣло въ надлежащемъ теченіи. Августа 2 дня 1798 года»[3]).

---

[1]) «Впрочемъ на четыре образа бываютъ доказы:
1) Чрезъ своевольное признаніе.
2) Чрезъ свидѣтелей.
3) Чрезъ письменные доводы.
4) Чрезъ присягу». Ibid., 294.

[2]) «Буде же отвѣтчикъ оной присяги учинить не можетъ, то правда, что за виннаго содержанъ будетъ. Но понеже къ свидѣтельствованію явные и довольные требуются доказы, того ради судьѣ надлежитъ въ смертныхъ дѣлахъ пристойнымъ наказаніемъ его наказать опасаться; но толь паче чрезвычайно наказать, понеже лучше есть 10 виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго къ смерти приговорить». Ibid., 326.

[3]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, №2918, № 22.

26. Симбирская губернія.

На крестьянскія волненія въ Симбирской губерніи мы имѣемъ одно только указаніе, но достаточно характерное для того, чтобы заключить, что и здѣсь они имѣли тотъ же характеръ и обнаруживались по тѣмъ же поводамъ, какъ и въ остальныхъ губерніяхъ. Крестьянинъ Василій Борисовъ отъ лица своихъ односельчанъ, 270 д. крестьянъ дер. Новоселки, Курмышскаго уѣзда, принадлежавшихъ поручику А. Н. Приклонскому, подалъ Императору Павлу въ апрѣлѣ 1797 г. жалобу на помѣщика, въ которой онъ жалуется, что Приклонскій въ прошломъ, 1796 году, во время рекрутскаго набора, «въ противность Вашего Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго о не продаваніи ни подъ какимъ предлогомъ въ рекруты людей указа» продалъ 29 человѣкъ, послѣ которыхъ остались престарѣлые отцы, матери, жены и малолѣтнія дѣти, принужденные кормиться мірскимъ подаяніемъ, а оставшіеся крестьяне должны государственныя повинности и помѣщичій оброкъ вносить «съ пуста», что, конечно, будетъ для нихъ всѣхъ большимъ отягощеніемъ.

Что касается проданныхъ въ рекруты, то крестьяне узнали, что они до времени подачи ихъ жалобы еще не поступили въ полки, а находятся въ командахъ въ деревняхъ Нижегородской губерніи. На этомъ основаніи они просятъ:

«Всемилостивѣйшій Государь! Повелите отданныхъ въ рекруты крестьянъ, какъ оные еще въ службу къ полкамъ не причислены, возвратить по прежнему въ нашу вотчину, а съ тѣхъ, кои въ противность Вашего Императорскаго Величества указа покупали, истребовать другихъ, дабы черезъ то можно пресѣчь въ рекруты продажу; да и господину нашему Андрею

Николаевичу Приклонскому по одному человѣку выборомъ изъ семей запретите продавать; если же ему состоять будетъ въ деньгахъ надобность, то бы могъ продавать семьями и цѣлымъ имѣніемъ». Вслѣдствіе неграмотности Василія Борисова «по прошенію его руку приложилъ города Мурома купецъ Крюковъ».

Жалоба эта не осталась безрезультатной: такъ мы можемъ судить по сохранившемуся предложенію ген.-прокурора Приклонскому дать объясненіе по поводу этой жалобы и предписанію его же Симбирскому губернатору взять подъ свое покровительство жалобщика Василія Борисова. Сохранился еще отвѣтъ губернатора ген.-прокурору, въ которомъ первый пишетъ, что «во исполненіе онаго предписанія выполненіе чинить я не премину». Къ сожалѣнію, нѣтъ ни отвѣта Приклонскаго, ни разслѣдованія губернатора справедливости жалобы крестьянъ Приклонскаго, почему мы лишены возможности судить, на сколько жалоба ихъ достигла цѣли.

Судя же по аналогіи, что неисполненіе тѣхъ или другихъ указовъ всегда вызывало со стороны Императора Павла особенное вниманіе, къ какимъ принадлежалъ и указъ о запрещеніи продажи крестьянъ въ рекруты, можно думать, что и въ данномъ случаѣ слѣдствіе было произведено мѣстной властью, и отъ отвѣта этой власти зависѣло и отношеніе государя къ жалобѣ крестьянъ [1]).

Объ этомъ указѣ, «о непродаваніи ни подъ какимъ предлогомъ въ рекруты людей», мы можемъ судить по слѣдующему предложенію С.-Петербургской управѣ благочинія оберъ-полиціймейстера:

«1796 г., декабря 4 числа, въ присутствіи управы благочинія г. статскій совѣтникъ оберъ-полиціймейстеръ и кавалеръ предъявилъ данное ему отъ г. Архарова повелѣніе, въ коемъ изображено: къ непремѣнному и науспѣшнѣйшему пресѣченію способовъ, рождающихъ безчисленные безпорядки, отъ нижеписанныхъ причинъ происходящіе, приложить всевозмож-

---

[1]) *Государств. Архивъ*, VII разрядъ, № 2985, ч. II.

ныя силы, дабы всѣ торгующіе людьми и продающіе своихъ или наемныхъ въ рекруты, какъ наискорѣе отысканы были, коихъ, по ясномъ изслѣдованіи, приказать тотчасъ брать подъ стражу и представлять Его Высокопревосходительству» [1]).

Къ одному изъ такихъ «безпорядковъ» принадлежитъ и наша жалоба.

---

[1]) *Русс. Стар.*, 1870, II, 515—516.

27. Тамбовская губернія.

Въ Тамбовской губерніи рядъ крестьянскихъ волненій начался въ маѣ 1797 года возмущеніемъ крестьянъ секундъ-маіора Агибалова, села Высочки, Кирсановскаго уѣзда, противъ своего помѣщика.

Это волненіе выразилось въ отказѣ крестьянъ въ повиновеніи помѣщику, въ убійствѣ приказчика, въ разграбленіи господскаго добра; угрожали убійствомъ даже помѣщику. Поводомъ къ волненію послужилъ слухъ, распространенный среди крестьянъ дворовымъ Агибалова, Яковомъ Алексѣевымъ, объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ отъ власти помѣщиковъ. Усмиреніе крестьянъ было произведено при помощи военной команды.

Вслѣдъ за волненіями крестьянъ Агибалова возникли волненія въ томъ же Кирсановскомъ уѣздѣ и большею частью по такому же поводу въ селѣ Ново-Архангельскомъ, кромѣ того у помѣщиковъ генерала Адамовича, генерала Циммермана и у многихъ другихъ [1]).

Въ августѣ того же года крестьяне графа Н. А. Толстого, села Балыклей, отказались повиноваться своему помѣщику, когда послѣдній, задумавъ перевести ихъ съ оброка на барщину, потребовалъ, чтобы крестьяне вспахали господскую землю. Къ бунтующимъ отправился губернаторъ Лаптевъ, и волненіе было усмирено, зачинщики преданы суду, а менѣе виновные «получили по мѣрѣ каждаго вины наказаніе» [2]).

---

[1]) *И. Дубасовъ.* Крестьянскіе безпорядки въ Тамбовской губ. въ царствованіе императора Павла I. (Древ. и Новая Россія 1877 г., I, 307—308).

[2]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 25.

28. Тульская губернія.

Въ Тульской губерніи крестьянское движеніе началось въ маѣ 1797 года волненіемъ крестьянъ въ с. Спасскомъ съ деревнями Веневскаго уѣзда, принадлежавшихъ Власовой.

Всѣхъ крестьянъ было 719 душъ. Волненіе ихъ выразилось въ томъ, что они, отказавшись отъ повиновенія помѣщицѣ, послали въ Петербургъ къ государю просьбу о принятіи ихъ въ казну. Исправнику, пріѣхавшему для увѣщанія ихъ и усмиренія, они объявили, что до тѣхъ поръ, пока не получатъ отвѣта на свое прошеніе, они не будутъ повиноваться приказаніямъ своей помѣщицы. Исправникъ узналъ только отъ бурмистра, что главнымъ совѣтникомъ крестьянъ является мѣстный священникъ. Тульское губернское правленіе, которому исправникъ донесъ о неповиновеніи крестьянъ Власовой, о безуспѣшности своей попытки усмирить крестьянъ и объ участіи въ волненіи священника, откомандировало въ с. Спасское два эскадрона квартировавшаго въ Тулѣ гусарскаго полка для усмиренія крестьянъ, а о священникѣ сообщило епархіальному преосвященному Афанасію. Что происходило въ дѣйствительности у Власовой въ имѣніи, когда явились туда эскадроны, мы не можемъ сказать, такъ какъ не имѣемъ для этого данныхъ, судя же по рапорту объ этомъ исправника, «крестьяне безъ всякаго со стороны ихъ упорства въ повиновеніе и послушаніе приведены».

Еще болѣе краткое извѣстіе въ донесеніи Тульскаго губернатора, Михаила Гедеонова, мы имѣемъ о другомъ крестьянскомъ волненіи въ Каширскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Михайловскомъ, принадлежавшемъ полковнику фонъ-Риттеру, и селѣ Захарьинѣ, принадлежавшемъ помѣщицѣ Звягиной.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ произошелъ обычный отказъ крестьянъ отъ повиновенія своимъ помѣщикамъ въ связи съ ожиданіемъ перехода въ казну, но «они, какъ доносилъ губернаторъ, однако же безъ всякихъ затрудненій и употребленія воинской команды въ должное повиновеніе тогда же приведены» [1]).

4-ый случай волненія произошелъ среди крестьянъ надв. сов. помѣщика П. И. Юрина, въ его вотчинѣ Алексинскаго уѣзда, въ с. Никольскомъ, Лаптево тожъ, въ сельцѣ Сонино и деревняхъ Лѣсновка и Хрущовка. Крестьянъ у Юрина было до 300 д. Какъ сами крестьяне объясняютъ въ прошеніи къ государю, они до февраля 1797 года жили спокойно, исполняя всѣ повинности, которыя лежали на нихъ по отношенію къ государству и помѣщику. Но въ началѣ 1797 года они отъ своего помѣщика увидѣли «печаяннную тягость во всѣхъ его господскихъ работахъ, къ тому же и неумѣренное его къ намъ, бѣднѣйшимъ, немилосердіе обобраніемъ разнаго скота и обобраніемъ же всякаго хлѣба». Въ виду этого крестьяне, составивъ прошеніе, послали его съ выборными, но послѣдніе съ дороги возвратились, испугавшись своей смѣлости. Между тѣмъ помѣщикъ узналъ объ этой попыткѣ своихъ крестьянъ и пожаловался на нихъ въ судъ. Изъ Тулы явилось около 150 чел. военной команды, «якобы для усмиренія насъ». Помѣщикъ былъ съ ними. «Безъ всякаго нашего сопротивленія причинили намъ несносные побои, рубили пальцы, уши, брили головы и бороды», около 30 чел. было посажено въ тюрьму. Жалуясь на эти обиды, крестьяне просятъ у государя защиты и покровительства.

Таково показаніе одной стороны. Послушаемъ, что говоритъ другая сторона. Въ отвѣтъ на это прошеніе кн. Куракинъ послалъ къ Юрину требованіе объясненія по поводу жалобы на него крестьянъ и предписаніе не подвергать никакому наказанію подавшаго прошеніе повѣреннаго его крестьянъ.

Въ объясненіи Юринъ отрицаетъ свою виновность въ обираніи крестьянъ: «я всегда, пишетъ онъ, имущества ихъ

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 23.

(крестьянъ) чуждъ, владѣя ими, наблюдаю не только умѣренность, но даже дѣлаю разныя пособія, и они приведены въ хорошее состояніе». Въ прошедшемъ февралѣ «по возмущенію приказчика и старосты» крестьяне подняли волненіе. Въ этомъ возмущеніи приказчику и старостѣ помогали «два сосѣдніе попа по розглашенію быть казенными». Повѣренный Петръ Васильевъ самовольно отлучился еще въ началѣ марта и по нынѣ въ свое жилище не явился, «а когда явится, останется безъ наказанія».

Другое свидѣтельство мы имѣемъ объ этомъ же дѣлѣ въ видѣ рапортовъ по начальству исправника, въ которыхъ послѣдній сообщаетъ, что по донесенію Юрина онъ отправился въ его деревни и засталъ тамъ крестьянъ въ большемъ возбужденіи. При появленіи исправника они стали бить въ набатъ, а когда онъ послѣ ихъ увѣщанія хотѣлъ арестовать зачинщика этого волненія, старосту Василія Семенова, то толпа бросилась на солдатъ и отняла арестованнаго, немногихъ крестьянъ, оставшихся вѣрными помѣщику, били и метали въ нихъ камни. Съ исправникомъ было всего два солдата, съ которыми усмирить крестьянъ въ виду ихъ возбужденія нельзя было. По этому донесенію исправника изъ Тулы былъ отправленъ на мѣсто волненія одинъ эскадронъ гусарскаго полка.

Въ своемъ рапортѣ отъ 20 февраля 1797 года командовавшій эскадрономъ премьеръ-маіоръ кн. Шаликовъ кратко сообщаетъ, что крестьяне имъ приведены въ послушаніе помѣщику, а староста и 20 чел. особенно буйныхъ арестованы и отосланы въ Алексинскій нижній судъ. Донесеніе же исправника подробнѣе рисуетъ намъ обстоятельства, сопровождавшія это усмиреніе крестьянъ.

19 февраля исправникъ, явившись съ эскадрономъ въ Никольское, прочелъ крестьянамъ манифестъ 29 янв. и уговаривалъ ихъ прекратить волненіе и повиноваться помѣщику, но крестьяне на это не соглашались и «кричали, что за помѣщикомъ быть не хотятъ, а желаютъ быть казенными крестьянами». Когда же къ нимъ приблизился эскадронъ, то они стали кричать: «всѣ умремъ! а за помѣщикомъ быть не хо-

тимъ»! и бросились на солдатъ съ дубинами и вилами. Тѣ отвѣчали ударами сабель и ранили 6 человѣкъ, въ томъ числѣ и старосту Василія Семенова, который схватилъ было одной рукой за узду лошадь кн. Шаликова, а другой за ногу Шаликова съ очевиднымъ намѣреніемъ стащить его съ лошади, по ударомъ сабли былъ оглушенъ и упалъ. Всѣхъ было захвачено 90 чел. Изъ нихъ 20 было арестовано, а остальные, наказанные на мѣстѣ розгами, отпущены по домамъ [1]).

Послѣднее волненіе въ Тульской губерніи было среди крестьянъ конной гвардіи сержанта А. И. Раевскаго въ его вотчинѣ, Епифанскаго уѣзда, въ селѣ Никитскомъ съ деревнями. Волненіе началось съ обычнаго момента, съ составленія жалобы на своего помѣщика и подачи этой жалобы государю черезъ повѣреннаго. Крестьяне жалуются на общее отягощеніе господскими работами, которыя приходится исполнять ежедневно, даже въ праздничные и воскресные дни. Пашенной земли и сѣнокосовъ въ распоряженіи крестьянъ было не достаточно, лѣсныхъ угодій совсѣмъ не было, все взялъ себѣ помѣщикъ. За малѣйшую вину на господской работѣ крестьянъ строго наказывали до употребленія оковъ и колодокъ. Кромѣ этой работы крестьяне обязаны были каждый въ годъ давать помѣщику по 20 ф. свиного мяса, по 70 к. за гуся и по 80 к. за барана. Крестьяне испытывали отъ помѣщика и другого рода насилія, напр., онъ взялъ къ себѣ въ домъ двухъ крестьянскихъ женъ, Ирину Еремѣеву и Мавру Иванову, «желая привести ихъ въ беззаконное обстоятельство». Безъ всякой съ ихъ стороны вины сталъ ихъ бить и мучить. Одну изъ нихъ, оставя въ одной рубахѣ, выгналъ на морозъ и затѣмъ посадилъ въ прудъ, а она была беременная, и какъ только ее вывели изъ пруда, она тутъ же на берегу родила мертваго младенца. Вблизи находилась псовая охота помѣщика, борзыя и гончія собаки, которыя, такъ какъ некому было ихъ отогнать, схватили младенца, разорвали его и съѣли. Судьба другой женщины была не лучше. Она какъ то не пришла къ сроку на господ-

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. II и *Сенатскій Архивъ* I-е Отдѣл. 5-го Департамента, № 130.

скую работу, такъ какъ дома была занята печеніемъ хлѣба. Тогда ее на покосѣ при всѣхъ крестьянахъ стали истязать побоями такъ жестоко, что она послѣ этого лежала дома больною мѣсяцъ, и такъ какъ тоже была беременная, то преждевременно родила двухъ младенцевъ. Объ этихъ истязаніяхъ крестьяне тогда же говорили своему приходскому священнику, сотскимъ, десятскимъ, и даже постороннимъ лицамъ. А иногда Раевскому приходила въ голову, правда, пьяную, такая дикая фантазія: ночью выходилъ онъ изъ дома съ ружьемъ и стрѣлялъ въ карауль-ныхъ крестьянъ, приговаривая: «всѣхъ перебью!».

На этомъ прошеніи есть собственноручная замѣтка докладчика—кн. Куракина, содержащая резолюцію государя:

«Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ о семъ обстоятельствѣ дать знать губернатору съ тѣмъ, дабы онъ секретнѣйше развѣдалъ о томъ; въ случаѣ ложнаго показанія просителя поступить съ нимъ по законамъ, о чемъ и написать письмо. Куракинъ. Іюня 25 дня 1797 года».

Тульскій губернаторъ М. Гедеоновъ, получивъ это повелѣніе, предписалъ произвести дознаніе предводителю дворянства Епифанского уѣзда Григорову и на основаніи представленнаго Григоровымъ отчета далъ свое заключеніе о жалобѣ крестьянина Ефима Семенова на своего помѣщика Раевскаго, какъ о несправедливой и ложной.

Такимъ образомъ весь центръ тяжести въ рѣшеніи вопроса о справедливости жалобы крестьянъ Раевскаго лежалъ въ разслѣдованіи предводителя дворянства. Посмотримъ же, какъ онъ его производилъ. Вотъ что пишетъ слѣдователь въ своемъ рапортѣ губернатору: «...вышесказанный сержантъ Раевскій по показанію того села Никитского старосты и земскаго нимало не обремѣняетъ ихъ тяжестью работъ и налоговъ и безчеловѣчно никого не наказываетъ и прежде не наказывалъ. Но напротивъ того замѣтили они его, когда онъ у нихъ въ селѣ бывалъ, кроткимъ и тихимъ, такъ что изъ братьевъ его, которыхъ имѣетъ онъ, ласковѣе всѣхъ съ ними обходился».

Что касается случая съ двумя женщинами, то съ Раевскимъ ничего подобнаго никогда не было.

И такъ, единственными свидѣтелями, на показанія которыхъ опирается предводитель дворянства, являются староста и земскій. Уже это одно обстоятельство подрываетъ довѣріе къ ихъ показаніямъ. Это недовѣріе еще болѣе усиливается при чтеніи предпослѣднихъ строкъ, которыми особенно подчеркиваются качества Раевскаго прямо противоположныя тѣмъ, въ проявленіи которыхъ его крестьяне обвиняли [1]).

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. I. № 11.

29. Лифляндская губернія.

О крестьянскомъ движеніи въ Лифляндской губерніи мы имѣемъ сравнительно немного данныхъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что волненія крестьянъ были только въ двухъ мѣстахъ: одно — въ Дерптскомъ уѣздѣ, на мызѣ Ранденъ, другое — въ Рижскомъ уѣздѣ, на мызѣ Цетингофъ.

Въ маѣ 1797 года началось волненіе крестьянъ помѣщика фонъ-Гавеля на мызѣ Ранденъ, выразившееся въ отказѣ ему въ повиновеніи и исполненіи господскихъ работъ. Для усмиренія волненія была паряжена особая комиссія, которая установила размѣръ повинностей крестьянъ. Волненіе казалось прекратилось, такъ какъ крестьяне согласились исполнять требованія, установленныя комиссіей. Но вскорѣ они снова отказались повиноваться своему помѣщику, и, по жалобѣ послѣдняго, Дерптскій орднунгсъ-герихтъ изслѣдовалъ это дѣло и нашелъ, что крестьяне не правы, такъ какъ они вопреки «работному постановленію» отказались обрабатывать пеньку и ленъ, сдѣлали короче данную отъ суда и запечатанную мѣру сохи въ $2^1/_2$ фута, не хотятъ возить навозъ со двора, косить траву. Всѣ обыкновенные способы, употребленные орднунгсъ-герихтомъ, не привели къ успокоенію и повиновенію крестьянъ. «Напротивъ того, они съ неистовствомъ объявили, что они согласятся прежде дать себѣ перерѣзать шеи, нежели станутъ работать по сему работному постановленію». «Поелику, пишетъ въ своемъ Всеподданнѣйшемъ рапортѣ Лифляндскій губернаторъ, фонъ-Рихтеръ, по расположенію здѣшнихъ крестьянъ таковое неповиновеніе произведетъ самыя худыя слѣдствія и, какъ то опытомъ уже доказано, заразитъ немедленно другія помѣстья, такъ что обратится въ совершенный бунтъ», то онъ, чтобы не терять времени, на осно-

ваніи Высочайшаго указа отъ 12 февраля 1797 года [1]), приказалъ ген.-маіору фонъ-Кнорингу, по требованію Дерптскаго орднунгсъ-герихта, отрядить изъ состоящаго въ командѣ его Ревельскаго Мушкетерскаго полка отъ 160 до 180 человѣкъ, при помощи которыхъ крестьяне и были усмирены.

О другомъ случаѣ неповиновенія крестьянъ въ Лифляндской губ. на мызѣ Цетингофъ мы имѣемъ еще меньше свѣдѣній. Сохранилось только два рапорта ген.-прокурору губернскаго прокурора графа фонъ-Берга, изъ которыхъ мы узнаемъ, что въ іюнѣ 1797 года въ Рижскомъ уѣздѣ, на мызѣ Цетингофъ, крестьяне отказались повиноваться своему помѣщику. Выѣхавшій на мѣсто происшествія орднунгсъ-герихтъ не былъ въ состояніи усмирить волненіе и донесъ объ этомъ гражданскому губернатору, который «для отвращенія худыхъ послѣдствій и для соблюденія должнаго къ суду почтенія и повиновенія», потребовалъ отъ военнаго губернатора ген.-лейтенанта Бенкендорфа военной помощи. Послѣдній отправилъ туда одну роту солдатъ, при участіи которой волненіе было усмирено, а «зачинщики взяты подъ стражу и изслѣдованіе надъ ними производится».

Несмотря на скудость приведенныхъ данныхъ, все таки изъ нихъ видно, что крестьянское движеніе съ такой силой и въ такихъ размѣрахъ обнаружившееся въ царствованіе Императора Павла, имѣло мѣсто и въ Лифляндской губерніи. И здѣсь поводомъ къ волненіямъ для крестьянъ служили отношенія къ помѣщикамъ, отказъ въ повиновеніи которымъ былъ выраженіемъ желанія крестьянъ освободиться отъ крѣпостной зависимости. Волненія и въ томъ, и въ другомъ случаѣ были очень упорны, какъ мы узнаемъ изъ донесенія губернатора о мызѣ Цетингофъ и какъ сами можемъ заключить по участію войска въ усмиреніи крестьянъ. Порядокъ усмиренія крестьянъ и здѣсь былъ тотъ же самый, что мы видѣли и во всѣхъ предыдущихъ

[1]) «Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: предписать всѣмъ гражданскимъ начальствамъ, дабы въ случаѣ надобности воинскихъ командъ, требовать имъ прямо отъ шефовъ полковъ, или командировъ баталіонныхъ, а не отъ дивизіонныхъ командировъ». П. С. З. XXIV, 17801.

случаяхъ: сначала власть административная въ лицѣ орднунгсъ-герихта, пробуетъ усмирить крестьянъ, когда же это не удается ей, она обращается къ военной власти.

Хотя мы знаемъ только о двухъ случаяхъ крестьянскихъ волненій въ Лифляндской губерніи, но есть полное основаніе заключить, что въ высшей степени тревожное состояніе переживали всѣ крестьяне этой губерніи, судя по отзыву губернатора: «по расположенію здѣшнихъ крестьянъ (на мызѣ Ранденъ) таковое неповиновеніе произведетъ самыя худыя слѣдствія и, какъ то опытомъ уже доказано, заразитъ немедленно другія помѣстья, такъ что обратится въ совершенный бунтъ». Такое состояніе, какъ мы уже видѣли, въ изслѣдуемый періодъ переживало крѣпостное населеніе почти всей Россіи.

30. Ревельская губернія.

Въ Ревельской губерніи волненіе первое по времени обнаружилось среди крестьянъ мызы Тупсаль. По заявленію помѣщика о неповиновеніи ему крестьянъ на мызу пріѣхалъ гакенрихтеръ, но его увѣщанія не прекратили волненія. Тогда губернаторъ А. Лангель 19 августа 1797 командировалъ совѣтника барона Розена, «человѣка разсудительнаго и надежнаго, который при томъ, будучи здѣшній уроженецъ, знаетъ и языкъ», придавъ ему 30 чел. изъ штатной команды. А кромѣ того въ помощь совѣтнику, по представленію и одобренію риттершафтъ-гауптмана, отправились туда же двое изъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Усиліями этихъ лицъ и команды крестьяне приведены были въ повиновеніе помѣщику. Причиной волненія крестьянъ мызы Тупсаль было требованіе отъ нихъ работъ больше, чѣмъ слѣдовало, «чего однако же не найдено», добавляетъ губернаторъ въ донесеніи генералъ-прокурору. Нѣсколько позже, но въ томъ же мѣсяцѣ начались волненія въ двухъ другихъ мызахъ, лежащихъ недалеко отъ первой, Таммикъ и Геркуль. Сюда губернаторъ отправилъ другого совѣтника Гюбнера съ военной командой. Но Гюбнеръ не былъ въ состояніи выполнить порученіе, такъ какъ не зналъ языка крестьянъ, и по возвращеніи его былъ командированъ членъ казенной палаты Блюмъ, который вскорѣ донесъ губернатору, что крестьяне, оказавшіе неповиновеніе помѣщику и гакенрихтеру, «бывъ на мѣстѣ умѣренно наказаны, въ своемъ преступленіи раскаялись». При этомъ было арестовано три крестьянина изъ главныхъ зачинщиковъ, которые на допросѣ показали, что «подговорщикомъ» у нихъ былъ нѣкто Шварцъ, служившій въ упраздненной Ревельской управѣ благочинія переводчикомъ, который взялся выхлопотать крестьянамъ этихъ мызъ и нѣкоторыхъ другихъ вольность, для чего со всѣхъ этихъ

крестьянъ собралъ деньги. Шварцъ былъ арестованъ, судимъ «за обольщеніе крестьянъ и совращеніе ихъ съ истиннаго пути» и приговоренъ къ наказанію 30 парами прутьевъ на площади и высылкѣ за границу, такъ какъ онъ былъ уроженцемъ Кенигсберга, «яко опасный человѣкъ», съ угрозой, что если когда либо онъ появится въ предѣлахъ Россійской Имперіи, то будетъ казненъ.

Шварцъ имѣлъ сообщницу, по имени Крильзу, жившую на его здѣшней квартирѣ, которой онъ изъ Петербурга присылалъ копіи съ какихъ то бумагъ и записки, якобы писанныя тайнымъ совѣтникомъ Нелединскимъ, «по собственному онаго Шварца въ судѣ признанію долженствовавшія послужить къ обольщенію крестьянъ».

Крильза была также судима и приговорена къ содержанію въ теченіе 6 недѣль на хлѣбѣ и на водѣ. Къ сожалѣнію, кромѣ этихъ голыхъ фактовъ, мы ничего не знаемъ о дѣятельности Шварца. Судя по приведенному извѣстію о собственномъ признаніи Шварца на судѣ, онъ былъ обманщикомъ, задумавшимъ воспользоваться надеждами крестьянъ на освобожденіе для сбора съ нихъ въ свою пользу денегъ. Но въ то же время небольшая собственноручная записка Нелединскаго, сохранившаяся въ дѣлѣ, заставляетъ предполагать, что Шварцъ дѣйствительно хлопоталъ о чемъ то, на что то жаловался. Вотъ эта записка:

«Призвавъ повѣреннаго, Ивана Шварца, изъ Ревельскаго трактира у Каммеля, по поданнымъ бумагамъ распросить его подробно, подлинно ли такъ происходила и происходитъ жалоба, по даннымъ пунктамъ, и представить ко мнѣ для рапортованія вышнему начальству немедленно. Тайный совѣтникъ Нелединскій» [1]).

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 29.

31. Новороссійская губернія.

Хотя въ Новороссійской губерніи мы мало знаемъ отдѣльныхъ случаевъ волненій крестьянъ, но объ общемъ настроеніи крѣпостного населенія губерніи въ изслѣдуемый періодъ мы можемъ судить по любопытному документу, донесенію ген.-прокурору вновь назначеннаго въ Новороссійскую губернію губернатора Селецкаго. Оказывается, что броженіе среди крестьянъ было всеобщимъ. «Ежечастые доходятъ ко мнѣ, пишетъ Селецкій, отъ многихъ помѣщиковъ жалобы, а отъ судовъ нижнихъ земскихъ представленія о неповиновеніи крестьянъ своимъ помѣщикамъ». Причиной ихъ всѣхъ служитъ «разглашеніе о вольности». Волненія эти усмирены, хотя усмиреніе далеко не всегда достигалось мирнымъ путемъ, такъ, напр., въ Ольвіопольскомъ уѣздѣ, въ имѣніи помѣщика маіора Нулевича, крестьяне въ августѣ 1797 года потребовали себѣ свободы на томъ основаніи, что помѣщикъ «при населеніи ихъ» обнадеживалъ, что по смерти своей оставитъ ихъ въ казну.

Усилія нижняго земскаго суда прекратить волненіе не привели ни къ чему, и была вытребована отъ шефа полка генералъ-маіора Гагенмейстера военная команда, съ помощью которой усмиреніе и было произведено [1]).

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 26.

32. Волынская губернія.

Въ Волынской губерніи крестьянское движеніе въ царствованіе Императора Павла приняло обширные размѣры, но выразилось въ необычайной формѣ, чему способствовало пограничное положеніе этой губерніи.

Крестьяне, не будучи въ состояніи выносить гнета помѣщичьей власти, бѣжали за границу, въ Австрію, и за короткій сравнительно срокъ, до 17 іюля 1797 года, число бѣжавшихъ возросло до 16000 человѣкъ. Такая громадная цифра не могла не обратить вниманія на это явленіе правительства, которое въ лицѣ губернскаго правленія, обстоятельно изслѣдовавъ его, пришло къ убѣжденію, что «ежели въ скорости не сыщутся средства къ отысканію тѣхъ (раньше бѣжавшихъ) и къ прекращенію впередъ сего со дня на день болѣе умножающагося зла, то ожидать должно, что такой знатный убытокъ скоро до того привесть можетъ, что край сей сдѣлается пустымъ». Крестьяне Волынской губерніи, такимъ образомъ, широко пользовались бѣгствомъ, какъ особенно доступной для нихъ формой протеста противъ гнета помѣщичьей власти. Этотъ гнетъ былъ очень великъ, какъ можно заключить изъ сообщенія Дубенскаго нижняго земскаго суда, что крестьяне при бѣгствѣ оставляли все свое имущество на произволъ судьбы: хлѣбъ на поляхъ, дома и «протчія рукодѣлія».

Однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ въ борьбѣ съ этимъ бѣгствомъ, по справедливому мнѣнію губернскаго правленія, было облегченіе положенія крѣпостныхъ крестьянъ; съ этой цѣлью имъ были разосланы мѣстнымъ комиссарамъ предписанія подтвердить помѣщикамъ и ихъ управляющимъ, чтобы они старались удерживать крестьянъ отъ побѣговъ и никакихъ «сверхъ мѣры» тягостей на нихъ не налагали, «а поступали бы

съ ними сообразно Высочайшаго указа, состоявшагося 1797 г. апрѣля 5 дня, разосланнаго отъ онаго Правленія къ надлежащему исполненію ко всѣмъ городничимъ и нижнимъ земскимъ судамъ».

Любопытныя свѣдѣнія мы находимъ въ донесеніи губернскаго прокурора кн. Куракину о судьбѣ, какая ожидала бѣглецовъ. Какъ только бѣглые крестьяне переходили границу, они сейчасъ же являлись въ таможню или ближайшее селеніе, и если даже немедленно предъявляли русскіе чиновники требованіе выдачи бѣглецовъ, ихъ уже не выдавали, «объявляя вольными», и отправляли къ «циркулярнымъ» начальникамъ, которые опредѣляли ихъ дальнѣйшую судьбу въ зависимости отъ годности каждаго къ военной службѣ: молодыхъ и способныхъ отдавали въ солдаты, а всѣмъ остальнымъвыдавали паспорты для свободной жизни.

Но и такая перспектива, какъ военная служба, не удерживала крестьянъ отъ бѣгства, предпочитавшихъ, какъ видно изъ приведенныхъ фактовъ, военную службу крѣпостной зависимости. Много содѣйствовали бѣгству крестьянъ галиційскіе крестьяне, жившіе у самой границы, которые «при переходѣ туда (въ Галицію) подаютъ бѣглымъ всевозможное пособіе».

А иногда и помѣщики, владѣнія которыхъ пересѣкаетъ граница, сманивали крестьянъ, поселяя ихъ въ заграничной части своего имѣнія. Очевидно, эти помѣщики вели свое хозяйство на иныхъ началахъ, чѣмъ тѣ, отъ которыхъ бѣжали крестьяне, такъ какъ иначе имъ трудно было бы удержать послѣднихъ на своей землѣ. [1])

---

[1]) *Сенатскій Архивъ* Департаментъ Мин. Юстиціи, № 763.

ГЛАВА IV.

Выводы изъ очерка волненій крѣпостныхъ крестьянъ.

Въ предшествующей главѣ мы старались представить на основаніи документальныхъ данныхъ, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, возможно полный очеркъ крестьянскаго движенія въ царствованіе Императора Павла I.

Къ какимъ же выводамъ приводитъ насъ этотъ очеркъ?

Крестьянское движеніе за изслѣдуемый періодъ мы видимъ распространившимся на громадное пространство — оно обнимаетъ 32 современныхъ ему губерніи.

Губерніи эти слѣдующія:

1. Бѣлорусская
2. Владимірская
3. Вологодская
4. Волынская
5. Воронежская
6. Выборгская
7. Казанская
8. Калужская
9. Кіевская
10. Костромская
11. Лифляндская
12. Московская
13. Нижегородская
14. Новгородская
15. Новгородъ-Сѣверская
16. Новороссійская
17. Олонецкая
18. Оренбургская
19. Орловская
20. Пензенская
21. Пермская
22. Псковская
23. Ревельская
24. Рязанская
25. С.-Петербургская
26. Саратовская
27. Симбирская
28. Смоленская
29. Тамбовская
30. Тверская
31. Тульская
32. Ярославская

Сравнивая перечисленныя губерніи съ губерніями, на которыя была раздѣлена Европейская Россія по указу 12 декабря 1796 г. [1]), мы среди нихъ не находимъ только слѣдующихъ губерній:

1. Архангельской
2. Астраханской
3. Вятской
4. Курляндской
5. Курской
6. Литовской
7. Минской
8. Подольской
9. Слободско-Украинской
10. Эстляндской.

Но въ Архангельской губерніи по даннымъ 5-ой ревизіи (1796 г.) крѣпостныхъ было 65 д. [2]), въ Астраханской губ. вовсе не было крѣпостныхъ, [3]) въ Вятской ихъ было по даннымъ той же ревизіи всего 8099 д. [4]) Остается такимъ образомъ 7 губерній, о которыхъ мы не знаемъ, были ли въ нихъ какія либо крестьянскія волненія за изслѣдуемое время:

1. Курляндская
2. Курская
3. Литовская
4. Минская
5. Подольская
6. Слободско-Украинская
7. Эстляндская.

И такъ, за исключеніемъ губерній 2-й группы, Области Войска Донского, гдѣ запрещеніе перехода крестьянъ послѣдовало въ царствованіе Императора Павла I, и Бессарабской губ. съ Привислинскимъ краемъ, какъ присоединенныхъ къ Россіи послѣ Императора Павла, на всемъ остальномъ пространствѣ современной намъ Европейской Россіи крѣпостное крестьянство въ первый годъ царствованія Императора Павла Петровича находилось въ волненіи [5]).

---

[1]) П. С. З. XXIV, 17634.

[2]) *В. И. Семевскій.* Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II, СПБ. 1903, I², 579, Дополненіе IV.

[3]) Ibid., 20.

[4]) Ibid., 579, Дополненіе IV.

[5]) Ср. *В. Э. Денъ.* Населеніе Россіи по пятой ревизіи. СПБ. 1902, I, 129—130.

Что касается числа крестьянскихъ волненій, то объ этомъ мы имѣемъ цифры только приблизительныя, такъ какъ во многихъ донесеніяхъ губернаторовъ не перечисляются отдѣльные случаи этихъ волненій, а указывается на общее возстаніе крестьянъ ихъ губерній или отдѣльныхъ уѣздовъ. Такъ, напр., въ Медынскомъ уѣздѣ Калужской губерніи губернаторъ нашелъ «къ тому же (волненію) склонныхъ большую часть владѣльческихъ селеній» [1]).

Въ Костромской губерніи, въ Ветлужскомъ уѣздѣ, кромѣ указанныхъ крестьянъ волновались и «многіе другіе»[2]).

Въ Пензенской губерніи «во многихъ селеніяхъ... происходитъ великое упрямство и неповиновеніе», тоже самое и въ Нижегородской губерніи [3]).

«И другія губерніи больше можетъ быть, чѣмъ здѣшнія, доноситъ генералъ-губернаторъ Пензенскій и Нижегородскій, заражены ожиданіемъ милостивыхъ указовъ, а въ ожиданіи которыхъ начинаютъ мужики выходить изъ послушанія»[4]).

Тверской губернаторъ Поликарповъ доносилъ: «здѣшней губерніи многихъ уѣздовъ помѣщичьи крестьяне отъ ложныхъ между собою разглашеній выходятъ изъ повиновенія господамъ [5]).

Или, напр., Новороссійскій губернаторъ Селецкій извѣщаетъ ген.-прокурора: «Ежечастые доходили ко мнѣ отъ многихъ помѣщиковъ жалобы, а отъ судовъ нижнихъ земскихъ представленія о неповиновеніи крестьянъ своимъ помѣщикамъ [6]).

Тоже самое по существу доноситъ ген.-прокурору и Новгородскій губернаторъ Митусовъ, сообщая о распоряженіяхъ, которыя онъ сдѣлалъ «по случаю открывшихся въ Новгородской губерніи отъ владѣльческихъ крестьянъ неповиновеній помѣщикамъ ихъ и возмущеніи отъ подчиненности», слѣд-

---

[1]) 61 стр.
[2]) 105 стр.
[3]) 145 стр.
[4]) 146 стр.
[5]) 209 стр.
[6]) 281 стр.

ствіемъ этихъ распоряженій было то, что «многіе изъ означенныхъ крестьянъ приведены въ послушаніе»[1]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что вслѣдствіе отсутствія въ приведенныхъ донесеніяхъ подробнаго перечисленія случаевъ волненій, мы лишены возможности знать точное ихъ число въ данныхъ губерніяхъ, такъ какъ эти донесенія сообщаютъ объ отдѣльныхъ случаяхъ только тогда, когда они или такъ значительны или такъ продолжительны, что не могутъ быть подавлены въ короткое время мѣстной властью. Но за то другіе губернаторы держались другого взгляда на свои сообщенія центральному правительству по этому поводу и доносили о каждомъ отдѣльномъ случаѣ волненія, какъ бы онъ незначителенъ ни былъ. Поэтому мы видимъ иногда большое несоотвѣтствіе между дѣйствительнымъ состояніемъ крѣпостныхъ данной губерніи и числомъ въ ней волненій; такъ, напр., волновалась вся Пензенская губернія, а подробно мы знаемъ только объ одномъ случаѣ, въ имѣніи кн. Черкасскаго, но во Владимірской губ. извѣстны 56 случаевъ волненій, въ Бѣлорусской—41, въ Тверской—41, въ Орловской—33 и т. д., какъ это видно изъ прилагаемой таблицы.

Всѣхъ зарегистрованныхъ случаевъ волненій крестьянъ—278. Распредѣляются они по губерніямъ слѣдующимъ образомъ:

1. Владимірская . .	56	14. Тамбовская	5
2. Бѣлорусская . . .	41	15. С.-Петербургская . .	3
3. Тверская	41	16. Рязанская	3
4. Орловская	33	17. Оренбургская . . .	3
5. Псковская	16	18. Новгородъ-Сѣверская	2
6. Костромская . . .	12	19. Новгородская . . .	2
7. Калужская	9	20. Олонецкая	2
8. Смоленская	8	21. Саратовская	2
9. Нижегородская . .	7	22. Лифляндская . . .	2
10. Московская	7	23. Пермская	1
11. Вологодская. . . .	5	24. Пензенская	1
12. Тульская	5	25. Выборгская	1
13. Ярославская. . . .	5	26. Кіевская	1

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 7, л. 2.

27. Казанская	1	30. Новороссійская . .	1
28. Воронежская . . .	1	31. Ревельская	1
29. Симбирская	1	32. Волынская	—

Болѣе точныя цифры мы имѣемъ относительно времени, въ теченіе котораго произошли всѣ эти случаи крестьянскаго движенія за изслѣдуемый періодъ; онѣ даютъ возможность сдѣлать и болѣе точные выводы. Если не всѣ губернаторы сообщали о каждомъ отдѣльномъ случаѣ волненія крѣпостныхъ въ ихъ губерніяхъ, то во всѣхъ донесеніяхъ ихъ точно обозначено время, когда именно произошли отдѣльныя или общія волненія крѣпостныхъ крестьянъ.

Началомъ крестьянскаго движенія въ царствованіи Императора Павла I нужно считать волненіе крестьянъ Андреева въ Дмитровскомъ уѣздѣ Орловской губерніи 27 ноября 1796 г., т. е. черезъ три недѣли послѣ вступленія на престолъ Императора Павла Петровича. Послѣдними волнами этого движенія являются волненія крестьянъ въ двухъ вотчинахъ Давыдова и Демидова въ Московской губерніи и Нахимова въ Смоленской въ ноябрѣ 1797 года. Такимъ образомъ крестьянское движеніе при Императорѣ Павлѣ продолжалось годъ, первый годъ царствованія этого государя.

278 извѣстныхъ намъ случаевъ волненій распредѣляются между мѣсяцами съ ноября 1796 года по ноябрь 1797 года такимъ образомъ:

1796 г. ноябрь . . .	1	1797 г. іюнь	7
» » декабрь . . .	29	» » іюль	4
1797 » январь . . .	139	» » августъ . . .	5
» » февраль . . .	10	» » сентябрь . . .	1
» » мартъ	15	» » октябрь . . .	1
» » апрѣль . . .	16	» » ноябрь	4
» » май	46		

Хотя эти цифры не охватываютъ всѣхъ случаевъ крестьянскихъ волненій, все таки онѣ даютъ вѣрную картину развитія крестьянскаго движенія при Императорѣ Павлѣ I.

Начавшись единичнымъ случаемъ въ концѣ ноября 1796 г., уже въ декабрѣ того же года оно сразу возросло до 29 случаевъ, а въ январѣ 1797 г. оно доходитъ до самой высокой цифры — 139 случаевъ; съ февраля число волненій рѣзко падаетъ до 10 и въ слѣдующіе мѣсяцы постепенно затихаетъ.

Къ январю, къ которому относится подавляющее число волненій, относятся и тѣ изъ нихъ, общія указанія на которыя мы только что видѣли въ донесеніяхъ губернаторовъ.

Чѣмъ объясняется преобладаніе января надъ остальными мѣсяцами по числу волненій? Помимо естественнаго развитія крестьянскаго движенія, несомнѣнно на это имѣлъ вліяніе законъ 12 декабря 1797 года о позволеніи подавать жалобы, что можно заключить изъ большого числа указаній на этотъ законъ, какъ на поводъ для волненій.

Послѣ января цифра волненій рѣзко падаетъ, вслѣдствіе, съ одной стороны, прекращенія волненій или силой, или черезъ уничтоженіе причинъ, вызвавшихъ волненіе, а съ другой вслѣдствіе изданія манифеста 29 января, который уничтожалъ возможность всякаго рода слуховъ объ освобожденіи. И дѣйствительно, этихъ слуховъ мы послѣ января въ числѣ поводовъ уже не встрѣчаемъ.

Что касается общаго числа волненій, то о количествѣ ихъ мы можемъ отчасти судить по числу прошеній, скопившихся въ канцеляріи Нелединскаго-Мелецкаго, которыхъ до 18 февраля 1797 года, за три первые мѣсяца царствованія новаго государя, было подано 1205, а за рѣдкимъ исключеніемъ отсылка прошенія крестьянами государю сопровождалась отказомъ ихъ отъ повиновенія своему помѣщику.

Въ остальные годы царствованія Императора Павла извѣстны только два отдѣльныхъ случая волненій крѣпостныхъ крестьянъ: одинъ въ 1799 году въ Тамбовской губерніи, въ имѣніи полковника Давыдова, въ селѣ Вирятино Моршанскаго уѣзда [1]), а другой въ 1800 году въ Симбирской губерніи,

[1]) *И. Дубасовъ.* Крестьянскіе безпорядки (*Древн. и Нов. Россія* 1877 г., I, 308—309).

въ с. Чеберчино Алатырскаго уѣзда, принадлежавшемъ графу Румянцеву [1]).

Въ предшествующей главѣ предъ нами прошелъ многочисленный рядъ отдѣльныхъ крестьянскихъ волненій. Не трудно замѣтить, что всѣ эти отдѣльные случаи являются выраженіемъ одной причины—стремленія къ освобожденію отъ гнета помѣщичьей власти. Возникшіе на громадномъ пространствѣ отъ Олонецкой и Вологодской губерній на сѣверѣ до Новороссійской на югѣ, отъ Волынской на западѣ до Пермской на востокѣ, они всѣ тѣсно связаны между собою одной мыслью, однимъ страстнымъ желаніемъ свободы, воодушевлявшимъ крѣпостныхъ крестьянъ.

«Отрѣши насъ за себя, Государь!» вотъ вопль всего русскаго крѣпостного крестьянства къ Императору Павлу. Съ этимъ или открыто обращаются крестьяне къ государю, или этотъ вопль слышится скрытый подъ разными описаніями своей безысходной нужды въ прошеніяхъ крестьянъ.

Но если причина была одна, то поводы къ волненіямъ были и многочисленны, и разнообразны, какъ разнообразна была жизнь, ихъ породившая. Чаще всего крестьяне въ своихъ прошеніяхъ жалуются на свое экономическое положеніе, неудовлетворительность котораго вызывалась или недостаткомъ пахотной земли и угодій, или несоизмѣримымъ съ платежной способностью крестьянъ оброкомъ, или наконецъ и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Къ этому присоединялись разнообразные поборы систематическіе или единовременные. Поборы эти носили часто характеръ вымогательствъ, сопровождались насиліемъ, истязаніями, если крестьяне отказывались отъ ихъ уплаты. На одинъ видъ насилія часто жалуются крестьяне, и его одного иногда бываетъ достаточно для возстанія крестьянъ противъ помѣщика: это—развратъ. И до какихъ только размѣровъ и обстановки не доходилъ онъ! Этотъ видъ насилія рѣзче всякаго другого доказывалъ крестьянамъ всю ихъ безправность, всю зависимость отъ грубаго произвола ихъ господина.

---

[1]) П. С. З. XXVI, 19479.

Въ числѣ поводовъ довольно часто встрѣчаются жалобы крестьянъ на несоблюденіе владѣльцемъ манифеста 5 апрѣля 1797 г. о 3-хъ дневной работѣ крестьянъ на помѣщиковъ.

Чтобы вполнѣ понять и оцѣнить все значеніе этого закона, нужно вспомнить, въ какомъ положеніи находились крестьяне со стороны повинностей ихъ къ помѣщику, начало урегулированія которыхъ и имѣетъ въ виду манифестъ 5 апрѣля.

Законодательство до Имп. Павла I совершенно умалчивало объ этихъ повинностяхъ, и помѣщики поэтому пользовались въ этомъ отношеніи полной свободой, ничѣмъ не стѣсненной.

Дѣло доходило до того, что, какъ свидѣтельствуетъ извѣстный агрономъ Рычковъ, въ царствованіе Имп. Екатерины II были «такіе строгіе (помѣщики), что крестьянамъ своимъ одного дня на себя работать не даютъ; а давая всѣмъ ихъ семействамъ мѣсячной провіантъ, употребляютъ ихъ безъ изъятія на господскія работы повсядневно»[1]).

Конечно, такихъ помѣщиковъ, нужно надѣяться, было немного, но уже одна возможность пользованія въ такой безпредѣльной мѣрѣ крестьянскимъ трудомъ показываетъ, насколько положеніе крестьянъ было безотрадно. Это печальное слѣдствіе крѣпостного права не могло не обратить на себя вниманія людей, вдумывавшихся въ явленія окружавшей жизни, и они видѣли въ ограниченіи произвола помѣщиковъ въ этомъ отношеніи одну изъ дѣйствительныхъ мѣръ, которая существенно облегчила бы положеніе крестьянъ. Новгородскій генералъ-губернаторъ Сиверсъ прямо писалъ Имп. Екатеринѣ II, что одной изъ самыхъ важныхъ мѣръ по отношенію къ крестьянамъ должно служить опредѣленіе закономъ количества рабочихъ дней въ недѣлю [2]); И. И. Панинъ, рекомендуя Имп. Екатеринѣ рядъ средствъ для удержанія крестьянъ отъ побѣговъ, говоритъ, что «помѣщики не должны требовать отъ крестьянъ болѣе четырехъ рабочихъ дней въ недѣлю»[3]). Наконецъ, вспом-

[1]) *Труды Вольно-Экон. Общ.* XIV. Наказъ для деревенскаго управителя, стр. 26—27.

[2]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, VI, 111.

[3]) Ibid. V, 1477.

нимъ объ этомъ вопросѣ мнѣніе А. Я. Полѣнова, высказанное въ сочиненіи, которое имъ было представлено, какъ отвѣтъ на извѣстную тему Вольно-Экономическаго общества.

Характеризуя положеніе крестьянъ, Полѣновъ говоритъ: ихъ «бѣдственное состояніе на такую степень взошло, что они, лишившись всѣхъ почти, такъ сказать приличныхъ человѣку качествъ, не могутъ уже видѣть величину своего несчастія и кажутся быть отягчены вѣчнымъ сномъ... Я не нахожу бѣднѣйшихъ людей, какъ нашихъ крестьянъ, которые, не имѣя ни малой отъ законовъ защиты, подвержены всевозможнымъ, не только въ разсужденіи имѣнія, но и самой жизни обидамъ, и претерпѣваютъ безпрестанныя наглости, истязанія и насильства, отъ чего неотмѣнно должны они опуститься и придти въ сіе предосполненное бѣдствій какъ для нихъ самихъ, такъ и для всего общества, состояніе, въ которомъ мы ихъ теперь дѣйствительно видимъ». При такомъ состояніи крестьянъ точное опредѣленіе повинностей въ пользу помѣщиковъ, по мнѣнію Полѣнова, необходимо «для прекращенія грабительствъ и разореній»; это «не мало защититъ крестьянъ отъ наглостей ихъ помѣщиковъ, которые ихъ безъ всякой пощады и милосердія мучаютъ, отнимая все то, что имъ на глаза попадается и черезъ то приводятъ въ незаконную бѣдность, отъ которой они никогда не въ состояніи избавиться» [1]).

Уже одно простое сопоставленіе съ такимъ положеніемъ крестьянъ въ области ихъ повинностей по отношенію къ помѣщикамъ того положенія, которое создавалъ для нихъ манифестъ 5 апрѣля, опредѣляетъ громадное его значеніе.

Вотъ этотъ манифестъ: «Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ. Законъ Божій, въ десятословіи Намъ преподанный, научаетъ Насъ седьмый день посвящать Ему; почему въ день настоящій, торжествомъ Вѣры Христіанской прославленный, и въ который Мы удостоились воспріять священное миропомазаніе и Царское на Прародительскомъ Престолѣ Нашемъ вѣнчаніе, почитаемъ долгомъ пашимъ предъ Творцомъ и всѣхъ благъ Подателемъ подтвердить во всей Имперіи Нашей

[1]) *Рус. Архивъ* 1865 г., 298 и 312.

о точномъ и непремѣнномъ сего закона исполненіи, повелѣвая всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ, тѣмъ болѣе, что для сельскихъ издѣльевъ остающіеся въ недѣлю шесть дней, по ровному числу оныхъ вообще раздѣляемые, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ въ пользу помѣщиковъ слѣдующихъ, при добромъ распоряженіи достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ»[1]).

Такимъ образомъ, здѣсь ясно указано, что помѣщики не могли требовать отъ крестьянъ работы въ воскресные дни, а изъ остальныхъ шести дней могли для себя пользоваться крестьянскимъ трудомъ только въ теченіе трехъ дней.

Но припять это громадное значеніе манифеста мы можемъ только послѣ того, какъ разрѣшимъ давно уже возникшій въ нашей исторической литературѣ вопросъ, на сколько практически онъ осуществлялся.

До сихъ поръ въ наукѣ русской исторіи господствуетъ взглядъ, по которому этотъ законъ остался на бумагѣ и никакого практическаго значенія не имѣлъ.

Такъ, В. И. Семевскій говоритъ: ...«Этотъ указъ (5 апрѣля) считался преемниками императора Павла прямымъ запрещеніемъ требовать отъ крестьянъ барщины болѣе трехъ дней въ недѣлю, но оправдалось и предсказаніе Радищева, что эта правительственная мѣра останется мертвой буквой».

«...Манифестъ 1797 года имѣетъ большое значеніе: это была первая попытка ограниченія повинностей крѣпостныхъ крестьянъ, и наше правительство смотрѣло на него, какъ на положительный законъ, несмотря на то, что онъ не исполнялся»[2]).

Никакого значенія на практикѣ не имѣлъ этотъ законъ и по мнѣнію Н. К. Шильдера, такъ какъ помѣщики «склонны были усмотрѣть въ манифестѣ не повелѣніе, а совѣтъ, ни для кого не обязательный, данный землевладѣльцамъ»[3]).

---

[1]) П. С. З. XXIV, 17909.

[2]) Крестьянскій вопросъ въ Россіи. СПБ. 1888, I, 233.

[3]) Императоръ Павелъ Первый. СПБ., 1901 г., 345.

В. О. Ключевскій придаетъ закону о 3-хъ дневной работѣ значеніе только какъ «первому приступу къ опредѣленію законнаго пространства власти помѣщика надъ крѣпостными людьми, къ разграниченію правъ государства и душевладѣльца въ составѣ крѣпостного права» [1]), умалчивая о практическомъ дѣйствіи закона.

По мнѣнію Е. С. Шумигорскаго «на манифестѣ отъ 5 апрѣля о крестьянской барщинѣ лежитъ печать необдуманности и поспѣшности: не было точно опредѣлено положеніе ни крестьянъ земледѣльцевъ, ни дворовыхъ, а дурная редакція закона привела къ тому, что помѣщики смотрѣли на него съ разныхъ точекъ зрѣнія сообразно съ своими выгодами: въ Малороссіи, гдѣ до тѣхъ поръ была лишь двухдневная барщина,— какъ на средство возвысить крестьянскія повинности, а въ Великороссіи, гдѣ барщина была чуть не повседневная,— только какъ на «совѣтъ» правительства, ни для кого не обязательный» [2]).

С. Ѳ. Платоновъ говоритъ объ этомъ законѣ только какъ о «первомъ ограниченіи помѣщичьей власти» [3]), не придавая, повидимому, никакого значенія его дѣйствію на практикѣ.

На самомъ дѣлѣ, это далеко не такъ.

Манифестъ 5 апрѣля имѣлъ несомнѣнно большое практическое значеніе. Прежде всего объ этомъ свидѣтельствуютъ современники въ своихъ запискахъ. Напр., Мирковичъ говоритъ: «простой народъ благоденствовалъ при Павлѣ и имѣлъ въ немъ покровителя. Онъ первый уничтожилъ безотчетную работу крѣпостныхъ крестьянъ и установилъ трехдневную въ недѣлю, а для обезпеченія продовольствія учредилъ для крестьянъ запасные магазины» [4]). Или вотъ, напр., отзывъ другого современника, М. А. Фонвизина: «простой народъ даже любилъ Павла: въ облегченіе крѣпостныхъ земледѣльцевъ онъ въ 1797 г. издалъ указъ, чтобы они только три дня въ недѣлю работали

---

[1]) Краткое пособіе по русской исторіи. 2 изд. М. 1900 г., 152.

[2]) Русскій Біографическій Словарь СПБ. 1902 г., 42 (2)—43 (2).

[3]) Лекціи по русской исторіи СПБ., 1901 г., 562.

[4]) *Рус. Архивъ* 1890 г., I, 397.

на своихъ господъ, а три дня на себя и были свободны отъ работъ во всѣ двунадесятые и храмовые ихъ селенiй праздники» [1]).

Но кромѣ свидѣтельствъ современниковъ мы имѣемъ и документальныя данныя, отвѣчающія вполнѣ удовлетворительно на вопросъ о практическомъ значенiи манифеста 5 апрѣля, при чемъ, что особенно важно, одни изъ этихъ данныхъ являются свидѣтельствами правительственныхъ органовъ, другія—свидѣтельствами самихъ крестьянъ.

Цѣлый рядъ крестьянскихъ волненiй былъ вызванъ несоблюденiемъ помѣщиками манифеста 5 апрѣля. Такъ, напр., въ вотчинѣ Румянцевой, въ Новгородской губ., крестьяне заявили исправнику, пріѣхавшему къ нимъ для разслѣдованія причинъ волненія, что они господамъ своимъ (Румянцевой съ мужемъ) повиноваться не будутъ, такъ какъ староста принуждаетъ ихъ ходить излишніе дни на господскую работу [2]).

Такое же значенiе имѣло несоблюденiе этого закона и въ волненiи крестьянъ Башмакова въ Вологодской губ., Опитца въ Петербургской губ., кн. Козловскаго въ Нижегородской губ., Артемьева и Нахимова въ Смоленской губ., Шетнева въ Псковской.

Крестьяне были хорошо освѣдомлены объ этомъ манифестѣ, такъ какъ онъ послѣ изданія «тогда же распубликованъ всенародно, а потому и невѣдѣніемъ онаго закона никто отговариваться не долженъ», какъ выразилась С.-Петербургская Палата суда и расправы по дѣлу Опитца [3]).

И дѣйствительно, въ своихъ прошенiяхъ крестьяне прямо ссылаются на манифестъ 5 апрѣля.

«А какъ есть отъ Вашего Императорскаго Величества, пишутъ, напр., крестьяне Артемьева Смоленской губ., запрещенiе въ воскресные дни работать и почитать ихъ праздниками, а мы и единаго дня не проминуемъ безъ господской

---

1) *Рус. Стар.*, XLII, 66.
2) 91 стр.
3) 141 стр.

работы»[1]). На этотъ манифестъ указываютъ и крестьяне Башмакова Вологодской губерніи.

Какъ само правительство относилось къ проведенію въ жизнь этого манифеста? Оно принимало всѣ мѣры къ тому, чтобы онъ не оставался мертвой буквой. Не только прямое указаніе крестьянъ на невыполненіе требованій этого закона вызывало самое строгое разслѣдованіе такой жалобы и наказаніе виновнаго, какъ это мы видимъ, напр., въ дѣлѣ Башмакова, но и въ случаѣ допроса жалобщика въ Петербургѣ, если онъ жаловался на разореніе, ему ставился вопросъ, соблюдаетъ ли ихъ помѣщикъ законъ о 3-хъ дневной работѣ. При отрицательномъ отвѣтѣ губернатору предписывалось немедленно произвести разслѣдованіе по этому пункту.

Такой, напр., случай былъ съ выборнымъ крестьянъ Дружининой Нижегородской губерніи, который жаловался на разореніе крестьянъ помѣщицей. Какъ докладывалъ государю кн. Куракинъ, «при объявленіи же ему (жалобщику) Всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества отъ 5 апрѣля прошлаго года указа о дняхъ для крестьянскихъ работъ, отвѣтствовалъ онъ, будто оный не исполняется». По разслѣдованію губернатора по этому пункту оказалось, что прежде дни рабочіе не раздѣлялись, теперь же крестьяне работаютъ три дня въ недѣлю на помѣщика, а три дня на себя [2]).

При разслѣдованіи справедливости жалобы крестьянъ Лежакова Вологодской губерніи на обремененіе ихъ помѣщикомъ работами, губернаторомъ мѣстному предводителю дворянства былъ поставленъ въ числѣ другихъ вопросовъ, по которымъ онъ долженъ былъ произвести разслѣдованіе, вопросъ: остается ли за господской работой половинное число работниковъ для домашнихъ работъ, или раздѣляется время?

Оказалось, что на фабрикѣ работала половина мужчинъ и женщинъ, а другая половина оставалась дома; если же въ семьѣ три работника, то половину недѣли работаютъ въ с. Никольскомъ [3]).

---

[1]) 247 стр.

[2]) 219 стр.

[3]) 128—129 стр.

На сколько важнымъ считался вопросъ о 3-хъ дневной работѣ крестьянъ, видно изъ того, что губернаторъ, призывавшій Башмакова (Вологодской губерніи) къ себѣ, въ ряду обвиненій противъ него остановился главнымъ образомъ на двухъ пунктахъ: о несоблюденіи имъ манифеста 5 апрѣля и о произнесеніи имъ дерзновенныхъ словъ. И когда Башмаковъ сталъ утверждать, что онъ соблюдалъ урочные дни, сославшись при этомъ на трехъ свидѣтелей, то отъ всѣхъ ихъ губернаторъ потребовалъ отвѣты на этотъ вопросъ. Несоблюденіе Башмаковымъ манифеста о 3-хъ дневной работѣ крестьянъ было однимъ изъ главныхъ его проступковъ [1]).

Что этотъ законъ соблюдался, свидѣтельствуютъ объ этомъ и сами помѣщики, какъ это мы видимъ изъ объясненія Соленикова Владимірской губерніи, представленнаго имъ ген.-прокурору по поводу жалобы на него его крестьянъ. Какъ одно изъ доказательствъ своего хорошаго отношенія къ крестьянамъ, Соленіковъ приводитъ то обстоятельство, что онъ исполняетъ законъ 5 апрѣля. «Сельскимъ же издѣліемъ, пишетъ Соленіковъ, они (крестьяне), по показаніямъ ихъ, не отягощаются, а во всѣхъ лѣтнихъ работахъ на меня употребляются они въ недѣлю три дня» [2]).

Съ какимъ вниманіемъ Имп. Павелъ относился къ проведенію манифеста 5 апрѣля въ жизнь, видно изъ слѣдующаго случая. Помѣщикъ Фроловъ Рязанской губ. сталъ посылать своего крестьянина, Марка Тихонова, на работу въ воскресенье, но послѣдній отказался исполнить требованіе помѣщика, «объявивъ ему, Фролову, что въ воскресные дни работать запрещено». Фроловъ сталъ «порочить указъ бранными словами». Объ этомъ неисполненіи указа и о пороченіи его Тихоновъ донесъ въ нижній земскій судъ. Дѣло дошло до губернатора, который самъ не рѣшилъ его, а отнесся къ генералъ-прокурору, «что съ онымъ дѣлать, испрашивая повелѣнія». Дѣло было доложено государю, и послѣдовала резолюція:

---

[1]) 132 стр.

[2]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. II, л. 29.

«Означеннаго помѣщика, прапорщика Максима Фролова, посадить въ смирительный домъ, если показаніе на счетъ его найдется справедливымъ».

Какъ допослъ губернаторъ Михаилъ Коваленскій, Фроловъ оказался невиповнымъ во взводимомъ на него преступленіи и потому съ крестьяниномъ велѣно было поступить по закопамъ [1]).

Въ дѣлѣ облегченія положенія крестьянъ правительство манифесту 5 апрѣля придавало большое значеніе, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ, кромѣ приведенныхъ выше случаевъ, напр., тѣ мѣры, которыя принимались правительствомъ для прекращенія все усиливавшагося бѣгства крестьянъ Волынской губ. за границу. Именно, было предписано узпать, не притѣсняютъ ли помѣщики своихъ крестьянъ какими либо особенными налогами, не подвергаютъ ли ихъ истязаніямъ, при этомъ было подтверждено помѣщикамъ и управителямъ, чтобы они старались удерживать крестъянъ отъ побѣговъ «и никакихъ бы сверхъ мѣры тягостей на нихъ не налагали, а поступали бы съ ними сообразно Высочайшаго указа, состоявшагося 1797 года апрѣля 5 дня, разосланнаго къ надлежащему исполненію ко всѣмъ городничимъ и нижнимъ земскимъ судамъ» [2]).

Въ числѣ мѣръ, принятыхъ Оренбургскимъ губернаторомъ для облегченія крестьянъ на заводѣ Глазова послѣ ихъ усмиренія, было приказаніе Глазову давать крестьянамъ три дня въ недѣлю для собственныхъ ихъ работъ. За исполненіемъ этого приказанія долженъ былъ наблюдать мѣстный исправникъ [3]).

Манифестъ 5 апрѣля для правительства былъ мѣриломъ тѣхъ повинностей, которыя могъ требовать помѣщикъ отъ своихъ крестьянъ. Это ясно изъ приговора, который выпесла С.-Петербургская Палата суда и расправы по дѣлу возмущенія крестьянъ Опитца противъ арендатора Теренберга. Теренбергъ требовалъ отъ крестьянъ, чтобы они работали на него гораздо больше, чѣмъ три дня въ недѣлю, и это было поставлено ему

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2953.

[2]) 282—283 стр.

[3]) 234 стр.

въ большую вину, такъ какъ, по мнѣнію Палаты, крестьянъ «сверхъ трехъ дней никакими поборами отягощать, а кольми паче брать съ нихъ деньгами, хлѣбомъ и протчимъ было не должно».

А между тѣмъ «*тѣ крестьяне обременены работой несравненно болѣе, нежели закономъ дозволено*».

«И такъ, заключаетъ свой приговоръ Палата, изъ всѣхъ дѣяній его видно, что онъ, Теренбергъ, для своей выгоды держался болѣе заключенного имъ съ помѣщикомъ той мызы контракта, а не силы Высочайшаго именного указа, ибо онъ, Теренбергъ, въ облегченіе тѣхъ крестьянъ работой съ публикованія о томъ указа никакой отмѣны не сдѣлалъ, а продолжалъ отягощеніе тѣмъ крестьянамъ съ состоянія того указа болѣе двухъ мѣсяцевъ». Мы уже знаемъ, какому наказанію былъ подвергнутъ Теренбергъ.

«А чтобы владѣлецъ, продолжаетъ свое заключеніе Палата, не принуждалъ означенныхъ крестьянъ къ работѣ въ недѣлю болѣе трехъ дней, взять съ него подписку»[1]).

Требованіе подписки отъ помѣщиковъ въ соблюденіи имп закона о 3-хъ дневной работѣ является въ данномъ случаѣ, какъ нѣчто исключительное, вызванное тѣми обстоятельствами, среди которыхъ выяснилось несоблюденіе помѣщиками этого закона.

Такую же подписку о соблюденіи манифеста 5 апрѣля потребовала Палата и отъ Буткевичевой, помѣщицы С.-Петербургской губерніи: «дабы она съ крестьянами въ работахъ не иначе поступала, какъ по волѣ Монаршей, изъявленной въ изданномъ 1797 г. апрѣля 5 числа манифестѣ»[2]).

Но и при обыкновенномъ теченіи дѣлъ правительство старалось имѣть наблюденіе надъ примѣненіемъ этого закона въ жизни, какъ это мы видимъ изъ донесенія Вологодскаго губернатора Шетнева генералъ-прокурору по поводу разслѣдованія имъ жалобы крестьянъ Башмакова.

---

[1]) 141—142 стр.

[2]) 143 стр.

«Отъ меня, пишетъ онъ, во исполненіе Высочайшаго манифеста о раздѣленіи работъ предписано было господину губернскому предводителю, чтобы сдѣлалъ предписаніе уѣзднымъ предводителямъ, дабы они имѣли наблюденіе въ своихъ округахъ, чтобы между помѣщиками и крестьянами послѣ того манифеста въ работахъ шесть дней раздѣлялись»[1]).

Намъ остается по отношенію къ манифесту 5 апрѣля выяснить еще одинъ вопросъ—вопросъ о его происхожденіи, какъ, при какихъ обстоятельствахъ возникла мысль о его изданіи у Императора Павла. Объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ прямыхъ данныхъ. Но для рѣшенія этого вопроса мы въ нихъ и не нуждаемся. Отвѣтъ явится самъ собой, если мы вспомнимъ то съ одной стороны благожелательное отношеніе Императора Павла I къ крестьянамъ, которое выразилось въ рядѣ указовъ объ облегченіи положенія крестьянъ, а съ другой—тѣ многочисленные прошенія крестьянъ и ихъ волненія, которыми ознаменовались первые же мѣсяцы новаго царствованія. И волненія, и прошенія должны были выяснить новому государю, какъ тяжело положеніе крестьянъ и въ чемъ именно была особенная тяжесть. Вспомнимъ при этомъ еще, какъ внимательно Императоръ Павелъ относился и къ прошеніямъ крестьянъ, и къ донесеніямъ о волненіяхъ крестьянъ губернаторовъ: изъ массы пересмотрѣнныхъ нами документовъ этого рода нѣтъ буквально ни одного, на которомъ рукой докладчика, кн. Куракина, не было бы сдѣлано помѣтки—или резолюціи государя, или обозначенія времени, когда данная бумага докладывалась государю. Такое близкое знакомство со всѣми этими прошеніями и донесеніями должно была выяснить Императору Павлу, въ чемъ прежде и больше всего нуждались крѣпостные крестьяне для облегченія положенія. И отвѣтъ получается ясный и справедливый: въ урегулированіи отношеній между помѣщиками и крестьянами въ области экономической, въ опредѣленіи размѣра повинностей, на который имѣли право помѣщики по отношенію къ своимъ

---

[1]) 132 стр.

крестьянамъ. Манифестъ 5 апрѣля и даетъ именно это опредѣленіе: онъ ясно говоритъ, что помѣщикъ имѣетъ право пользоваться трудомъ своихъ крестьянъ только 3 дня въ недѣлю.

Здѣсь, кстати, коснуться одного упрека этому манифесту, упрека въ неясности его редакціи.

«....Нынѣ только запрещено работать по воскресеньямъ и совѣтомъ сказано, что довольно трехъ дней на господскую работу», замѣчаетъ Радищевъ [1]).

«....Онъ (манифестъ 5 апрѣля) былъ написанъ весьма неопредѣленно», говоритъ В. И. Семевскій [2]).

О дурной редакціи манифеста говоритъ, какъ мы только что видѣли, и Е. С. Шумигорскій.

Но этого упрека манифестъ 5 апрѣля не заслуживаетъ. Онъ игралъ, мы видѣли, довольно замѣтную роль въ крестьянскихъ волненіяхъ, какъ поводъ для этихъ волненій. Мы слышали толкующими этотъ манифестъ и крестьянъ, жаловавшихся на его несоблюденіе помѣщиками, и помѣщиковъ, увѣрявшихъ, что они его соблюдаютъ, и судъ, и администрацію въ лицѣ исправниковъ, предводителей дворянства, губернаторовъ, генералъ-прокурора, и изъ всѣхъ перечисленныхъ случаевъ мы только въ двухъ встрѣтились съ искаженіемъ смысла этого закона, но и то не по отношенію къ несоблюденію его помѣщиками вслѣдствіе неясности его редакціи, въ чемъ его главнымъ образомъ упрекаютъ, а въ смыслѣ своеобразнаго толкованія его крестьянами.

Оба случая имѣли мѣста въ Петербургской губерніи, одинъ въ деревнѣ Большой Конецъ полковника Альбрехта, гдѣ крестьянинъ Исааковъ увѣрялъ своихъ односельчанъ, что помѣщикъ можетъ требовать изъ каждой семьи, независимо отъ количества въ ней мужчинъ, къ себѣ на работу только одного на два дня въ недѣлю, а изъ женщинъ только одну на одинъ день въ недѣлю, и другой на Кумоловской мызѣ маіора Оппитца, гдѣ арендаторъ не могъ принудить женщинъ ходить къ нему

---

[1]) Собраніе оставшихся сочиненій. М. 1811 г., IV, 146.

[2]) Крестьянскій вопросъ въ Россіи. СПБ. 1888 г., I, 232.

на работу, такъ какъ онѣ находили, что указъ относится только къ мужчинамъ [1]).

За исключеніемъ этихъ двухъ случаевъ неправильного толкованія крестьянами манифеста 5 апрѣля, всѣми перечисленными лицами и учрежденіями этотъ манифестъ на пространствѣ всей Европейской Россіи понимается одинаково.

Наконецъ, мы должны выяснить еще одну сторону манифеста 5 апрѣля, его значеніе для Малороссіи.

Въ нашей литературѣ господствующимъ является взглядъ, по которому «Имп. Павелъ, очевидно, и не подозрѣвая того, повысилъ этимъ распоряженіемъ размѣръ повинностей во всей Малороссіи, такъ какъ тамъ въ теченіе XVIII вѣка была въ обычаѣ двухдневная барщина» [2]).

На самомъ дѣлѣ такого отрицательнаго значенія для Малоссіи этотъ манифестъ не имѣлъ, такъ какъ обычай двухдневной барщины далеко не былъ такимъ распространеннымъ, какъ можно заключить изъ приведенныхъ словъ.

Вотъ что говоритъ объ отношеніи посполитыхъ крестьянъ къ державцамъ въ Малороссіи въ XVIII в. А. М. Лазаревскій.

«Панщина обыкновенно ограничивалась двумя, тремя днями въ недѣлю» [3]).

«Администрація считала двухдневную панщину достаточною; ниже мы увидимъ, что примѣненіе этого правила со стороны державцевъ было очень рѣдко; по крайней мѣрѣ то множество жалобъ на державческія насилія, которое сохранилось въ архивѣ генеральной канцеляріи, заставляетъ съ вѣроятностью полагать, что размѣръ панщины зависѣлъ отъ одного произвола державцы» [4]).

«Послушенство» подданныхъ къ ихъ державцѣ ничѣмъ не ограничивалось; размѣръ повинностей зависѣлъ отъ доброй

---

[1]) 136—137 стр.

[2]) *В. И. Семевскій* о. с., 233.

[3]) Малороссійскіе посполитые крестьяне (1648—1783). Записки Черниговскаго губернскаго статистическаго комитета. Черниговъ. 1866 г., I, 34.

[4]) Ibid., 35.

воли державцы, и потому подданническій бытъ по большей части былъ тяжелъ и разорителенъ» [1]).

Кромѣ того при оцѣнкѣ этихъ положеній нужно имѣть въ виду, что они относятся къ половинѣ XVIII в. Несомнѣнно, къ концу XVIII в. положеніе посполитыхъ въ Малороссіи значительно ухудшилось, слѣдовательно, размѣры барщины должны были увеличиться.

Такимъ образомъ, и по отношенію къ Малороссіи манифестъ 5 апрѣля имѣлъ такое же значеніе, какъ и для Великороссіи, внося въ жизнь точное опредѣленіе количества дней работы крѣпостныхъ на своихъ господъ и этимъ хотя отчасти парализуя «державческія насилія».

Въ числѣ поводовъ, вызывавшихъ крестьянскія волненія, мы встрѣчаемъ и приведеніе крѣпостныхъ крестьянъ къ присягѣ при вступленіи на престолъ Императора Павла Петровича. Сохранилось объ этомъ фактѣ любопытное свидѣтельство современника, гр. Ѳ. В. Растопчина, который въ одномъ изъ писемъ къ графу С. Р. Воронцову отъ 25 февраля 1797 г. сообщаетъ:

«Tout est tranquille dans l'intérieur, et les malentendus de quelques paysans ont cédé dans quelques endroits à la douceur, dans d'autres à la force. C'est la bêtise de quelques gouverneurs qui ont fait prêter serment de fidélité aux paysans, ce qui ne doit pas être» [2]).

О значеніи, которое придаетъ графъ Растопчинъ въ исторіи крестьянскаго движенія въ царствованіе Императора Павла приведенію крѣпостныхъ крестьянъ къ присягѣ, мы еще будемъ говорить; теперь же интересно выяснить, на сколько справедливымъ является его свидѣтельство объ элементѣ случайности въ дѣлѣ приведенія крестьянъ къ присягѣ.

Крѣпостные крестьяне со времени вступленія на престолъ Имп. Елизаветы Петровны до воцаренія Императора Павла не допускались къ принесенію присяги [3]).

---

[1]) Ibid,, 49.

[2]) *Арх. Воронц.*, VIII, 178.

[3]) Въ манифестѣ о вступленіи на престолъ Елизаветы Петровны говорится: «Правительственный Сенатъ... приказали: 1) оныхъ

Въ манифестѣ же о вступленіи на престолъ Императора Павла послѣ извѣщенія о кончинѣ Императрицы Екатерины II читаемъ:

«Вступая нынѣ на Нашъ прародительскій, наслѣдственный, Императорскій, Всероссійскій престолъ и повелѣвая вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ учинить Намъ въ вѣрности присягу, Бога Всемогущаго призываемъ, да поможетъ Намъ благодатью Своею Святою, бремя, отъ Него на Насъ возложенное, подъяти на пользу Имперіи и къ благодействію вѣрноподданныхъ Нашихъ» [1]).

Исключенія въ этомъ манифестѣ, сдѣлавшагося обычнымъ въ предшествующихъ трехъ манифестахъ, въ которыхъ призывались принести присягу «всякаго званія люди, кромѣ пашенныхъ крестьянъ», нѣтъ, а слѣдовательно, въ числѣ вѣрноподданныхъ, къ которымъ относилось повелѣніе манифеста «учинить присягу», находились и крѣпостные крестьяне.

манифестовъ о присягѣ напечатавъ довольное число, завтрашній день поутру при Санктпетербургѣ черезъ главную полицію публиковать, съ объявленіемъ при томъ, дабы всѣ Ея Императорскаго Величества вѣрные подданные, кромѣ пашенныхъ крестьянъ, для учиненія присяги того числа, а впредь по вся дни, пока всѣ приведены будутъ, приходили въ церкви Божіи...» П. С. З. XI, 8474. Въ манифестѣ Петра III: «Правительствующаго Сената контора приказали: какъ тѣхъ содержащихся въ томъ сыскномъ приказѣ, такъ и въ прочихъ присутственныхъ мѣстахъ находящихся колодниковъ духовного, мірского и военнаго всякаго званія людей, кромѣ пашенныхъ крестьянъ, такожъ исключая шельмованныхъ... къ означеннымъ присягамъ привесть тѣхъ мѣстъ, гдѣ они содержатся, присутствующимъ...» Ibid., 11403. Въ манифестѣ Екатерины II: «Правительствующаго Сената контора приказали: 1) означенный манифестъ и присягу въ Москвѣ въ Большомъ Успенскомъ соборѣ и въ прочихъ церквахъ, прочтя и публиковавъ, всѣхъ Ея Императорскаго Величества вѣрноподданныхъ какъ духовнаго, такъ и мірского, военнаго и гражданскаго чина и всякаго званія людей, кромѣ пашенныхъ крестьянъ, не выключая и малолѣтнихъ, возраста отъ 12 лѣтъ, къ той присягѣ приводить сего іюля съ 3-го дня...» Ibid., XVI, 11591.

[1]) П. С. З. XXIV, 17530.

Такъ этотъ манифестъ и былъ понятъ по тому прямому смыслу, который въ немъ заключался; вызывала нѣкоторое сомнѣніе только его необычайность по отношенію къ крестьянамъ сравнительно съ манифестами предшествующихъ царствованій.

Вотъ, напр., что пишетъ по этому поводу Костромской намѣстническій правитель, генер.-поручикъ Ламбъ, Владимірскому и Костромскому генералъ-губернатору:

«За нужное нахожу всепокорнѣйше представить о повстрѣчавшемся мнѣ сомнѣніи. Что по кончинѣ Государыни Елизаветы Петровны указомъ отъ Правительствующаго Сената 1761 г. декабря 26 дня въ бывшую здѣсь провинціальную канцелярію предписано было приводить къ присягѣ во всѣхъ мѣстахъ всѣхъ какъ духовнаго, такъ и мірского, военнаго и гражданскаго чина и всякаго званія людей, кромѣ однихъ пашенныхъ крестьянъ. При вступленіи на престолъ покойной Государыни, какое о приводѣ къ присягѣ распоряженіе сдѣлано было, о томъ здѣсь въ дѣлахъ ничего отыскать я не могъ. Въ нынѣшнемъ указѣ сказано: предписать всѣмъ вышеозначеннымъ мѣстамъ, дабы по обнародованіи помянутаго манифеста тогда же вѣрноподданные Его Императорскаго Величества приведены были немедленно къ присягѣ. Хотя при подпискѣ присяжныхъ листовъ тѣми изъ присягающихъ, кои сами писать умѣютъ, и при внесеніи именъ протчихъ, кои грамоты не умѣютъ, неминуемо теперь нужно будетъ написать великія стопы бумагъ, но я рѣшилъ сдѣлать въ семъ случаѣ лучше лишнее, нежели упустить должнаго, и для того предписалъ, чтобъ привесть къ присягѣ всѣхъ, безъ изъятія, не исключая и крестьянъ. Ежели предписаніе мое о приведеніи къ присягѣ всѣхъ крестьянъ, безъ изъятія, совершенно окажется излишнее, то всепокорнѣйше прошу милостиваго вашего приказанія, по которому помянутое предписаніе тотчасъ отмѣнить можно».

Ген.-губернаторъ отвѣчалъ, что въ распоряженіи его онъ «не находитъ никакой излишности». [1])

---

[1]) *Труды Владимірской Учен. Арх. Ком.*, I, Матеріалы, 21.

Кромѣ Владимірской и Костромской губерній мы знаемъ еще слѣдующія губерніи, въ которыхъ крѣпостное населеніе были приведено къ присягѣ наравнѣ съ остальными сословіями: Бѣлорусскую, Орловскую, Вологодскую, Московскую. Сравнительно небольшое число губерній, о которыхъ извѣстно, что крестьяне ихъ были приведены къ присягѣ, объясняется вполнѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ этихъ губерніяхъ принесеніе крестьянами присяги послужило для нихъ поводомъ къ волненіямъ. Въ остальныхъ губерніяхъ поводы были другіе, и о принесеніи крестьянами присяги нѣтъ извѣстій въ дѣлахъ о крестьянскихъ волненіяхъ.

Насколько приведеніе крестьянъ къ присягѣ не было результатомъ какого-то недоразумѣнія, какъ это представляется графу Растопчину, ясно изъ того, что самъ Императоръ Павелъ былъ вполнѣ освѣдомленъ объ этомъ фактѣ. Вотъ интересное свидѣтельство объ этомъ:

«Его Императорскому Величеству по письмамъ главнокомандующаго въ Москвѣ д. т. с. Измайлова докладывано о дошедшей къ нему, Измайлову, просьбѣ отъ крестьянъ Каширской округи вотчины секундъ-маіора Сергѣя Нестерова, что 10 декабря (1796 г.) въ церкви того села по учиненіи всѣми крестьянами присяги на вѣрное подданство Его Императорскому Величеству одинъ изъ крестьянъ....».[1])

Что касается того значенія, которое придаетъ графъ Растопчинъ приведенію крестьянъ къ присягѣ въ исторіи крестьянскаго движенія, объясняя его именно этой присягой, то это указываетъ только, что онъ вообще этого крестьянскаго движенія не понималъ, а кромѣ того и былъ мало освѣдомленъ о его размѣрахъ. Писалъ онъ письмо графу Воронцову, въ которомъ сообщаетъ объ этомъ движеніи, 25 февраля 1797 г., а мы знаемъ, что къ 18 февраля этого же года въ канцеляріи по пріему прошеній послѣднихъ скопилось 1205.

Такъ же односторонне судитъ о сущности крестьянскаго движенія при Императорѣ Павлѣ и Н. К. Шильдеръ, который говоритъ:

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2043. Журналъ именнымъ повелѣніямъ по Тайной Экспедиціи 1797 г. 1 генваря.

«Вѣроятно, подмѣченное въ Павлѣ Петровичѣ стремленіе къ уровненію сословій побудило его повелѣть, чтобы крестьяне присягали ему наравнѣ съ прочими сословіями имперіи. Но эта опрометчивая мѣра едва не стоила Россіи страшнаго кровопролитія и потрясенія государственныхъ основъ» [1]).

Мы видѣли уже, въ какомъ сравнительно съ общимъ числомъ волненій незначительномъ числѣ случаевъ приведеніе крестьянъ къ присягѣ послужило да и то не причиной, а только поводомъ къ этимъ волненіямъ.

Приведеніе крестьянъ къ присягѣ дѣйствительно имѣло большое значеніе для нихъ, но не какъ основа крестьянскаго движенія, а въ нравственномъ отношеніи въ ряду цѣлаго ряда другихъ моментовъ, способствовавшихъ пробужденію въ крѣпостномъ крестьянствѣ надеждъ на освобожденіе отъ крѣпостной зависимости.

Такъ, напр., объявили себя вольными и кромѣ государя ни отъ кого независящими крестьяне Рысинскаго Бѣлорусской губ., Себѣжскаго уѣзда, на томъ основаніи, что «приводимы были къ одной присягѣ въ вѣрности и подданствѣ Его Императорскому Величеству равно какъ и паны» [2]). Такія же надежды возбудило приведеніе къ присягѣ у крестьянъ Лежакова Вологодской губ. [3]).

И наоборотъ, недопущеніе къ присягѣ служитъ для крестьянъ поводомъ къ волненію, основа котораго кроется въ желаніи освобожденія отъ крѣпостной зависимости, какъ это мы видимъ, напр., у крестьянъ Андреева въ Орловской губ. [4]).

Поводомъ для волненій часто служилъ законъ 12 декабря 1796 года. Этимъ закономъ разрѣшалась подача жалобъ или прошеній, но при одномъ непремѣнномъ условіи, не подписываться больше одного человѣка [5]).

---

[1]) О. с., 327.
[2]) 207 стр.
[3]) 129 стр.
[4]) 25 стр.
[5]) 60 стр., примѣчаніе.

Такъ, напр., было у Лялина, Демидова, Константинова, Ошанина, Алалыкиной во Владимірской губерніи, крестьяне которыхъ на основаніи этого закона рѣшили послать государю жалобу на своего помѣщика, у Панкратьева въ Бѣлорусской губерніи, которому, основываясь на этомъ законѣ, крестьяне отказались платить наложенный на нихъ оброкъ, у Патеровъ въ той же губерніи, у Смирнова въ Саратовской губерніи; крестьяне послѣдняго въ самомъ прошеніи, подаваемомъ ими государю, ссылаются на этотъ законъ, какъ на основаніе для подачи ими прошенія.

Но нами приведены только тѣ случаи дѣйствія закона 12 декабря, которые зарегистрованы, но несомнѣнно, что вліяніе этого закона на количество жалобъ крестьянъ на своихъ помѣщиковъ было гораздо обширнѣе. Не забудемъ, что этотъ законъ, какъ и другіе, читался въ церквахъ, объявлялся всенародно, а слѣдовательно, былъ всѣмъ извѣстенъ и, конечно, не могъ остаться безъ сильнаго вліянія на рѣшимость крестьянъ жаловаться на своихъ помѣщиковъ государю. Этотъ выводъ подтверждается слѣдующимъ обстоятельствомъ: среди массы прошеній мы не встрѣтили ни одного, которое было бы подписано больше, чѣмъ однимъ человѣкомъ. Такимъ образомъ условіе, заключавшееся въ законѣ, крестьянами строго соблюдалось. Вліяніемъ этого же закона въ значительной степени можно объяснить и сильное увеличеніе въ январѣ 1797 года числа волненій крестьянъ, такъ какъ и волненія часто находились въ зависимости отъ возможности подачи жалобы государю на своего помѣщика.

Правы ли были крестьяне, толкуя этотъ законъ въ смыслѣ разрѣшенія имъ подачи жалобы на помѣщиковъ, и если были правы, то въ какомъ отношеніи къ нему находился законъ 22 августа 1767 г., запрещавшій эти жалобы?

Крестьяне толковали этотъ законъ, какъ и слѣдовало. Онъ имѣлъ въ виду въ числѣ другихъ, также и ихъ интересы, что ясно видно изъ очень важнаго свидѣтельства.

Въ Московской губ. крестьяне Мѣщанинова, работавшіе у него на фабрикѣ, недовольные своимъ помѣщикомъ, рѣшили

подать на него жалобу государю. Объ этомъ намѣреніи узналъ М. М. Измайловъ и сейчасъ же донесъ о немъ геп.-прокурору. Изъ донесенія видно, какъ понимала этотъ указъ высшая администрація. Именно, М. М. Измайловъ пишетъ, что онъ предписалъ подтвердить крестьянамъ указъ 12 декабря 1796 г., при чемъ настаивалъ на соблюденіи главнаго условія подачи жалобы, чтобы «не инако то дѣлали, какъ каждый отъ себя, не подписываясь больше одного человѣка». Но еще болѣе важнымъ и вполнѣ авторитетнымъ является резолюція на это донесеніе Императора Павла: «апробовавъ сдѣланное Мих. Мих. опредѣленіе, повелѣть соизволилъ объ исполненіи онаго сдѣлать къ Мих. Мих. Измайлову должное отношеніе»[1]).

Что законъ 12 декабря разрѣшалъ крестьянамъ жаловаться на своихъ помѣщиковъ, въ этомъ мы могли убѣдиться изъ отношенія правительства къ выборнымъ, подававшимъ лично въ Петербургѣ прошенія государю отъ своихъ односельчанъ. Ихъ не только не наказывали, но о ненаказуемости каждаго изъ нихъ обязательно геп.-прокуроръ писалъ губернатору, предводителю дворянства и помѣщику.

Этотъ взглядъ императора Павла I на право подачи прошенія крестьянами на своихъ помѣщиковъ яснѣе всего видимъ изъ резолюціи Императора на прошеніи крестьянъ Соленикова Владимірской губерніи и другихъ: «призвавъ крестьянъ (подававшихъ жалобы отъ имени своихъ односельчанъ), кроткимъ образомъ внушить имъ дерзость поступка ихъ противъ помѣщиковъ своихъ, коимъ прежде были послушны и таковыми быть должны; представить имъ жестокость справедливаго наказанія по законамъ, *если они въ чемъ либо доносятъ неправду или сами противъ помѣщиковъ виновны*, между тѣмъ снисходительно наклонять ихъ къ раскаянію и должному помѣщикамъ повиновенію» [2]).

---

[1]) 113 стр.
[2]) 158—159 стр.

Въ этихъ словахъ—руководящая точка зрѣнія на право крестьянъ жаловаться на своихъ помѣщиковъ; такъ относился Императоръ Павелъ ко всѣмъ крестьянамъ, обращавшимся къ нему съ жалобой на своихъ помѣщиковъ. Крестьянамъ, подававшимъ жалобы, угрожало наказаніе, но въ тѣхъ только случаяхъ, «если они въ чемъ либо доносятъ неправду или сами противъ помѣщиковъ виновны».

Но законъ 12 декабря, разрѣшавшаго крестьянамъ по существу подачу прошеній государю, не отмѣнялъ формально закона 22 августа 1767 года, запрещавшаго эту подачу, и вотъ мы видимъ на практикѣ рѣзкое противорѣчіе между отношеніемъ къ этому вопросу Императора Павла и центральнаго правительства съ одной стороны и областной администраціи съ другой. Послѣдняя всячески старается мѣшать крестьянамъ въ осуществленіи ихъ намѣренія подать прошеніе государю, видя въ этомъ намѣреніи нарушеніе закона 22 августа 1767 года. Но это удается только въ рѣдкихъ случаяхъ, громадное же большинство выборныхъ благополучно достигаетъ своей цѣли и опускаетъ свои жалобы въ ящикъ. Законъ 12 декабря, такимъ образомъ, фактически уничтожалъ законъ 22 авг. 1767 г., и въ этомъ его великая заслуга и значеніе. Онъ далъ исходъ накопившемуся народному чувству, поднялъ духъ народа, влилъ надежду въ измученныя сердца крѣпостныхъ. Другая сторона значенія этого закона заключается въ томъ, что, благодаря ему главнымъ образомъ, Императоръ Павелъ имѣлъ возможность узнать истинное положеніе крѣпостныхъ изъ ихъ прошеній и на основаніи этого знакомства издать манифестъ 5 апрѣля о 3-хъ дневной работѣ крестьянъ на помѣщиковъ.

Среди поводовъ для волненій мы часто встрѣчаемъ многочисленные и разнообразные слухи, очень распространенные въ то тревожное время въ крестьянской средѣ.

На сѣверѣ Россіи, въ губерніяхъ Олонецкой и Вологодской, циркулировалъ среди крестьянъ слухъ, что съ 1 января 1797 г. крѣпостные крестьяне будутъ вольными.

Въ С.-Петербургской губ. среди крестьянъ Альбрехта распространилъ ихъ же односельчанинъ слухъ, что всѣ помѣ-

щичьи крестьяне, живущіе въ 180 верстахъ отъ С.-Петербурга, «будутъ Государевы».

Лихорадочность ожиданія крестьянами освобожденія отъ власти помѣщиковъ отражается на характерѣ слуховъ.

Среди крестьянъ Тверской губ. былъ слухъ, что «кто успѣетъ попросить, тотъ будетъ вольный». Та же поспѣшность, какъ главное условіе освобожденія отъ власти помѣщиковъ, занимаетъ главное мѣсто и въ толкованіи указа 12 декабря 1796 г., распространившимся среди крестьянъ Псковской губ.: «просить (объ освобожденіи), не упуская времени, а упустите, не жалуйтесь на Государя». Среди крестьянъ Калужской губ. былъ слухъ, что «ежели кто до мая мѣсяца объ оной (вольности) просить не будетъ, то тогда будетъ отказано въ вольности да сверхъ того наказанъ будетъ кнутомъ». Слухи касались также облегченія положенія крестьянъ, напр., въ Нижегородской губ. среди помѣщичьихъ крестьянъ распространенъ былъ слухъ, что имъ слѣдуетъ платить оброкъ въ такомъ же размѣрѣ, въ какомъ платятъ въ казну повинности государственные крестьяне.

Какъ возникали и проникали въ крестьянскую среду эти слухи?

Общей почвой, въ высшей степени благопріятной для возникновенія на ней многочисленныхъ и самыхъ разнообразныхъ слуховъ, касавшихся ожидаемыхъ крѣпостными перемѣнъ своего положенія, было, безъ сомнѣнія, то чрезвычайно тревожное состояніе, какое переживалъ народъ въ первые мѣсяцы царствованія Императора Павла.

Конечно, не всегда можно прослѣдить начало того или другого слуха, но вотъ нѣсколько указаній на авторовъ слуховъ.

Въ Пермской губерніи ихъ распускали «проѣзжающіе неблагонамѣренные люди». Такимъ «неблагонамѣреннымъ» проѣзжимъ въ Калужской губерніи былъ «праздношатающійся регистраторъ», Петръ Ипатовъ. Въ Пензенской губерніи слухи объ освобожденіи крѣпостныхъ шли «отъ проѣзжающихъ курьеровъ». Въ Псковской губерніи указъ 12 декабря толкуетъ духовенство. Возникали они и въ крестьянской средѣ, какъ это мы только что видѣли въ С.-Петербургской губерніи.

Чрезвычайно характернымъ случаемъ распространенія среди крестьянъ слуховъ является дѣло о подпоручикѣ Федосѣевѣ, и потому на немъ стоитъ подробнѣе остановиться.

Подпоручикъ Иванъ Дмитріевичъ Федосѣевъ происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. На службу поступилъ онъ въ 1786 г. въ казенную палату Тобольскаго намѣстничества копіистомъ, въ томъ же году былъ назначенъ подканцеляристомъ, а въ 1792 году, по прошенію, 26 лѣтъ, былъ назначенъ въ военную службу, въ 1-ый морской батальонъ сержантомъ, откуда по болѣзни уволился въ 1795 г. съ чиномъ подпоручика. 11 декабря 1796 года, по прошенію, снова опредѣленъ государственной военной коллегіей въ военную службу въ Оренбургскіе гарнизонные батальоны, куда и отправленъ съ даннымъ для свободнаго проѣзда паспортомъ, но, къ сожалѣнію, безъ прогоновъ и безъ жалованья, своихъ денегъ у него не было ни копѣйки, путь же предстоялъ не малый—отъ Петербурга до Оренбурга. Тамъ же, въ военной коллегіи, онъ нашелъ и попутчика на весь этотъ путь, сержанта Осипа Степанова, также отправленнаго военной коллегіей въ Оренбургскіе гарнизоны. Федосѣевъ и Степановъ изъ Петербурга вышли пѣшкомъ, прошли Старую Ладогу, Тихвинъ и, наконецъ, добрались до Устюжны. Но здѣсь у путниковъ не хватило больше силъ зимой пѣшкомъ совершать такой путь. Они взмолились къ городничему Иванову, и послѣдній на своихъ лошадяхъ отправилъ ихъ до первой деревни. При такихъ то печальныхъ, безвыходныхъ обстоятельствахъ, вѣроятно, и созрѣла у Федосѣева несчастная мысль воспользоваться приподнятымъ настроеніемъ народа, ожидавшимъ со дня на день перемѣны своего положенія, и на этомъ основать свое благополучіе. И благополучіе то собственно не особенно большое, но при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находились Федосѣевъ и Осиповъ, очень важное: совершить путь до Оренбурга на обывательскихъ лошадяхъ, ничего за это не платя. Доставленный на лошадяхъ городничаго Устюжны до первой деревни отъ этого города, Федосѣевъ объявилъ здѣсь крестьянамъ, что онъ посланъ Его Императорскимъ Величествомъ для переписки на

разстояніи отъ Петербурга до Оренбурга всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ, сколько у кого крестьянъ есть и какой оброкъ они платятъ своимъ господамъ. Эти свѣдѣнія, по объясненію Федосѣева, онъ долженъ представить государю. Кромѣ его, Федосѣева, съ этой же цѣлью посланъ цѣлый полкъ. Послѣ этой переписи помѣщичьи крестьяне будутъ освобождены отъ власти господъ, всѣ сдѣлаются казенными и будутъ платить въ казну столько же, сколько теперь вносятъ казенные крестьяне. Для приданія большей достовѣрности сообщаемымъ имъ извѣстіямъ Федосѣевъ дѣйствительно записывалъ крестьянъ въ окрестностяхъ тѣхъ селеній, гдѣ онъ мѣнялъ лошадей.

Вотъ эта запись: Устюжскаго уѣзда, у помѣщика Батюшкова—1000 душъ, оброку съ каждой души по 12 руб., пом. Досадина—300 д., оброку по 25 р., пом. Нелидовой—1000 д., оброку по 37 руб., пом. Куликова—«у онаго крестьяне въ побѣгѣ, разогнаты имъ самимъ», пом. Толстой—оброку по 10 р. съ души, пом. Пепешихъ—крестьяне «употребляются въ собственную ихъ дворовую работу», пом. Кропотова—оброку по 9 р. съ души. По Ярославской дорогѣ: крестьяне дер. Овсянниковой испытываютъ притѣсненіе отъ мѣстныхъ помѣщиковъ въ сѣнныхъ покосахъ, большое стѣсненіе отъ нихъ испытываютъ крестьяне и по отношенію къ проселочной дорогѣ, за пользованіе которой помѣщики берутъ съ крестьянъ ежегодно по 50 человѣкъ на свою работу. Кромѣ того помѣщики травятъ своимъ скотомъ крестьянскія дачи. Весьегонскаго уѣзда: пом. Жеребцова—700 д. крестьянъ, пом. Похвистнева 76 д. по 10 р. съ души, пом. Постниковой 19 д., по 5 руб. оброка, малолѣтнихъ помѣщиковъ Споскоревыхъ 20 д., по 5 р. оброка, пом. Ухренскаго 20 д., оброка по 5 р. съ души, пом. Степаниды Кулябиной 3 д. на барщинѣ, пом. Измайловой 200 д., которые ходятъ на ея работу.

Первое время все шло хорошо для Федосѣева и Степанова: имъ крестьяне охотно давали подводы безъ прогонныхъ денегъ. Такимъ образомъ имъ удалось проѣхать селенія Нечанову, Кваскова, Старое, Стрекачево, Макарово, но въ дер. Пленишникахъ дворянскимъ засѣдателемъ Весьегон-

скаго нижняго земскаго суда, Масловымъ, Федосѣевъ 31 декабря 1796 г. былъ арестованъ. Судьба его была очень печальна: онъ былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Нерчинскіе заводы; сержантъ Осипъ Степановъ за участіе его въ разглашеніи Федосѣевымъ ложныхъ слуховъ приговоренъ былъ къ наказанію: дать 25 ударовъ кнутомъ, а потомъ, вырѣзавъ ноздри, заклеймя указными литерами и заклепавъ въ кандалы, послать въ каторжную работу въ Ригу [1]).

Не менѣе типичный путь распространенія среди крестьянъ слуховъ, касавшихся ихъ положенія, представляетъ слѣдующій случай.

Крестьяниномъ бригадира Салтыкова Петровымъ, жившимъ въ с. Безсоновкѣ Пензенской губерніи, получено было письмо отъ брата, служившаго рядовымъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскомъ полку и писанное лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка рядовымъ Молодцовымъ.

Вотъ это письмо:

«Милостивѣйшая государыня, матушка Устинья Алексѣевна! Желаю Вамъ всякаго благополучія и многолѣтняго здравія на вѣки нерушимаго. И посылаю всенижайшее почтеніе и прошу вашего заочнаго родительскаго благословенія. А о себѣ честь имѣю донести, что я по власти Всещедраго Нашего Бога, также и вашими родительскими молитвами, благополученъ, также и жена моя, а ваша невѣстка, Прасковія Ивановна, и сынъ нашъ новорожденный Александръ, а вашъ внучекъ желаетъ Вамъ всякаго благополучія и свидѣтельствуетъ свое почтеніе. Братцу моему любезному, Ильѣ Петровичу, и съ сожительницею своею, а моею невѣсткою, Аграфеною Григорьевною, желаю всякаго благополучія и посылаю всенижайшее почтеніе. Братцу моему, Никитѣ Петровичу, и съ сожительницею вашею желаю всякаго благополучія и посылаю всенижайшее мое почтеніе; милостивому государю, батюшкѣ Михайлѣ Ананьичу, и съ дѣтками вашими желаю всякаго благополучія и посылаю

[1]) *Сенатскій Архивъ* 1-е Отдѣл. 5-го Департамента, № 112, II. С. З. XXIV, 17776. Ср. *С. Н. Шубинскій*, Историческіе очерки и разсказы. 4 изд. СПБ. 1903 г., стр. 460—470.

всенижайшее мое почтеніе. Сестрицѣ моей любезной, Афимьѣ Петровнѣ, съ сожителемъ вашимъ, Терентіемъ Степановичемъ, желаю всякаго благополучія и посылаю всенижайшее мое почтеніе. Милостивой государынѣ, матушкѣ крестной, Аксиньѣ Васильевнѣ, желаю всякаго благополучія и съ сожителемъ Вашимъ и съ дѣтками и посылаю всенижайшее почтеніе. Тетушкамъ моимъ, Степанидѣ Леонтьевнѣ и Аграфенѣ Леонтьевнѣ, и съ дѣтками вашими посылаю всенижайшее почтеніе; тетушкѣ моей, Дарьѣ Никитишнѣ, и съ сожителемъ вашимъ, а моимъ дядюшкой и съ дѣтками вашими посылаю всенижайшее почтеніе; милостивому государю моему, Матвѣю Яковлевичу, и съ сожительницею вашею, Ариною Ивановною, и съ дѣтками вашими посылаю мое всенижайшее почтеніе; государю моему, Григорію Федоровичу, и съ сожительницею вашею и съ дѣтками также и Стефану Федоровичу съ сожительницею вашею посылаю всенижайшее мое почтеніе. Увѣдомляю васъ, что у насъ нынѣ все новое; какъ государь принялъ престолъ, то мы ни дня, ни почи покою мало имѣемъ, хоша деньгами насъ и дарятъ, но они намъ не очень нужны, а нужно одно спокойствіе. А что касается для васъ, то вамъ очень хорошо: указы у насъ прибиты у будокъ, вы будете платить господину три рубля въ годъ съ вѣнца. Какъ отдалъ, такъ и не знаю его. А на работу свою господинъ принудить васъ не можетъ; если ему нужна работа, то онъ долженъ вамъ платить, что тебѣ угодно, а если не захочешь, то принудить не можетъ. Такожде и я вамъ всѣмъ при ономъ посылаю мое почтеніе. Иванъ Степановъ Молодцовъ. И остаюсь доброжелательный вашъ сынъ, Григорій Петровъ. Декабря 21-го дня 1796 года»[1]).

Это письмо, сохранившееся въ подлинникѣ, благодаря дѣлу, возникшему по его поводу, очень характерно. Оно ярко свидѣтельствуетъ, какъ въ ту тревожную, лихорадочную для крестьянъ, пору легко возникали на почвѣ ожиданія перемѣны положенія слухи, которые даже въ Петербургѣ принимали фантастическіе размѣры, съ дѣйствительностью имѣвшіе мало

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 3010.

общаго. Что же удивляться обилію и фантастичности слуховъ въ какой нибудь Безсоновкѣ Пензенской губерніи? Другая сторона, интересная въ этомъ письмѣ, заключается въ томъ, что оно наглядно показываетъ, какъ легко проникали въ деревню интересующія ея обитателей извѣстія и изъ такого источника, который въ глазахъ крестьянъ былъ вполнѣ достовѣрнымъ. Какъ же крестьянамъ не отказать въ повиновеніи своему помѣщику и не обвинить власти, являющіяся для ихъ усмиренія, въ подкупѣ помѣщиками? При опредѣленіи значенія этого письма нужно принять во вниманіе, что, какъ пишетъ по этому поводу губернаторъ Гедеоновъ, пересылая письмо генералъ-прокурору, «подобныхъ писемъ изъ полковъ гвардіи во всѣ губерніи по селеніямъ къ родственникамъ много разослано; извѣстно же, что чернь ничѣмъ столь скоро обманута быть не можетъ, какъ подобными разгласками». И это естественно: такъ эти «разгласки» совпадали съ задушевнѣйшими желаніями крестьянъ!

Сравнительно немного случаевъ мы видѣли, чтобы крестьяне,ославъ жалобу на своего помѣщика, оставались въ полномъ повиновеніи послѣднему. Обыкновенно съ отправленіемъ жалобы крестьяне отказывались отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ помѣщику, при чемъ дальнѣйшее ихъ поведеніе обусловливалось предыдущимъ отношеніемъ къ нимъ помѣщика или его управляющаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ожесточеніе крестьянъ бывало такъ велико, что они убивали своихъ притѣснителей, какъ напр., въ имѣніи кн. Голицыной Орловской губ. убили управляющаго Свинцова или у Воейкова въ Калужской губ.—старосту съ сыновьями. Узнавъ объ отказѣ въ повиновеніи крестьянъ помѣщикъ или управляющій подавалъ заявленіе въ судъ объ этомъ, прося усмирить крестьянъ. Судъ въ лицѣ исправника, засѣдателя, совѣтника или даже губернатора являлся къ бунтующимъ и здѣсь встрѣчалъ обыкновенно большое упорство со стороны крестьянъ. Крестьяне объявляли, что не будутъ повиноваться до тѣхъ поръ, пока не возвратятся ихъ посланные съ тѣмъ или другимъ отвѣтомъ отъ государя на ихъ жалобу.

Убѣжденія суда чаще всего не оказывали никакого дѣйствія, и это естественно: чѣмъ могъ судъ разрушить тѣ надежды, которые вкрались въ крестьянскія сердца, которымъ такъ хотѣлось вѣрить, съ которыми такъ тяжело было разстаться! Въ распоряженіи суда были указы да угрозы наказанія. Но указы были старые, а угрозы.... Что значили эти угрозы для крестьянъ, для многихъ изъ которыхъ вся ихъ жизнь была сплошнымъ наказаніемъ! А если имъ объявляли указы о повиновеніи отъ имени Императора Павла, они не хотѣли имъ вѣрить и называли эти указы фальшивыми. Когда являлась военная команда усмирять ихъ, крестьяне и при такихъ обстоятельствахъ не могли разстаться съ надеждой и уступали силѣ съ убѣжденіемъ, что и войско дѣйствуетъ не по приказанію государя, а потому, что подкуплено помѣщиками, сторону которыхъ поэтому и держитъ.

Не довѣряя ни администраціи, ни войску, крестьяне вѣрили только государю, отъ котораго ожидали облегченія своего положенія, и не желая разставаться съ своими надеждами, требовали отъ усмирявшихъ указовъ съ приказаніемъ повиноваться помѣщикамъ, подписанныхъ «собственной Его Императорскаго Величества рукой». Но такихъ указовъ усмирявшіе показать не могли, а крестьяне объявляли, что они будутъ ждать на свою жалобу отъ государя отвѣта, который должны принести имъ ихъ выборные. Но такъ какъ крестьяне отказывались отъ повиновенія помѣщикамъ одновременно съ отправленіемъ своихъ выборныхъ, и усмиреніе начиналось вслѣдъ за этимъ, то естественно, что усмиреніе заканчивалось задолго до возвращенія выборныхъ.

Въ большинствѣ случаевъ это усмиреніе производилось при помощи войскъ, при чемъ послѣднія иногда встрѣчали энергичное сопротивленіе. Въ этомъ отношеніи особенной силы достигло волненіе крестьянъ Апраксина и Голицыной Орловской губерніи, гдѣ были употреблены даже пушки.

Если волновавшихся было немного, и они не могли разсчитывать на успѣхъ въ случаѣ открытаго ихъ сопроти-

вленія, то они прибѣгали тогда къ другой формѣ протеста—къ поголовному бѣгству, и явившіеся усмирять находили крестьянскія избы пустыми, а хозяевъ въ безвѣстной отлучкѣ. Оригинальная форма протеста практиковалась крестьянами Волынской губерніи, обусловленная ея особеннымъ пограничнымъ положеніемъ. Разница и существенная заключалось въ томъ, что крестьяне внутреннихъ губерній въ концѣ концовъ возвращались къ себѣ и попадали въ прежнія условія жизни, а крестьяне Волынской губ. навсегда уходили изъ государства.

ГЛАВА V.

Участіе духовенства въ крестьянскихъ волненіяхъ.

Въ представленномъ выше очеркѣ крестьянскаго движенія мы много разъ встрѣчались съ случаями участія въ немъ сельскаго духовенства.

На основаніи этихъ фактовъ и ряда новыхъ архивныхъ данныхъ мы разсмотримъ тѣ формы, въ которыхъ выражалось это участіе, послѣдствія, которыми оно сопровождалось для духовенства и, наконецъ, причины, заставлявшія духовенство участвовать въ крестьянскихъ волненіяхъ.

На прошеніяхъ крестьянъ, «вѣрющихъ» письмахъ, объясненіяхъ, приговорахъ мы очень часто встрѣчаемъ подписи духовныхъ лицъ за неумѣющихъ грамотѣ крестьянъ.

Такъ, напр., на объясненіи, посланномъ губернатору крестьянами с. Радогощь Орловской губерніи, за неграмотныхъ крестьянъ росписался ихъ священникъ, Яковъ Калошинъ [1]). «Вѣрующія» письма, данныя крестьянами Бодиско и Хлюстина своимъ выборнымъ для подачи прошенія государю, были написаны діакономъ с. Богородицкаго, а подписаны за крестьянъ того же села священникомъ и діакономъ [2]). Къ прошенію на помѣщика крестьянъ кн. Гондурова Костромскій губ. государю «Церкви Покрова Пресвятыя Богородицы священникъ Иванъ Ивановъ вмѣсто вышеписанныхъ крестьянъ къ ихъ прошенію руку приложилъ» [3]). Къ мірскому приговору крестьянъ Енга-

---

[1]) 40 стр.

[2]) 51 стр.

[3]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2985, ч. II, л. 15.

лычева Владимірской губ. «того же села священникъ Петръ Алексѣевъ вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ, старосты Степана Евдокимова съ крестьянами, по ихъ прошенію руку приложилъ»[1]). Прошеніе крестьянъ помѣщика Хитрово подписалъ священникъ Михаилъ Соколовскій [2]).

Еще чаще духовныя лица являются авторами прошеній, приговоровъ, довѣренностей крестьянъ.

Напримѣръ, для написанія приговора крестьянъ Лялина Владимірской губ. о томъ, что они поручили подать прошеніе государю своимъ выборнымъ, крестьяне обратились къ священнику с. Дубенки, Николаю Иванову, а подписать за нихъ этотъ приговоръ попросили священника с. Лычева, Василія Петрова, что тѣ и исполнили [3]). Діаконъ села Печки, Емельянъ Петровъ, написалъ приговоръ крестьянамъ Зыкова Калужской губерніи [4]). По обвиненію помѣщикомъ Козловымъ діакона погоста Жукова Псковской губерніи, Гавріила Григорьева, въ составленіи крестьянамъ прошеній государю на помѣщиковъ, послѣдній былъ отданъ подъ судъ. Слѣдствіе выяснило, что 24 января къ діакону Григорьеву явилось до 150 крестьянъ сосѣднихъ помѣщиковъ Хмѣлева и Львова, которые стали его просить написать отъ ихъ имени просьбу государю «о несносныхъ господскихъ поборахъ». Хотя діаконъ недоумѣвалъ, какъ писать такую жалобу, да и полнаго титула государя не зналъ, но крестьяне неотступно просили его, а въ доказательство законности своего образа дѣйствій представили ему копію съ указа (12 декабря 1797 г.). Діаконъ написалъ имъ все, что они желали, и отдалъ прошеніе имъ на руки [5]). Помѣщица Голенищева-Кутузова Псковской губ. подала заявленіе въ нижній земскій судъ, что священникъ села Тихвино, Иванъ Васильевъ, возмущалъ ея крестьянъ. По слѣдствію оказалось, что, живя въ Петербургѣ, она получила извѣстіе о возмущеніи ея

---

[1]) 163 стр.
[2]) 190 стр.
[3]) 168 стр.
[4]) 75 стр.
[5]) *Сенатскій Архивъ* 1-е Отдѣл. 5-го Департамента, № 20.

крестьянъ. Пріѣхавъ въ деревню въ половинѣ января, она узнала отъ крестьянъ, что изданъ указъ «о бытіи имъ, крестьянамъ, вольными» и что они выбрали нѣсколько человѣкъ изъ своихъ подать прошеніе въ Петербургъ, прошеніе же это писалъ имъ вышеупомянутый священникъ. На допросѣ священникъ показалъ, что онъ по неотступнымъ просьбамъ своихъ прихожанъ, крестьянъ Голенищевой-Кутузовой, дѣйствительно написалъ имъ прошеніе, которое они послали въ Петербургъ, собравъ между собою съ каждаго вѣнца по 25 коп. [1])

Слѣдующій случай является особенно важнымъ потому, что заключаетъ въ себѣ кромѣ указанія на участіе въ волненіи крестьянъ священника типичную сцену столкновенія послѣдняго и помѣщицы на почвѣ діаметрально противоположнаго отношенія къ крѣпостнымъ крестьянамъ сословій, къ которымъ оба представителя принадлежали.

Членъ комиссіи «по дѣламъ о мятежности», Холмскій помѣщикъ, поручикъ Ерышкинъ, сообщилъ суду, что онъ, будучи въ Даньковскомъ приходѣ для разслѣдованія, нѣтъ ли среди мѣстныхъ крестьянъ намѣренія возмутиться противъ помѣщичьей власти, узналъ отъ крестьянъ помѣщицы Арбузовой, раньше бывшихъ въ волненіи, а теперь усмиренныхъ, что при возмущеніи ихъ былъ «вспомоществователемъ» священникъ погоста Данькова, Дмитрій Тимофеевъ, такъ какъ онъ зналъ объ ихъ намѣреніи возстать противъ помѣщичьей власти и даже по ихъ просьбѣ составилъ имъ записку о поборахъ съ нихъ помѣщицы для составленія по этой запискѣ прошенія государю. Прошеніе же написалъ имъ крестьянинъ Старорусскаго уѣзда, Ляховицкаго погоста, Иванъ Савельевъ, а священникъ того же погоста руку приложилъ. Сама помѣщица Арбузова показала на допросѣ о священникѣ слѣдующее: 18 января 1797 г. въ домъ ея, въ селѣ Внуково, былъ ею приглашенъ священникъ Тимофеевъ для служенія всенощной. Рѣчь зашла о волненіяхъ крестьянъ. Священникъ сказалъ ей по этому поводу: «крестьяне всѣ будутъ вольными».

---

[1]) Ibid.

Арбузова разсердилась на него за эти слова и закричала, чтобы онъ не смѣлъ этого разглашать, но священникъ «не возчувствовалъ ея словъ» и сталъ говорить, что указъ сегодняшній день будетъ объявленъ о вольности крестьянъ и будутъ читать его въ церкви. Затѣмъ, «распалившись сердцемъ», не служа даже всенощной, ушелъ домой. У помѣщицы были въ это время дѣвица Арбузова и протоколистъ Бураковскій, которые подтвердили слова помѣщицы [1]).

Помѣщица Псковской губерніи, Варвара Кармалина, въ своемъ заявленіи въ нижній земскій судъ пишетъ, что по усмиреніи ея крестьянъ, послѣдніе назвали ей діакона погоста Троицы, Варламова, какъ писавшаго имъ прошеніе на помѣщицу государю. По произведенному разслѣдованію оказалось, что во второй половинѣ января два крестьянина Кармалиной, Ивановъ и Митрофановъ, вслѣдствіе распространившагося слуха, что «буде кто будетъ просить на господъ своихъ въ отягощеніи ихъ налогами государя, будутъ вольные», поѣхали въ погостъ Троицы, гдѣ, розыскивая діакона Варламова, нашли его на улицѣ и стали просить написать имъ просьбу государю. Діаконъ согласился, отправился съ ними въ земскую избу и тамъ написалъ просьбу, а руку приложилъ за крестьянъ къ ней того же погоста дьячекъ, Яковъ Васильевъ. Во время составленія прошенія явился въ избу земскій писарь, Петръ Анисимовъ, который показывалъ, какъ составить прошеніе. Кромѣ того о послѣднихъ двухъ, дьячкѣ и писарѣ, выяснилось во время слѣдствія, что они составили прошеніе государю крестьянамъ помѣщицы Лихачевой на свою владѣлицу [2]). Крестьянамъ Соленикова Владимірской губ. по ихъ просьбѣ писалъ приговоръ и подписалъ его приходской дьячекъ, Василій Егоровъ [3]).

При томъ возбужденіи, которое господствовало среди крестьянъ особенно въ первые мѣсяцы царствованія Императора Павла, крестьянамъ было очень трудно оріентироваться среди

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.
[3]) 158 стр.

массы самыхъ разнообразныхъ слуховъ и порожденныхъ ими толковъ. Естественно, что они обращаютя къ наиболѣе близкимъ и для нихъ доступнымъ лицамъ за разъясненіемъ своихъ недоумѣній, къ своему приходскому духовенству. И мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ случаевъ участія духовенства въ крестьянскихъ волненіяхъ, въ которыхъ священно-и-церковнослужители являются совѣтниками и «возбудителями» этого движенія.

Крестьяне Рудакова Ярославской губ. послали прошеніе государю на основаніи совѣтовъ священника с. Георгіевскаго Семенова [1]). Если не авторомъ, то главнымъ совѣтникомъ крестьянъ Андреева Орловской губ. при составленіи ими прошенія государю былъ священникъ с. Андросова, какъ можно заключить изъ словъ въ этомъ прошеніи самихъ крестьянъ: «...не утерпѣвъ, пишутъ крестьяне, принуждены утруждать Ваше Императорское Величество оною просьбою.... по согласію и приказамъ отца нашего духовнаго, того же села Андросова церкви Рождества Пресвятыя Богородицы священника, Бориса Акинтьева» [2]). При разслѣдованіи волненія крестьянъ Власова Тульской губ. выяснилось, что «крестьяне имѣютъ всегдашніе совѣты со священникомъ, тамъ живущимъ» [3]). Когда началось движеніе среди брасовскихъ крестьянъ Апраксина Орловской губ., мѣстный священникъ, Тимофей Дмитріевъ, не только «не донесъ, куда слѣдовало, о начавшемся возмущеніи и отложеніи отъ повиновенія помѣщику своему его прихожанъ и не уговаривалъ ихъ, чтобы они того не дѣлали, но паче подалъ поводъ своимъ прихожанамъ къ отложенію отъ повиновенія своему господину говореньемъ имъ при приводѣ къ присягѣ на ихъ слова: «можетъ быть, мы теперь будемъ государевы», такихъ рѣчей: «когда Богъ дастъ, такъ и будете государевы!». Къ подачѣ прошенія крестьянами этотъ священникъ относился очень сочувственно [4]).

---

[1]) 151 стр.
[2]) 26 стр.
[3]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 23, л. 1.
[4]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 2/2, л. 179.

Священникъ с. Петрикова, принадлежавшаго Апраксину же, Савва Стефановъ, принималъ въ этомъ движеніи крестьянъ живое участіе, бывалъ на сходкахъ крестьянъ, участвовалъ въ обсужденіи ими своего тяжелаго положенія и когда крестьяне рѣшали вопросъ о посылкѣ прошенія государю, «авось бы имъ полегче было», то священникъ убѣждалъ ихъ просить и говорилъ крестьянамъ: «если дойдетъ до Его Императорскаго Величества, то авось либо вамъ и полегче будетъ, а если не дойдетъ, то и не осудятъ»[1]).

Дѣятельное участіе въ волненіяхъ своихъ прихожанъ принимали священники с. Мугрѣева Владимірской губ. Они подписывались за крестьянъ подъ приговорами послѣднихъ, сочиняли имъ прошенія, участвовали въ обсужденіи различныхъ вопросовъ на сходкахъ. «Они, по мнѣнію исправника и предводителя дворянства, производившихъ разслѣдованіе о волненіи крестьянъ, съ начала бунта немалымъ подвигомъ служили въ развращеніи глупаго народа, въ продолженіи жъ онаго были подкрѣпленіемъ несбыточной надежды ихъ, отчего никакія убѣжденія въ должный порядокъ не сильны бъ были привести безъ страху»[2]). «Возбудителями ослушанія» крестьянъ Воейкова Калужской губ. сами крестьяне называли приходского священника, Петра Григорьева, который сочинилъ общественный приговоръ для подачи просьбы государю, и десятского. Этотъ же священникъ, Петръ Григорьевъ, съ двумя священниками сосѣднихъ приходовъ были «развратителями», по оффиціальному выраженію, и крестьянъ помѣщицы Никифоровой [3]).

Какое живое участіе принимало духовенство въ этомъ движеніи крестьянъ противъ помѣщичьей власти, показываетъ слѣдующій случай.

Въ погостѣ Бросна, Псковской губ., Холмскаго уѣзда, у сосѣднихъ помѣщиковъ Хмѣлева и Львова вышли крестьяне изъ повиновенія. Они были усмирены силой. Для разслѣдованія причинъ возмущенія вслѣдъ за усмиреніемъ въ Бросну

[1]) Ibid., л. 181.
[2]) 187 стр.
[3]) 61—62 стр.

явилась комиссія съ предсѣдателемъ полковникомъ Тучковымъ и депутатомъ отъ духовной консисторіи, священникомъ Симономъ Васильевымъ. Комиссія остановилась въ домѣ мѣстнаго священника, Ивана Яковлева. Здѣсь же была и невѣстка священника, жена его сына, Антонія Яковлева, который тоже въ погостѣ Бросна былъ священникомъ. Заговорили о возмущеніи крестьянъ. Жена свящ. Антонія, Ксенія, прерывая «съ запальчивостью» разговоръ, старалась оправдать крестьянъ, «поносяя, елико возможно, помѣщиковъ», чѣмъ навлекла на себя подозрѣніе въ соучастіи съ крестьянами, и была арестована. Послѣ того какъ были собраны въ погостѣ окрестные крестьяне, имъ начали читать «объявленіе» губернатора Философова. Но чтеніе было внезапно прервано священникомъ Антоніемъ, который, «бѣжа къ толпѣ крестьянъ, кричалъ не токмо званію его несоотвѣтственныя, но при томъ съ великимъ азартомъ, приличныя наглому бунтовщику, возбуждающія къ мятежности слова, порицая войска Его Императорскаго Величества, яко бы они были подкуплены помѣщиками, грабители и совершенные злодѣи». Эта рѣчь произвела сильное впечатлѣніе на крестьянъ, только что усмиренныхъ, и едва не вызвала новаго волненія. Когда же его схватили, чтобы не дать ему продолжать, онъ, вырвавшись изъ рукъ державшихъ, бросился къ крестьянамъ съ крикомъ: «бунтъ! что вы смотрите!» Съ трудомъ солдаты отвели его въ домъ его отца, гдѣ депутатъ духовной консисторіи сталъ его убѣждать въ законности дѣйствій команды. Но свящ. Антоній Яковлевъ стоялъ на своемъ, отрицая законность назначенія и самого депутата, чѣмъ заставилъ послѣдняго показать ему указъ духовной консисторіи. Въ тотъ же моментъ священникъ Яковлевъ вырвалъ указъ, прочиталъ его и «съ пренебреженіемъ» сталъ его мять, объявивъ, что указъ подложный и что онъ предъявитъ его, куда слѣдуетъ. Такъ какъ команда должна была итти въ другой погостъ, Жуковъ, то и арестованнаго священника взяла съ собою «за крѣпкимъ карауломъ». Жену же его освободили изъ подъ ареста, такъ какъ увидѣли, что она говорила подъ вліяніемъ своего мужа. Но арестованный священникъ и на улицѣ не переставалъ «поощрять

къ мятежности пеистовыми выраженіями и крикомъ: «разбой! бунтъ!» и т. п., такъ что при проѣздѣ черезъ селенія, особенно еще не успокоившіяся, ему зажимали ротъ, чтобы не возбуждать и безъ того волнующійся народъ.

На священника погоста Каменка, Псковской губ., Михаила Варѳоломеева, помѣщикомъ Лопухинымъ была подана жалоба за возбужденіе крестьянъ противъ его власти. Произведенное слѣдствіе выяснило слѣдующее: однажды въ январѣ 1797 г. въ Каменкѣ возлѣ церковной ограды стояли сотскій Ефимовъ помѣщика Лопухина и діаконъ Алексѣй Степановъ. Къ нимъ подошли священникъ о. Михаилъ и дворовый человѣкъ Алоньинъ. Подошедшіе увидѣли въ рукахъ сотскаго печатный указъ 12 дек. 1796 г., который ему читалъ и толковалъ діаконъ. Діаконъ толковалъ сотскому этотъ указъ въ томъ смыслѣ, что имъ, крестьянамъ, позволено просить государя о сложеніи съ нихъ господиномъ ихъ поборовъ, «что-де теперь просить можно, не упуская времени, а когда пропущено будетъ время, тогда уже не пеняйте и на государя не жалуйтесь». Сотскій Ефимовъ и остальные одновотчинные крестьяне, сговорившись просить государя объ облегченіи своего положенія, рѣшили «утвердить таковое предпріятіе присягой, дабы всѣ были въ одномъ положеніи». Отправившись къ священнику Семену Евдокимову, крестьяне выпросили у него образъ, передъ которымъ, принеся его въ притворъ церкви, «заклинали себя, чтобы всѣмъ имъ о подачѣ прошенія быть въ единомысліи». Послѣ присяги крестьяне намѣрены были выбрать одного изъ своей среды для подачи прошенія и дать ему подмоги съ каждаго повытка по пятидесяти копѣекъ, но помѣщикъ узналъ о задуманномъ ими и нѣкоторыхъ посадилъ въ тюрьму, а другіе разбѣжались.

Священникъ другого погоста, Бологова, Аѳанасій Степановъ, былъ обвиненъ, и это было доказано слѣдствіемъ, что когда у него дома на крестины ребенка 25 января 1797 г. собрались знакомые, то онъ на вопросъ одного изъ нихъ, помѣщика Зеленаго, за что его толкнулъ солдатъ, отвѣчалъ, что не только толкнулъ, но и до крови побилъ за то, что не далъ

ему лошади: «Вамъ бы, господамъ, насъ, священниковъ, защищать». Зеленый ему на это сказалъ: «за что ты на меня сердишься? Я не знаю, за что тебя били. Если бы и мои крестьяне бунтовали, и я бы просилъ для защиты команду». На это священникъ отвѣчалъ, что «эта команда подкупная».

Другой священникъ того же погоста Бологова, Алексѣй Елисеевъ, былъ отданъ подъ судъ по обвиненію въ слѣдующемъ.

Когда начались среди крѣпостныхъ крестьянъ движенія противъ помѣщичьей власти, многіе крестьяне стали къ нему обращаться за совѣтомъ, что имъ дѣлать. Но священникъ и самъ не могъ разобраться и не зналъ, что посовѣтовать. Желая помочь крестьянамъ помѣщика Болтина, онъ выборного ихъ посылаетъ въ Петербургъ къ своему шурину, учителю Пажескаго корпуса, Прокопію Драгоцѣнному, съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

«Скажите сего письма вручителю, у насъ здѣсь говорятъ, что будто бы крестьянамъ вольно на своихъ помѣщиковъ просить, когда есть какіе налоги, то вы тамъ больше слышите и скажите, просить ему или нѣтъ?» И въ разговорѣ съ священникомъ Елисеевымъ крестьяне также ссылались на указъ 12 декабря 1796 г.

По жалобѣ помѣщика Кушелева были арестованы и отданы подъ судъ какъ поощрители крестьянъ къ бунту противъ помѣщиковъ погоста Волока діаконъ Иванъ Львовъ и «упраздненный» дьячокъ, Кондратій Савельевъ. Вина перваго заключалась въ томъ, что когда къ нему обратились крестьяне помѣщика Кушелева съ вопросомъ, не узналъ ли онъ, бывши недавно въ Холмѣ, чего либо объ ихъ волѣ, діаконъ сказалъ, что онъ видѣлъ и читалъ указъ о вольности всѣмъ крестьянамъ, а въ указѣ написано, чтобы крестьяне подавали на господъ просьбы государю. При этомъ онъ ободрялъ крестьянъ, говоря: «не робѣйте, ребята, когда вздумали на волю, то идите съ Богомъ къ Государю. Я подлинно знаю, что всѣмъ крестьянамъ воля». Крестьяне, ободренные надеждой на успѣхъ своего ходатайства, послали прошеніе въ Петербургъ, а сами отказались отъ повиновенія своему помѣщику. Когда они были усмирены, какъ на главнаго «начинщика» они указали на діакона.

Участіе въ волненіяхъ крестьянъ Чеглокова «упраздненаго» дьячка, Кондратія Савельева, выразилось въ томъ, что онъ по просьбѣ и отъ имени крестьянина Чеглокова, Мины Карпова, написалъ письмо его родственнику изъ той же деревни, жившему въ Петербургѣ, Саввѣ Власьеву, въ которомъ писалъ: «у насъ вездѣ здѣсь крестьяне бунтуютъ, то и ты какъ живешь въ Петербургѣ, подай просьбу отъ нашей вотчины о вольности». При этомъ Савельевъ ободрялъ крестьянъ, говоря, что слѣдуетъ подавать просьбы государю [1]).

Собираясь отказаться отъ повиновенія своему помѣщику, крестьяне часто закрѣпляли свое рѣшеніе клятвой всѣхъ передъ иконой или крестомъ всѣмъ твердо стоять за одно и поддерживать другъ друга. Конечно, и эти случаи не обходились безъ участія въ нихъ священниковъ.

Напр., крестьяне П. Демидова Владимірской губ., явившись въ с. Скомово, попросили священника отслужить имъ молебенъ, послѣ котораго послѣдній, «отворя царскія двери и взпеся крестъ и Евангеліе», привелъ ихъ всѣхъ «въ единомысліи къ цѣлованію» [2]). Или вотъ аналогичный случай, происшедшій въ Псковской губ. Крестьяне помѣщика Тимирязева задумали отказаться отъ повиновенія своему владѣльцу. Чтобы скрѣпить общее желаніе и быть всѣмъ единодушными, они пригласили священника погоста Торопца, Степана Григорьева, въ церковь, гдѣ послѣдній въ полномъ облаченіи передъ крестомъ и Евангеліемъ привелъ всѣхъ крестьянъ Тимирязева къ присягѣ «въ томъ, что они согласно всѣ между собою отъ послушанія помѣщику своему отказаться и къ Его Императорскому Величеству съ просьбой, кою имъ писалъ Жуковскаго погоста діаконъ Гавріилъ Григорьевъ, отправить положили». По окончаніи присяги крестьяне отправились въ село къ своему помѣщику «для отреченія отъ повиновенія ему и его власти» [3]).

За свое участіе въ крестьянскомъ движеніи духовенство дорого платило.

---

[1]) *Сенатскій Архивъ* 1-е Отдѣл. 5-го Департамента, № 20.

[2]) 174 стр.

[3]) *Сенатскій Архивъ* 1-е Отдѣл. 5-го Департамента, № 20.

О священникѣ, діаконѣ и дьячкѣ с. Богородицкаго губернаторъ писалъ преосвященному Аполлосу, епископу Орловскому и Сѣвскому, что такъ какъ эти лица способствовали возмущенію крестьянъ Бодиско и Хлюстина, «то бы Его Преосвященство за таковыя противозаконныя дѣянія оныхъ священнослужителей, лиша прихода, приказалъ поступить съ ними по всей строгости законовъ»[1]). Въ числѣ арестованныхъ и отданныхъ подъ судъ въ Брасово и Радогощи были мѣстные священники и діаконы и священникъ с. Быхова, Григорій Ивановъ. Вина послѣдняго, какъ обнаружило слѣдствіе, состояла въ томъ, что, по собственному признанію на допросѣ, указа 1767 г. 22 августа взбунтовавшимся крестьянамъ онъ не читалъ и о бунтѣ духовному правленію не донесъ. Было рѣшено — это преступленіе предоставить разсмотрѣнію духовной власти, о чемъ и сообщить въ Орловскую духовную консисторію съ препровожденіемъ его туда для допроса за надлежащимъ присмотромъ. Изъ нашихъ документовъ не извѣстно, какъ духовная власть отнеслась въ данномъ случаѣ къ виновному, но изъ нихъ же мы узнаемъ, какъ жестоко свѣтская власть наказывала преданныхъ ея суду духовныхъ лицъ: одни изъ нихъ были сосланы или на каторгу въ Нерчинскъ, или на казенную суконную фабрику въ Иркутскъ, другія были отданы въ военную службу. Избѣжалъ такого суроваго наказанія только «упраздненный» дьячекъ, Кондратій Савельевъ, по старости лѣтъ.

Приведеннымъ числомъ случаевъ участіе духовенства въ крестьянскихъ волненіяхъ при Императорѣ Павлѣ далеко, конечно, не исчерпывается. О многихъ случаяхъ мы не знаемъ, но что они были, можемъ судить по тому обстоятельству, что нѣкоторые архіереи нашли нужнымъ обратиться съ окружнымъ посланіемъ ко всему подвѣдомственному имъ духовенству съ увѣщаніемъ по поводу крестьянскихъ волненій.

Вотъ, что, напр., писалъ къ священно-и-церковнослужителямъ своей епархіи Арсеній, епископъ Вологодскій: «Къ крайнему сожалѣнію моему, въ епархіи моей, въ противность

---

[1]) *Государств. Архивъ* VII разрядъ, № 2918, № 2/3, л. 143.

Божіихъ и государственныхъ узаконеній, повелѣвающихъ *рабамъ быть въ послушаніи господъ своихъ*, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ открылись неповиновенія у крестьянъ противъ своихъ помѣщиковъ, причемъ оказались нѣкоторые изъ церковно-служителей, (забывъ даваемыя ими, при производствѣ въ священно-церковнослужительскія степени, обязательства) въ составленіи и рукоприкладствѣ отъ тѣхъ крестьянъ на Высочайшее имя Его Императорскаго Величества дерзкихъ прошеній. Крайне сожалѣя духомъ о таковомъ заблужденіи и имѣющемъ неминуемо постигнуть виновныхъ, по суду Божію и государственнымъ узаконеніямъ, временномъ и вѣчномъ наказаніи, долгомъ поставляю всѣмъ епархіи моей священно-и-церковнослужителямъ и ихъ дѣтямъ подтвердить: 1) дабы они внимали только тому званію, въ которое Промысломъ Божіимъ призваны,—чтобъ проходить оное по Закону Божію, по святымъ правиламъ и по государственнымъ установленіямъ безпорочно. 2) Ежели бъ гдѣ и еще, паче чаянія, начали оказываться подобныя вышесказаннымъ въ невѣжествующихъ крестьянахъ непослушанія, въ таковыхъ не только бъ не принимали ни малѣйшаго съ ними участія, но и паче по долгу званія своего, старались бы таковыхъ невѣждъ всемѣрно отъ того удерживать, вразумляя ихъ, что они и закономъ Божіимъ обязаны повиноваться *владыкамъ своимъ во всякомъ страсѣ, не только благимъ и кроткимъ, но* (ежели бы, паче чаяніе, то было) *и строптивымъ*, и Высочайшее на то изволеніе, какъ прежде бывшихъ въ Россіи благочестивѣйшихъ монарховъ, такъ и нынѣ благополучно владѣющаго Всероссійскимъ скипертомъ, Благочестивѣйшаго Великаго Государя Нашего Императора Павла Петровича, Самодержца Всероссійскаго, было и есть. И что, наконецъ, собственная польза ихъ къ тому обязываетъ; ибо безначаліе неминуемо пагубными сопровождаемо бываетъ послѣдствіями, какъ-то: междоусобіемъ и взаимнымъ другъ друга разореніемъ и истребленіемъ. Слѣдовательно, таковыя противны и установленію Божію, и Высочайшей волѣ Его Императорскаго Величества; и потому какъ виновные въ таковой продерзости, такъ и участвующіе въ оной согласіемъ, подстреканіемъ, послабленіемъ и, что всего горше,

составленіемъ отъ нихъ (крестьянъ) продерзкихъ просьбъ и къ нимъ (просьбамъ) рукоприкладствомъ, подвергаютъ себя какъ Божію, такъ и Высочайшія власти жесточайшему гнѣву и наказанію; ибо *сущія власти*, какъ говоритъ Павелъ Апостолъ, *отъ Бога учинены суть: тѣмъ же и противляйся власти, Божію повелѣнію противляется*. Дано въ Вологдѣ 1797 г., генваря въ 31-й день»[1]).

Это же широкое участіе въ движеніи крестьянъ противъ своихъ помѣщиковъ священно-и-церковнослужителей при Имп. Павлѣ I обратило на себя вниманіе правительства, и въ манифестѣ 29 января 1797 г. указываются тѣ обязанности, которыя лежатъ на духовныхъ лицахъ по отношенію къ крестьянскимъ волненіямъ. «Духовные, наипаче же священники приходскіе, имѣютъ обязанность предостерегать прихожанъ своихъ противу ложныхъ и вредныхъ разглашеній, и утверждать въ благонравіи и повиновеніи господамъ своимъ, памятуя, что небреженіе ихъ о словесномъ стадѣ, имъ ввѣренномъ, какъ въ мірѣ семъ взыщется начальствомъ ихъ, такъ и въ будущемъ вѣкѣ должны будутъ дать отвѣтъ предъ страшнымъ судомъ Божіимъ во вредѣ, отъ небреженія ихъ произойти могущимъ»[2]).

Но это напоминаніе духовенству его обязанностей и наказаній за пренебреженіе этими обязанностями пришло слишкомъ поздно. На январь, какъ мы знаемъ, падаетъ наибольшее число волненій крестьянъ, и къ этому мѣсяцу относится и наиболѣе энергичное участіе въ волненіяхъ духовенства. Послѣднее обстоятельство заставило Императора Павла обратиться 19 февраля 1797 г. къ Синоду съ Именнымъ указомъ, въ которомъ констатируется фактъ дѣятельнаго участія священно-и-церковнослужителей въ крестьянскихъ волненіяхъ и предписывается Синоду и епархіальнымъ архіереямъ болѣе тщательное наблюденіе за подчиненными имъ лицами.

---

[1]) *М. Де-Пуле*. Крестьянское движеніе при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ (*Рус. Архивъ* 1869 г., 540—542).

[2]) П. С. З. XXIV, 17769.

«По произшедшимъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ослушаніямъ крестьянъ противу своихъ помѣщиковъ, говорится въ указѣ, оказалося, что многіе изъ священниковъ и церковнослужителей, вмѣсто того, чтобы по долгу ихъ правилами церковными и регламентомъ духовнымъ преднаписанному, наставлять прихожанъ своихъ въ благонравіи и повиновеніи властямъ, надъ ними поставленнымъ, сами къ противному сему подавали поводъ, а въ Великолуцкомъ уѣздѣ погоста Оконъ священникъ простеръ до такой степени неистовство, что изъявилъ неуваженіе къ Особѣ государя подъ предлогомъ, что онъ еще не коронованъ. Предавъ виновныхъ надлежащему суду, не можемъ оставить безъ примѣчанія Синоду Нашему о наблюденіи какъ отъ онаго, такъ и отъ Епархіальныхъ Архіереевъ за подчиненными имъ духовными, дабы въ санъ сей поступали люди надежные, всякаго буйства чуждые, и въ поведеніи безпорочномъ испытанные, которые и ученіемъ и примѣромъ собственнымъ утверждали бы духовныхъ чадъ своихъ въ спокойствіи, послушаніи и добрыхъ поступкахъ, и дабы люди развратные въ таковомъ званіи терпимы не были».

На основаніи этого указа Синодъ 23 февраля и 7 мая 1797 года всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ предписалъ принять рядъ мѣръ для предупрежденія участія духовенства въ крестьянскихъ волненіяхъ и для наказанія тѣхъ изъ духовныхъ лицъ, которыя будутъ въ нихъ участвовать.

Средствами предупреждающими, по мнѣнію Синода, должны быть заботы со стороны епархіальныхъ архіереевъ о благоустройствѣ семинарій, наблюденія надъ ученіемъ, «а паче надъ благонравіемъ учащихся, чтобъ они чужды были всякого буйства и въ поведеніи безпорочны». Такое же неослабное наблюденіе архіереи должны имѣть и надъ священно-и-церковнослужителями своихъ епархій, для чего поручить благочиннымъ ближайшій непосредственный надзоръ надъ ввѣреннымъ каждому изъ нихъ округомъ. Каждый благочинный, какъ только услышитъ объ участіи въ возмущеніи крестьянъ кого либо изъ священно-и-церковнослужителей, немедленно долженъ отрѣшить его отъ церкви, въ приходъ назначить другого, а о виновномъ

донести архіерею. Мало того, если возникаетъ только подозрѣніе относительно какого нибудь священника, то такового немедленно брать въ консисторію. При каждомъ волненіи крестьянъ изслѣдовать, не участвовалъ ли въ немъ мѣстный священникъ. Какому суду подвергались духовныя лица за участіе въ волненіяхъ крестьянъ?. Отвѣтъ на этотъ очень важный вопросъ даетъ 4 пунктъ Синодскаго указа. «Ежели отъ свѣтскаго начальства дано будетъ о комъ нибудь изъ священно-и-церковнослужителей духовному начальству знать, что онъ въ возмущеніе крестьянъ вмѣшивается, съ таковымъ поступить по вышеписаннымъ 2 и 3 пунктамъ (только что изложеннымъ нами: судить въ консисторіи); если жъ кто требованъ будетъ для изслѣдованія въ свѣтскомъ судѣ, такового отослать немедленно при депутатѣ»[1]).

Но ни тѣ суровыя наказанія, которыя несло духовенство за участіе въ крестьянскихъ волненіяхъ, ни надзоръ и наблюденіе, которымъ подвергалось оно со стороны своего непосредственнаго начальства и которые имѣли цѣлью предупредить это участіе, не могли оказать существеннаго вліянія на отношеніе духовенства къ крестьянскому движенію.

И впослѣдствіи сельское духовенство въ крестьянскихъ волненіяхъ играло такую же роль, какъ и въ первый годъ царствованія Императора Павла.

Въ волненіи крестьянъ графа Румянцева села Чеберчина, Алатырскаго уѣзда, Симбирской губерніи дѣятельное участіе принимали три мѣстныхъ священника. Въ виду этого на основаніи Высочайшаго повелѣнія Синодъ 9 іюля 1800 г. снова строго подтверждаетъ священно-и-церковнослужителямъ, «дабы они ни подъ какимъ видомъ въ столь постыдные и несвойственные сану ихъ, а при томъ и закону противные поступки не вмѣшивались, подъ опасеніемъ сужденія по всей строгости законовъ и лишенія чиновъ своихъ»[2]).

Причина такого широкаго, непосредственнаго и самоотверженнаго участія сельскаго духовенства въ крестьянскомъ

---

[1]) П. С. З. XXIV, 17958.
[2]) П С. З. XXVI, 19479.

движеніи при Императорѣ Павлѣ заключается въ томъ, что наше сельское духовенство въ XVIII вѣкѣ гораздо ближе стояло къ крестьянамъ, чѣмъ къ дворянамъ.

Этому способствовали прежде всего условія жизни, въ которыхъ духовенство находилось. Живя среди крестьянъ, будучи съ ними въ постоянномъ общеніи, имѣя съ ними одинаковые интересы, сельское духовенство по своей жизни мало, чѣмъ отличалось отъ крестьянъ, какъ это мы узнаемъ изъ дневника священника Матусевича [1]).

Помѣщики смотрѣли на сельское духовенство свысока, относились и обращались съ нимъ, какъ съ крѣпостными. Матусевичъ каждаго помѣщика называетъ бариномъ. Отношенія между помѣщикомъ и духовенствомъ ярко характеризуются такимъ, напр., фактомъ: ѣдетъ Матусевичъ къ помѣщику Волкову попросить соломы, но застаетъ тамъ гостей, «такъ другимъ временемъ приказалъ побывать». Черезъ два дня явился, и Волковъ «пожаловалъ возъ соломы» [2]).

«Произволъ помѣщиковъ тогда былъ великъ; они могли священно-и-церковнослужителя лишить хлѣба, дома, мѣста [3])».

Помѣщикъ Черторыжскій во время литургіи приказалъ исправлять дьяческую должность дьячку, отрѣшенному консисторіей отъ мѣста за пьянство и буйство. Священникъ сталъ запрещать дьячку участвовать въ богослуженіи. Тогда помѣщикъ поднялъ тутъ же въ церкви крикъ и сталъ бранить священника. На другой день, когда священникъ пришелъ въ домъ помѣщика съ просьбой освободить сына его, схваченнаго по-

---

[1]) Матусевичъ—священникъ с. Иванькова, Ярославской губ., оставилъ въ своей «Записной книгѣ» драгоцѣнный матеріалъ для характеристики положенія сельскаго священника во 2-й половинѣ XVIII в., всесторонне разработанный В. И. Семевскимъ въ статьѣ «Сельскій священникъ во второй половинѣ XVIII вѣка». (*Рус. Стар.* 1877, XIX, 501—538).

[2]) «Сельскій священникъ»..., 531.

[3]) *Н. Розановъ.* Исторія Московскаго Епархіальнаго Управленія, М. 1870, ч. II, кн. I, 181.

слѣднимъ, помѣщикъ схватилъ священника за бороду, повалилъ на землю и приказалъ людямъ бить его [1]).

Въ 1769 г. Синодъ сообщалъ въ Сенатъ: «нѣкоторые помѣщики священно-и-церковнослужителей не только побоями, но и наказаніемъ на тѣлѣ оскорбляютъ; напротивужъ того обиженные иные отъ свѣтскихъ командъ по просьбамъ своимъ удовольствія не получаютъ, а другіе по причинѣ своего неимущества отъ суднаго по формѣ процесса отрицаются» [2]).

П. Знаменскій, характеризуя положеніе духовенства, говоритъ: «помѣщики поступали съ своими священниками, какъ съ крѣпостными, ставили тѣхъ и другихъ на одну доску; духовенство съ своей стороны побраталось съ крѣпостнымъ людомъ въ ненависти въ своимъ барамъ, въ ропотѣ и волненіяхъ противъ общаго крѣпостническаго гнета, что и не замедлило обнаружитъ своимъ участіемъ въ крестьянскихъ волненіяхъ особенно частыхъ и сильныхъ въ царствованіе Екатерины II» [3]).

Естественно, что при такомъ положеніи нашего сельскаго духовенства въ XVIII в. между двумя сословіями, дворянствомъ и крестьянствомъ, въ борьбѣ, которая возникла между ними въ царствованіе Императора Павла, оно стало на сторону крѣпостныхъ крестьянъ и сыграло въ этой борьбѣ видную роль.

Какими средстами располагало для этого наше сельское духовенство?

Прежде всего оно было грамотно, а грамотнымъ человѣкомъ, по справедливому замѣчанію В. И. Семевскаго, не изобиловала русская деревня XVIII в. Въ мирное время грамотность священника была очень полезна для крестьянъ, какъ это мы узнаемъ изъ дневника Матусевича. Священникъ и къ виду, и къ покормежному письму приложитъ руку, и вексель крестьянамъ напишетъ, и внесетъ въ поминальную запись, и межевые планы на сходѣ растолкуетъ крестьянамъ, наконецъ, и грамотѣ дѣтей научитъ [4]).

---

[1]) Ibid., Примѣчанія, стр. 197, № 456, № 1.

[2]) П. С. З. XVIII, 13286.

[3]) Приходское духовенство въ Россіи. Казань. 1873 г., 478—479.

[4]) «Сельскій священникъ»..., 530—531.

Насколько полезной эта грамотность была для крестьянъ въ такое тревожное время, какое они переживали въ первый годъ царствованія Императора Павла, мы уже видѣли.

Во 2-ой половинѣ XVIII вѣка особеннаго развитія достигъ обычай публиковать указы въ церквахъ, при чемъ доходили до крайности. Такъ, напр., въ 1775 г. въ теченіе трехъ недѣль въ церквахъ за литургіей читался указъ о пониженіи цѣны на соль на 5 коп. съ пуда; тогда же и то же три недѣли, а затѣмъ разъ въ годъ передъ Пасхой объявлялся указъ объ экипажахъ, сбруяхъ на лошадяхъ, ливреяхъ для лакеевъ и кучеровъ, кто какіе можетъ употреблять, и т. п. [1]).

Такой же способъ публикованія указовъ мы видѣли и при Императорѣ Павлѣ. И естественно, что крестьяне обращаются за разъясненіемъ указовъ къ священнику какъ вслѣдствіе его умственнаго превосходства, такъ и потому, что священникъ, читая указъ, ближе и лучше долженъ былъ быть знакомъ съ его содержаніемъ.

Священникъ, какъ таковой, принималъ живое участіе въ волненіяхъ крестьянъ. Онъ служитъ имъ молебенъ передъ началомъ волненія, приводитъ къ присягѣ, чтобы всѣмъ «быть во едино».

Но указанными моментами не исчерпывается значеніе участія сельскаго духовенства въ исторіи крестьянскаго движенія въ изслѣдуемый періодъ.

Остается еще одна сторона, несомнѣнно очень важная, яспое проявленіе которой мы видѣли, когда знакомились съ движеніемъ крестьянъ. Это—сторона нравственная. Эта близость сельскаго духовенства къ крестьянской средѣ, общность интересовъ, одинаковое приниженное положеніе въ обществѣ, одинаковое отношеніе къ обоимъ сословіямъ со стороны помѣщиковъ создавали между ними такую крѣпкую духовную связь, которая оба эти сословія сливала какъ бы въ одно, заставляла духовенство въ интересахъ крестьянъ видѣть свои собственные жизненные интересы и страдать за нихъ такъ же, какъ страдали сами крестьяне.

[1]) *П. Знаменскій*, о. с., 480—481.

ГЛАВА VI.

Императоръ Павелъ I и крѣпостные крестьяне.

Вопросъ объ отношеніи Имп. Павла I къ крѣпостнымъ крестьянамъ во всей его полнотѣ послужитъ для насъ предметомъ отдѣльнаго изслѣдованія, въ настоящей же главѣ мы коснемся этого вопроса только въ наиболѣе существенныхъ его чертахъ, такъ какъ для насъ важно выяснить, осталось ли неизмѣннымъ и въ послѣдующіе годы царствованія то благожелательное отношеніе Императора Павла къ крѣпостнымъ, которое мы видѣли въ Наказѣ Великаго Князя и въ первый годъ его царствованія.

Императоръ Павелъ не раздѣлялъ установившагося тогда взгляда на крѣпостныхъ крестьянъ, какъ на личную собственность помѣщиковъ. Напротивъ, онъ смотрѣлъ на крестьянъ, какъ на прикрѣпленныхъ только къ землѣ, что ясно выразилъ въ именномъ указѣ отъ 16 февраля 1797 г., которымъ повелѣвалось «дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли не продавать съ молотка или съ подобнаго на сію продажу торга»[1]). Тотъ же взглядъ на крестьянъ, какъ прикрѣпленныхъ именно къ землѣ еще яснѣе выраженъ Императоромъ Павломъ въ резолюціи на докладъ Сената о малороссійскихъ крестьянахъ.

Кіевское намѣстническое правленіе, встрѣтившись на практикѣ съ случаемъ продажи крестьянъ безъ земли, не знало, разрѣшить ли эту продажу или нѣтъ, и обратилось за разъясненіемъ въ Сенатъ, но и Сенатъ былъ этимъ вопросомъ поставленъ въ затрудненіе, такъ какъ прямого закона объ этомъ по отношенію къ Малороссіи не было. И вотъ Сенатомъ составленъ былъ докладъ государю, въ которомъ было выражено мнѣніе по

[1]) П. С. З., XXIV, 17809.

этому вопросу и Сената: «чтобъ позволить малороссійскимъ помѣщикамъ продавать крестьянъ своихъ безъ земли». Но Императоръ Павелъ вопреки этому мнѣнію положилъ резолюцію: «Безъ земли не продавать» [1]).

Вопросъ о крѣпостныхъ людяхъ, ищущихъ вольности, былъ однимъ изъ самыхъ больныхъ вопросовъ крѣпостного права. Присутственныя мѣста до Сената включительно были завалены подобнаго рода дѣлами. При томъ горячемъ интересѣ, который обнаруживалъ Императоръ Павелъ къ судьбѣ вообще крестьянства, а крѣпостного въ частности, естественно было для него заняться урегулированіемъ этого вопроса, и мы видимъ рядъ указовъ, которыми охраняются права крѣпостныхъ, облегчаются имъ средства добиться правды въ судахъ.

Еще въ ноябрѣ 1796 года «людямъ, ищущимъ вольности», было предоставлено право апелляціи на рѣшенія присутственныхъ мѣстъ, хотя бы казенные стряпчіе, въ вѣдѣніи которыхъ находились эти дѣла, и согласны были съ этими рѣшеніями [2]), а черезъ годъ былъ изданъ новый указъ, которымъ ходатайство и переносъ дѣлъ отъ имени ищущихъ вольности людей возложены были на прокуроровъ, при чемъ крестьяне должны оставаться до окончательнаго рѣшенія ихъ дѣла въ полномъ повиновеніи у своихъ помѣщиковъ «съ одною тою предосторожностью, чтобъ помѣщики были обязаны подпискою никакихъ наказаній сего рода людямъ безъ вѣдома земской полиціи не дѣлать» [3]). Даже если губернскій прокуроръ согласится съ рѣшеніемъ палаты, а крестьяне не будутъ съ нимъ согласны, послѣднимъ предоставляется право апелляціи въ высшія учрежденія [4])

Въ 1799 г. 22 іюня изданъ былъ новый указъ «о порядкѣ производства дѣлъ о людяхъ, ищущихъ вольности», которымъ губернскимъ прокурорамъ вмѣнено въ обязанность постоянно слѣдить за правильнымъ производствомъ этихъ дѣлъ и за ихъ

---

[1]) Ibid., XXV, 18706 (16 окт. 1798 г.).
[2]) Ibid., XXIV, 17583.
[3]) Ibid., 18261 (3 дек. 1797 г.)
[4]) Ibid., XXV, 18768 (29 ноября 1798 г.).

справедливымъ рѣшеніемъ въ присутственныхъ мѣстахъ уѣздныхъ городовъ [1]).

Одинъ изъ приведенныхъ только что мною указовъ (отъ 3 дек. 1797 г.) говоритъ между прочимъ, что крѣпостные, начавшіе дѣло о своемъ освобожденіи, должны, пока дѣло ихъ такъ или иначе рѣшится, оставаться въ повиновеніи у своихъ помѣщиковъ. Но бывали и такіе случаи, что помѣщикъ, начиная дѣло о принадлежности ему какого нибудь крестьянина, требовалъ возвращенія ему бѣглаго до окончанія дѣла, и достаточно было одного такого заявленія, чтобы указанное лицо отдавалось во власть помѣщика. Устраненіе такого непормальнаго порядка и имѣетъ въ виду указъ 11 октября 1799 г., который запрещаетъ лишать свободы крестьянина «до рѣшенія о немъ дѣла» [2]).

Обозрѣвая законодательную дѣятельность Павла I по отношенію къ крѣпостному крестьянству, нужды котораго онъ такъ близко принималъ къ сердцу, нельзя не остановиться еще на одномъ разрядѣ этихъ нуждъ, на вопросѣ о запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ.

18 марта 1798 г. Имп. Павелъ I черезъ генер.-прокурора повелѣлъ Сенату «обратить вниманіе на сельскіе и городовые магазины, находятся ли они тамъ, гдѣ учредить ихъ велѣно, и то ли количество хлѣба содержатъ, какъ по вѣдомостямъ быть должно»? Въ случаѣ злоупотребленій какихъ либо или нерадѣнія, виновныхъ отдать подъ судъ, недостающее количество хлѣба взыскать непремѣнно, «имѣя неослабное бдѣніе, чтобы сія часть, столь хозяйству Государственному необходимая, была всегда въ надлежащей исправности, и о храненіи всегда хлѣба годнымъ къ употребленію надлежащія учинены были распоряженія». Сенатъ, произведя разслѣдованіе о положеніи запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, нашелъ, что оно далеко не блестяще, такъ какъ въ однихъ магазинахъ недоставало много хлѣба, въ другихъ онъ пришелъ въ негодность отъ времени, не ведется строгой отчетности о расходованіи хлѣба, наконецъ, и

[1]) Ibid., 19011.

[2]) Ibid., 19148.

магазиновъ всѣхъ существующихъ было слишкомъ мало, чтобы они могли оказать существенную помощь населенію въ случаѣ дѣйствительной въ нихъ нужды [1]). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ именнымъ указомъ отъ 11 ноября было Сенату предписано произвести строгое разслѣдованіе о дѣйствіяхъ тѣхъ губернаторовъ, въ губерніяхъ которыхъ хлѣбные магазины найдены неисправными [2]), а черезъ 2 недѣли, 29 ноября того же года, былъ изданъ Высочайше утвержденный докладъ Сената объ учрежденіи въ казенныхъ и помѣщичьихъ селеніяхъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ съ годовой пропорціей.

Докладъ этотъ состоялся вслѣдствіе изустнаго повелѣнія Государя, который, присутствуя 11 ноября въ Сенатѣ, приказалъ, «чтобы Сенатъ, войдя въ подробное разсмотрѣніе предложеннаго тогда ген.-лейтенанта Обольянинова предположенія о заведеніи сельскихъ запасныхъ магазиновъ, учинилъ съ своей стороны нужныя распоряженія». Сенатъ составилъ очень подробныя правила распространенія, устройства и функціонированія магазиновъ, которыя и были одобрены Имп. Павломъ [3]).

Манифестъ 5 апрѣля о 3-хъ дневной работѣ крестьянъ на помѣщиковъ и впослѣдствіи является основнымъ закономъ, по которому строятся отношенія между крѣпостными крестьянами и ихъ владѣльцами. Такъ, напр., въ указѣ отъ 16 марта 1798 года, уничтожавшемъ запрещеніе покупки къ фабрикамъ и заводамъ крестьянъ вслѣдствіе злоупотребленій, которыя вызывало это запрещеніе, въ основаніе опредѣленія размѣра повинностей крестьянъ кладется манифестъ 5 апрѣля: «Въ распредѣленіи крестьянамъ при заводахъ и фабрикахъ работъ поступать согласно манифесту Нашему, въ 5 день апрѣля 1797 года о раздѣленіи вообще крестьянскихъ работъ изданному, то есть: чтобъ изъ количества годныхъ въ работу, половина всегда въ работѣ заводской находилась [4])».

---

[1]) Ibid., 18856.
[2]) Ibid., 19185.
[3]) Ibid., 19203.
[4]) Ibid., 18442.

Въ то же время отношенія помѣщиковъ и крѣпостныхъ крестьянъ не перестаютъ служить предметомъ заботъ для Имп. Павла: и въ остальные годы царствованія Имп. Павелъ всегда, на сколько возможно, стремится облегчить положеніе крѣпостныхъ крестьянъ.

Въ 1799 г. полковникъ Давыдовъ, владѣлецъ с. Вирятина, Моршанскаго уѣзда, Тамбовской губ. продалъ на вывозъ своихъ крестьянъ. Они должны были переселиться на новыя мѣста, оставивъ все свое имущество прежнему владѣльцу. Крестьяне возмутились и объявили, что не тронутся съ мѣста. Ни полиція, ни губернаторъ, явившійся къ Вирятинцамъ, не могли принудить крестьянъ повиноваться своему владѣльцу. Тогда губернаторъ, не желая прибѣгать къ насилію надъ крестьянами, послалъ донесеніе обо всемъ происшедшемъ государю. Имп. Павелъ отвѣтилъ на это донесеніе слѣдующимъ рескриптомъ на имя губернатора:

«Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и Тамбовскій гражданскій губернаторъ! Получа рапортъ вашъ сего мѣсяца сентября 5 числа касательно крестьянъ, полковникомъ Давыдовымъ проданныхъ на вывозъ помѣщикамъ Хвощинскому и Мартынову, повелѣваю вамъ, оставя сихъ крестьянъ на мѣстѣ, сдѣлать отъ лица моего опымъ помѣщикамъ наистрожайшій выговоръ за учиненные имп крестьянамъ чрезъ сіе намѣреніе разстройку и угнетеніе; вамъ же изъявляю мое благоволеніе за донесеніе ваше, сопряженное съ человѣколюбіемъ и добрымъ порядкомъ, всегда сходственнымъ съ волею моею». Павелъ. Гатчино, 21 сентября 1799 г.[1]).

Особенно важнымъ является слѣдующій рескриптъ Императора Павла, данный на имя губернатора Нагеля 13 іюня 1800 г.

«Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и Лифляндскій и Эстляндскій гражданскій губернаторъ Нагель. Вслѣдствіе рапорта вашего отъ 24-го іюня о жалобѣ, прежде и нынѣ

[1]) *И. Дубасовъ*, Крестьянскіе безпорядки въ Тамбовской губерніи въ царствованіе Императора Павла I. (*Древн. и Нов. Россія*, 1877 г., I, 308).

приносимой отъ крестьянъ на помѣщицу ихъ мызы Перрафферъ графиню де-ла-Гарди, благоразуміе требуетъ запретить ей чинить крестьянамъ ея притѣсненія, налагая на нихъ изнурительныя работы и прочія тягости, то потому повелѣваю вамъ объявить ей въ томъ мою волю, и если послѣ этого она не перемѣнитъ своихъ поступковъ, то оную мызу взять въ казенное вѣдомство и, отобравъ всѣхъ бѣжавшихъ отъ кого слѣдуетъ, причислить всѣхъ ихъ въ вѣдомство же казенное и теперь же повѣстить всѣмъ помѣщикамъ, что если они что свыше вакенбуха требовать и налагать станутъ, то съ имѣніемъ всѣхъ ихъ поступлено будетъ такимъ же образомъ. Пребываю къ вамъ благосклонный»[1]).

Въ этомъ рескриптѣ вполнѣ нашло себѣ выраженіе то стремленіе Императора Павла облегчить положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, которое, мы видѣли, воодушевляло его съ первыхъ дней по вступленіи на престолъ. Такимъ образомъ и въ послѣдній годъ своего царствованія Императоръ Павелъ остается такимъ же неизмѣнно благожелательнымъ по отношенію къ крѣпостнымъ крестьянамъ, какъ и въ первый[2]).

---

[1]) *Рус. Стар.*, 1896, LXXXVII, 544.

[2]) Какъ извѣстно, Имп. Павелъ щедро раздавалъ крестьянъ своимъ приближеннымъ. Въ какомъ отношеніи къ этому факту раздачи крестьянъ находятся взгляды Имп. Павла на положеніе крѣпостныхъ крестьянъ?. Въ настоящемъ изслѣдованіи касаться этого важнаго и интереснаго вопроса мы не будемъ въ виду того, что еще не располагаемъ всѣми данными, необходимыми для рѣшенія вопроса о томъ, какіе раздавались крестьяне и въ какомъ положеніи они находились (Вопросу о раздачѣ Имп. Павломъ крестьянъ посвящена обстоятельная статья *В. И. Семевскаго*: «Пожалованіе населенныхъ имѣній при Императорѣ Павлѣ». *Рус. Мысль*, 1882, XII, 153—192).

Указатель именъ и предметовъ.

А.

Абрамовъ П., кр.—60.
Авдотьино, с.—194.
Аврамова, Н. Н., пом.—167.
Австрія—282.
Агибаловъ, пом.—269.
Адамовичъ, пом.—269.
Адамовичъ И., пом.—252.
Адмиралтейство—2, 94.
Акимовъ Ф., кр.—74-76.
Акиньевъ Б., свящ.—26, 323.
Акинфовъ, В. А., пом.—194.
Алалыкина, пом.—191, 308.
Алатырскій у.—290, 333.
Александровскій у.—155, 157.
Александровскъ—156.
Александръ I, императоръ—54.
Алексинскій у.—271.
Алексѣевка, с.—44.
Алексѣевъ, новг.-сѣвер. губерн.—78.
Алексѣевъ, пом.—103, 124.
Алексѣевъ, кр.—120.
Алексѣевъ Ѳ., кр.—123—124.
Алексѣевъ, с.-петерб. губерн.—141.
Алексѣевъ П., свящ.—163, 320.
Алексѣевъ К., дьячекъ—167.
Алексѣевъ Л., пономарь—167.
Алексѣевъ Т., кр.—188.
Алексѣевъ, вязников. уѣздн. пред. двор.—189.
Алексѣевъ Я., дворов.—269.
Алешево, с.—129.
Алонкинъ, пом.—244—246.
Алонынъ, дворов.—322.
Алсуфьевъ Д., пом.—67.
Алферовское, с.—114.
Альбрехтъ, пом.—136, 301, 310.
Альфонскій, А. В.—IV.
Алябьевъ, волог. пред. двор.—132.
Аммосовка, дер.—115.
Андреевъ М., пом. 21—31, 74, 106, 221, 288, 307, 323.
Андреевъ, засѣдатель—98.
Андреевъ В., кр.—158.
Андреевъ И., свящ.—181, 186.
Андреевъ К., кр.—190.
Андросово, с.—21, 23, 25, 26, 28, 323.
Аншіевъ М., кр.—117.
Анисимовская, дер.—92.
Анисимовъ П., писарь—322.
Анисимовъ М., кр.—138.
Анисимовъ П., дворов.—77.
Анна, с.—258.
Антоновъ И., дворов.—239.
Аполлосъ, еп. орлов. и сѣвск.—46, 329.
Апраксинъ С. С., пом.—31, 37, 39, 44, 152, 317, 323—324.
Апраксинъ, гр., пом.—96.
Арбузова, пом.—321—322.
Ардатовскій у.—215.
Аристова Д., кр.—244.
Аркинь, с.—31.
Арзамасскій у.—222.
Арсеній, еп. вологодск.—329.
Артемьевъ, пом.—247—250, 295.
Артикулъ Воинскій—264.
Архангельская губ.—285.
Архангельскій В., канцел.—74.
Архангельское, с.—167.
Архаровъ, Н. П.—95, 112, 267.
Архиповъ И., кр.—239.
Астраханская губ.—285.
Астраханскій у.—241.
Астраханскій гренад. полкъ—61.
Астрахань—241.
Афанасій, еп. тульскій—270.
Афанасьева Д., кр.—244.

Афанасьевичъ А., кр.—65.
Афанасьевъ, приказч.—170.
Ахтырскій гусар. полкъ—36.

Б.

Балабаново, с.—148.
Балалаевъ, кр.—217.
Балахнинскій у.—214.
Балыклей, с.—269.
Бамберинъ, засѣд.—57—58.
Баншъ, пом.—206.
Баранцева, дер.—217.
Баратаевъ, кн., оренб. губерн.—231.
Барсаковка, дер.—239—242.
Барщина—73, 74, 128, 224, 249, 265, 269, 294, 302, 303, 313.
Барыкова, Д. И., пом.—167.
Барынино, с.—115.
Баскаковъ, александров. предвод. двор.—155, 156.
Батюшковъ, пом.—313.
Башкиры—82, 85, 87, 88, 232, 233, 235, 236.
Башмаковъ, И. В., пом.—129, 131—135, 295—297, 299.
Бедряга, маіоръ—44.
Безбородко, А. А., гр.—205.
Безсоновка, с.—314—316.
Бекетовъ, Н. А., пом.—240.
Бенкендорфъ, лифлянд. губерн.—277.
фонъ-Бергъ, пом.—194—195.
фонъ-Бергъ, гр., лифлянд. губерн. прокур.—277.
Берда—8.
Бердяевъ, кадников. предв. двор.—124, 127—128.
Березина, дер.—167.
Березникъ, дер.—92.
Беречинскій Г., пом.—194.
Бессарабская губ.—285.
Бехрѣева, П. И., пом.—194.
Бехтѣевъ, А. А., пом.—194.
Блюмбергова Р., пом.—206.
Блюмъ, членъ казен. палаты—279.
Бобровскій у.—258.
Бобровъ—259, 260.
Бобятинскій П., пом.—202.
Богдановъ, Н. А., пом.—176.
Богославское, с.—176.
Богородицкое, с.—51, 52, 319, 329.
Богородское, с.—123.
Богуславская, дер.—233.
Бодиско, пом.—44, 50—52, 319, 329.
Боленсъ, пом.—228, 229.
Бологово, погостъ—326, 327.
Болотовъ—18, 136.
Болтинъ, пом.—327.
Большой Конецъ, дер.—136, 301.
Борисовая, дер.—92.
Борисовъ В., кр.—266, 267.
Боровки, дер.—252.
Боровской у.—76.
Брасово, с.—31, 32, 36, 38, 43, 44, 46—51, 53, 329.
Бродово, с.—210.
Бросна, погостъ—324, 325.
Брянскій у.—44.
Бубецкая, дер.—244.
Бугскій егерскій корпусъ—42.
Бугульминскій у.—232.
Букреева, дер.—43.
Булатовъ, засѣдат.—235—237.
Булгаково, с.—60.
Булгаковъ, пом.—190.
Булгаковъ, И. А., пом.—160—161.
Булгаковъ, П. А., пом.—160.
Булгаковъ, исправ.—196.
Бураковскій, протоколистъ—322.
Буткевичева, пом.—142, 143, 298.
Буховецкій П., пом.—209.
Буцинскій, П. Н., проф.—IV.
Бѣжецкій у.—209.
Бѣлозерскій пѣхот. полкъ—102.
Бѣлозерскій у.—92.
Бѣлорусская губ.—198, 206, 284, 287, 306—308.
Бѣлорусскій у.—204.
Бѣльскій у.—252, 253.
Быхово, с.—329.

В.

Вадковскій—97.
Валдайскій у.—91.
Варакснинъ Ф., пом.—132.
Варламовъ, діак.—322.
Варнавинскій у.—108.
Варфоломеевъ М., свящ.—326.
Васильево, с.—153.

Васильевское, с.—193.
Васильевъ Ф., кр.—74.
Васильевъ Ѳ., кр.—107.
Васильевъ А., свящ.—186.
Васильевъ Е., кр.—189.
Васильевъ А., кр.—244.
Васильевъ Я., дьячекъ—322.
Васильевъ С., свящ.—325.
Васильевъ И., свящ.—320.
Васильевъ Г., кр.—43.
Васильевъ П., кр.—272.
Васильки, дер.—176.
Ваулина, пом.—250, 251.
Ведель, маіоръ—233.
Велижскій у.—205, 206.
Великолуцкій у.—98, 204, 205, 332.
Великороссія—294, 303.
Величево, с.—248.
Веневскій у.—270.
Верхняя Тойда, с.—258, 259, 261.
Верховая, дер.—62.
Верховская, пом.—105.
Вески, с.—167.
Вестославль, с. 43.
Весьегонскій у.—313.
Ветлужскій у.—105, 286.
Виновъ, А. М.,—176.
Впрятино, с.—289, 341.
Владимірская губ.—114, 123, 155, 157, 163, 188, 190, 284, 287, 297, 306, 308, 309, 320, 322, 324, 328.
Владимірскій у.—194, 196.
Владиміръ—114, 171, 183, 187.
Владыкинъ, Г. А., пом.—196.
Власова, пом.—210, 270.
Власовъ, пом.—323.
Власовы, пом.—213.
Власьевъ М., пом.—148—151.
Власьевъ С., кр.—328.
Внуково, с.—194, 195, 321.
Воейковъ, орлов. губерн.—45, 47, 49, 50.
Воейковъ, стрянчій—111.
Воейковъ, пом.—324.
Воейковы, пом.—59—62, 316.
Войлино, вотчина—206—208.
Воинскій процессъ—264, 265.
Воинскій уставъ—264.
Волконскій, А. С., кн., пом.—167.
Волковъ, пом.—334.
Вологда—119, 121, 125, 127, 133, 134, 331.
Вологодская губ.—91, 119, 121, 124, 134, 152, 284, 287, 290, 295—297, 306, 307, 310.
Волоколамскій у.—114.
Волокъ, погостъ—327.
Волховской у.—36.
Волынская губ.—282, 284, 288, 290, 298, 318.
Вольно-Экономич. Общество—292.
Вольскій у.—239.
Воронежская губ.—258, 260, 284, 288.
Воронежъ—261.
Воронина, дер.—138.
Воронова, пом.—250.
Воронова, дер.—44.
Вороновъ, част. прист.—131, 132.
Воронцовъ, С. Р., гр.—303, 306.
Воронцовъ, А. Р., гр.—19.
Воронцовъ, пом.—217, 218.
Воскресенская, дер.—167.
Воспитательный Домъ—56.
Вошня, с.—176.
Всеволожскій, пом.—80, 82—84, 87, 88, 90.
Всеволожскій, В. А., пом.—241.
Всурковъ Е., орловскій предводитель двор.—27.
Вульфова А., пом.—246, 247.
Вутинъ Д., отст. солдатъ—43.
Выборные—25—27, 29—33, 38, 41, 43, 45, 50, 57, 63—66, 69, 72, 73, 81, 88, 93, 98, 99, 104, 107, 108, 114, 117, 120, 123, 124, 129, 130, 138, 139, 142, 143, 148, 149, 151, 156—158, 163, 164, 168, 170, 172, 175, 179, 185, 192, 200—202, 207—209, 218, 222, 225, 231, 234, 236, 239, 245—247, 250, 253, 256, 262, 263, 271—273, 296, 309, 317, 319—321, 326, 327.
Выборгская губ.—238, 284, 287.
Выново, с.—196.
Выродовъ, пом.—76, 77.

Высочки, с.—269.
Вышедки, вотчина—204.
Вяземскій, кн., ген.-губер. нижегор. и пензен.—144—146.
Вязники—189.
Вязниковскій у.—187, 188.
Вязьма—247.
Вятская губ.—285.

Г.

фонъ-Гавель, пом.—276.
Гагаринъ, пом.—163.
Гагенмейстеръ, ген.-маіоръ—281.
Галактіоновъ, кр.—142—143.
Галиція—283.
де-ла-Гарди, гр., пом.—342.
Гатчина—129, 135, 138, 139.
Гашинъ В., кр.,—179, 181, 183—185.
Гашинъ И., кр.—179—182.
Гедеоновъ М., тульск. губ.—270, 274, 316.
Гельдгенъ, маіоръ—208.
Георгіевское, с.—151, 323.
Герасимова, Г. И., пом.—167.
Герасимовъ Ф., кр.—163.
Геркуль, мыза—279.
Германъ, пом.—206.
Гжатскій у.—244, 247.
Глазовъ, пом.-зав.—232, 234, 298.
Глѣбова, пом.—190.
Голенищева-Кутузова, пом.—320, 321.
Голенищевъ-Кутузовъ, пом.—102.
Голицына, Н. П., кн., пом.—31, 36, 39—41, 44, 48, 55, 152, 316, 317.
Голіевскій, пом.—255.
Головинъ, В. В., пом.—167, 210.
Головинъ, пом.—247.
Гололобовка, дер.—76.
Гондуровъ, кн., пом.—108, 319.
Гончаровъ, И. А., пом.—176, 179,
Горбатовскій у.—218, 219. 180, 183, 186.
Горки, с.—153, 167.
Городецкій у.—198.
Гороховскій у.—176.
Горчаковъ, кн.—50, 167.
Гревенсъ, с.-петерб. губ.—137.
Григоровичъ, управл.—111.
Григоровъ, епиф. предв. двор.—274.
Григорьево, с.—163.
Григорьевъ Т., кр.—42.
Григорьевъ П., свящ.—60, 61, 324.
Григорьевъ, кр.—129, 130, 132.
Григорьевъ В., кр.—143.
Григорьевъ Л., кр.—163.
Григорьевъ И., кр.—185.
Григорьевъ М., кр.—188.
Григорьевъ Г., діак.—320, 328.
Григорьевъ С., свящ.—328.
Грохотовъ Ф., кр.—54.
Грязовецкій у.—124.
Гуннингъ—13.
Гурьевъ-городокъ—9.
Гюбнеръ, совѣтн.—279.

Д.

Давыдова Е., пом.—210.
Давыдова, пом.—230.
Давыдова, пом.—56—59, 76, 97.
Давыдовское, с.—194.
Давыдовъ, Н. С., пом.—114, 115, 288.
Давыдовъ, пом.—122.
Давыдовъ, пом.—289, 341.
Данилова, пом.—22.
Даньковскій приходъ—321.
Даревская Ѳ., пом.—206.
Дашки, дер.—176.
Дворяткино, дер.—176.
Демидовъ, А. П., пом.—115—117, 288, 308.
Демидовъ П., пом.—151, 172—175, 328.
Демьщевъ П., пом.—209.
Денъ, В. Э.—285.
Де-Пуле М.—II—III, 122, 331.
Дерптскій у.—276.
Дешкинскій у.—36.
Дивовъ А., пом.—209.
Динабургскій пѣхот. полкъ—206, 208.
Дмитріева, дер.—244.
Дмитріевъ, кр.—138, 139.
Дмитріевъ Т., свящ.—323.
Дмитровскій у.—21, 26, 38, 44, 288.

Дмитровскъ—21, 22, 36, 42, 44, 48.
Долгово, приходъ—205.
Долгополовъ, куп.—10, 11.
Долгорукій, кн., московскій губерн.—113.
Долматовъ монастырь—9.
Домаха, дер —47.
Досадинъ, пом.—313.
Драгоцѣнный П., учитель—327.
Древичъ П., пом.—198.
Дроздова, дер.—244.
Дружинина, пом.—218—220, 296.
Дубасовъ П.—II, 269, 289, 341.
Дубенки, с.—168, 169, 320.
Дубинина, пом.—209.
Дубки, с.—194.
Дубно, с.—167.
Дубровки, с —56—59, 76, 97.
Дубянская, пом.—230.
Дурново, пом.—199, 200.
Дуровъ, пом. 108, 109.
Дымеръ, мѣстечко—255.

Е.

Евдокимовъ С., свящ.—326
Евдокимовъ С., кр.—163, 320.
Евлашово, с.—222.
Евлашовъ, Д. З., пом.—220—223.
Егоровъ Т., кр.—138, 139.
Егоровъ В., дьячекъ—158, 322.
Екатерина II, императрица—I, 1—3, 5, 6, 9, 12—14, 18, 30, 66—68, 226, 291, 304.
Екатеринбургъ—161, 250.
Елагина, А. Н., пом.—187—189.
Елецъ, с.—176.
Елизавета Петровна, императрица—1, 18, 303, 305.
Елина, дер.—191.
Елисѣевъ А., свящ.—327.
Ельники, с.—146, 147.
Емельяновъ А., кр.—177.
Енгалычевъ, М. Ф., кн., пом.—162—164, 320.
Епифанскій у.—273.
Еремѣевъ А., кр.—138, 139.
Еремѣева И., кр.—273.
Еропкинъ, вологод. предв. двор.—134.
Ершовъ, управл.—199.
Ерышкинъ, пом.—321.
Есаковъ, стряпчій—98.
Ефимова А., кр.—244.
Ефимовъ, сотскій—326.
Ефремовскій у.—248.

Ж.

Жалобы крестьянъ на помѣщиковъ—3, 6, 16, 33, 69, 70, 72, 74, 77, 84, 85, 90, 96, 99, 104, 105—108, 110—113, 115, 117, 118, 122, 124—129, 132, 134, 138, 148—151, 155, 156, 159, 164, 165, 168, 171, 173, 175, 179, 181, 184, 185, 187, 189—195, 199, 207, 209, 212, 213, 215, 217—221, 224, 225, 229, 231, 233, 239, 241, 243—251, 253—255, 257, 266—268, 271, 273, 274, 280, 289, 291, 296, 307—310, 316, 317, 320, 341.
Жалованная грамота дворянству—4, 6.
Желѣзово, с.—175, 176.
Жеребцова, пом.—210.
Жеребцовъ, пом.—313.
Жилина, дер.—142.
Жиздринскій у.—76.
Жукова, дер.—44.
Жуковъ, пом.—160.
Жуковъ погостъ—320, 325, 328.

З.

Забѣлино, с.—167.
Завадовскій, П. В., гр.—19.
Завалино, с.—194.
Заводъ винокуренный—32, 36, 37, 40, 41, 44, 55, 111, 112, 215.
„ желѣзодѣлательный—225, 228, 229, 231, 232.
„ кирпичный—174.
„ конскій—173, 240.
„ мѣдноплавильный—232—234, 298.
„ стеклянный—120, 154, 228.
Загоряны, вотчина—198.
Загряцкая, дер.—31.
Заемный банкъ—97.
Законецъ, с.—190.

Западная Европа—14.
Зарабочье, с.—96, 97.
Захаровъ Ф., кр.—43.
Захарьино, с.—270.
Зброжка Л., пом.—206.
Звенцово, с.—176.
Звѣревъ, сек.-маіоръ—87—90.
Звягина, пом.—270.
Зейдлицъ, приказчикъ—140.
Зеленый, совѣт.—246, 247.
Зеленый, пом.—326.
Зеновкина, дер.—31.
Зиновьево, с.—155, 158, 161.
Зиновьевъ, лукоян. предв. двор.—217, 218.
Змѣевы, пом.—209.
Знаменскій, П.—335.
Зубатовъ, засѣд.—98.
Зубовъ, гр., пом.—209.
Зубцовскій у.—210.
Зыбины, пом.—209.
Зыковъ, А. В., пом.—72—76, 320.
Зюзинъ, отст. подпор.—259—265.
Зюкайское, с.—80, 82—90.

И.

Иваперинакъ И., кр.—43.
Иванова, дер.—31, 32, 38, 52.
Иванова М., кр.—190, 273.
Ивановское, с.—151.
Ивановъ, пом.—56, 57.
Ивановъ У., кр.—60.
Ивановъ, кр.—75.
Ивановъ С., кр.—96.
Ивановъ Е., кр.—158.
Ивановъ В., діак.—167.
Ивановъ Н., свящ.—168, 169, 319, 320.
Ивановъ Ф., свящ.—174.
Ивановъ В., кр.—177.
Ивановъ П., кр.—188, 189.
Ивановъ, кр.—229.
Ивановъ П., кр.—253, 254.
Ивановъ, городничій—312.
Ивановъ, кр.—322.
Ивановъ Г., свящ.—329.
Иваньково, с.—334.
Игнатова, дер.—167.
Игнатьевъ, кр.—75.
Изведеновъ К., пом.—210.
Извольская, П. П., пом.—176.
Извольскій, пом.—176.
Извольскій, совѣт.—155.
Измайлова, пом.—313.
Измайловскій полкъ—314.
Измайловъ, М. М.—113, 306, 309.
Ильинское, с.—60, 76, 194.
Ильинъ Г., кр.—169.
Инструкціи—22, 31—33, 64, 69, 80, 82, 198, 203, 204, 214, 262, 263.
Ипатовъ П., регистр.—75, 311.
Иркутская провинція—1.
Иркутскъ—210, 329.
Исааковъ А., кр.—136, 137, 301.
Исаева А., кр.—116.
Истомины, пом.—202.
Итья, р.—227.

К.

Кавказское намѣстничество—43.
Кадниковскій у.—119, 123, 126.
Кадниковъ—119, 126, 128
Казаки—80, 82, 85, 88.
„ донскіе—8.
„ яицкіе—8, 11.
Казаковъ, кр.—188, 189.
Казнаковъ, пом.—210.
Каленіусъ, управл.—205.
Калинина, дер.—194, 220, 222.
Калинкина, дер.—167.
Калинино, с.—194.
Калининъ Г., кр.—244.
Калинкинскій мостъ—139.
Калитеево, с.—167.
Калуга—58.
Калугинъ, засѣд.—48.
Калужская губ.—56, 58, 65, 71, 76, 284, 286, 287, 311, 316, 320, 324.
Калымовъ, пом.—210.
Калязинскій у.—209
Каменка, погостъ—326.
Каммель—270.
Канатова, дер.—167.
Кантакузенъ, кн., пом.—206.
Кантемиръ, кн., пом.—47.
Караулы почные—191, 192, 241, 274.
Каринъ, пом.—123—125.

Кармалина В., пом.—322.
Карповъ М., кр.—328.
Карповъ Ф., кр.—174—175.
Касагово, с.—176.
Касаговъ, пом. 176.
Касимовскій у.—230.
Каспля, с.—252.
Каторжная работа—2, 4, 53, 54, 66—68, 245, 314, 329.
Катунки, с.—214.
Кауровъ, засѣд.—98.
Кафтыревъ, совѣт.—228.
Каширскій у.—270, 306.
Квасково, с.—313.
Квашнинъ-Самаринъ, А. И., орлов. губерн.—23, 31, 39, 45, 54.
Кексгольмскій у.—238.
Келлеръ, баронъ—12.
Кельберхъ, кассиръ—94.
Кемская волость—122.
Кенигсбергъ—270.
Кернова, пом.—151.
Кинешемскій у.—105, 106.
Кирпичъ, дер.—233.
Кирсановскій у.—269.
Кіевскій гренадер. полкъ—255.
Кіевская губ.—255, 284, 287.
Кіевъ—42, 43.
Климентова, дер. 138.
Климентьино, дер.—176.
Клинскій у.—114. 117.
Ключевскій, В. О.—294.
Ключи, дер.—168—170, 172.
Клязьма, р.—195.
фонъ-Кнорингъ, генер.-маіоръ—277.
Кобеко, Д. Ф.—17.
Коваленскій М., рязан. губерн.—298.
Ковдиевъ, пом.—103.
Кожевниковъ, совѣт.—98.
Козачковскій, совѣтн.—32—36, 48, 53.
Козицкая, пом.—210.
Козловскій, кн., пом.—209, 215—217, 295.
Козловъ, пом.—320.
Коленово, дер.—167.
Кологривскій у.—104.
Кологривъ—104.
Коломенскій у.—113.
Колонизація—1.
Колошинъ Я., свящ.—40, 319.
Колошинъ, пом.—105.
Колычево, с.—250.
Константиновъ Д., пом.—191—193, 308.
Константиновъ И., пом.—192.
Контрактъ—141, 142.
Конюково, с.—167.
Корейва, засѣд.—199.
Корела, с.—167.
Коробовъ, исправн.—165.
Коропацкій Г., семинар.—120.
Короповскій у.—78.
Коропъ—78.
Корчевской у.—210.
Корсакъ, пом.—206.
Корсаковъ, П. В., пом.—94.
Кострома, р.—107.
Костромская губ.—104, 106, 108, 284, 286, 287, 306, 319.
Костюженка, дер.—255.
Котельская мыза—136, 137.
Кочукова, пом.—210.
Кошкарево, с.—215.
Крапивка, дер.—92.
Краснослободскій у.—146.
Краснохолмскій у.—209.
Кривцова, дер.—176.
Кривчиково, с.—43.
Крильза—280.
Кругловъ, смотр.—255.
Кромской у.—43.
Кромы—36.
Кропотовъ, пом.—313.
Крупенинъ И., пом.—194.
Крюковъ, куп.—267.
Кубаево, с.—218.
Кубенница, р.—122.
Кузьмина-Караваева, В. А., пом.—194.
Кузьминъ Д., кр.—118.
Кукинскій, секретарь—199.
Кулешово, с.—58—62.
Куликовъ, пом.—313.
Кулябина С., пом.—313.
Кумолова, дер.—138.
Кумоловская мыза—137, 138, 140, 141, 301.

Куракинъ, А. Б., кн., ген.-прок.—22—24, 26, 27, 29, 38, 39, 52, 61, 70, 74, 76—78, 83, 87, 88, 91—93, 95, 103, 106, 108, 111, 113, 117, 118, 121, 124, 125, 127, 130, 132, 133, 144—148, 150, 152, 153, 158, 164, 171, 183, 185, 194, 206, 209, 210, 213, 223, 245, 248, 249, 253, 254, 259—262, 271, 274, 283, 296, 299.
Курицино, дер.—176.
Курляндія—136.
Курляндская губ.—285.
Куркинъ И., кр.—47, 48.
Курская губ.—285.
Курскій у.—43.
Курскій пѣхот. полкъ—246.
Курское намѣстнич.—21.
Курскъ—23, 27, 28.
Кусянскій заводъ—231.
Кушелевъ, пом.—327.
Кызвенское, с.—83, 188, 189.

Л.

Лавренова, дер.—194.
Ладыженская, Е. А., пом.—194.
Лазаревскій, А. М.—302.
Лазаревъ, владимір. правитель—155, 159, 161, 174, 175, 192, 193, 195.
Ламбъ, костромской правитель—305.
Лангель А., ревельскій губер.—279.
Ланской, саратов. губер.—239, 243.
Лаптево, с. 271.
Лаптевъ, тамбов. губер.—269.
Лапушки, дер.—176.
Ларіоновъ, прапорщ.—82—87, 90
Ласкитъ, канцеляр.—205.
Лахново, дер.—199.
Лейбъ-кирасирскій полкъ—79.
Лежаковъ, пом.—126—129, 296, 307.
Леоповъ П., кр.—250, 251.
Леонтьева, пом.—206.
Леонтьевъ, пом.—66
Леонтьевъ, кр.—149.
Линдеперъ, генер. — 36, 44, 47, 49, 50.
Литовникъ, дер.—44.
Литовская губ.—285.
Лифляндія—136.
Лифляндская губ. — 276 — 278, 284.
Лихачева, пом.—322.
Лихвинскій у.—62.
Ловейка, исправн.—252.
Логиново, с. 117.
Лодейнопольскій у.—94.
Лодейное Поле—94.
Лопухинъ, ген.-губер. яросл. и костр.—148.
Лопухинъ А., пом.—66, 196, 326.
Лопухинъ—121.
Лосовская, пом.—206.
Лохты, с.—91.
Лубашево, с.—31.
Лубимовъ, солдатъ—262.
Лугань, с.—36.
Лугскій у.—142.
Лужники, с.—110.
Лукинъ, сержантъ—84.
Лукояновскій у.—217.
Лукьянова С., кр.—116.
Лукьяновъ І., двор.—76, 77.
Лукьяновъ Г., кр.—158.
Лукьяновъ И., кр.—185.
Лускина, пом.—206.
Луховской у.—105, 108.
Лучинины, пом.—105.
Лушнины, заводч.—231.
Лычева, дер.—194.
Лычево, с.—168, 320.
Львовъ А., нижегород. губ.—214. 223.
Львовъ, пом.—320.
Львовъ, діак.—327.
Лѣпняговъ П., пом.—209.
Лѣсновка, дер.—271.
Лѣтинъ, пом.—210.
Любощинскій, бѣлорус. прокур.—205, 206.
Любощинскій, исправ.—198.
Лялинъ, М. Т., пом.—168, 169, 171, 172, 308, 320.
Ляховицкій погостъ—321.
Ляховъ, пом.—210.

М.

Майкорское, с.—83.
Макарово, с.—167, 313.
Макаровъ, пом.—167.
Макаровъ, кр.—126—128.
Макаровъ М., кр.—217.
Макаровъ, Н. И., пом. 176.
Макарьевъ—104.
Макарята, дер.—85, 86, 89.
Максимовъ Т., кр.—114.
Максимовъ О., кр.—43.
Малахово, с.—195.
Малая Ламна, с. 176.
Малая Ромепка, дер.—92.
Малороссійскій кирас. полкъ—260.
Малороссія—5, 253, 294, 302, 303, 337.
Маркова, дер.—194.
Маресево, с.—217, 218.
Мартыновъ, пом.—341.
Марьина, дер.—194.
Масаловка, с.—258, 259.
Маслова, А. Г., пом.—256.
Масловъ, орлов. прокур.—52.
Масловъ, засѣд.—314.
Масловъ, пом.,—110, 111.
Масяково, с.—167.
Матвѣевъ, надзир.—35.
Матвѣевъ А., двор.—77.
Матвѣевъ И., стряпчій—250.
Матусевичъ, свящ.—334, 335.
Мглинскій у.—43.
Медвѣдково, с. 167.
Медынскій у.—56, 58, 61, 286.
Медынь—57.
Меленковскій у.—191.
Меленки, дер.—194.
Мельгуновъ, управляющій—259, 261—265.
Меншиково, дер.—62.
Мещерскіе, кн., пом.—210.
Мещерскій, кн., казанскій губернаторъ—83.
Мещерякп—232, 233, 235, 236.
Мещовскій у.—65, 68, 70.
Мещовскъ—67.
Меѳодій, еписк.—9.
Миллеръ-Закомельская, бар., помѣщ.—205.
Милостыня—157, 160, 162, 215, 216, 221, 257, 266.
Милютинъ, пом.—62—65.
Миляково, с.—244.
Минская губ.—265.
Мирославль, с.—172.
Мирковичъ—294.
Мироновъ, кр.—32.
Мироновъ Т., кр.—245.
Митрофановъ, кр.—322
Митрошкино, с.—103.
Митусовъ, калуж. губер.—61, 70.
Митьковъ, М. В., пом.—167, 193.
Михайловскій у.—229.
Михайловскій, пом.—201.
Михайловское, с.—270.
Михайловъ Л., сержантъ—42.
Михайловъ И., свящ.—146.
Михайловъ С., кр.—131.
Михайловъ, кр.—149, 150, 151.
Михайловъ А., кр.—177.
Михайловъ И., приказчикъ—225.
Михальцы, с.—162.
Михельсонъ, пом.—206.
Михнева, пом.—167.
Михѣевъ И., приказчикъ—176—181, 183—186.
Могутово, с.—253.
Модерахъ К., пермскій губ.—83, 88—90.
Можайскій у.—111.
Монсеевъ М., кр.—256.
Монсеевъ, приказчикъ—231.
Молодцовъ, рядовой—314, 315.
Моршанскій у.—289, 341.
Москва—9, 11—13, 67, 111, 114, 116, 121, 123, 152, 156, 164, 169, 172, 174, 184, 185, 192, 193, 196, 223, 229, 242, 247, 256, 259, 304, 306.
Московская губ.— 110, 117, 284, 287, 288, 306, 308.
Мугрѣево, с.—176, 180—183, 185—187, 324.
Мурзановъ, Н. А.—IV.
Муромъ—267.
Мусина-Пушкина, пом.—210, 211.
Мусинъ-Пушкинъ, М. М., пом.—176.
Мухановъ, Д. И., пом.—167.
Мухановъ, И. И., пом.—164, 165.

Мышенковъ А., пом.—209.
Мышлино, дер.—194.
Мѣщаниновъ, пом.—113, 308.
Мѣсячина — 6, 66, 71, 126, 157, 291.

Н.

Нагель, лифляндск. и эстляндск. губер.—341.
Наказъ-завѣщаніе вел. кн. Павла Петровича—15, 337.
Налоги—44, 118, 119, 133.
Наплавковъ, пом.—205.
Наслѣдникъ Павелъ Петровичъ—7—10, 12, 14.
Наталія Алексѣевна, вел. княг.—8—11.
Нахимовъ, Н. П., пом.—253, 288, 295.
Нащокинъ, пом.—206.
Невель—199, 202.
Невельскій у.—199, 200, 203—205.
Неволинъ, кр.—80.
Невѣровскій, директоръ экономіи—255.
Недоимки, 112, 123, 124, 145.
Нееловъ Д., пом.—132.
Некрасовъ, стряпчій—206—208.
Нелединскій-Мелецкій, Ю. А.—125, 127, 130, 171, 184, 185, 194, 253, 280, 289.
Нелидова, пом.—105, 313.
Нелидовъ—259, 260.
Нерчинскій у.—1.
Нерчинскъ—4, 66—68, 140, 143, 245, 254, 329.
Нерядовая, дер.—138.
Нестеревъ П., атаманъ—9.
Нестеровъ, оберъ-фискалъ—142.
Нестеровъ С., пом.—306.
Нефедовка, дер.—176.
Нечанова, с.—313.
Нижегородская губ.—145, 214, 224, 266, 284, 286, 287, 295, 296, 311.
Нижегородскій у.—224.
Нижній—9, 11, 223.
Никитинская, дер.—92.
Никитинъ К., кр.—220, 221.
Никитскій у.—115.
Никитское, с.—167, 273, 274.
Никифорова, пом.—60, 61, 324.
Никифоровъ Т., кр.—138.
Никифоровъ Я., кр.—158.
Николаевскъ, с.—176.
Николаевъ Т., кр.—158.
Николаевъ И., приказчикъ—227.
Никольская дер.,—92.
Никольскій у.—122.
Никольское, с.—104, 126, 128, 271, 272, 296.
Никонъ, игуменъ—46.
Нищенство—127, 215, 256.
Новая, дер.—176.
Новгородская губ.—91, 284, 286, 287, 295.
Новгородскій у.—91.
Новгородсѣверская губ.—78, 284, 287.
Новгородъ—95, 96.
Новиковъ, воронеж. губер.—260.
Новинки, дер.—194.
Ново-Архангельское, с.—269.
Ново-Балтачева, дер.—235, 237.
Новое, с.—194.
Новокщеновъ, пом.—91.
Новомѣстскій у.—78.
Новоржевскій у.—103.
Новороссійская губ.—271, 284, 288, 290.
Новоселки, с.—65, 266.
Ново-Спасское, с.—226.
Новоторжскій у.—210, 211.
Носково, дер.—199.
Нюховецъ, с.—229.
Нѣмцовъ, пом.—210, 211.
Нѣмчиновъ, пом.—206.

О.

Обвинскій у.—80, 88.
Область Войска Донского—285.
Обольяниновъ, ген.-лейт.—340.
Образцово, с.—241.
Оброкъ—22, 26, 62, 73—75, 92, 95, 99, 100, 101, 108, 114, 118, 119, 120, 122, 124, 126, 128, 142, 143, 145, 148, 150—154, 159, 162, 164, 166, 168, 173, 177, 182, 185, 188, 189,

191, 199, 205, 206, 208, 210, 211, 214—221, 224, 234, 242, 244, 247—249, 251, 252, 256, 257, 259, 260, 262, 266, 269, 290, 308, 311, 313, 323.
Овсянникова, дер.—313.
Овчинниковъ А., атаманъ—9, 10,
Овчинниковъ С., солдатъ—90.
Одоевская, Е. А., кн., пом.—176.
Одоевскій, И. И., кн., пом.—105. 215.
Озерцы, с.—176.
Оконъ, погостъ—205, 332.
Окуневъ, пом.—210.
Олонецкая губ—94, 119, 284, 287, 290, 310.
Олсуфьевъ, пом.—209.
Ольвіопольскій у.—281.
Опека—70, 72, 124, 125, 133, 247.
Опитцъ, пом.—137, 139, 140, 295, 298, 301.
Ораніенбаумъ—140.
Орелъ—22, 24, 27, 36, 42, 43, 45, 52, 53, 152, 259, 260.
Оренбургская губ.—231, 284, 287.
Оренбургъ—8, 10, 312, 313.
Орловская губ.—21, 23, 31, 152, 284, 287, 288, 306, 307, 316, 317, 319.
Орловъ, А. Г., гр.—8.
Оружіе крестьянъ:
виды—273;
дреколье—23, 33, 37, 57, 85, 144, 233, 236;
дубье—31, 32, 37, 47, 48, 49, 57, 59, 98, 194, 198, 200, 207, 227, 228, 273;
камни—272;
луки—90, 236;
пушки—44;
рогатины—48—50, 57;
ружья—37, 44, 235—237;
стрѣлы—90;
топоры—57, 233;
цѣпъ—236;
Орудія наказанія крестьянъ:
батоги—217;
кандалы—249, 250, 314;
колодки—66, 69, 126, 273;
кнутъ—4, 25, 53, 68—70, 72, 75, 139, 140, 143, 161, 185, 245, 254, 260, 311, 314;
линьки—106;
желѣзы—66, 69.
палки—71, 107, 139, 193.
плеть—25, 45, 51, 52, 53, 58, 66, 69, 70, 72, 84, 85, 106, 107, 112, 126, 136, 148, 154, 183, 191, 211, 253 260,
прутья—106, 107;
розги—74, 107, 177, 178, 273, 280;
рогатки—66, 69, 107;
цѣпи—65, 69, 107, 130, 131, 136, 137, 169, 178, 179.
Осанкова, с.—168, 169, 172.
Осташиха, дер.—108.
Осташковскій у.—210.
Остерманъ, гр., полков.—167, 176, 194.
Островскій, костром. губер.—104.
Отяевъ В., пом.—194.
Очепъ, дер.—194.
Ошанинъ, пом.—191, 308.

П.

Павелъ Петровичъ, цесаревичъ—7—11, 13—17, 337.
Павловское, с.—60.
Павловскъ—184.
Павловъ, пом.—210.
Павловъ-Сильванскій, Н. П.—IV.
Палицына, пом.—165—167.
Пальчиковъ, засѣд.—98
Панины Н. и П., гр.—14, 16.
Панинъ, П. И., гр.—16, 291.
Панкратьевъ, пом.—199, 308.
Панкратьевъ, В., кр.—163.
Пантелѣевъ, пом.—97.
Патеръ Н., пом.—201, 202.
Патеръ, Ф., пом.—200, 201, 308.
Пахирево, с.—167.
Пахомова Д., кр.—74.
Пенепихъ, пом.—313.
Пензенская губ.—144, 146, 220, 284, 286, 287, 311, 314, 316.
Перевозскій у.—220, 222.
Переяславль-Залѣсскій у.—162, 163, 165, 167.

Пермская губ.—80, 88, 284, 290, 311.
Пермь—88, 89.
Перрафферъ, мыза—342.
Перфильевъ—8—10.
Петриково, с.—324.
Петрова М., кр.—116.
Петрова, дер.—92.
Петрово-Соловово, моск. прок.—110. 111.
Петровскій у.—171, 173.
Петровское, с.—167.
Петровъ Е., діак.—75, 320.
Петровъ В., свящ.—168, 320.
Петровъ М., кр.—188.
Петровъ Г., засѣд.—314, 315.
Петрозаводскъ—94, 95.
Петръ Великій—3, 226.
Петръ Ѳеодоровичъ, импер.—7, 9.
Печерскій у.—98, 103.
Печки, с.—75, 320.
Писаревъ, Д. В., пом.—239, 242, 243.
Питомцы Воспит. Дома—5.
Платоновъ, С. Ѳ.—294.
Плаховъ, Н. В., пом.—117, 118.
Пленишники, дер.—313.
Плесково, дер.—104.
Поборы—92, 96, 105, 106, 108, 112—114, 118, 123, 126, 141—143, 149, 151, 164, 165, 177, 182, 191, 193, 195, 213, 215—217, 220, 224, 242, 245—247, 256, 290, 320, 321, 326.
Побѣги крестьянъ—3, 6, 62, 76, 91, 92, 97, 106, 110, 118, 120, 130, 132, 139, 192, 222, 231, 250, 282, 283, 291, 298, 318.
Повало-Швейковскій, губер. прокур.—252.
Поводы волненій—21, 41, 50, 57, 62, 64, 66, 78, 90, 91, 96, 104, 107, 108, 111, 116, 145, 146, 155, 159, 172, 179, 182, 195, 197, 207, 225, 228, 232, 233, 239, 242, 247, 279, 290, 291, 303, 306, 307, 310.
Погоскій, пом.—206.
Подати—100, 109, 111, 124, 146, 150.
Податнева, дер.—155, 158.
Подольская губ.—285.
Подписка крестьянъ—82, 83, 89, 139, 165, 175, 176, 193, 194, 195, 196, 284, 287, 290, 311.
Поздѣева, пом.—119.
Поздѣевъ, пом.—119—123, 152, 213.
Покровскій у.—159, 193, 194.
Поливановъ, И. П., пом.—160.
Поливановъ, переясл.-залѣс. предв. двор.—166.
Поликарповъ, пом.—210.
Поликарповъ, тверск. губерн.—186, 209.
Полишино, с.—103.
Полоцкъ—200, 207.
Полторацкій, пом.—115.
Полуехтовъ, пом.—252.
Полѣновъ, А. Я., пом.—94, 95, 119, 292.
Понизовье, с.—72, 75.
Поповъ И., писарь—170.
Порховской у.—96.
Порховъ—96.
Порѣцкій у.—204, 252.
Постникова, пом.—313.
Потаповъ Е., кр.—32, 34—36.
Потемкинъ, смолен. предв. двор.—251.
Похвистневъ, пом.—313.
Починки, дер.—244.
Правдинъ, приказчикъ—174.
Прибытки, дер.—198.
Привислянскій край—285.
Приговоры крестьянъ—61, 62, 75, 101, 157, 158, 163, 164, 168, 169, 180, 181, 183, 186, 261, 262, 319, 320, 322, 324.
Приказы помѣщиковъ—123, 143, 188.
Приклонскій, А. Н., пом. 266, 267.
Присяга крестьянъ «быть между собой въ единомысліи»—104, 168, 174, 175, 206, 234, 326, 328, 336.
Присяга крестьянъ—18, 21, 25, 26, 28, 30, 33, 79, 99, 101, 104, 116, 118, 175, 120, 121,

129, 139, 207, 208, 234, 303—307, 323.
Продажа крестьянъ—2, 3, 6, 133, 188, 189, 213, 215, 217, 220, 221, 223, 266, 267, 268, 338, 341.
Прозоровскій, А. А., кн., пом. — 175, 176.
Прокудинъ, М. И., пом.—194.
Пронскій у.—225.
Протопоповъ, Н. А., пом.—160.
Прошенія крестьянъ—25, 30, 37, 38, 40, 51, 55, 57, 58, 73—75, 83—85, 92, 93, 97, 98, 105, 106, 108, 113 — 118, 120—123, 129—132, 134, 138, 139, 143, 150, 151, 153—155, 157, 158, 160—162, 164—175, 179, 183—185, 187, 189—192, 195, 200, 201, 207, 211, 212, 214, 216, 217, 220, 223, 225, 229, 232, 234, 236, 238—243, 245, 247, 249—254, 262, 270, 271, 289, 300, 307, 308, 310, 319—324, 326—328, 330.
Псковская губ.—96—99, 284, 287, 311, 320, 322, 324, 326, 327.
Пугачевщина—6, 7, 12, 14.
Пугачевъ—7—12, 83.
Пулевичъ, пом.—281.
Пулково, дер.—142.
Пущинъ, совѣт.—98.
Пятисотные рекрутск. участки—19.

Р.

Рагозинъ, владимір. предв. двор.—195.
Радищевъ—293, 301.
Радогощь, с.—36, 38—40, 42—44, 46—48, 53—55, 319, 329.
Развратъ помѣщичій—76, 77, 84, 114, 115, 118, 129—131, 133, 190, 211, 229, 253, 273, 290.
Разстуново, с.—116.
Разумовскій, А. К., гр., пом.—111, 112.
Раевскій, А. И., пом.—273—275.
Ранденъ, мыза—276, 278.
Растопчинъ, Ѳ. В., пом.—258—262, 265, 303, 306.
Ребиндеръ, совѣтн.—214, 215.
Ревельская губ.—279, 284, 288.
Ревельскій мушкет. полкъ—277.
Регламентъ—141.
Резолюціи импер. Павла Петровича—23, 30, 69, 82, 106, 108, 113, 121, 124, 127, 129—131, 133, 134, 150, 158, 164, 171, 179, 184, 189, 212, 213, 218—220, 223, 229, 243, 248, 249, 254, 262, 265, 274, 297, 299, 309, 338.
Рекрутскій наборъ—18, 19, 113, 144, 145, 149, 169, 250, 266.
Рекруты—2, 4, 58, 66, 68, 69, 94, 105, 108, 109, 113, 114, 120, 123, 145, 169, 189—190, 215, 217, 220, 221, 223, 242, 243, 266, 267.
Репнинъ, Н. В., кн.—14, 48—52, 121, 122, 152, 153.
Ржевскій у.—210.
Рига—314.
Рижскій у.—276, 277.
Римскій-Корсаковъ, пом.—78—79.
Риттеръ, маіоръ—200—203.
фонъ-Риттеръ, пом.—270.
фонъ-Рихтеръ, лифлянд. губер.—276.
Робская, дер.—47.
Родина, пом.—206.
Рождественское, с.—78, 82, 83.
Розановъ Н.—334.
Розенъ, бар., совѣтн.—279.
Ромашевъ С., пом.—209.
Россія—I, II, 99, 278, 280, 285, 302, 310.
Ростовъ—152.
Рудаковъ Н., пом.—151, 323.
Рудники—161.
Рудня, р.—218.
Румянцева, дер.—224.
Румянцева, пом.—91, 295.
Румянцевъ, графъ—14, 290, 333.
Рушичъ—12.
Рушичъ, П. С., владим. губер.—171, 194, 196.
Рыбинскій у.—148.
Рыкова, дер.—187, 188.
Рыково, вотчина—206, 207.

*

Рындовъ, пом.—210.
Рыспнскій, пом.—206, 208, 307.
Рычковъ—291.
Ряжскій мушк. полкъ—48—50, 155.
Рязановъ, унт.-оф.—86.
Рязанская губ.—225, 230, 284, 287, 297.
Рязань—226.
Рѣшное, с.—191.

С.

Саблинъ Н., судья—95.
Савеловъ, пом.—209.
Савельевъ И., кр.—321.
Савельевъ К., дьячекъ—327, 328.
Савенковъ Ф., кр.—38, 53.
Сазоновъ, И. Н., пом.—229.
Саленковъ, кр.—253.
Салтыковъ, пом.—314.
Салтычиха—5.
Самаринъ, пом.—210.
Самойловъ, судья—237.
Самойловъ, А. Н., гр., ген.-прок.—22.
С.-Петербургская губ.—136, 284, 287, 295, 298, 301, 310, 311.
С.-Петербургскій у.—137, 142.
С.-Петербургъ—8—10, 12, 32, 33, 38, 40, 43, 45, 51, 57, 58, 74, 93, 94, 96, 98, 113, 117, 119, 120, 130 133, 136, 139, 140, 142, 143, 148, 151, 158, 163, 164, 179, 183—185, 200, 201, 206, 209, 222. 226, 239, 248, 253, 259, 270, 280, 296, 304, 309, 310, 312, 313, 315, 320, 321, 327, 328.
Сараева, дер.—165.
Саранскій у.—222.
Саратовская губ.—239, 284, 287, 308.
Сверчковъ, М. Н., пом.—167.
Свинцовъ С., управляющій—36, 38, 40—42, 53, 316.
Святое, с.—162, 163.
Себежскій у.—204, 206, 307.
Селецкій, пом.—202.
Селецкій, новорос. губер.—281, 286.
Селиванова, пом.—167.
Селивановъ, А. В—III.
Селицкій, пом.—252.
Семевскій, В. И.—I, III, 5, 14, 17, 285, 293, 301 302, 334, 335, 342.
Семевскій, М. И.—15.
Семеновка, мѣстечко—78,79.
Семеновскій полкъ—314.
Семеновское, с.—106.
Семеновъ, свящ.—151, 323.
Семеновъ, кр,—245.
Семеновъ Т., кр.—250, 251.
Семеновъ Е., кр.—274.
Семеновъ В., кр.—272, 273.
Семеновъ А., кр.—158.
Семпкова, А. А., пом.—92.
Семиковъ Я., пом.—92.
Сенатъ—19, 66, 67, 94, 125, 133, 142, 145, 146, 303—305, 335.
Сергачскій у.—215.
Сергѣевъ В., управл.—258, 259.
Сергѣевъ А., свящ.—167.
Сергѣевъ, дворов.—31, 113.
Серебряниковъ Л., пом.—224.
Серебряниковъ В., свящ.—90.
Серпейскій у.—72.
Серпейскъ—74.
Серпуховскій у.—110.
Серычевская, дер.—83.
Сибирская губ.—1, 2.
Сибирь—1, 2, 6.
Сиверсова, гр., пом.—204.
Сиверсъ, новгород. ген.-губер.—291.
Сивинская, дер.—83.
Симбирская губ.—266, 284, 288, 289, 333.
Симоновъ И., кр.—56.
Синодъ—331—333, 335.
Скомово, с.—174, 175, 328.
Скопинскій у.—230.
Слободская Украйна—5.
Слободско—украинская губ.—285.
Слухи среди крестьянъ—20, 33, 67, 79, 81, 87, 94, 97, 99, 100, 101, 108, 119, 120, 136, 144—146, 191, 209, 239, 289, 310, 311, 314—316, 322, 323, 337—340.

Смирнова, пом.—239, 240.
Смирновъ, пом.—241, 242, 308.
Смирительный домъ—139, 156, 180, 182, 196, 298.
Смоленская губ.—98, 244, 246, 284, 287, 288, 295.
Смоленскій у.—252.
Смоленскъ—247, 249, 250.
Снитово, с.—44.
Сноскаревы, пом.—313.
Собакина, пом.—206.
Соколовскій М., свящ.—190, 320.
Сокольниковскіе, пом.—206.
Соколовъ, О. Ф., копіистъ—163.
Соловьевъ, С. М.—291.
Соленниковъ, Н. В., пом.—155—161, 297, 309, 322.
Соллогубъ, гр., пом.—199.
Сонино, с.—271.
Спасское, с.—176, 187, 270.
Спасскій у.—228.
Спичинскіе, пом.—105.
Спичковъ С., мастеров.—226, 227.
Ставропольскій у.—43.
Станкевичъ, пом.—163.
Старое, с.—313.
Старая Ладога—312.
Старицкій у.—210.
Старонгерманландскій полкъ—105.
Старорусскій у.—321.
Старошершавинъ, совѣтн.—155.
Степановъ А., свящ.—326.
Степановъ А., діак.—326.
Степановъ И., кр.—158.
Степановъ О., сержантъ—312—314.
Стефановъ С., свящ.—323.
Столицы, с.—226, 228.
Стрекачево, с.—313.
Стреновъ, кр.—183.
Строгановъ, А. С., гр., пом.—88.
Стромиловъ, маіоръ—172.
Струковъ, П. И., пом.—43.
Суздальскій у.—172, 190.
Сукманово, дер.—194.
Суражскій у.—198, 204.
Сухановъ, З. В., пом.—190.
Сухожилова, пом.—248, 249.
Сысоевъ, пом.—201, 202.
Сысоевъ Е., кр.—189.
Сѣвскій у.—31, 36, 38, 40.
Сѣвскъ—32, 34, 35, 42, 43.
Сѣяновъ, пом.—132.

Т.

Тамбовская губ.—269, 284, 287, 289, 341.
Таммикъ, мыза—279.
Танково, дер.—193.
Тарасовка, с.—248.
Тарасовъ С., управл.—180—182, 185, 186.
Татариновъ, пом.—210.
Тверская губ.—114, 209, 210, 213, 284, 287, 311.
Тверской у.—210.
Твороговъ, старшина—10, 11.
Тевкелевъ, пом.—235, 237.
Текелли Л., пом.—198.
Текелли П., пом.—198.
Телепнева, пом.—210.
Теплицкій, пом.—105, 106.
Теренбергъ К., арендаторъ—137—142, 298, 299.
Тимгрязевъ, пом.—328.
Тимофеевъ Д., свящ.—321.
Тимофеевъ А., кр.—138, 139.
Тимофеевъ О., кр.—168—170.
Тингтовая, дер.—92.
Титово, с.—62, 63.
Тихвино, с.—320.
Тихвинъ—312.
Тихоновъ М., кр.—297.
Тіуновъ Ф., кр.—83, 85.
Тобольское намѣстничество—312.
Товаровъ, Г. С., пом.—167.
Толмачево, с.—167.
Толстая, пом.—66, 313.
Толстовъ, П. Б., гр., пом.—176.
Толстой Д., гр., вологод. вице-губер.—127.
Толстой, И. А., гр., пом.—104.
Толстой, Н. А., гр., пом.—269.
Торопецкій у.—98, 102.
Торопецъ, погостъ—328.
Тройца, дер.—194.
Тройца, погостъ—322.
Троицкое, с.—10.
Троицкій у.—231.

Тростная, дер.—31.
Трофимовъ В., кр.—25—27, 31.
Трофимовъ Н., кр.—163.
Трофимовъ М., кр.—177.
Трубецкой, кн., пом.—36, 44.
Трубчевскій у.—36, 40, 44, 51.
Трусовъ, пом.—143.
Тула—270—272.
Тульская губ.—248, 249, 270, 273, 284, 287, 323.
Тупсаль, мыза—279.
Турабьево, с.—172, 173.
Турикъ М., мѣщан.—205.
Турикъ Г., мѣщан.—205.
Тучковъ, полков.—98, 325.
Тыртовъ П., пом.—210.
Тырча, с.—256.
Тюрьма—25, 42, 47, 58, 74, 95, 105, 126, 128, 271.
Тюрякино, дер.—176.
Тютчевъ, предсѣд. суда—228.
Тягло—41, 103, 123, 138, 140, 164, 166, 211, 216, 218, 219, 220, 248, 251.

У.

Уварова, Н. А., гр., пом.—167.
Углечининовъ, пом.—106, 107.
Угличскій у.—153.
Угрюмово, с.—58, 59.
Угрюмовы, пом.—153, 154.
Уложеніе—66, 68.
Ульяновскій, опекунъ—206.
Урваново, с.—191.
Урусова, кн., пом.—103
Урусовъ, кн., ярослав. губ.—152, 153.
Успха, р.—7.
Успенское, с.—164.
Устинья Петровна—10.
Устюжна—312.
Устюжскій у.—91, 313.
Уфа—231, 236, 237.
Уфимскій у.—235.
Ухренскій, пом.—313.
Учрежденіе о губерніяхъ—5, 59, 62—64, 72, 81, 148.
Ущеретье, с.—43.

Ф.

Фабрики—62—64, 73, 106, 107, 110, 111, 113, 126—129, 154, 155, 157—160, 225—228, 240, 245, 250, 296, 308, 340.
Фадѣевъ Г., кр.—252.
Фамицевъ, пом.—230
Федоровское, с.—176.
Федоровъ А., дворов.—42.
Федоровъ, пом.—45.
Федоровъ С., кр.—50.
Федоровъ И., кр.—65.
Федоровъ, кр.—151, 218, 219.
Федоровъ Г., кр.—157, 159, 161.
Федоровъ Л., свящ.—186, 187.
Федоровъ М., кр.—244.
Федосѣевъ, И. Д., подпор.—205, 263, 312, 314.
Фермеры—16.
Фетисово, с.—167.
Филипповъ Н., кр.—188.
Философовъ, М. М., псков. и смол. губер.—98, 103, 204, 246, 247, 254, 325.
Фридерикъ, бар., пом.—238.
Фонвизинъ, М. А.—294.
Фроловъ, пом.—297, 298.
Фроловъ Л., кр.—247—250.
Фуникова Гора, с.—194.

Х.

Хабина, дер.—244.
Хвощинскій, пом.—341.
Хитровъ Н., пом.—190, 320.
Хлюстинъ, пом.—44, 50—52, 319. 329.
Хлынино, с.—21, 28.
Хлѣбная подать—19, 78, 79, 144,
Хлѣбниковъ, пом.—фабр.—225, 226.
Хлѣбные магазины—19, 48, 112, 247, 252, 294, 339, 340.
Хмѣлева, дер.—194.
Хмѣлевъ, пом.—320, 324.
Ходасевичъ, пом.—206.
Холмскій у.—97, 98, 102, 324.
Холмъ—327.
Холмы, с.—105.
Хорошевка, дер.—176.

Хрущовка, дер.—271.
Хрѣновскій И., пом.—206.

Ц.

Царицынскій у.—239.
Царицынъ—239, 242.
Царское Село—13.
Цвиленева, Е. А., пом.—194.
фонъ-Цетельманъ, генер.-маіоръ—239.
Цетингофъ, мыза—276, 277.
Циммерманъ, пом.—269.
Цыціановъ, Д. Е., кн., пом.—219.

Ч.

Чашниковъ, пом.—210.
Чеберчино, с.—290, 333.
Чебышовъ, Н. В., пом.—65, 67—72.
Чеглоковъ, пом.—328.
Чекаловъ Е., кр.—241.
Челобитныя—4, 66, 68, 73, 264.
Челобитчики—4, 68, 150, 264.
Черемныхъ Н., кр.—83, 85.
Черкасскій, К. М., пом.—146, 286.
Чернговъ—302.
Черновъ, кр.—32.
Черподыровъ Е., кр.—35, 38, 48—50, 52, 53.
Черподыровъ Ф., кр.—53.
Черцова А., пом.—194.
Чернышовъ, З. Г., гр.—10.
Черторыжскій, пом.—334.
Чистопольскій у.—256.
Чичерина, дер.—92.
Чувашовъ С., кр.—168—172.
Чумаковъ, старшина—11.
Чухринъ М., кр.—28.

Ш.

Шаликовъ, кн., пр.-маіоръ—272, 273.
Шамановъ, исправникъ—80, 82—84, 86, 87, 89, 90.
Шахина, дер.—191.
Шаховская, М. А., кн., пом.—167.
Шварцъ, переводч.—279, 280.
Швейковскій, пом.—202.
Шевича гусарскій полкъ.—61.
Шевлевъ И., кр.—60.
Шевцовъ, пом.—44, 45.
Шейкина, дер.—138.
Шепшинъ, А. И., пом.—5, 43.
Шетенки, дер.—244.
Шетневъ, вологод. губ.—121, 124, 127, 132, 298.
Шетневъ, пом.—295.
Шильдеръ, Н. К.—III, 13, 293, 306.
Шильдеръ, пом.—200.
Шипиловъ, предсѣд. суда—228, 229.
Штакельбергъ, пом.—103.
Штольцъ, совѣтн.—232—234.
Штрафъ—127, 129.
Шубинскій, С. Н.—314.
Шуйскій у.—191.
Шумигорскій, Е. С.—III, 294, 301,

Щ.

Щедрино, с.—176.
Щербаковъ И., кр.—47.
Щербаковъ С., сек.-маіоръ—42.

Э.

Эстляндская губ.—285.
фонъ-Эттингеръ—5.

Ю.

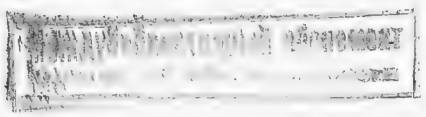
Юдинъ, П. Л.—12.
Юринъ, П. И., пом.—271, 272.
Юркевичева, пом.—78.
Юрьевскій у.—162, 168, 172, 175, 176.
Юрьевъ—168, 174.

Я.

Язовка, дер.—191.
Язьненьскій, пом.—206.

Яковлевское, с.—173.
Яковлевъ М., свящ.—9.
Яковлевъ, совѣтн.—21, 22, 24, 217.
Яковлевъ С., кр.—96, 97.
Яковлевъ И., кр.—137.
Яковлевъ М.,кр.—158.
Яковлевъ В., кр.—164, 165.
Яковлевъ А., кр.—222.
Яковлевъ Е., кр.—252.
Яковлевъ И., свящ.—325.
Яковлевъ А., свящ.—325.
Яковлевъ, кр.—120, 129—131, 239.
Яновъ, калуж. предв. двор.—67.
Ярославль—167.
Ярославская губ.—148, 151, 152, 284, 287, 323, 334.

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

Замѣченныя опечатки.

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
11	13 св.	разнеслась	разнеслись
13	6 сн.	царствованіи	царствованіе
»	1 сн.	362.	362—363.
24	2 св.	Сіятельства	Сіятельства,
28	15 сн.	крестьне	крестьяне
42	1 св.	За	За—
48	3 сн.	миру	міру
53	18 сн.	менѣ	менѣе
63	19 сн.	тщетными	тщетными:
67	8 св.	дѣлъ	дѣла
73	10 св.	осмѣлилисъ	осмѣлились
75	17 сн.	выяснило	выясняло
91	13 св.	начинщиковъ,	начинщиковъ
»	7 сн.	праленіе	правленіе
93	11 сн.	буйство»	буйство»,
107	8 сн.	племянника	племянника,
110	6 св.	каторой	которой
117	5 сн.	съ	отъ
124	8 сн.	крестьянинъ	крестьянъ
125	8 сн.	неумы-	неумыт-
133	12 св.	крестьянъ	крестьянами
154	10 св.	обракомъ	оброкомъ
179	16 сн.	отвѣчали;	отвѣчали:
210	16 сн.	также	такъ же
218	11 св.	крестъяне	крестьяне
219	14 св.	преписывалъ	предписывалъ
228	9 св.	рѣку	рѣку,
»	10 св.	предпринимая	предпринимая,
254	8 св.	наказавъ	наказавъ
310	8 св.	разрѣшавшаго	разрѣшавшій